

Андрей Смирнов

Артур, племянник Мордреда

**Андрей Смирнов**

**Артур, племянник Мордреда**

# Книга I

## Девять пауков в одной банке

### 1

Я всегда был не таким, как другие. У всех в клане светлые волосы, а у меня — темные. Все мои ровесники — высокие, мускулистые, с квадратными подбородками и глазами либо голубыми, либо светло-серыми. А я ростом не вышел, и глаза у меня — черные. И подбородок не квадратный.

И еще одно отличие имеется. У всех моих ровесников отцы есть, а у меня — нету. Только мама.

Как-то раз вздумали из-за этого надо мной потешаться. Мол, безродный я и прочее... Ну, тут еще одно отличие обнаружилось. Оказалось, что не смотря на рост невысокий, подбородок неквадратный, самый сильный я среди своих сверстников. Одному ребра помял, другому челюсть свернул, третьему руку сломал. Нечаянно. Не хотел я. Но уж больно они меня разозлили.

После того случая никто больше о моем происхождении не заикался. Глаза и волосы темные — это ерунда. Сила есть и в обиду себя не даю — значит, свой я! Истинный киммериец!

...Эх, хороша страна Киммерия! Горы высокие, вершины белые — когда солнце светит, смотреть на них нельзя — слепнешь. На склонах наши поселки располагаются: там клан Волка живет, там клан Рыси, а вон там — клан Медведя, из которого я происхожу. Зима у нас суровая, весна голодная и опасная (лавины с гор сходят), лето короткое, а осень — еще короче. Даже и не замечаешь, как осень прошла — сразу зима наступает. Народ у нас сильный и воинственный. Молимся мы многим богам, и чтим своих предков — каждый род своего. Есть у нас и общий бог-первопредок, которого почитают все кланы: Конан, сын Крома.

Весной снег тает, и наступает лето — самое лучшее время. Преудивительные в воздухе носятся запахи, деревья оживают и к солнцу тянутся, на склонах гор цветы распускаются, ручьи звенят, и, вниз стекая, долины меж гор водой поят, ветра с юга прилетают теплые, влекущие, так и тянут к себе, так и манят: пойдя, Ар-тоор, вместе с родичами своими, в

земли южные, разграбь все богатства тамошние, возьми в плен десять рабов и еще десять наложниц и героем обратно в родную Киммерию вернись...

Это, значит, лирика была. Поэт я. Еще одно от прочих киммерийцев отличие.

Хотя после той драки никто больше меня «безродным» называть не смел, взрослея, стал я задумываться: а и правда, чего это у меня отца нет? У всех есть, а у меня нету?

Завел однажды с матерью об этом разговор. Маму мою в племени уважают. Когда старуха Кримгильда помрет, мама вместо нее знахаркой станет. Летом вместе с Кримгильдой они по горам бродят, травки всякие полезные собирают. А мужа у моей матери нет.

Ну вот, значит, спрашиваю я маму, а она мне в ответ такую историю рассказывает:

— Как-то раз наши охотники в горах человека нашли. Был он тяжело ранен. Наши на его оружие позарились — сам знаешь, хороший меч в Киммерии дорого стоит. А он, хоть и ранен был, пятерых к Крому успел отправить прежде, чем справиться с ним удалось. Хотели убить его, но вождь Харальд запретил. Сказал: это великий воин, и надо узнать, кто он такой и откуда. Человека в поселок принесли, и нам с Кримгильдой лечить его приказали. Ну, а потом... — Мама ненадолго замолкает. — Понравился он мне...

— Ну, а потом? — Спрашиваю заинтересованно.

— Ну а потом, как поправляться стал, сбежал он. А как сбежал — не знаю. Пропал и все. Будто на крыльях улетел. Искали его по горам, выслеживали — да без толку. Никто его больше не видел, и ни одному псу след его взять не удалось.

— Вот те раз! — Удивляюсь. — Что ж он, колдуном, что ли, был?

— Не знаю. — Вздыхает мама. — Может и был, только мне не сказал.

— Что ж он говорил? Хоть что-нибудь о себе рассказывал?

— Сказал, что зовут его Марк, а откуда, какого рода, из какой страны — так и не поведал. А спустя положенный срок ты родился.

Удивляясь, мамин рассказ мысленно про себя повторяю. «Марк». Перекаत्याваю имя по языку, пробую на вкус. Странное имя. Не наше. Не киммерийское.

Стал я с тех пор наших старейшин про другие земли расспрашивать. Какие страны с Киммерией соседствуют? Узнал я, что на севере и на востоке — горы. На западе — пиктские леса простираются. Пикты — презренное племя: низкорослые, слабые. Воевать честно не любят — все

больше засады устраивают и из луков врагов расстреливают. Время от времени спускаемся мы с гор к ним в гости. Когда новых рабов взять нужно, или так просто, если повоевать хочется. Хотя у пиктов волосы и глаза черные, не верю, что мой отец из этого племени! Чтобы пятерых киммерийцев в бою убить, пиктов тридцать или пятьдесят понадобится! А мой отец один был, да еще и раненый.

На юге же, когда горы заканчиваются, простираются луга на неделю пути или даже больше. За теми лугами стоят замки и укрепления. А страна, которая еще южнее лежит, и которую эти замки и укрепления охраняют, называется Аваллон. Сильная страна. И странная. Говорят, когда-то ее не было. А потом вдруг появилась. Сразу вместе с городами, полями и укреплениями. Как появилась? Уже и не знает никто, давно это было.

Лет сто тому назад собрались наши и решили на этот Аваллон напасть. Богатые земли, отчего ж не напасть-то? Собрались кланы вместе, выставили войско — пять тысяч киммерийцев! Такое войско любую силу сломит. Поначалу все шло гладко. Взяли один из пограничных замков, разграбили пару городков ближайших. А потом — столкнулись с аваллонской армией. Говорят, возникла она прямо из воздуха. Ну, может и не из воздуха, может и врут старики, но разбили нас основательно. Из каждой сотни только один из наших обратно в горы вернулся.

С тех пор уже много воды утекло — и дружили мы с ними, и снова воевать пытались. Старейшина Мортаг бродяжничал в юности, то к тем, то к этим нанимался и даже в аваллонской армии послужить успел.

— А вот имя «Марк», — интересуюсь я у Мортага, — в каких землях употребляется? Не у пиктов ли?

Спрашиваю, а про себя думаю: «Только бы не у пиктов!»

— Нет, — качает головой Мортаг. — У пиктов сроду таких имен не было. У них имена длинные, с первого раза и не выговоришь. А имя «Марк» легко в Аваллоне встретить. У меня там, к примеру, когда я в ихней армии служил, так полусотника звали. Толковый вояка был, хотя и пил по-черному.

Аваллон, значит. Вот откуда мой отец родом. С тех самых пор запала у меня мысль посетить эту страну. Само собой, в свое время. Это дело обдумать надо. Мы, киммерийцы, народ основательный.

Ну, значит, рос я потихоньку, оружием владеть учился, на зверей охотиться — все как полагается. Про оружие врать не буду — хотя я от природы ловок и учусь быстро, однако мои старшие родичи — те, которые в походы уже ходили и опыт военный имели — на мечях меня четыре раза из пяти побеждали. Тут мне хвастаться нечем. Опыт и мастерство выше

природной силы и ловкости. Про другое скажу: каждый год, летом, устраивают у нас в Киммерии кулачные бои. Победителю рог с медом полагается. Так я с тех пор, как в шестнадцать лет первый раз этот рог осушил, так и в последующие года первенство никому не уступал. Уже и старшие родичи заинтересовались, и вот, когда исполнилось мне восемнадцать, вышел против меня Бораг из клана Вепря. Вообще-то, в кулачных боях обычно бьются только юноши, но Бораг, видать, решил тряхнуть стариной. Ему было уже за тридцать, и в своем клане был он вождем. Выше меня почти на голову и в полтора раза шире в плечах. Каждая рука — толщиной с мою ногу. На шее — ожерелье из медвежьих клыков. Рассказывали, что как-то раз Бораг зимой охотился в горах и, попав в метель, укрылся в пещере. А в той пещере медведь жил. Копье борагово медведь сразу сломал, и пришлось, считай, Борагу без оружия с ним драться, только с ножом одним... Ну, вот с тех самых пор он и носит на шее это ожерелье.

Сцепились мы с Борагом. Долго друг другу ребра мяли. В конце концов, вижу — притомился мой супротивник. Тут-то я его над головой поднял и на землю бросил. Бораг еще встать попытался, но как встал, так и упал снова — ноги не держали. Вот уж победа так победа! Есть чем похвастаться! Наши, из клана Медведя, заревели, закричали, заулюлюкали победно. Девушка красивая мне рог с медом поднесла. Третий уже по счету. Выпил я его и решил: ну, все. Больше на этих состязаниях драться не буду. Пускай другие бьются. А мне уже неинтересно.

На следующий год, как снег сошел, собрались вожди на совет. Ветер южный в то лето особенно заманчив был, так и просил, так и звал удаль свою показать. Вдобавок, рабов совсем мало осталось — быстро мрут они в наших горах от холода. Потому решили единодушно: идем на пиктов.

Когда я про это узнал, само собой, обрадовался. Не каждый день воюем, а для меня этот поход вообще первым будет. Харальд в поход не пошел — старый он уже стал, а вместо себя послал своего сына, Хедина. Если Хедин живым вернется, то из рук Харальда родовой меч примет и с тех пор вождем станет. А Харальда станут величать уже не «вождем», а «старейшиной».

Вторглись мы в пиктские леса. Идем, веселимся, поселки и городки как орехи раскалываем, пиктов как траву косим, девушек их портим, золото и серебро, а так же пленников берем, брагой и медовухой накачиваемся. Однако с самого начала похода возникло у меня сомнение. Пиктов никто не боится, дозорных у нас — раз, два и обчелся, разведки, считай, нет никакой. А вдруг как пикты соберутся и коварно нам в спину ударят? Что

мы тогда делать будем, если все войско после взятия городка очередного по погребам лазает да девок шупает? Не лучше ли собрать добычу (и девок в том числе) и спокойно распивать брагу в родных киммерийских горах? Но как только я об этом Хедину заикнулся, он насмешливо посмотрел на меня и сказал:

— Хотя и необычно силен ты, Ар-тоор, однако и опаслив чрезмерно. Кто пикты, а кто мы? Да будь их тут хоть тьма, что они смогут против нас?

Я скрипнул зубами, но промолчал. «Опаслив»! Да это же почти тоже самое, что и «трусоват»! Если бы мне такое кто другой сказал, я б ему показал, кто из нас «опаслив»! Но Хедин отряд, который наш клан выставил, возглавляет, а с командиром на войне драться нельзя. Это мне старейшина Мортаг несколько раз перед началом похода повторил. Знал он, что мы с Хедином друг друга на дух не выносим. С самого детства, с тех пор, как сын Харальда меня «безродным» назвал, а я ему за это челюсть свернул.

Но лучше б Хедин на этот раз меня послушался! Идем мы по пиктским лесам, веселимся, и тут — на те раз! — полезли на нас пикты. Поначалу показалось — их тьма. Ну, с тьмой-то мы, может, и справились бы, но уже в ходе битвы стало ясно, что пиктов не тьма, а даже еще больше. Я даже таких чисел не знаю, сколько их там было. Разбили нас в пух и прах. Когда Хедина убили, взял я командование над теми из наших, которые к тому времени в живых остались. Наш клан отправил в поход две сотни воинов, а полегли из них в той битве почти все.

Отступили мы обратно на восток, и другие вожди — те, кто хотя бы часть своих собрать и увести сумели — так же поступили. Но пикты и это предусмотрели. Были они на нас крепко обижены и потому выставили заслон — цепь засад и патрулей как раз на восточном направлении. Что б, значит, никто из наших не ушел.

Мы, вместе с другими отрядами, прорвались сквозь цепь, а за ней — вторая! И хорошо, если за второй цепью засад не будет. А что, если за второй цепью — третья?

Я, как об этом подумал, отряд свой остановил и другим предводителям так сказал:

— Вы как хотите, но я своих обратно веду. На восток нам не пройти. Надо какой-нибудь другой путь искать.

— Да ты что, рехнулся?! — Ответили мне вожди. — С запада за нами по пятам тьма пиктов бежит, а ты навстречу им хочешь идти?

— Я свое слово сказал. Хотите дальше на восток прорываться? Ну что ж, удачи вам, но тут мы все-таки с вами разойдемся.

Вожди пожали плечами и двинулись своей дорогой, а мы — своей. Некоторые из моих людей тоже против моего решения высказаться попытались, но я их быстро в чувство привел — кулаком по шее. Если я — предводитель, то, значит, и действовать будем так, как я скажу. Ну и что, что мне всего девятнадцать лет, и в походе я в первый раз участвую? Хедин на четыре года старше меня был, и где он теперь?

Прежде всего, надо было переждать, пока войско пиктское мимо нас пройдет. На земле или на деревьях прятаться бесполезно — у них же собаки обученные есть, в миг отыщут. Нашли мы ближайшее болото и применили уловку — сунули камышинки в рот, опустили под воду и затаились. Почти сутки так просидели. А как только пикты нас миновали, из болота вылезли и на запад рванули. Вряд ли, если вдуматься, на западе нас будет кто ждать. На востоке — обязательно, на юге или на севере — может быть, но на западе — вряд ли. Чтобы противник из разбитого войска сам в логово врага лез? Такого никто не ожидает. Так я мыслил, и, между прочим, прав оказался.

Поселки мы обходили, по дорогам если и шли, то только ночью, а при встрече с пиктским отрядом — пусть хотя бы даже из двух человек состоящим — таились. Ну и намучился я со своими родичами! Только кого-нибудь встретим, обязательно предложат: «Давай нападём!» Каждый раз вразумлять их приходилось. Кому хватало и трезвенного слова, а кому и кулака было мало...

В конце концов обнаружили нас, конечно. В лесах пикты мастера выслеживать. А нам такие леса непривычны — мы в горах росли, и разных уловок и хитростей лесных не знаем. Хотели к югу повернуть, чтобы через равнины к горам киммерийским выйти и столкнулись лоб в лоб с отрядом человек так из тридцати. Перебили их, конечно, однако половина пиктов удрать успела. Ну, тут уж понятно, что началось. Мы на запад драпаем, а за нами пикты по пятам. Поначалу была мысль все-таки прорваться на равнины. Но потом я передумал. Бегаем мы, конечно, быстро, однако у пиктов поселков много и оттого лошадей им достать нетрудно. Догонят. А мы с лошадьми управляться не умеем. Не разводят в наших киммерийских горах лошадей.

Спустя еще две недели исхудавшие, голодные и уставшие до смерти добрались мы до моря. Как увидели его, так сначала глазам не поверили. Может ли такое количество воды в одном месте быть? Вот уж чудо так чудо!

На берегу мы рыбацкий поселок заметили, а в море — лодку. Родилась у меня тогда еще одна идея.

— Ну что, друзья, повоюем? — Спрашиваю у своих. — Самое время!

Напали мы на поселок, поубивали всех, кто защищаться пытался, сели в самую большую лодку, а у остальных днище продырявили. К тому времени, как в море вышли, уже стемнело. Глядим на берег — а там огни, суeta. Это те пикты, которые за нами гнались, в поселок вошли. Клянут теперь, наверное, нас всеми словами. А мы посмеялись над ними и боевую победную песнь затянули. Пока они новые лодки найдут, мы уже далеко будем.

Зря мы песнь пели. Орала мы ее в двадцать молодецких глоток и вот доорались — разбудили морского бога. Морской бог наслал на нас бурю. Двоих за борт смыло. На следующий день море успокоилось, глядим — а где земля, непонятно. Ждем до вечера, замечаем, куда солнце клониться начинает. Море на западе, а земля, стало быть, на востоке. Вот мы и поплыли на восток, время от времени к югу поворачивая.

День плывем, второй — нет земли. Есть хочется, а пить — еще больше. На вкус море горьким оказалось, пить его невозможно. Это ж сколько соли надо, чтобы столько воды соленой сделать?

— Нет у тебя удачи, Ар-тоор. — Сказал мне один из наших. — Надо было с другими на восток прорываться. Пусть там даже и третья цепь стояла. Может, и прорвались бы.

Хотя и захотелось мне придушить его после таких слов, но ничего я ему не сказал и не сделал. Потому как, может, и прав он. Предводитель за своих людей отвечает, а если нет у него удачи — значит, и у людей его удачи не будет.

Тогда встал я на носу лодки и громко так сказал:

— Услышь меня, Конан, сын Крома! Пошли какое-нибудь знамение твоим храбрым потомкам, во вражеском море заблудившимся! Покажи, в какой стороне земля!

Нет ответа. Повертел я головой по сторонам, искал каких-нибудь птиц или иных каких явлений. Ничего. Небо ясное, ни облачка. Ни справа, ни слева птиц нет. Куда плыть — по-прежнему непонятно.

Тогда обратился я к своему предку со справедливым упреком:

— Конан, сын Крома! Вижу я — ты совсем обленился на своем небе! Выходит, зря мы каждый год мазали твой истукан медом и кровью! Нет от тебя никакого проку! Крепко спишь ты на облачных подушках, истомленный ласками дев небесных! Нет тебе дела до того, что двадцать твоих потомков скоро погибнут от голода и жажды! Но знай: если ты и в самом деле допустишь такое, то я, Ар-тоор из клана Медведя, переступив порог смерти, плюну тебе в лицо и отрекусь от тебя как от предка! Направь

нас к берегу, и пусть там нас будет ждать хоть тысяча пиктов! В бою погибнуть куда веселее, чем бесславно сдохнуть на этой проклятой лодке!

Сказав так, снова стал я высматривать знамение. По-прежнему в небе — ни единой птицы. Тут справа плеснулось что-то у борта. Это рыба из воды выпрыгнула и обратно в море ушла. Задумался я. Может ли Конан послать знамение в виде рыбы? Ведь морем совсем другой бог управляет. Однако, поскольку птиц так и не появилось, приказал я поворачивать направо. Посмотрим, куда приведет нас это знамение.

Спустя сутки начал я сомневаться. Может, и вправду это было знамение, да только говорило оно как раз об обратном? Мол, в той стороне только рыбы живут, и плыть вам туда не надо?

Родичи мои на меня со все большим раздражением посматривают. Чувствую — еще немного: и выкинут меня за борт. Я сам на их месте неудачливого предводителя непременно за борт выкинул бы.

Прошла еще одна ночь, а на утро видим: плывут три корабля. Огромные! У каждого — три мачты, а на каждой мачте — три паруса. Итого, девять парусов, а девять — священное число, это каждый знает.

Смотрим мы на эти корабли воспаленными глазами, шевелим пересохшими губами, и тут кто-то из моих неуверенно предлагает:

— Нападем?

«Шутишь?» — думаю. На каждом корабле человек двести, а то и больше поместится.

— Может, и нападем, — говорю вслух. — Но сначала попробуем мирно договориться.

Подплыли мы, значит, к кораблям. Или они к нам подплыли. Неважно. Встретились, в общем. Разглядел я знамя, которое на мачтах у них болтается. Белая рогатая лошадь! Аваллонцы, выходит. Впрочем, и так ясно было, что аваллонцы. Пикты такие большие корабли строить не умеют.

Борт у корабля высокий, сверху нас арбалетки на прицел взяли.

— Кто вы такие? — Спросил тут ихний предводитель. По всему видать — предводитель. Держится уверенно и одет богато. С плеч красный плащ падает, а на теле кольчуга серебристая поблескивает. На нашем языке спросил. Хорошо. Из наших тогда никто еще аваллонского не знал.

— Мы — мирные киммерийцы. — Спокойно ответил я. — Мы вышли в море и заблудились. Скажи, в какой стороне земля? Еще хотим купить у вас воды и провизии. У нас есть чем заплатить. — И я показал ему золотой браслет на своей руке. Браслет мне было не жалко — еще и месяца не прошло с тех пор, как я снял его с мертвого пикта.

— Мирные киммерийцы? — Усмехнувшись, переспросил предводитель. Видать, такую фразу он слышал впервые. Да и я, признаться, тоже. — И каким же образом *мирные киммерийцы* вышли в море на пиктской лодке?

— Мы, киммерийцы, свободный народ. — Отрезал я. — На чем хотим, на том и плаваем. Вы нам дадите воды или нет?

Предводитель задумался, а затем сказал так:

— До берега далеко, и сами вряд ли вы сумеете до него добраться. Вот что. Мы можем принять вас на борт, но вы должны будете отдать нам свое оружие.

Мои родичи недовольно заворчали. И я был с ними солидарен.

— Не выйдет. — Я задрал подбородок и надменно сложил руки на груди. — Киммериец может отдать оружие только в одном случае — если он уже мертв!

— Тогда, — предводитель развел руками. — Придется вам самим искать землю. Я хорошо знаю ваш народ и не намерен пускать на свой корабль двадцать головорезов. А поскольку землю вы все равно не найдете, припасов я вам не дам. Не люблю пускать деньги на ветер.

— Подожди. — Я поднял руку. — Я дам слово, что мы будем вести себя мирно. Мы не тронем ни твоего имущества, ни твоих людей... если только они сами не нападут на нас первыми.

— Хмм. — Предводитель почесал подбородок. — Ты можешь отвечать за остальных?

— Конечно. — Произнес я таким тоном, как будто бы он удивил меня своим вопросом.

Пока нам скидывали лестницу, я повернулся к своим и негромко сказал:

— Я дал слово, что мы будем вести себя мирно. И потому, если кто-то из вас вздумает буйнить, получится, что я не держу слово. А сделать так, чтобы я не сдержал слова, это все равно, что сказать мне, что я — лжец. А любого, кто скажет мне, что я лжец, я убью. Все ясно?

Ясно, кивнули они. Куда уж яснее.

Поднялись на борт. Моих людей накормили и напоили, а меня предводитель — матросы уважительно называли его «адмирал» — повел на корму. Там стоял столик, а рядом кресло. Для меня принесли еще одно сиденье, а столик в скором времени заставили разными диковинными винами и фруктами. Но сначала я попросил обычной воды. Мне принесли целое ведро! Половину я выпил, а вторую половину на себя вылил. Какая благодать — впервые за три недели по-человечески умыться!

— Присаживайся. — Пригласил меня адмирал. — Расскажи, кто ты и

откуда. — Он разлил вино по высоким стеклянным кружкам и одну из них предложил мне. — Меня зовут Оттон, сын Саймона.

При этих словах он испытывающе посмотрел на меня, как будто бы мне могло быть знакомо это имя. Но я его никогда не слышал. Неужели эти аваллонцы думают, что их страна — это пуп мира? Нет, центр мира — это Киммерия, а Аваллон — это так... это где-то на юге.

— Будь здоров, Оттон, сын Саймона! — Поднял я стеклянную кружку. Впоследствии я узнал, что такие высокие кружки называются «хрустальными бокалами». — Меня зовут Ар-тоор из клана Медведя.

— Артур... — Переименовал он мое имя на аваллонский манер. Поднял свой бокал. — Будь здоров и ты.

Выпили. Закусили. Снова выпили. Утолив первый голод — умяв почти целиком жареного поросенка — я стал есть медленнее. Полубопытствовал, не состоят ли, случаем, в союзе аваллонцы с пиктами. Хмыкнув, Оттон сказал, что не состоят. А поскольку такого достойного человека никак нельзя было заподозрить во лжи, я совершенно успокоился и рассказал о нашем неудачном походе, бегстве и краже лодок. Оттон с интересом выслушал мой рассказ. По ходу дела мы осушили не одну бутылку. Вина у них в Аваллоне странные. Но мне понравились.

— Так значит, ты не являешься вождем, — подвел итог Оттон, когда я закончил. — Однако в тебе явно есть задатки лидера... Я знаю, что киммерийцы — отличные воины. Во всяком случае, я придумал их именно такими...

— Что ты сказал?! — Я недоуменно воззрился на Оттона.

— Прости, оговорился. — Махнул рукой адмирал. — Я хотел сказать — я всегда представлял себе киммерийцев именно такими: сильными, бесстрашными воинами высокого роста с квадратными подбородками, светлыми волосами и голубыми глазами. Но у тебя волосы не светлые...

— Мой отец не из Киммерии. — Пожал я плечами.

— Понятно, — кивнул Оттон. — Вот что я хочу предложить тебе, Артур из клана Медведя. Мы сейчас не можем доставить вас на материк. Эти три корабля направляются на соединение с основной эскадрой. На юге бесчинствуют пираты, и мы собираемся уничтожить их флот, а затем стереть с лица земли все их базы. Не хочешь ли со своими людьми присоединиться к нам? Обещаю веселую жизнь и хорошее жалование. Что скажешь?

Я сделал неопределенное движение головой.

— Надо подумать. И посоветоваться со своими.

Решение мы приняли быстро. Сидеть в трюме на правах пассажиров в

то время, когда другие воюют? Против такого жалкого решения восставали весь дух, вся история нашего славного народа! Почему бы и не встать на время под знамена Аваллона, если война будет вестись не против наших родичей, и, вдобавок, нам будут хорошо платить? Хоть душой отдохнем после позорного пиктского похода...

В общем, согласились мы встать под руку адмирала Оттона. Пока на соединение с флотом плыли, пока пиратов выслеживали, освоили худо-бедно аваллонский язык. Мои люди с солдатами Оттона быстро подружились. Раз как-то иду по палубе, гляжу — а они там в «ваньку-встаньку» играют. Как игра эта выглядит? Сейчас расскажу. Встают друг напротив друга киммериец и какой-нибудь аваллонец поздоровее. Бросают жребий — кому первым бить. Предположим, выпадает аваллонцу. Ну он и бьет со всей дури кулаком куда хочет — только в пах нельзя. Затем наступает очередь киммерийца. Затем снова бьет аваллонец. И так далее, до тех пор, пока кто-нибудь не упадет и встать до седьмого счета не сможет. Если кто увернуться пытается — значит, проиграл он, да еще и опозорился.

Как я их игру увидел, так у меня прям кулаки зачесались с ними вместе в «ваньку-встаньку» сыграть. Но я сдержал свой порыв. Предводитель ведь все-таки. Несolidно.

Пока по морю плавали, ничего интересного так и не встретили — пираты, в большинстве своем, по базам попрятались. Потопили пару кораблей, уже скучать начали... Тут Оттон махнул рукой на эту возню и приказал плыть к главному пиратскому острову.

Приплыли. Высадились. Захватили порт и городок, к нему примыкающий. Пираты закрылись в большом замке на вершине горы. Оттон приказал собирать осадную технику (он вез ее как раз на тех трех кораблях, которые мы повстречали), а пока суд да дело, позвал своих военачальников на совет. Полюбопытствовал, нет ли у кого идей, как бы побыстрее взять этот долбанный замок.

Идея была у меня. Идея, конечно, рискованная, но надо же показать этим аваллонцам, чего стоят в бою настоящие киммерийцы!

— Мы с детства учимся лазать по скалам. — Сказал я. — С той стороны гора покрыта лесом, и ночью можно подойти к замку незамеченными. Мы залезаем на стену, захватываем ворота, опускаем мост и удерживаем ворота до тех пор, пока вы не подойдете.

Оттон некоторое время смотрел на меня, а потом сказал:

— Ну, давайте попробуем.

И мы попробовали. Поначалу все шло как по маслу. Выбрав

подходящую ночь — когда луна была закрыта облаками — пробрались через лес прямо к стене замка. Поскольку эта идея принадлежала мне, я и полез первым. Оставил оружие и кольчугу, снял сапоги — и вперед. Лезть по стене в полной темноте — удовольствие небольшое, но я думал так: если сверну себе шею, значит, моя идея была не так хороша, как показалось вначале.

Но ничего, пронесло. Залез на стену. Упокоил солдата, который патрулировал этот участок. Бросил веревку своим. Получил обратно свой меч, щит и кольчугу. Стараясь не шуметь, мы пробрались к воротам. Быстро перебили стражников, которые их охраняли. Когда загремела цепь подъемного моста, замок, наконец, проснулся. И тут на нас навалились.

Мы защищались как могли, но от ворот нас оттеснили. Мы захватили одну из башен и стали держать там оборону. Мост они поднять не смогли — мы подъемный механизм испортили, но ворота пираты закрыли.

Сменяя друг друга, мы держали оба выхода из башни. Там проемы узкие, только один на один драться можно, и пираты, хотя и превосходили многократно нас численностью, преимуществом этим воспользоваться возможности не имели. Могли бы мы защищаться так не один день, но пираты, видя, что с наскоку не одолеть нас, из луков в проемы стрелять стали. Только мы отступили, как они сразу же в башню и ворвались. Бой был жестокий и долгий. Из наших почти все полегли. Когда мой щит разбили, я посреди башни встал и мечом до тех пор отмахивался, пока руки не устали. Тут-то они и навалились всем скопом. Последнее, что слышал я в тот день — глухие удары, от которых весь замок сотрясся. Это Оттон по подъемному мосту, нами опущенному, к самым воротам таран подтащил и теперь внутрь замка прорывался.

...Очнулся я на кровати, бинтами перевязанный, будто какая мумия. Взяли замок! Меня пираты так изранили, что не думал уже никто, что выживу. Ан нет, выжил! На мне с детства все как на собаке заживает. Вот и сейчас: то на кровати при смерти валялся, а через три недели — вот вам! — снова с Оттоном на корабле плыву и карту морскую вместе с адмиралом изучаю.

Из наших только четверо, не считая меня, в живых после того боя остались. Всех десятниками Оттон сделал, а меня — полусотником. Справили мы тризну по погибшим, сожгли их вместе с лошадьми и пленными девками, которые на небе нашим воинам прислуживать теперь будут — все как полагается.

Оставшиеся пиратские базы мы быстро раздавили, и ничего интересного при том не случилось. У Оттона армия больше, и

подготовлена лучше — о чем тут рассказывать? А у пиратов только главный замок и был укреплен по-настоящему.

За полтора года дослужился я у Оттона до сотника. Денег заработал немало. И с адмиралом сдружился. Пока в море плывем, и делать особо нечего, беседы ведем всякие, шутки шутим и в шахматы играем. В шахматы меня Оттон играть научил.

Еще был случай. Плывем мы, и говорит мне Оттон:

— Ребята твои рассказывают — да и сам я не раз видел — что необыкновенно силен ты, Артур из Киммерии. А давай мы с тобой силой померяемся?

— Как, — спрашиваю, — меряться будем? В кулачном бою или в «ваньку-встаньку» сыграем?

Покачал головой Оттон и так мне ответил:

— Незачем друг другу физиономии разукрашивать. Ставь на стол свою руку, а я напротив свою поставлю. Так и выясним.

Поставили локти на стол, сцепили кисти. Я — с внутренней усмешкой: уверен был, что быстро Оттонову руку припечатаю. Я Борага из клана Вепря победил, а из Борага двух Оттонов слепить можно, да еще чуток останется. Да и вообще, мельче эти аваллонцы нас, киммерийцев. И слабее.

Начали меряться силой. И тут — смотрю и глазам своим не верю! — кладет мою руку Оттон на стол безо всякого особенного усилия. Я руку свою осмотрел: не случилось ли с ней чего? моя ли это рука? — и снова Оттону предлагаю:

— Давай еще раз!

— Давай. — Соглашается.

На этот раз — все силы свои напряг. И Конана помянул, и Крома, и другого прародителя — Медведя. Но только все равно Оттон мою руку к столу припечатал! Правда, уже с усилием. Удивился я этому чрезвычайно. Огорчился. А Оттон мне так сказал:

— Ты очень сильный человек, Артур. Пожалуй, самый сильный из тех, кого я знаю.

— Если я — силен, ты-то каков?

— А я — не человек. — Сказал — и спокойно в глаза мне посмотрел. — Я — бессмертный. Слышал, небось, о семье, которая Аваллоном управляет?

— Слышал. Говорят, колдуны они все.

— Не колдуны. — Покачал головой адмирал. — Бери выше. Бессмертные. Король аваллонский, Мордред — родной брат моего отца, Саймона. Мой, значит, дядя. Мы в несколько раз сильнее и быстрее

обычных людей.

— Вот оно как... А правду говорят, будто бы вы прямо из воздуха армии вызывать умеете?

— Бывает. — Улыбнулся Оттон.

— А как вы это делаете?

— А вот этого я тебе не скажу. Это вроде как военная тайна. Давай еще выпьем?

Вот так мы и плавали с Оттоном по морю. То пиратский порт захватим, то на abordаж какой-нибудь ихний корабль возьмем, а то с адмиралом вино распиваем да байки травим. А надоест без дела сидеть и винами накачиваться — за мечи возьмемся и вертеть ими начнем. На мечях Оттон оказался — дай боже мне хоть вполовину когда-нибудь так выучиться!

Ну вот. Прошло время, и всех пиратов мы вроде как победили. На море мир наступил, купцы плавают спокойно, никого не боятся. Родичи мои, золота за это время накопившие немеряно, домой засобирались. Меня Оттон при себе оставить хотел, перспективы рисовал самые что ни на есть заманчивые, но я отказался. Дружба — дружбой, но море — не моя стихия. Не люблю его. Только на земле уверенно себя чувствую.

— Ну что ж, — сказал Оттон мне на прощанье. — Как знаешь... Со своими вместе в Киммерию вернешься?

Я покачал головой.

— Хочу в Аваллоне побывать. Потом к своим вернусь, но сначала посмотрю на вашу сказочную страну, на сады яблочные. Приезжай и ты к нам, в Киммерию. Теперь ты всегда желанный гость в нашем клане.

— Такое предложение дорого стоит! — Улыбнулся Оттон. — Обязательно приеду. А ты хочешь в Аваллоне так просто пожить или на службе останешься?

— Можно и послужить. — Пожал я плечами. Не ради золота в аваллонской армии я служить буду. Золото у меня уже есть. Аваллон — государство развитое, цивилизованное. Запала у меня мысль военному делу у них поучиться, а когда в Киммерию вернусь, своих подтянуть. Я вождем племени хочу стать, а может и кем поболее вождя — королем! Конунгом Киммерии! Со времен Конана сына Крома такого у нас еще не было. Вот какие у меня планы. Немаленькие.

— Я дам тебе рекомендательное письмо к генералу Ланселоту. — Сказал мне Оттон. — Это старинный друг нашей семьи. Под его охраной находится южная граница государства. Говорят, в последнее время там объявились какие-то то ли гоблины, то ли орки, то ли еще какие-то нелюди. В общем, это единственный враг, который остался у нас после

пиратов. На остальных границах Аваллона все спокойно...

— ...и смертельно скучно. — Закончил я за него. — Ну что ж, можно и к оркам... А кто это, кстати, такие?

## 2

Генерал Ланселот дю Лак — человек высокого роста (почти как киммериец!) и недюжинной физической силы. Был он стар — совершенно седые волосы и исперщенное морщинами лицо — но ни у кого из его подчиненных не повернулся бы язык назвать его стариком. Ланселот дю Лак похож на столетний дуб — такой же большой, могучий, с течением времени только набиравший крепости и силы. Говорили, кстати, что он живет на свете уже не первую сотню лет. Он не был бессмертным, но он был закадычным другом отца Мордредра, и вернейшим вассалом короны. И поэтому аваллонцы что-то сделали с ним, что-то такое, из-за чего Ланселот стал стареть в десять раз медленнее, чем обычные люди. Что именно — никто точно не знает. Я за время своего путешествия на юг успел услышать не менее полудюжины зловещих историй, раскрывающих тайну Ланселотова долголетия, из чего сделал справедливый вывод о том, что правды нет ни в одной из них. И вот я стою перед знаменитым рыцарем и полководцем и протягиваю ему рекомендательное письмо адмирала Оттона.

— Хмм, — говорит Ланселот, читая письмо. — Оттон очень высоко о вас отзывается.

Молчу. Что тут скажешь? Разве что — «Для меня это большая честь, сэр!» Но не привык я еще по каждому подходящему случаю выдавать такие громкие фразы.

— У Оттона вы были сотником, — продолжает Ланселот. — Однако море — это море, а у нас несколько другая... эээ... специфика. Для начала я назначу вас десятником. Посмотрю, как вы будете справляться. Если вы и в самом деле так хороши, как пишет о вас Оттон, ваша карьера быстро вверх пойдет. Ну а если нет...

И многообещающе руками разводит. Мол, если нет — значит, до свиданья.

У них тут, что, принято при переводе звание понижать? Или, может, этот Ланселот киммерийцев не любит? А почему, спрашивается? Я задумался. Может, он в той войне участвовал, когда мы с гор спустились и Аваллон пощупать попытались? Глупо на нас за это в обиде быть — вон сколько времени с тех пор прошло!.. Хотя кто их знает, долгоживущих, как они время считают?..

Пожал я плечами и ничего не сказал. Десятником — так десятником.

Ланселот написал приказ о моем назначении, но не отдал, а вместо этого некоторое время задумчиво мое лицо рассматривал.

— У меня такое чувство, киммериец, — сказал он наконец каким-то другим, неофициальным тоном, — что где-то я тебя уже видел. Мы никогда раньше не встречались?

— Не знаю. — Сказал я. — Может, вы моего прадеда на Нэлеорских равнинах запомнили? Он, говорят, прежде чем пасть с честью, не меньше десятка ваших успел положить.

— Может быть. — Нахмурился Ланселот, протягивая мне бумагу. — Ну, все. Идите, Артур.

— Да, сэр.

Так стал я служить на южных границах Аваллона. От орков их охранять. Орки жили в болотах. А болота там — мама не горюй! От моря до Арденского леса — считай, тыща миль, не меньше. А вглубь — вообще никто толком не знает, насколько они тянутся. Потому как не проверял никто.

Охрана границы организована так: по краю болот, от моря до Ардена длиной во всю эту тыщу миль насыпь сделана. Кое-где частокол имеется. Через каждые пять миль — форты или заставы. За ними — лагеря военные. На заставе несут службу человек пятьдесят, а иногда и сто. За болотами следят. Отдельных орков вылавливают и небольшие отряды уничтожают. А если соберется орчья банда побольше, с заставы сигнал дают, и тогда из ближайшего лагеря войско на помощь выступает. Такая вот система. Помоему, вполне разумная.

Стал я жить-поживать — по насыпи прогуливаться, на наблюдательной вышке зевать, на болото поглядывая, в орков постреливать, да людей своих муштровать. А людей под моим началом было всего шестеро. Неполный, значит, десяток.

Чтобы со скуки не сдохнуть, занялся я самообразованием. Азбуке аваллонской я еще когда у Оттона служил, обучился. Сейчас же книг себе всяческих накопил — сию, читаю. Интересное занятие, оказывается — читать! Я и не знал.

Прошло так полгода. Если Ланселот от меня каких неприятностей ждал, то так он ничего и не дождался. Службу я исправно нес, за своими людьми следил, не буянил ни разу и особо по увольнительным не напивался. Да еще и книжки читал! Ангел, а не киммериец! Когда у генерала недоверие ко мне прошло, назначил он меня сотником. То есть — начальником заставы поставил. Не той заставы, где я служил (там свой

командир имелся), а другой, которую банда орков неделю назад разгромила. Орков, конечно, уничтожили, но заставу восстанавливать пришлось.

В сотне моей людей вовсе не сто, а вдвое меньше. Недобор у нас. Никто на юг ехать не хочет. Участок, опять-таки, опасный. Форт еще не восстановлен и в частоколе кое-где дыры. Зато я на этой заставе — царь и бог.

Отложил я книжки в сторону и делом занялся. Патрули, тренировки, отдых. Частокол починили, форт восстановили и еще лучше укрепили, полдюжины новых наблюдательных вышек построили. Солдатам своим дурака валять не позволяю: кто не в патруле, тот спит, а кто не спит, тот либо на тренировочной площадке с мечом прыгает, либо мишени из лука дырявит. Кто обязанности свои хорошо исполняет, тому — увольнительная, а кто в потолок плюет — тому шиш и сверхурочные работы по углублению оборонительного рва.

Ланселоту мой образцовый порядок понравился. Даже в пример меня другим сотникам поставил. Да только что толку мне с его похвалы? Перспектив не вижу. Скучно. Может, через пять лет и повысят в звании, да я до тех пор уже от тоски помру.

Решил я так: либо увольняться, либо придумать что-нибудь *этакое*. Думал я, думал, а потом позвал к себе своего заместителя, Никоса Эрбеша, налил ему пива и вопрос задал:

— Слушай, — говорю, — Никос. А чего, собственно, эти орки на нас лезут?

— Кабы знать! — Гундосит Никос, пивко похлебывая.

— Нет, подожди. Ты вот какой год на границе служишь?

— Десятый уже. — Отвечает.

— И раньше они также лезли и лезли? Мы их мочим, а они лезут. Мы их мочим, а они...

— Не. — Качает головой Никос. — Раньше такого не было. Вал этот оборонительный — Ланселотов вал, как его называют — при мне строили.

— И раньше эти орки — что? Не нападали?

— А раньше их тут и вовсе не было. — Удивляет меня мой заместитель. — Лет двадцать тому назад завелись, а может, и того меньше.

— Вот те на! Как это не было? А где ж они были? Откуда взялись? Сами по себе завелись, что ли?

— Кабы знать! Но с колдунами нашими, — понижает Никос голос, — и не такое случиться может. То нет чего-то, а потом раз — и появится. Или исчезнет. Вот и вашей Киммерии раньше не было. А потом — хоп!..

— Но-но! — Говорю я Никосу. — Это вашего Аваллона не было. А Киммерия всегда была. С тех самых пор стоит, как Конан, сын Крома, на землю сошел.

— И Киммерия была, и Аваллон был, — примирительно махает рукой Никос, — но были они как бы по отдельности. А потом — раз! — и вместе стали. А отчего так, я не знаю. Я-то не колдун.

— Хмм... Думаешь, и орки таким же образом появились?

— Может, и таким. А может, они в глубине болот жили, а потом — раз! — и вылезли.

— Ага. Вот я и думаю: а чего это они вылезли? Мыслю так: надо поймать языка и допросить. Что у них там, в орочьем их гадюшнике, случилось такого, что они нападать вдруг вздумали?

На том и порешили. Стали ловить языка. Поймали. Допрашивать стали. А он, зараза, молчит! Мы его и железом каленым, и на дыбе — а он знай себе или верещит, или скулит. Ну что ты будешь с ним делать?!

— Слушай, — как-то раз сказал мне Никос, наблюдая за мучениями орка. — А может, он нашего языка не понимает? Может, в этом все дело?

— Хмм. — Я почесал подбородок. — Об этом я не подумал. Ладно, ребята, хорош над уродом издеваться! Попробуем с ним по-хорошему поговорить.

И стал я говорить с орком по-хорошему. Показываю ему на котелок и говорю «котелок», показываю на табуретку, говорю «табуретка», показываю на себя, говорю гордо «человек», показываю на орка, говорю «орк вонючий»... Только, когда я в него пальцем ткнул, этот вражина недобитый чуть палец мне не откусил. Пришлось перейти ко второй серии пыток, чтобы вразумить его. Второй серии пыток орк, однако, не выдержал и скоропостижно скончался.

Ну, ничего. В болоте их вон сколько — лови не хочу. Ходят, воют, шипят, по ночам через частокол перелезть пытаются.

Поймали второго — та же история. Третьего. Опять неудача! Что ж они тупые такие и по-человечески с нами разговаривать не хотят?!

— Может, это... — Усомнился как-то раз Никос. — Ну, генералу доложить, чем мы тут занимаемся?..

— Не надо докладывать. Докладывают об успехах, а не о процессе работы. Вот когда орка разговорим или сами по-ихнему понимать начнем — вот тогда и доложимся.

Однако кто-то начальству на нас все-таки настучал, и вот, значит, вызвал меня Ланселот на ковер.

— Мне тут доложили, — неторопливо прогуливаясь по комнате, сказал

он. — Что вы ловите и пытаете орков. Это правда?

— Да, но...

— Я могу понять ваши чувства, Артур, — перебил меня Ланселот. — На войне с этими нелюдями постоянно гибнет кто-то из наших. Хотя вы служите на границе совсем недолго, неудивительно, что вы уже успели проникнуться к оркам ненавистью. Если к ним попадает человек, они подвергают его пыткам и издевательствам. А женщины, которых им иногда удастся увести в плен! — Старый рыцарь скрипнул зубами. — Это же немыслимо, что они с ними вытворяют! Так что я хочу сказать, что понимаю ваши чувства. Понимаю — но! Я категорически запрещаю вам пытаться орков! Поймите, мы-то ведь с вами не орки! Как бы не была сильна наша с вами ненависть, нельзя опускаться до их уровня. Нет-нет, мы их должны просто уничтожать. Никаких издевательства, никаких пыток, никакой ненужной жестокости. Просто убивайте их и все. И молитесь Единорогу, чтобы ваша душа не очерствела на этой войне...

— Подождите, генерал! Не знаю, кто вам на меня настучал, но вы все не так поняли! Я их вовсе не ненавижу! Они нормальные ребята, только тупые, злобные и моются редко. Я встречал людей и похуже орков.

Ланселот остановился и удивленно посмотрел на меня.

— Тогда я ничего не понимаю. Зачем вы над ними издеваетесь?

— Мы не издеваемся. Мы пытаемся наладить с ними контакт. А поскольку кроме силы они ничего не понимают, приходится пытаться.

— Наладить контакт?! Но для чего?!

— Чтобы понять, для чего они сюда лезут. На нас нападают отдельные банды (которые, конечно, иногда объединяются). Среди них много самок и орчат. Притом еще двадцать лет назад об орках вообще никто ничего не слышал. Если они издревле жили в глубине болот, что же такое там у них случилось, что теперь они стали с нами воевать?

— Вы думаете, их кто-то гонит? — Прищурился Ланселот.

Я кивнул.

— Это не похоже на организованное нападение. Сэр.

Ланселот, соглашаясь, медленно качнул головой.

— Я недооценил вас, Артур... И каковы ваши успехи в... эээ... установлении контакта?

— Пока, к сожалению, никаких. — Я вздохнул. — Эти тупые создания, похоже, вовсе не понимают, чего мы от них хотим. Но мы работаем... и будем работать с ними!

— Что думаете делать дальше? Отправитесь ловить очередного орка?

— Да, только не простого. Хочу поймать какого-нибудь орка поважнее.

Вождя или ихнего шамана.

— Кстати! — Оживился Ланселот. — Думаю, я могу вам помочь. Нас уже зае... кхм... утомила одна банда, которая несколько раз на разных участках перебиралась через частокол, грабила деревни и возвращалась в обратно в болота прежде, чем мы успевали ее разбить. По описаниям, этой бандой предводительствует похожий на орка человек. Или, может быть, полуорк. Судя по действиям, он гораздо умнее прочих нелюдей. Думаю, вам хватит сотни, чтобы с ним справиться, но если нужно — берите две. Банду уничтожить, а главаря...

— ...в нашу пыточную камеру для установления контакта?

Старый генерал поморщился, но кивнул.

— Только не убейте его раньше, чем он начнет говорить.

— Разрешите идти?

— Идите, Артур. Желаю вам удачи.

Охотился я за этим полуорком почти два месяца и за это время порядком успел его возненавидеть. Гаденыш оказался хитрым и будто задницей чуял наши засады. Ну ниче. Я хоть скучать на этой службе перестал.

В конце концов поймали его. Окружили банду. Я своих предупредил: тому, кто вздумает тронуть предводителя, лично выбью все зубы. Угрозу мою оценили. Это в Киммерии я считался низкорослым, а в Аваллоне я — великан ростом в шесть с половиной футов.

В общем, перебили банду, накрыли гаденыша сетями, отобрали оружие. И в самом деле, не поймешь — то ли человек это, то ли орк. Ни то ни се. Привезли к нам. Попытался я с ним пообщаться — не отвечает. Но по глазам вижу — понимает. Ладно. Завели мы тогда с Никосом Эрбешем беседу о том, как пытать его будем. Громко так говорим, и слова стараемся почетче выговаривать. А потом снова полуорка спрашиваю:

— Ну что, друг любезный, понимаешь нас или нет? Если все еще не понимаешь, прямо сейчас первый урок человеческого языка тебе и преподадим. Вот на этой самой дыбе.

С ненавистью орочий предводитель на меня смотрит и выдавливает полуразборчивое:

— Моя понимать...

Мы с Никосом торжествующе переглянулись. Прогресс! Можно сказать, почти победа.

— Начнем с начала. — Говорю. — Как тебя зовут?

— Моя Уггук.

— Очень хорошо. И чего же ради, дорогой мой Уггук, ваше убогое

племя нападает на наше славное королевство?

Угрук молчит, презрительно на нас с Никосом посматривая. Тоскливо вздыхаю и говорю:

— На дыбу его. Видать, снова с пониманием какие-то нелады. Надо бы прояснить.

— Подожди, подожди! — Поспешно говорит полуорк, и я жестом останавливаю своих людей. — Твоя спросить глупый вопрос. Пусть. Моя ответить. Добыча нужна. Еда.

— Это понятно. — Киваю. — Но вы начали нападать только в последние двадцать лет. И чем дальше, тем вас больше и больше сюда приходит. Что изменилось? Почему вы раньше не нападали?

— Раньше по-другому было. Земля была.

— Где?

— Там. — Махает рукой на юг.

— И что с ней случилось? В болото вдруг превратилась?

— Нет. Отняли.

— Кто отнял?

— Ваши.

— Наши? — Переспрашиваю. — Не пудри мне мозги. Наших на юге нет.

— Ваши... другие.

— Не аваллонцы? Другие люди?

Полуорк кивает.

— И что они?

— Отняли землю. Убивают.

— Сколько их?

— Много! — Волнуется. — Очень много!

— А нас что, мало?

— У ваших птиц нет.

— Каких еще птиц?..

Не буду дословно приводить наш диалог — он был длинным и однообразным. Информацию из орка приходилось выбивать по крупицам. Вопрос насчет птиц так и не прояснялся. Все, что удалось понять на этот счет: у «других людей», которых «много», есть «птицы». Злые птицы, которые охотятся на орков. Птиц, кстати, тоже «много».

Выжав из Углука все, что можно выжать из полуорка за двое суток интенсивного допроса, отправился я с докладом к начальству. Ланселот меня уже ждет. На кресло напротив своего стола кивает: садись, мол. В первый раз, кстати, сесть предложил.

Сажусь и докладываю. Выслушав мой рассказ, Ланселот поинтересовался:

— Откуда он наш язык знает, не спрашивали?

— Спрашивали. Когда орки только-только на Аваллон нападать начали, увели они с собой какую-то женщину. Съесть, наверное, хотели, но потом,

похоже, понравилась она ихнему вождю, и ее оставили в живых. Вот от нее Углюк и родился.

— И языку аваллонскому его мать научила?

— Совершенно верно.

Ланселот сцепил кончики пальцев и через некоторое время сказал:

— Итак, ваши догадки подтвердились... Орков и в самом деле кто-то гонит... Интересно, кто?

— Углюк так и не смог объяснить. Я думаю, нам самим необходимо это выяснить.

— Хотите послать разведчика через орочы болота? Это невозможно.

— Ну почему же? Вполне возможно. Мы отпустим Углука. Пусть он передаст другим вождям и шаманам, что мы готовы заключить с ними союз против людей, которые нападают на них с юга...

— ЧТО?!! — Ланселот выпрямился в кресле. — Вы хотите заключить военный союз с орками?!! Против людей?!! Артур, да вы совсем спятили!!!

— Подождите, сэр! Пусть Углюк *скажет* своим, что мы готовы заключить с ними союз. Это вовсе не означает, что мы действительно собираемся его заключить. Нам необходимо только, чтобы они пропустили наш отряд — или хотя бы одного человека — через свои земли. На той стороне мы возьмем языка, притащим его сюда, допросим и узнаем наконец, кто же такие эти «другие люди», у которых есть «птицы». И тогда посмотрим, с кем нам выгоднее заключить союз — с орками против «других людей», или с «другими людьми» против орков.

Ланселот некоторое время смотрел на меня. У меня возникло ощущение, что в силу каких-то непонятных причин я вдруг снова утратил его доверие.

— Хороший план. — Выдавил наконец генерал.

— Разрешите приступить? Я планирую еще некоторое время помариновать Углука в плену. Может, еще чего-нибудь расскажет...

— Приступайте. — Ланселот махнул рукой. Я уже поднялся, чтобы уйти, но он вдруг остановил меня неожиданным вопросом:

— Знаете, что мне в вас не нравится, Артур?

— Что? — Настороженно спросил я.

Ланселот заглянул мне в глаза и проникновенно сказал:

— Вы совершенно не похожи на киммерийца.

### 3

Сначала я хотел оскорбиться, но на пути к своей заставе немного остыл и понял: генерал вовсе не хотел меня обидеть. Я ведь и в самом деле не

похож на своих родичей. Нет, внешность у меня (не считая цвета глаз и волос, а также формы подбородка), вполне киммерийская. Но сколько я не пытаюсь думать как они, не получается. Как-то иначе я думаю. Как будто бы внутри моей широкой киммерийской души спрятана какая-то другая душа, совершенно мне неизвестная и непонятная. Откуда она взялась? Да и душа ли это? Может, это голос крови? Если голос крови — кем же был мой отец? Эх, узнать бы...

Углука мы продержали у себя всю зиму. Вытягивали из него информацию, внушали себе и ему, что вполне можем объединиться с орками против «других людей». Углюк поначалу не хотел верить, но я убедил его, сказав, что нам невыгодны набеги орков (чистая правда) и что мы хотим их прекратить (тоже правда). Углюк задумался.

— И вот поэтому, — продолжил я, — мы готовы с вами объединиться и помочь вам вернуть ваши земли. Но сначала нам нужно узнать, кто же все-таки на вас напал.

Углюк хитро посмотрел на меня и спросил:

— А если ваши... с теми? — Он сцепил руки и красноречиво похлопал одной ладонью по другой.

А ведь этот полуорк не так уж глуп! Я презрительно хмыкнул и сказал:

— Чтобы потом их птицы охотились за нашими людьми? Ну уж нет, лучше мы заключим союз с орками. Но сначала мы обязательно должны выяснить, кто это.

Кажется, Углюк мне поверил. Так долго мы держали его только потому, что я захотел выучить орочий язык. Мало ли, что с этим полуорком случится. Больно умен. А такие умные, как подсказывала мне моя более худшая, но и более мудрая половина (та самая вторая, глубинная душа), всегда имеют хороший шанс поймать стрелу в горло. Не с той стороны, так с этой.

Орочий язык, кстати, оказался довольно прост в изучении. Всего пара сотен самых необходимых слов, никаких падежей и склонений. Из простых слов составляются сложные, из сложных при необходимости еще более сложные, и так далее. Самое трудное в орочьем языке — это понять, имеешь ли ты дело с одним большим словом или с десятком простых. Для этого нужно научиться мыслить по-орочьи. Вот этому я и учился всю зиму. «Хыр» по орочьи — мужчина, «лядь» — женщина, «хырлядь» — семья, «дык» — пьянящий напиток, «хырдык» — пьяница... Ну и так далее.<sup>[1]</sup>

Весной Ланселот еще раз вызвал меня к себе и поинтересовался, почему до сих пор не отпустили полуорка. Я объяснил.

— Поторопитесь. — Он показал мне какую-то шикарную рифленую

бумагу с гербовой печатью. — Нашему королю надоели все эти набег и он приказал мне в течении года решить, наконец, «орочий вопрос». Как только просохнут дороги, сюда подтянутся арденские стрелки Джулиана и начнется широкомасштабное наступление. Эти болота превратятся в ад. Так что, если вы, Артур, все еще хотите провести дальнюю разведку, советую поторопиться.

— Так точно, сэр. — Отсалютовал я. — Намек понял. Разрешите идти?

Спустя четыре дня бешеной скачки я добрался до заставы. Углук сидел в своей камере и играл с Никосом в кости. А ведь между прочим, я категорически запретил играть с полуорком в азартные игры! В прошлый раз, когда Никос продулся в чистую, они поставили на кон женщину! Кормят у нас Углука нормально, он даже жирок за зиму набрал, но женского общества ему не хватает. Так Никос договорился с ним, что, мол, если снова продует, из деревни шлюху на полчаса приведет! Хорошо, что я успел остановить это безобразие. Не хватало еще, чтобы по нашим улицам орчата-квартироны бегали...

Выгнав Никоса проверять патрули (это всегда полезно, а когда вернется, пошлю его на очистку оборонительного рва — руководить командой штрафников), я еще раз повторил Углуку то великодушное предложение, которое правительство Аваллона уполномочило меня сделать орочьим вождям, после чего снял с полуорка цепи и вывел на свежий воздух.

— Открою тебе маленький секрет. — Сказал я Углуку перед тем, как окончательно отпустить его на волю. — Если ты не вернешься с ответом в ближайшие дни, для вашего косоглазого народца настанут тяжелые времена. Аваллонцев уже достали ваши набег и. И если вы не хотите испытать на своей шкуре, что такое орочий геноцид, советую хорошо подумать над моими словами. Это первое — и единственное — мирное предложение, которое мы вам делаем.

Очевидно, я был убедителен, потому что Углук мрачно кивнул и бросился к зарослям кустарника, окружавшим болота. А я вернулся в форт и занялся поиском штрафников. Почему у нас в казарме пол не блестит?!. Живем, как в свинарнике...

Спустя три недели вернулся голубчик. Жирок уже порастряс и дышит загнанно, как скаковая лошадь.

— Согласны, — говорит, — пропустить. Одного человека.

Одного так одного. Оставляю управление заставой на Никоса, собираю манатки и иду за полуорком. Хочу своими глазами посмотреть на «других людей», которые «злых птиц» на орков натравливают. И не могу поручить

это дело никому из своих. Все они парни что надо, люблю всех одинаково словно детей родных, и они меня, своего командира, как второго отца чтят, но... не могу я им это дело доверить. Не справятся.

Идем, значит. Только застава за кустами и деревьями гниловатыми скрылась, оборачивается ко мне Углук, и, улыбаясь по-орчьи, спрашивает:

— Не боишься, что обманем? Ты большой. Мяса много.

— Мое мясо вам дорого встанет. — Кладу руку на меч.

Углук ухмыляется:

— Не бойся. Не обманем.

Хмыкаю, но молчу. «Не бойся!» Это он кому сказал? Мне, что ли?

Идем. Спустя час окружают нас орки. Штук пятнадцать. Скалятся, на меня смотрят голодными глазами. Не обращаю на них внимания. Если вздумают напасть, всех поубиваю.

Однако, не напали. Сопроводили нас. Даже от какой-то банды, которая не в курсе наших дипломатических переговоров была, защитили.

На третий день пришли в поселок на болоте. Там несколько шаманов собралось и с полдюжины вождей. Пообщались. Выяснилось несколько новых подробностей, о которых Углук умолчал. Во-первых, с «другими людьми» орки враждуют уже очень давно. Но «злые птицы» у «других людей» появились только в последние двадцать лет. Кроме того, «другие люди» стали действовать сплоченно и организованно. Во-вторых, по словам орков, в прежние времена «северные болота» простирались чуть ли не до бесконечности. Но с тех пор, как у «других людей» появились «злые птицы», «северные болота» куда-то исчезли. Осталась длинная заболоченная полоса шириной в две недели пути, а дальше — Аваллон. Почему так произошло — непонятно.

— Очень интересно. — Подвел я итоги нашей содержательной беседы. — Все, что вы сказали, еще в большей степени подтверждает необходимость проведения самой тщательной разведки. Проводите меня до ваших границ с «другими людьми». Там я возьму языка и вернусь к своим. Мы его быстро разговорим.

— Наша тоже может разговорить. — Возразил мне вождь, на шее у которого висело почти такое же украшение, как у Борага — только не из медвежьих зубов, а из человеческих.

Я покачал головой. Вообще, замечу — вся эта беседа протекала на орчем языке и потому я привожу не подстрочный ее перевод, а уже литературно обработанный.

— Ну уж нет. Если он окажется в ваших руках, то вряд ли поверит в то,

что его отпустят живым. И может вообще ничего не сказать.

— А разве твоя его отпустит? — Подозрительно спросили меня вожди.

— Конечно, нет! — Заверил их я, незаметно скрестив пальцы. — Но важно, чтобы пленник думал, что у него есть шанс.

Вожди ухмыльнулись и одобрили мой план.

— Сколько потребуется наших? — Спросил меня старый шаман. — Сто? Двести?

Чтобы изобразить число «сто», ему пришлось пять раз показать мне все пальцы на руках и на ногах, а чтобы изобразить «двести» — сделать тоже самое снова, но уже десять раз. Вожди тоже начали показывать мне разные пальцы, настойчиво предлагая свою помощь.

— Ни в коем случае! — Воспротивился я. — Большой отряд заметят их птицы. Нам не нужно нападать на них. Нам нужно просто взять пленника. Десяти-пятнадцати орков будет вполне достаточно.

На том и порешили. Двинулись через болота. Орки, которых мне в сопровождение дали, знали все тропинки, все топи как свои пять пальцев. Спустя десять дней ускоренного марша прибыли мы на ту сторону. Местность посуше стала, деревья снова появились. Углуб мне как-то на небо показал:

— Птица. — Говорит.

Посмотрел и я на небо. Черная точка какая-то. Высоко кружит. Какого эта птица размера, на что похожа — один черт знает.

Пробираемся дальше. На землю «других людей» так просто не попадешь — у них свои патрули и заставы, не хуже наших. «Ну что ж. — Решил я. — Пленный патрульный ничем не хуже любого другого пленника. А может, даже и лучше.»

Выследили мы один из патрулей. Ночью, само собой — от птиц прятались. Двоих убили, третьего в плен взяли. Надо отметить — дрались эти люди отменно. Одежда у них какая-то странная, и оружие необычное — мечи, как у нас, но кривые и легкие. Уже потом я узнал, что такие мечи называются саблями.

Тащим пленника обратно в болото. И тут — птицы! Ночью! Здоровенные — раза в два больше орла. Штук десять. Мы отбиваться стали. Они орков поранили, а мы несколько птиц сбили. Тогда они сменили тактику — ушли вверх и будто бы исчезли. Только мы оружие убрали и пленника тащить стали — снова появились. Мы за оружие — птицы в небо. Кто только так их а

Бежим к болотам. От птиц отбиваемся. Еще несколько штук убили, но чертовки эти свою работу выполнили — задержали нас до того времени,

пока отряд, из ихней заставы выпущенный, нас не догнал.

Пятнадцать человек. Ну, думаю, попробуем управиться. Деваться-то все равно некуда.

Дрались мы недолго. Хорошо подготовлены оказались, черти. Я двоих успел положить, и тут смотрю — ёпс! — а я-то уже один дерусь! Орков всех уже на тот свет спровадили. И «другие люди» в меня из луков прицеливаются. Предводитель ихний саблей показывает: бросай-ка, мол, оружие на землю.

«Киммерийцы не сдаются.» — Подумала киммерийская половина моей души, и я с ней согласился.

«Если киммерийцы не сдадутся, — ехидно возразила вторая, безымянная половина, — то скоро в этом болоте будет лежать труп киммерийца, героически павшего во имя орочьей независимости. Хорошая смерть, не правда ли?»

Со второй половиной я тоже согласился и поэтому бросил меч на землю. Какого черта! Я не боюсь смерти, но по-глупому умирать не хочу. В конце концов, моя цель — разведка, и где, как не на территории «других людей» я смогу лучше всего выполнить свою миссию? Я поднял руки и позволил себя связать. Как только выясню все, что мне нужно — сбегу.

Пока меня вязали, заметил, кстати, любопытную деталь. Вокруг нас не пятнадцать орочьих трупов, как должно было быть, а только четырнадцать. Один орк умудрился удрать. Кто? Конечно, Углук. Этот паразит быстро соображает.

Повезли меня в страну «других людей». Вскоре я узнал, что страна эта называется Эллепа, а люди, которые там живут, соответственно, элlepийцы.

Привели меня в тамошний форт, посадили в подвал. Утром — в пыточную камеру. Показали дыбу, клещи, испанские сапоги — в общем, все у них такое же, как и у нас. Мне даже взгрустнулось. Затем ихний командир допрашивать меня начал. Полдесятка незнакомых мне языков перебрал, а потом на ломанном аваллонском спросил (уже и без надежды почти):

— Этот язык ты знать?

— Знать. — Отвечаю. — Знать, и получше тебя.

Он обрадовался. Спросил:

— Зачем ты похищать наш человек?

Я ему объяснил. Так мол и так. Хотели выяснить, кто орков на нас гонит. Когда командир услышал, что с той стороны болот — Аваллон, удивился чрезвычайно.

— В болото нет ничего! Много идти, никуда не придти!

— Это раньше так было. — Ответил я. — А теперь там — Аваллон. Прямо за болотами.

Командир разволновался. Приказал меня в подвале запереть, охранять пуще зеницы ока и кормить три раза в день. А сам куда-то уехал.

Сию в подвале, крыс шугаю, со своими охранниками пытаюсь диалог наладить. Выучил пару элlepийских слов. Одного из стражников уже почти к игре в кости успел склонить, как вдруг возвращается командир. Вытаскивают меня из подвала и куда-то тащат.

Спустя пару дней приезжаем мы в военный лагерь. Мне позволили умыться, после чего провели в самую большую палатку.

В палатке — ковры, бархатное кресло, столик с бумагами. Люди разные. В кресле человек сидит. Типа, самый тут главный. Я присмотрелся — вот те на! А главный-то, похоже — не местный! Местные все — невысокого роста, с золотистой кожей и волосами такого странного цвета... вроде как каштановый, но с фиолетовым оттенком. А у некоторых — с синим или зеленым отливом. А тот, который в кресле сидит, телосложением явно крупнее, и физиономия — определенно аваллонская. Светлая кожа, темные волосы и глаза. Взгляд цепкий.

Оглядел меня с интересом. На табуретку напротив стола показал — садись.

— Киммериец? — Спросил меня по-киммерийски.

— Киммериец. — Не стал отрицать я.

— На службе у Аваллона?

— И это верно.

— Твое имя?

— А твое?

— Вопросы тут задаю я.

— Но надо же мне как-то тебя называть! — Возразил я.

— Можешь называть меня «король». А также «ваше величество». И на «вы» не забывай обращаться. Усек?

— Усек. Вы, значит, Король без Имени. А я — Никто из Ниоткуда.

Безымянный король хмыкнул, а потом сказал:

— Ты уже почти обеспечил себе сеанс массажа в моей камере пыток.

— Неужели имя короля — это такая тайна? — Удивился я.

— Ну хорошо, — продолжая усмехаться, сказал Его Величество. — Меня зовут Заур-ас-Эллепа-Кииут-Меидульф-ас-Зума. Доволен?

«Не пудри мне мозги. — Подумал я. — Я уже понял, что Эллепа — это

название вашей страны. И значит, то, что ты мне только что сказал — не имя, а какой-нибудь титул. Или вообще детская считалка.»

— Итак, — сказал Заур-ас... и т. п. — Твое имя. И постарайся больше меня не раздражать.

— Мое имя — Ар-тоор из клана Медведя. Я честный человек, и мне — в отличии от некоторых — скрывать нечего.

— Это похвально. И зачем же честный человек Артур пытался похитить моего человека?

Я объяснил. Я обдумал, что буду говорить элlepийцам еще тогда, когда меня волокли на ихнюю заставу. Можно было, конечно, наврать с три короба, но зачем? В данном случае честность — лучшая политика. Пленного аваллонского офицера просто так вешать не станут. По крайней мере, я на это надеялся.

Выслушав мой короткий рассказ, Заур-ас... и т. п. почесал кончик носа и пробормотал:

— Так значит, на севере появился путь в Аваллон... Вот дерьмо!.. И как некстати...

— Похоже, вы хорошо знакомы с Аваллоном. — Сказал я. — Почему бы нам не заключить военный союз против орков?

Король покачал головой:

— Это не входит в мои планы.

— А каковы ваши планы?

— Пусть это тебя не касается.

— Кстати, вы хорошо знаете киммерийский. Откуда?

— Парень, — элlepийский король вздохнул. — Читай по губам: Воп-Ро-Сы Тут За-Даю Я. Осознал или нет?

— Нет. Про киммерийцев — это что, тоже тайна? Я тогда вообще ничего не буду говорить. Может, вы хотите напасть на мою родину?..

— Ну хорошо, если тебе станет от этого легче — я несколько раз был в твоей замечательной горной стране... Кстати, ты из клана Медведя и должен знать... У вас там жила... — Он замолчал.

— Кто?

— Забудь. — Король устало махнул рукой. — Скорее всего, она давно вышла замуж... Так значит, аваллонцы послали тебя узнать, кто гонит орков?

— Вроде того.

— Вообще, странно, что Ланселот догадался расспросить орков... Совершенно не в его характере расспрашивать врагов. Не иначе, ему кто-то подкинул эту идею.

— Точно. Я и подкинул.

— У киммерийца шансов своим умом дойти до этой идеи еще меньше. — Элlepийский король искоса посмотрел на меня. — Но ты, вообще, какой-то странный киммериец. Кем были твои родители?

— А вот это, господин король, извините, не ваше дело.

— Парень, — король тяжело вздохнул. — Мне кажется, ты испытываешь мое терпение.

— Между прочим, я не «парень», а действующий офицер аваллонской армии. Которая, если захочет, раздавит ваше жалкое варварское королевство за пару недель. Если, конечно, мы с вами не договоримся.

— Мы с тобой? — Иронично уточнил король.

— Вот именно. — Кивнул я.

— Повторяю еще раз: союз с Аваллоном меня не интересует. Напротив, я вообще не хочу, чтобы они узнали о моем существовании. Настолько не хочу, что даже верну этим вонючим оркам часть отвоеванной у них земли.

«Очень интересно.» — Подумал я. А вслух сказал:

— Но в Аваллоне уже знают о вашем существовании! Пока еще ничего конкретного, но все равно... Кстати, у меня есть план, как обеспечить вашу безопасность.

— Мою безопасность?! — Подняв бровь, переспросил Заур-ас... и т. п. — Ну-ка, ну-ка, слушаем...

— Вы вводите войска с орочьих земель. После чего я иду в болота и объясняю оркам: так мол и так, живите на своей земле, но если еще раз вздумаете напасть, то два человеческих государства, объединившись, сотрут вас в порошок. Затем я возвращаюсь к своим и рассказываю о том, что здешний туземный царек, испугавшись аваллонской мощи, в срочном порядке вернул оркам их земли... Кстати, если подумать, все именно так и обстоит... А поскольку ничего особенного из себя вы не представляете, ваше королевство перестает интересовать аваллонцев и они о вас забывают. Как вам мой план?

— Отличный план. — Похвалил меня Заур-ас... и т. п. — Но мы внесем в него одно маленькое изменение.

— Какое?

— Я буду изображать из себя трусливого туземного царька перед следующим шпионом, которого сюда пришлют аваллонцы. Или, еще лучше, поручу это занятие кому-нибудь из своих заместителей. А тебе придется у нас задержаться. И боюсь, что надолго.

— Но почему?! — Возмущенно воскликнул я. На самом деле я, конечно, прекрасно понимал, почему.

— Потому ты, парень, мне не нравишься. — Король ткнул в мою сторону указательным пальцем. — Что-то ты больно умен для киммерийца. Я бы даже сказал — неестественно умен. Прямо какой-то мутант. Поэтому ты останешься у меня в гостях до тех пор, пока я не пойму, кто ты такой и откуда.

#### 4

Итак, я пленник. Вряд ли этот королек расколется, почему он так не хочет, чтобы Аваллон узнал о его существовании. Соображалка у него работает еще быстрее, чем у меня. Значит, пора сваливать. Самую важную информацию я уже собрал. Туземцами командует какой-то важный перец, по виду — аваллонец благородного происхождения. Очевидно, именно он объединил туземцев и, возможно, именно он научил их приручать больших хищных птиц. Почему он не хочет иметь никаких дел с Аваллоном? Скорее всего, он когда-то с кем-то крупно поссорился у себя на родине. С кем-нибудь из правительства или даже с королем. Не исключено, что он подготавливает тут армию вторжения.

Версия очень убедительная, но есть одна деталь, которая меня смущает. Элlepийскому королю на вид лет тридцать, не больше. Птицы появились двадцать лет назад и тогда же, по словам орков, элlepийцы начали действовать организованно. Он что, стал королем в десять лет? Хмм... А может, с Аваллоном поссорился не Заур-ас... и т. п., а его отец? Но ведь Заур — король, значит, его отец уже умер?.. Ладно, это уже все домыслы. Надо сбежать и доложиться начальству, а там пусть сами разбираются. Миссию я свою выполнил, и повышение в звании мне определенно светит.

Но прошел месяц, а сбежать так и не получилось. Нет, я не был связан, и в камере не сидел, но попробуй-ка сбежать, если палатка, в которой ты живешь, стоит посреди военного лагеря, а твоя внешность *слегка* отличается от внешности местных жителей. И десять человек, специально приставленных, за тобой сутки напролет наблюдают.

Из палатки меня выпускали только к выгребной яме (в сопровождении все той же роты почетного караула), и, раза два или три в неделю — к королю на обед. Видать, и впрямь заинтересовал его я. Кушаем, общаемся. Король меня расспрашивает. Все что-то выведать хочет, поймать на каких-то нестыковках. Только не получается у него никак. Потому как я ему спокойно всю чистую правду про себя рассказываю. Как с пиктами сражался, как у Оттона служил, как к Ланселоту перевелся. Когда начинает расспрашивать о численности войск, вооружении или о чем-нибудь еще таком — подальше посылаю, потому как это военная тайна. Вежливо

посылаю, само собой, не прямым текстом. А то вдруг и впрямь разозлится и к палачу отправит...

Начал я уже потихоньку скучать и даже подумывать стал, а не вспомнить ли мне, что я все-таки киммериец и не напасть ли по этому поводу на моих десятерых охранников, одной табуреткой вооружившись — как произошло одно событие, которое все с ног на голову поставило. Или с головы на ноги, это уж как посмотреть.

Дело было так. Сидим мы как-то раз с королем, увлеченно обсуждаем преимущества киммерийских клеймор перед седельными мечами аваллонцев. Тут откидывается полог палатки, поспешно входит какой-то человек (по виду, кстати, тоже аваллонец) и с порога говорит:

— Принц Марк, мой господин!..

Эллепийский король приказал ему заткнуться, но поздно. Слово не воробей. Я на своем месте сижу, полнейшее равнодушие изображаю. Ну-ну. Для эллепийцев король, а для аваллонцев — принц. Очень интересно. А что принц Марк — это вдвойне интереснее.

Пошептались они о чем-то, после чего Марк своего человека отпустил и к столу вернулся.

— Так вот, значит, как вас на самом деле зовут... — Сказал я.

— Угу. — Согласился эллепийский король. — Кстати, ты не обидишься, если я скажу, что теперь тебе придется задержаться у меня в гостях на ОЧЕНЬ ДОЛГОЕ время.

— Подождите! — Отмахнулся я. — Не об том речь! Сколько вам лет?

— А что?

— Да так...

— Если «да так», то лет мне столько, на сколько выгляжу.

— Хмм... — Я почесал подбородок. — А я думал, больше.

— Может, и больше. И что с того?

— Да так... Вы когда в последний раз в Киммерии были?

— Лет двадцать тому назад. А может, и больше. А в чем дело?..  
Ответишь еще раз «да так» — отдам палачу, ей-богу!

— Подождите, подождите!.. — Я разволновался. — Тут уже не до палача! На два вопроса ответьте. С вами, когда вы в тот раз в Киммерии были, ничего особенного не происходило?.. Ну, может напали на вас или там... ранили...

Взгляд Марка стал ледяным.

— Что-то ты слишком много про меня знаешь. — Сказал он мне недобрым каким-то голосом. — Кто ты такой? Откуда ты все это узнал? Кто тебя подослал? Мордред? Еще кто-нибудь из Семьи?.. Отвечай! А

ты, — Марк кивнул ближайшему слуге, — дуй к палачу и скажи ему, чтобы готовил инструменты. Все, лопнуло мое терпение!

— Последний вопрос! — Уже почти закричал я. — Клянусь, последний! Как звали женщину, которая вас лечила?

— Какое тебе дело?! Почему это тебя интересует?!

— Просто ответьте — и все!

— Ты что, пытаешься устроить допрос МНЕ??? Аваллонскому принцу???

— Нет!!! Неужели так трудно назвать одно имя?!

— Ладно. — Сказал Марк. — Я дам тебе шанс. Не знаю, как ты все это сумеешь объяснить, но нам с тобой предстоит долгий разговор. Сбежать ты все равно не сумеешь. А девушку звали Хильтруда.

Так я и думал! Все сходится!

— Ну, — поторопил меня Марк. — Я готов выслушать твои объяснения.

Набрав в грудь побольше воздуха, я выдохнул:

— Здравствуй, папа!

Марк молчал, наверное, минуты две. От радости, должно быть. На лице — такое выражение, как будто его пыльным мешком из-за угла треснули. Я тоже расчувствовался.

Когда Марк слегка в чувство пришел, начал он меня вопросами пытаться и расспрашивать всячески. Все поверить не может, что на него такое счастье свалилось.

— У Хильтруды родинка на какой щеке? — Спрашивает, подозрительно на меня поглядывая. — На правой или на левой?

— На шее у мамы родинка есть. — Отвечаю спокойно. — А на щеках нету.

В конце концов, вроде, успокоился он. Стал другие вопросы задавать.

— За достойного хоть человека она замуж вышла? — Спрашивает с грустью.

— Ни за кого она не вышла. — Говорю раздраженно. — И даже догадываюсь, почему. А ты, батя, мог бы и зайти в гости. Узнать что да как. А то знаешь, как меня в детстве называли?

— Да, тут я неправ был. — Кивает смущенно. — Хотел зайти. Честно, хотел. Но все как-то... — Махает рукой. — А потом думаю: поздно уже идти. Давно она, наверное, замужем.

— Ну, а теперь?

— Я сделаю Хильтроду Элlepийской королевой. В золоте ходить

будет. Сколько уже лет на свете живу... — Папа задумался и стал что-то мысленно считать. — Восемьсот уже есть?.. Да, вроде... Восемьсот лет уже на свете живу, а сын у меня — первый!

— Как восемьсот? — Обалдеваю я. — Так ты, значит, тоже...из этих... из неумирающих...

— И ты.

— Я не буду стареть?

— В общем, нет. От старости до сих только один бессмертный умер. Да и то — почти все уверены, что это не от старости, а от того, что его отравили.

— Хм. А ты не мог бы рассказать поподробнее?..

— Конечно. Может быть, ты уже где-нибудь слышал эту историю — или ее часть. Она очень длинная, так что запасись терпением...

И папа начал рассказывать мне про Лабиринт, Отражения, Порядок и Хаос...

Так я узнал, что раньше наша семья жила в Амбере. Но когда Амбер, по знаменитому предсказанию хаоситки Дары, все-таки был разрушен, Семья перебралась в Аваллон — мир, созданный Корвином вокруг своего Лабиринта. Корвин стал королем, несколько раз был женат, и, по примеру плодовитого Оберона, настрагал десяток детей. Может, и невежливо говорить так о бабушке, но лучше, если бы детей у него было поменьше...

— ...Первой женой Корвина стала женщина по имени Лоррен. — Рассказывал Марк. — Корвин привел ее из Отражений, и многие полагают — хотя я и не уверен, поскольку родился значительно позже и могу судить только по словам родственников — что Лоррен напоминала Корвину женщину, которую он знал когда-то давно, в другом времени и другом мире. Лоррен родила Корвину двух сыновей — Эарона и Роберта. Когда она состарилась и умерла, Корвин женился снова — на твоей бабушке, Джейн. Она происходила из благородной аваллонской семьи, но тоже была смертной. Джейн родила четырех детей, и старшим из них был я, за мной следовала Анабель, за ней Саймон, а за ним Крис. Лет через сто после того, как умерла моя мать, Корвин привел в семью еще одного своего сына — Раймонда, который родился где-то в Отражениях. Может быть, ты удивишься, когда я скажу, что у нас в семье — по крайней мере, среди детей Корвина — длительное время были хорошие, по-настоящему родственные отношения...

Отец налил себе вина и залпом осушил бокал.

— Длительное время? — Переспросил я. — А что изменилось?

— Дело в том, — Марк скрипнул зубами. — Что у Корвина, к

сожалению, был еще один сын. Ублюдок.

— Как Раймонд?

— Нет. И не смей так называть Раймонда. Он хороший человек, поэт, художник и воин. Нет, я говорю про другого ублюдка... Про того, который сейчас носит корону.

— Отец, ты меня интригуешь. Что случилось с Корвином и почему Мордред — ублюдок?

— Корвин правил около восьмисот лет. Затем он пропал в Отражениях, но перед тем официально передал корону своему старшему сыну, Эарону. С тех пор, собственно, его больше никто не видел.

— Он погиб? Впрочем, ты говорил, что Лабиринт и его создатель как-то взаимосвязаны... Если ваш Лабиринт все еще существует, значит...

— Они взаимосвязаны, но только в одну сторону, — сказал Марк. — Это стало ясно после второй и окончательной смерти Бранда. Эмеральдский Лабиринт существует до сих пор, хотя его создатель мертв. Я допускаю, что Корвин мог умереть, но на самом деле так не думаю. Я полагаю, что сначала он хотел просто отдохнуть от правления. А потом, когда началось все это дерьмо, он зарекся возвращаться. Полагаю, ему совершенно не хотелось смотреть, как его дети режут друг друга. А чтобы остановить это, он должен был убить одного из них. На такое он тоже не был способен. Впрочем, может быть, я ошибаюсь, и у отца были какие-то другие причины, чтобы не возвращаться.

— Так что случилось?

— Как я уже сказал, у Корвина был еще один сын, Мордред. Я не знаю всех обстоятельств этой грязной истории, но факт остается фактом — матерью Мордреда является родная сестра Корвина, Фиона. Полагаю, она околдовала отца или выкинула еще какой-нибудь фортель, потому что добровольно Корвин никогда бы не пошел на кровосмешение. Тем более с ней. Но, повторяю, никаких подробностей этой истории я не знаю и знать не хочу. Мордред был зачат в тот период, когда Лоррен уже умерла, а моя мать еще не родилась на свет. Пока Корвин оставался королем, мы видели Мордреда только один раз — когда Фиона привела его в Аваллон, чтобы он мог пройти Лабиринт. Тогда же Корвин признал его своим сыном.

Потом Мордред с Фионой надолго исчезли, и все, вроде бы, успокоилось. Когда Корвин отрекся, королем стал Эарон. Но он процарствовал недолго — чуть больше века. Начались постоянные набеги из Отражений. Было ясно, что этих существ и солдат кто-то направляет — но кто? Этот вопрос не прояснился до сих пор. Я-то уверен, что знаю, кто за всем этим стоял, но остальные члены Семьи не хотят меня и слушать.

Так вот, в ходе одного из вторжений был убит Эарон. Должен был короноваться его брат, Роберт, но поскольку у Эарона была несовершеннолетняя дочь, Джинна, Роберт отложил коронацию. Роберт не рвался к власти и не хотел, чтобы у Джинны в будущем возникли какие-то к нему претензии. Возможно, он даже был готов уступить ей корону. Однако спустя несколько месяцев после смерти Эарона, погиб и Роберт при точно таких же обстоятельствах: крупный вооруженный отряд, возникнув неизвестно откуда, неожиданно напал на его ставку.

И вот тут-то и появился Мордред. На белом коне и с Камнем Правосудия на шее. Если ты окончательно запутался, могу тебе напомнить, где Камень Правосудия находился до этого: в глазнице Корал, жены Мерлина. Что случилось с Корал и с Камнем после смерти Мерлина, нам точно неизвестно. Очевидно, это известно Мордреду. Подозреваю, что он попросту убил Корал для того, чтобы завладеть Камнем.

Мордред изобразил из себя героя, заявил, что с помощью Камня остановит эти вторжения, и действительно, они вскоре прекратились...

— Хмм... Как-то дурно пахнет вся эта история.

— Вот и мне так кажется. — Кивнул отец. — Любому здравомыслящему человеку очевидно, что Мордред организовал эти вторжения для того, чтобы сначала убить Эарона и Роберта, а затем — поскольку Корвин формально признал его — отвести войска и короноваться в Аваллоне...

— А что с Джинной?

— Мордред проигнорировал ее права. Когда он заявил о своих правах на корону, его поддержала Фиона, а значит — и Джулиан. Дядюшка всегда пускал слюни при виде этой рыжеволосой стервы. За Джулианом, естественно, последовал его сын, Каин. К ним склонились все старшие, в смысле — все дети Оберона — которые к тому моменту еще оставались в живых... И кое-кто из детей Корвина...

— А ты?

— Меня на семейный совет почему-то забыли пригласить.

— Пригласился бы сам.

— Если я бы знал, пригласился бы, будь уверен. — Марк вздохнул. — Но в то время с Отражениями происходило что-то странное... Карты то работали, то нет...

— Какие еще карты?

— Объясню, как только закончу нашу семейную историю. Собственно говоря, я уже почти все рассказал. Между нами говоря, я тоже считаю, что права наследования должны передаваться по мужской линии, а не по

женской. То есть — пусть Джинна сидит на своем месте и не высовывается. Трон должен быть моим, поскольку Мордред — ублюдок.

— Понял твою позицию, отец. Целиком и полностью разделяю.

— Теперь что касается карт... — Марк достал из нагрудного кармана пухлую колоду и протянул ее мне. — Смотри, но слишком пристально не вглядывайся. Тут изображены все живые члены нашей Семьи. Как неудачно пошутил однажды Каин-2 — «пока еще живые». С помощью карт мы можем общаться и переходить друг к другу.

Я стал рассматривать карты. Красивые. Холодные. Некоторые были нарисованы очень тщательно. Другие — менее, схвачена только самая суть. Кроме карт с портретами моих родственников в колоде отца было немало пейзажей. Одна из карт особенно привлекла мое внимание. Она изображала склон горы. Вдалеке виднелась заснеженная вершина. Другая вершина, за ней, была ярко-алого цвета. Такую картину можно было увидеть у нас в Киммерии ранним утром... Внезапно я понял, что это и есть Киммерия. Я даже узнал место. Наш поселок должен был находиться совсем недалеко.

Происходило что-то странное. Та гора, которая была ярко-алого цвета, вдруг потускнела. Небо затянули облака. Почему на этой картинке утро сменилось пасмурным вечером? Да и картинка ли это?.. Я вдруг осознал, что смотрю в маленькое окошко, которое постепенно растет перед моими глазами. Ветви дерева, приютившегося на склоне, колыхались от ветра...

— Эй, эй!.. Алё!.. — Марк присвистнул, и наваждение пропало. Я поднял глаза, потом снова быстро посмотрел на карту. Дерево не колыхалосаь, а гора на заднем фоне опять стала ярко-алой.

— Я же тебя предупреждал, чтобы ты не смотрел на них пристально!.. — Буркнул Марк, отбирая карты.

— Я на все смотрел одинаково. — Возразил я. — Но ожила только эта картинка...

— Хмм... Наверное, ты хорошо знаешь это место и, взглянув на изображение, смог легко домыслить все остальное. Но если бы ты некоторое время посидел бы над любой другой картой, ты смог бы войти и в них.

— Войти?.. Я бы действительно там оказался?

— Точно.

— Ага! Теперь я понимаю, как ты удрал из нашего поселка. Мама говорила, тебя долго искали.

Марк усмехнулся.

— Кстати, — напомнил я. — Ты так и не рассказал, как очутился в

наших горах. И почему был ранен.

— Понимаешь, я так и не дал Мордреду присягу...

— И тебя попытались убить?

— Совершенно верно. Как-то раз, когда я гулял по Отражениям, на меня напал вооруженный отряд...

— Как на Эарона и Роберта?

— Перестань меня перебивать!

— Прости, отец.

— Прощаю. Да, как на Эарона и Роберта. Я уже упомянул про наши необычные физические возможности. Эти возможности, вкупе с воинским опытом делают из нас воинов, которым нет равных на Отражениях. По крайней мере, в большей их части... Но этот отряд был очень хорошо подготовлен. Я понял, что меня сейчас убьют. Я убил двух или трех, и мне удалось оторваться от них. Счет шел на секунды. Я схватил колоду. Сверху лежала карта Киммерии. Искать место получше времени не было и я взгляделся в карту. В этот момент в меня попали из арбалета, но мне удалось удержать контакт и перейти на ту сторону. Остальное ты знаешь.

— С тех пор ты скрываешься здесь?

— Да. Мне совсем не хотелось, чтобы Мордред повторил покушение. Но я не учел, что это Отражение может пришвартоваться к самому Аваллону. Они, конечно, усиливаются от нашего присутствия, но чтобы так быстро подняться к реальному миру... — Отец покачал головой. — Такое редко бывает.

— Ты не возражаешь, если я проживу в Эллепе некоторое время? Хочу получше ознакомиться со всей этой семейной историей.

— Напротив, я даже настаиваю.

— Я что, все еще твой пленник?

— Пленник? — Отец поперхнулся вином. — Ты мой сын, и отныне ты волен идти куда хочешь. Или не идти. Хочешь, я подарю тебе это Отражение? Будешь Элlepийским королем.

— Хмм. Мне казалось, что ты собирался подарить этот мир моей матери.

— Хорошо, найдем тебе какой-нибудь другой мир.

— Пожалуй, — я покачал головой, — мне еще рановато становиться королем. Сначала я хочу научиться ходить по мирам. И карты создавать. И фехтовать, как Оттон.

— А разве Оттон хорошо фехтует? — Удивился отец.

— А разве нет?

— Да брось ты! Я фехтую гораздо лучше.

После этих слов я резко зауважал отца.

— В общем, оставайся у меня. — Подвел черту Марк. — Я введу тебя в курс дела. Объясню, что к чему. Вместе подумаем, как бы тебе пройти Лабиринт так, чтобы об этом не узнал Мордред. После прохождения Лабиринта — если, конечно, ты останешься жив, поскольку в процессе прохождения запросто можно и погибнуть — ты сможешь ходить по Отражениям.

## 5

...Я рассматриваю наше родовое дерево. Из старших — то есть из братьев и сестер Корвина — в живых остались только Фиона, Льювилла, Флора, Джулиан и Жерар. У Льювиллы двое детей — Эрнил и Майра. У Джулиана сын — Каин. У Жерара дочь — Диана.

— Отец, а что случилось с Бенедиктом? — Интересуюсь у Марка. — Ты, кажется, говорил, что он был непобедимым воином.

— Да, это так. И поэтому его отравили.

— Но это бесчестно!

— Наверное. — Кивает Марк. — Хорошо, что мы заговорили об этом. Сынок, пойми одну вещь. Побеждать можно не только мечом и кулаками. Если Бенедикта убили, значит, в чем-то он был хуже, чем его противник.

— А кто его отравил?

— Неизвестно. Но, учитывая, что он не претендовал на трон, можно легко предположить, кому это было выгодно.

— Кому?

— Хаоситам. Его смерть здорово ослабила нашу семью.

— Разве королевства все еще воюют?

— Они всегда воевали и всегда будут воевать. По самой своей природе. Но иногда конфликт становится открытым, а иногда происходят... такие вот диверсии. У нас был период сравнительно хороших отношений, пока Хаосом правил Мерлин, но с его смертью все покатило по старой дорожке. Понимаешь, они — дети Змея. А мы — дети Единорога. Конфликт будет существовать до тех пор, пока существуют Порядок и Хаос. Если даже кто-то попытается идти против течения, его уберут. Не одна Семья, так другая. Так уже было с Мерлином. Он пытался сидеть на двух стульях и в конце концов лишился поддержки обоих божеств. А без их покровительства первое же покушение на его жизнь оказалось последним. Удача — это вполне осязаемая вещь, Артур. Змей или Единорог могут даровать удачу удобной им персоне... а могут и отнять ее.

— Но ведь в нас тоже есть кровь Хаоса... В конечном итоге они наши

родичи, хотя и дальние.

— Может быть. — Марк пожал плечами. — Но об этом у нас редко вспоминают. В Хаосе нас до сих пор считают мятежниками. Ну а мы считаем их теми, кто они по своей природе и есть — то есть обыкновенными демонами. Вернее, необыкновенными. Очень злобными и опасными демонами. Настолько хитрыми демонами, что они могут легко вкратиться в доверие к какому-нибудь неопытному аваллонцу...

— Ладно-ладно, будем считать, что ты меня предостерег и вернемся к Бенедикту. Под его именем я вижу еще одно. У него что, был сын?

— Да, Эльгант. Бенедикт долго не хотел знакомить его с Семей. Но в конце концов ему пришлось это сделать — когда Амбер рухнул и мы переселились сюда, в Аваллон. Чтобы вернуть себе способность управлять Отражениями, всем амберитам пришлось пройти Лабиринт Корвина. И Эльганту тоже.

— Я вижу рядом с его именем крестик. Он тоже погиб?

— Да, и не так давно. Лет пятьдесят назад.

— При каких обстоятельствах?

— В его корабль ударила молния.

Поскольку Марк замолчал, я посчитал необходимым спросить:

— И все?

— И все. Корабль сгорел. Эльгант тоже.

— Прости, но мне почему-то кажется, что тут что-то не так...

— Это кажется не тебе одному. — Успокоил меня Марк. — А учитывая, что с помощью Камня Правосудия можно управлять погодой, мне лично совершенно ясно, откуда тут растут уши.

— Камень Правосудия все еще у Мордред?

— Конечно.

— А что он не поделил с сыном Бенедикта?

— Ничего. Но достаточно и того, — хмыкнул Марк. — Что мы с Эльгантом были друзьями.

— Понятно. Если все это правда, почему Мордред до сих пор еще жив? На нем вон сколько смертей...

— Потому что в нашей Семей никогда никого не судили. Разве что заочно или уже мертвого пост фактум. Все всё знают, но никогда ничего нельзя доказать. Даже если ты предъявишь видеопленку с записью, на которой Мордред лично убивает Эарона и Роберта, а также низводит молнию на корабль Эльганта, никто эту видеопленку в качестве доказательства не примет, поскольку, в принципе, ты мог наколдовать ее пять минут тому назад.

— А кто они такие?

— Кто?

— Видео пленки.

— Потом как-нибудь объясню.

— А кроме них что мы еще умеем наколдовывать?

— Что угодно. Я не очень хороший колдун. — Марк пожал плечами. —

Но ты, если захочешь, научишься. После того, как пройдешь Лабиринт.

— Знаешь, папа, у нас в Киммерии к колдунам относятся очень плохо, но после того как ты сказал, что яд, которым отравили лучшего воина во вселенной — это тоже оружие, я думаю, колдовству мне нужно научиться обязательно. Хотя бы для того, чтобы меня самого кто-нибудь не траванул.

— Молодец. — Отец одобрительно похлопал меня по плечу. — Продолжай думать в таком же ключе, и у тебя появится шанс выжить в нашей семье.

— А сложно пройти Лабиринт?

— Сложно, но если ты действительно мой сын, справишься. Главная сложность в том, как к Лабиринту попасть. Видишь ли, единственный путь в место, где... эээ... находится Лабиринт, расположен прямо под королевским дворцом.

— И Мордред его охраняет?

— Поскольку он король, это вроде как его прямая обязанность.

— Папа, у меня идея.

— Какая?

— Не знаю, может она тебе не понравится...

— Только если она насквозь глупа. — Предупредил меня отец.

— Хорошо, тогда скажу. Давай я приду в Аваллон и заявлю, что я — не твой сын, а, например... например, сын Эльганта. Ведь никто точно не знает, от чего он на самом деле погиб. Во всяком случае, притворюсь, что лично я этого не знаю и никого ни в чем не подозреваю. Попала молния в корабль — ну что ж, бывает. Нас с тобой вроде как ничего не будет связывать и я буду твоим козырем в рукаве.

— А мысль совсем даже не дурна! — Похвалил меня Марк, смахнув скупую мужскую слезу. — Да, сынок, в тебе явно видна наша кровь!

Вот так мы и познакомились с батей. Сначала я был ему врагом, потом его пленником, а под конец стал тайным союзником. Как настала пора возвращаться, собрал я манатки и почапал обратно в болото.

Как только в болото зашел, окружили меня орки. Углуб вперед выходит и подозрительно меня оглядывает.

— Твоя от других людей бежал?

— Нет, — говорю. — Сами отпустили. Удалось уболтать ихнего короля. Теперь он свои войска назад отведет, и половину вашей земли назад вам вернет.

— Половина — мало. — Возражает Углук. — Нам вся земля надо и еще надо!

— Если хочешь воевать с ним — воюй на здоровье. — Отвечаю. — Хоть до тех пор воюй, пока он вас окончательно не истребит. Но Аваллон чужую землю для тебя завоевывать не станет. Радуйся тому, что вам хотя бы половину вернули.

— Обманул! — Злится Углук. — Обманул! Плохие переговоры! Съедем твоя!

— Дурак, — смеюсь. — Если вы меня съедите, кто наступление аваллонцев остановит? Кстати, они уже начали жечь ваши болота или ждут пока?

— Ждут что-то. — Углук глаза в землю опускает. — Людей много-много. Стреляют.

— Это они меня ждут. А если не дождутся, все эти «много-много» в ваши болота пойдут. Поэтому давай-ка поспешим.

И мы поспешили. Как только заметили меня с наблюдательной вышки, засуетились. Подхожу к заставе, а у самых ворот Никос Эрбеш ждет. В одной руке — кружка с пивом, а другой лошадь за уздцы держит.

— Здорово, командир! — Говорит. — Как ты появишься, приказано передать, чтоб немедля в генеральский штаб ехал.

— Не пори горячку, — отвечаю, пиво из рук Никоса принимая. — Сначала помыться и выспаться следует.

— Если ты не придешь, через неделю наступать приказано!

— Подумаешь тоже — неделя! Успеем. А насчет наступления — передай всем, что оно отменяется.

— Это ж Ланцелотов приказ! — Шепчет Никос. — С тебя ж голову снимут, если что не так окажется!

— Не снимут. — Смеюсь.

С утра пораньше на лошадь сажусь и еду к своему генералу. Хотя, впрочем, если я — сын принца, то какой он мне генерал? Вассал моих родичей, пусть даже старейший и вернейший. Думая так, скачу по дороге, во весь рот ухмыляясь.

Приезжаю. Встречает меня в штабе Ланселот, а с ним еще один типчик. Я его физиономию среди отцовых карт видел, но даже и без карт узнал бы. Знаменитый принц Джулиан в своих не менее знаменитых белых доспехах. Взгляд острый — не глаза, а будто бы два стилета.

Отдаю честь, докладываюсь. Так мол и так. Туземный царек Заур-ас-Эллепа-Кииут-Меидульф-ас-Зума пришел в ужас, узнав, что привлек своими действиями внимание могущественного Аваллона. Он немедленно уводит войска на юг, возвращает оркам их земли и смиренно надеется на то, что не слишком разозлил аваллонских принцев своими необдуманными завоеваниями.

Пока я говорил, нарастало во мне ощущение, что слушает меня Джулиан в пол уха, потому как сам я интересен Джулиану гораздо больше, чем мой рассказ.

— Так это он и есть? — Спросил принц у Ланселота. Сообразив, что речь идет обо мне, я сделал морду кирпичом.

— Да, это он. — Кивнул Ланселот.

— Рад познакомиться с вами. — Вкрадчиво обратился ко мне Джулиан таким мягким, таким дружественным голосом, что сразу стало ясно: в чем-то он меня подозревает. — Ланселот много о вас рассказывал... и Оттон упоминал...

Ага. Вот значит как. Ланселот рассказал ему обо мне, Джулиан заинтересовался и связался с Оттоном. А уж Оттон ему про меня много чего мог поведать... И про мою силу, и про то, как я, в пиратском замке едва ли не в фарш изрубленный, уже через три недели бегал и прыгал, будто бы ничего не было...

— Скажите, Артур. — Говорит, будто шелковый плащ под ноги стелет. — Как звали ваших родителей?

— Маму, — честно ответил я. — Хильтруда.

— А отца?

— Эльгант. — Я пожал плечами. — Но я его никогда и не видел.

Как они с Ланселотом переглянулись! Прямо глаза у обоих сверкнули!

— Не может быть. — Произнес Ланселот. — Эльгант погиб пятьдесят лет назад. А Артуру — вполовину меньше.

— Может, — возразил Джулиан. — Время в этих Отражениях иногда так странно течет, что в нем сам Единорог ногу сломит.

«Единорог сломит ногу. — Подумал я. — Или, в крайнем случае, рог... А Змей Хаоса что сломает? Хвост?»

— Простите, — говорю, полного валенка изображая. — О чем это вы? Ничего не понимаю...

— Видите ли, молодой человек. — Джулиан сделал паузу и еще раз оглядел меня с ног до головы. — Не исключено — я не говорю, что это именно так, но не исключено, что ваш отец и мой племянник Эльгант — это один и тот же человек. Внешне, признаться, вы на него не очень похожи, но...

— Простите, принц, но я бы не стал торопиться с выводами... — Буркнул Ланселот. — Сколько отраженцев, в которых подозревали амберскую кровь, погибли, так и не сумев пройти Лабиринт?..

— Ну что ты, Ланс, — пожурил генерала Джулиан. — Зачем ты заранее пугаешь этого замечательного молодого человека? Какая разница, сколько их было — сто... или двести?.. Кто их считает?..

— Не знаю, о чем вы, но киммерийца не так-то легко напугать! — Вновь подал я голос.

— Вот видишь, Ланс. — Улыбнулся Джулиан. Потом повернулся ко мне и заботливо так сказал:

— Узнать, был ли ваш отец членом Семьи, можно только одним способом... В общем и целом этот способ совершенно безопасен... Если, конечно, вы и в самом деле сын Эльганта.

Спустя несколько часов слова Джулиана повторил король Мордред. Дело происходило уже в аваллонском дворце, куда мы перенеслись по Джулиановой карте. Мордред оказался человеком невысокого роста и худощавого телосложения. Темные волосы, зеленые глаза. На голове он носил корону, на шее — цепь с огромным рубином.

В помещении присутствовало еще несколько членов Семьи. Все они рассматривали меня так, как будто я был каким-то любопытным насекомым. Или мышью в лабиринте. «Пройдет или нет?» — У всех в глазах один и тот же вопрос читался. Хорошо, что хоть ставок не делали. Хотя, может, и делали. За моей спиной. А когда я с кем-нибудь взглядом встречался, улыбались мне так ласково, так приветливо, как будто бы никого дороже меня у них на свете не было. Из этой честной компашки только Оттон — его тоже по карте вызвали — на меня с искренним участием смотрел.

А король, значит, речь свою уже заканчивает и еще раз напоследок предупреждает, что прохождение Лабиринта — дело нешуточное.

Сдохнуть, мол, можно там запросто, и даже не запросто, а прямо-таки с гарантией, если окажется, что нет-таки во мне амбероаваллонской крови.

— Ну, — говорю пренебрежительно, простодушного киммерийца из всех сил изображая. — Не боялся смерти в бою — не испугаюсь и какой-то светящейся загогулины!

Мордред хмыкнул и повел меня вниз. Еще отправились с нами Оттон и Джулиан. Остальные, полагаю, по картам следили.

Спустились в подземелье. Скоро коридоры сменились пещерами. Темно — только огоньки фонарей, которые Оттон и Джулиан несут, тихо себе мерцают. Вдруг — рев! Нечеловеческий, дикий. Уж на что у меня нервы крепкие — и то вздрогнул.

— Что это? — Спрашиваю.

— Минотавр. — Отвечает король. — Лабиринт охраняет.

Долго шли по пещерам, то вправо, то влево сворачивая и вот наконец впереди увидели тусклый свет. Вышли наружу...

Странное место. По земле туман стелится, и мир вдалеке смазан, будто не мир это, а картинка незаконченная... Справа от входа дерево растет. Огромное! Листьями шелестит, хотя ветра-то и нет.

Идем дальше. Вдруг расходится туман, и видим мы светящийся узор, на земле начертанный.

Оттон на всякий случай еще раз все инструкции повторил. Мол, нельзя останавливаться и сходить с линии нельзя.

— Если что, — говорю, на Лабиринт вступая, — прошу посмертно повысить меня в звании. Хотя бы до полутысячника.

— Повысим, — обещает король, — хоть до фельдмаршала.

Как по Лабиринту шел — рассказывать не буду. Не к чему. Все он во мне перевернул, все воспоминания наружу вытащил и предъявил — мол, ваше ли это, уважаемый Артур Маркссон? Ну а раз ваше, уплетайте за обе щеки и не жалуйтесь... Да, много чего вспомнилось... То орк пытаемый на языке своим орочьем меня проклиняет, то пираты башню берут и саблей мне брюхо вспарывают, то девушки томно вздыхают... Те три, которым обещал, что женюсь. Одна киммерийка, а с двумя другими на западных островах, в перерывах между контр-пиратскими рейдами, познакомился. Я уже и забыл про них.

В общем, долго парил Лабиринт мне мозги всякой ерундой, и под конец запарил почти, но я все-таки прорвался, через огонь колдовской прошел и в центре вышел. Лег в центре, дышу тяжело. Одежда вся потом пропитана. Поспать, что ли?

— Эй, Артур! — Крикнул мне Оттон. — Не суйся пока в Отражения!

Давай к нам!

— А как? Обратно по линиям идти?

— Ни в коем случае! Просто прикажи Лабиринту тебя обратно доставить!

Я так и сделал. Мир будто мигнул — и вот я уже рядом с родственниками своими стою. Мордред мне руку пожал и с успехом поздравил. А тем временем краем уха слышу, как Оттон вполголоса Джулиану говорит:

— Гони монету. — И Джулиан без споров кошелек из кармана достает и Оттону незаметно протягивает.

«Ну, — думаю, — если уж мой единственный друг так поступает, остальные-то амберо-аваллонцы каковы?»

После того выделили мне во дворце покои, где я благополучно и проспал почти сутки. Проснулся, есть хочу — умираю! Вылез из спальни, смотрю — в соседней комнате слуга дежурит. Меня увидел, оживился.

— Пойдемте, — говорит, — милорд, покажу вам где душ и прочие разные удобства...

— Пожрать бы чего-нибудь. — Тонко намекаю ему я.

— Не извольте беспокоиться. Как вы проснетесь, приказано стол к праздничному обеду накрывать.

— А что празднуем?

— Как что? — Удивляется слуга. — В вашу честь обед будет. Не каждый день в королевской семье прибавление происходит.

Разобрался, как с душем управляться. Помылся. Одежду чистую получил. В столовую захожу — а там уже вся семейка собралась. Познакомился наконец со всеми. Больше всего мне Жерар понравился. Душа у него наша, киммерийская, это сразу видно. От такого человека подлости ждать не станешь. Остальные... так себе. Разобраться еще надо, кто есть ху.

Обедаем. О разных разностях беседуем. Едва ли не каждый свои услуги предлагает. Джулиан Арденский лес показать хочет, Льювилла — королевство свое подводное, Флора в курс семейных событий обещает ввести, Каин (который Джулианов сын) в фехтовальный зал тянет, Оттон про Отражения рассказывает и научить ходить по ним предлагает. А Анжелика про магию намекает. Мол, каждый истинный бессмертный ею владеть должен хотя бы в самых основах.

Удивляюсь я, на них глядячи. Что это они такие хорошие, добрые? «Подозрительно.» — Думаю.

— Что, пугает чужое радушие? — На ухо кто-то шепчет.

Оглядываюсь — никого. Кто же со мной говорит-то? Неужели киммерийские духи-хранители предостерегают?

— Нет, не они. — Невидимка смеется. И понимаю я вдруг, что не рядом голос раздается, а в голове моей. И голос этот — женский. Тянусь к голосу, а глазами всех родственников за столом оглядываю. Кто же... Ага! Фиона что-то за краем стола прячет и это «что-то» рассматривает пристально. Как только я на нее посмотрел, улыбнулась, но глаз не подняла. Так и есть, она! Когда ж она, поганка, Козырь мой нарисовать успела?

— Не хами старшим. — Говорит. — Прежде всего, тебе необходимо научиться пользоваться картами...

— А и вправду, — отвечаю мысленно, — что это вы все такие добрые? Каждый чем-то поделиться спешит...

— Не всем, а только общеизвестным. — Отвечает. — Ты пока новичок, ни с кем ни в союзе, ни в ссоре. Поэтому каждый на свою сторону тебя переманить хочет.

— И вы, тетя?

— И я. — Соглашается. — Лучше лишнего друга иметь, чем лишнего врага. Правильно?

— Правильно. А вы...

— Можно и на «ты». Я ведь все-таки твоя тетка, хотя и внучатая.

— Хорошо. Не подскажешь, тетя, как бы мне тоже колоду карт раздобыть?

— После обеда король даст тебе одну из запасных колод и объяснит, как ими пользоваться. В будущем с этим вопросом обращайся к Раймонду — он у нас главный художник. Ну, а если Раймонд будет занят, можно и ко мне.

— Ладно.

Много свежих впечатлений было в тот день. И до, и после обеда. К вечеру ближе почувствовал зуд в голове. Что это такое, я уже знал — объяснили и научили, и как контакт через карту поддерживать, и как от него закрываться.

Отвечаю. Перед мысленным взором отцовский образ появляется.

— Поздравляю. — Говорит. На губах улыбка мягкая, и морщинки у глаз собраны.

— Спасибо. Как ты узнал, что я... ну, уже?

— Мне Крис рассказал.

— Так он что, знает, что я твой сын?

— Пока нет. После моего добровольного изгнания именно Крис держит меня в курсе всего, что происходит в Аваллоне. Вот теперь он рассказал и о тебе.

— Ты ему доверяешь?

— Больше, чем другим. Подумываю даже, не рассказать ли ему, кто ты на самом деле...

— Не стоит. Мне кажется, это не вопрос доверия. Это вопрос безопасности.

— Артур, — отец печально вздыхает. — Если я вдруг скоропостижно скончаюсь...

— От чего бы это?!

— От апоплексического удара, вызванного попаданием арбалетного болта. Слушай и не перебивай. Так вот, если я вдруг умру, ты никогда не сможешь доказать, что ты мой сын, а не Эльганта. И короны тебе не видать...

— Ну да и черт с ней.

— Нет, не черт. Если ты не признан родителем, то и никаких прав на его наследство не имеешь. А мне бы хотелось, что бы вместо Ублюдка если уж не я, то хотя бы мой сын стал королем. Так что Крису я все-таки расскажу. Поверь, я не зря ему доверяю.

— Тебе виднее, отец. — Пожимаю плечами. — А знаешь, Мордред кажется не таким уж плохим. По крайней мере, на первый взгляд.

— Ни в коем случае доверяй ни ему, ни тем, кто играет в его команде! — Осаждает меня Марк. — Особенно будь осторожен с Фионой! Говорят, она умеет читать мысли.

— Да?... Ну ладно. Постараюсь ни о чем не думать, когда она поблизости. Или буду мысленно распевать наши боевые киммерийские песни.

— Вот-вот. А вообще — побудь во дворце недельку-другую, чтобы не показаться совсем уж невежливым, и возвращайся обратно ко мне. В Элlepийском королевстве тебе будет куда безопаснее, чем в этом гадюшнике.

— Наверное, я так и поступлю. — Задумчиво киваю. — Кстати, ты видел маму?

— Я ее уже забрал.

— Здорово.

Отец улыбается и говорит:

— В общем, мы тебя ждем.

— Ну, тогда до встречи.

— До встречи.

...Живу пока во дворце. Вникаю в курс дела, занимаюсь рукопашным боем с Жераром, а магией — с Анжеликой. Оттон, как и обещал, по Отражениям ходить меня учит.

Когда в первый раз во дворец из путешествия возвращались, спросил его:

— Ну-ка, братец, повтори-ка еще раз ту «оговорку», которую ты, когда мы впервые встретились, на корабле своем флагманском сделал? Что ты говорил насчет того, будто бы ты Киммерию *придумал*?

Мне, как «внуку Бенедикта» Оттон мне троюродным братом приходится. А на самом деле — и вовсе двоюродным.

— Так ведь так оно и есть. — Смущенно ответил мой кузен.

— Расскажи.

— Мне тогда было лет пятнадцать. Тетя Флора книжек разных из Отражений приволокла. Там была одна, которая мне особенно понравилась. Там рассказывалось про Конана из Киммерии...

— Да, — гордо сказал я. — Наш первопредок всюду известен! На всех Отражениях!

— Да подожди ты, — махнул рукой Оттон. — Не было тогда не то что Конана — всей вашей Киммерии еще не было! Придумал вашу страну какой-то отраженческий сказочник. А появилась Киммерия только потому, что я в нее поверил. Через несколько лет я прошел Лабиринт — вот тогда ваша страна и возникла... Ну и намучились же мы с вами! В битве на Нэлеорских равнинах мне какой-то огромный варвар всю челюсть моргенштерном раздробил... Два месяца потом заживало...

— А, знаю-знаю!.. — Я оживился. — Кстати, этого киммерийца тоже Конаном звали. У нас так часто детей называют. Про его подвиги у нас песни поют. Хочешь, спою?

— Не хочу. — Недовольно пробурчал Оттон, челюсть поглаживая.

— А когда ты Лабиринт прошел?

— Лет двести пятьдесят тому назад. Примерно.

— Совпадает. — Кивнул я. — Тогда у нас Аваллон и появился. Только ведь мы и раньше жили.

— Откуда ты знаешь?

— Да я тебе всех предков по памяти могу перечислить до пятидесятого колена включительно!

— Это еще ни о чем не говорит. — Покачал головой Оттон. — Когда мы создаем Отражение, мы создаем его сразу, целиком. Со всей историей и

прочим.

— Ишь ты, создатель! А ну-ка, перечисли моих киммерийских предков!

— Не знаю я их. — Улыбается братец. — Мы ведь только пробуждаем Отражение к жизни. Общие принципы придумываем и несколько частных деталей. Остальное само собой создается. Подстраивается автоматически.

— Что... что делает?

— Эээ... Попроси Флору — пусть она тебя в какое-нибудь Отражение, где техника развита, ответит.

Так вот и живу. Книжки из библиотеки разные читаю. Книжки все на тари (на аваллонском, значит, языке), но у многих на первой странице примечание: из какого Отражения изъяты. Нашел и про Конана. Странная книжка. Неправда. Не так все было!

Еще другую книжку нашел. Название заинтересовало — «Король Артур и рыцари Круглого Стола». Надо бы, думаю, узнать, что такого великого мой тезка свершил. Прочел. Задумался. Что-то совпадений многовато. Вот интересно, а мой любимый дядя Мордред эту книжку читал?

Живу, значит, учусь. С родственниками общаюсь. Только вот с Каином мечи нам так и не удалось скрестить — буквально уже на следующий день уехал он куда-то. Уехал — ну да и бог с ним.

Жерар из меня отбивную каждый день на татами делает.

— Неужели, — смеется, глядя, как я на ноги поднимаюсь, — у вас все в Киммерии такие хлипкие? Или ты один такой?.. Ну-ка, малыш, покажи, на что ты способен!

Это он меня злит, значит. Ай, не надо меня злить! Я и сам разозлюсь. На ноги вскакиваю и с боевым ревом к Жерару кидаюсь. Он на месте стоит, и только в самый последний миг в сторону уходит. Был он тут, а вот уже и нету. Ставит мне подножку, придает дополнительное ускорение и смотрит с улыбкой, как я по стенке сползаю. Хорошо хоть, что в этой комнате стены подушками обиты.

Спустя час или два в бассейне с теплой водой лежим, расслабляемся. Вода булькает — снизу пузырьки поднимаются. Чудно, но приятно. Магия, не иначе!

— Говорят, ты с орками мир заключить умудрился. — Обратился ко мне Жерар.

Я кивнул.

— Кто там на них нападал, не расскажешь?

Рассказываю. Про туземного царька Заура. Жерар мне симпатичен, но не до такой же степени, чтобы правду ему рассказывать!

— Ну, теперь хоть на юге спокойно будет. — Удовлетворенно сказал дядя.

— А где, — спроси я, — еще беспокойно? Оттон говорил, что беспорядки только на юге. Из-за орков.

— Не только. Еще на севере. Там постоянно что-нибудь происходит...

— На севере?.. — Я мысленно вообразил географическую карту. — На севере Киммерия!

— Вот именно. — Хмыкнул Жерар. — Постоянно кто-нибудь из ваших с гор спускается и разбойничать начинает. Пограбят — и обратно...

— Да, — согласился я. — Бывает. Только это опасное дело. Добычи мало, а возни много. Аваллонские патрули постоянно шныряют. Нет, наши куда чаще к пиктам в гости заходят, чем к вам.

— Пикты тоже хороши. В открытую не нападают, а вот купца какого-нибудь ободрать — это всегда пожалуйста.

— Пикты — презренное племя. — Заявил я на всякий случай.

— Всякий народ в чем-то презренен. — Возразил Жерар. — И всякий интересен по-своему. Пикты хорошо из луков стреляют. И засады делают.

— Да, это верно.

— На севере у нас стоит система укреплений. Форты, заставы, патрули...

— Знаю. Неподалеку от одной такой заставы как-то раз дядьку моего — мамино брата — аваллонские лучники стрелами напиговали, будто дикобраза.

— ...руководит этой системой укреплений Каин. — Продолжил Жерар. — Вот он и сейчас на север отправился. Наверное, снова случилось что-то. Не знаешь, ваши в поход против Аваллона в последнее время не собирались?

— В последнее время, — я покачал головой, — не знаю. Не был там давно. Сначала у Оттона, потом у Ланселота служил. Но, учитывая, каким позором обернулся наш последний поход против пиктов, вряд ли наши вожди в ближайшие годы еще в какой-нибудь поход идти захотят. Хотя... некоторые могут и пойти. Хотя бы для того, чтобы от пиктского позора как-нибудь отмыться. Кстати, дядя, объясни мне вот что: почему вы до сих пор Киммерию не захватили? У вас ведь армия — ого-го! Ну и что, что один киммериец сильнее одного аваллонского солдата? Наши в строю сражаться не умеют, разведку не выставляют и в бою думают только, как бы удаль свою показать. Я, конечно, не полководец, но кое-что в военном искусстве смыслю — Оттону и Ланселоту спасибо. Захватить Киммерию вы могли уже очень давно. Почему вы этого не сделали?

— Потому что, — ответил Жерар. — Оттон придумал вас слишком свободолюбивыми. Вы никогда не покоритесь внешнему завоевателю. Будете сражаться с ним до последнего человека. Пришлось бы вас всех уничтожить...

— Ха! Как будто бы в вашей... в нашей семье это хоть кого-то могло остановить!

— Хмм... — Недовольно посмотрел на меня Жерар. — Ты всего неделю с нами, а уже полон цинизма.

— У меня есть глаза, дядюшка. И я вижу, что ты отличаешься от остальных. Может быть, перспектива геноцида лично тебя бы и остановила.

— Спасибо, конечно, на добром слове. — Кивнул Жерар. — Хотя ты обо мне слишком хорошего мнения. Против вашего поголовного истребления выступал не я, а Оттон.

— Ах да, Оттон. Он же нас придумал... И что теперь? Вы решили оставить все так, как есть?

— Нет. Одно время вопросом покорения Киммерии занимался Эльгант, а когда он погиб, эстафету принял Марк. Он проводил «культурную разведку». То бишь — выяснял, какие у вашего народа болевые точки, на которые можно при случае надавить таким образом, чтобы захватить вас — но все-таки не уничтожать полностью.

Я медленно кивнул. Теперь мне стало понятно, откуда в отцовской колоде появился Козырь Киммерии.

Ну и ну! Выходит мой отец — шпион!..

Нет, не так...

Мой отец не шпион. Он разведчик! Я гордо расправил плечи.

— Но в последние годы Марк куда-то пропал и все снова повисло в воздухе... — Вздыхнул Жерар. — Основная проблема в том, что все эти ваши кланы очень сложно объединить... тем более — внешней силой. Вот если бы, — тут Жерар внимательно посмотрел на меня, — среди самих киммерийцев появился бы харизматичный вождь, который сумел бы объединить кланы...

Я улыбнулся.

— Думаю, такой вождь уже появился. Но вождю нужно еще несколько лет, чтобы освоиться с управлением Отражениями и выучиться военному делу.

— Конечно. — Кивнул дядя. — Кстати, если в ходе этой кампании тебе потребуется моя помощь — дай только знать.

— Дам. Но, думаю, не потребуется.

Мы вылезли из бассейна, оделись и разошлись. Не знаю, чем собирался заниматься Жерар, но лично я направился в покои Анжелики. Сегодня по расписанию у меня был очередной урок прикладной магии, и я, между прочим, уже опаздывал.

— ...Руками надо вот такое движение делать! — Тоскливо вздыхает сестричка.

— Так я такое и делаю!

— А энергию кто будет пропускать?!

— Какую еще энергию?

— Внутреннюю!

— А она там есть, что ли?

— Есть!

— Чего-то не ощущаю...

— А ты ее не ощущай! Это тебе не желудок, чтобы ощущать! Ты ее просто черпай и все!

— Откуда ж я ее буду черпать, если ее там нет?

— Вот уж медведь так медведь! — Выходит из себя Анжелика. — Я тебе сколько раз повторять буду: из Лабиринта ее черпать надо! Из ЛА-БИ-РИН-ТА!

— Сестричка, не кричи. Объясни толком. Как я ее из Лабиринта брать буду, если Лабиринт вон где — внизу, в пещерах, а я — тут стою?

— Идиот! Я тебе уже объясняла!!! Не из того Лабиринта, который внизу! Из того, который внутри тебя! Внутри!!! Понял?! Повтори.

— Внутри.

— Ну слава Единорогу!..

— Только у меня внутри никакого Лабиринта нет. Внутри у меня желудок и печень.

— Ууууу...

Это меня Анжелика магии учит. Интересно, аж жуть! Хотя пока и непонятно...

Проходит так приблизительно недельки три, и ощущаю я вдруг ментальный контакт. Я уже к этим контактам привык, так что открываюсь спокойно и вижу мою двоюродную сестренку Джинну. Ту самую, которая королевой стать хочет.

— Иди сюда. — Торопливо руку ко мне протягивает.

Ни тебе «здрасте», ни «как дела?»... Я руки за спину убрал и говорю:

— Вообще-то я занят. Что ты такая взъерошенная? Случилось что?

— Иди сюда, идиот! — Бесцеремонно меня за воротник хватает и к себе тянет. — Речь о твоей жизни идет!

Ладно, прохожу. Оказываюсь в покоях Джинны.

«А что это, — думаю, — своими ножками ей не дойти было? Обязательно через карту понадобилось вызывать?»

— Ну так что случилось?

— Прежде всего, — скороговоркой выпалила Джинна. — Если с тобой сейчас кто-нибудь попытается связаться, не отвечай ни в коем случае!

— Ну ладно...

— Теперь о главном. Сегодня вернулся Каин.

— И что?

— Ты знаешь, куда он ездил?

— На север. Он, вроде, контролирует ваши... в смысле — наши северные границы.

— Ага. Только Каин ездил не в свои земли, а чуть подальше. В Киммерию.

У меня внутри все похолодело. Что могло понадобиться Каину в Киммерии, ясней ясного — ездил, значит, раздобывать информацию о своем новом родственничке. О «сыне Эльганта». Хорошо хоть, что Марк маму из Киммерии уже забрал...

— Мне удалось подслушать разговор Каина и Мордреда. — Продолжила Джинна. — Каин катался в Киммерию по поручению короля... Твоя мать несколько недель назад куда-то пропала, и допросить ее Каин не смог. Но зато он пообщался с твоими родичами, расспросил их о твоём отце... А когда у него возникли кое-какие подозрения — показал им наши портреты на картах... Карта Эльганта оставила твоих родичей равнодушными, но вот Марка они уверенно опознали.

— Дерьмо. — Сказал я. — Черт!.. Такая замечательная идея медным тазом накрылась. Обидно!..

— Ты понимаешь, что теперь будет?

— А что будет? Разве Марку запрещено иметь детей?

— Не пытайся показаться глупее, чем ты есть! — Цыкнула на меня Джинна. — И меня за дуру не держи! Если ты скрыл свое происхождение, значит, ты прекрасно знаешь, в каких отношениях находятся Марк и Мордред. И Мордред тоже поймет, что ты это знаешь. А раз так — то все это чертовски смахивает на заговор. А ты знаешь, как Мордред относится к заговорам?

— Догадываюсь... — Я хотел добавить что-то еще, но забыл что,

поскольку вдруг ощутил ментальный контакт. Очень настойчивый и сильный. Я поднял руку, прося Джинну не мешать, и стал изо всех сил блокировать его. Представил перед собой стену тьмы и начал твердить «Никого нет дома, никого нет дома, никого нет дома...» — все как учили.

— Не отвечай ни в коем случае! — Прошипела сестричка, лихорадочно тасуя колоду. — Попробую связаться с Марком...

Следующие три минуты были очень нервными. Я тренировался в блокировании ментальных контактов (даже весь взмок от напряжения), а Джинна пыталась дотянуться до моего отца. Очевидно, он был очень занят, но в конце концов ей удалось с ним связаться. Короткий диалог, по окончании которого Джинна взялась за карту Криса. Появился Крис, а спустя еще несколько минут, застегивая на ходу ширинку — Марк.

— <...>, <...> и <...>! — Это было первое, что сказал мой папаша. — Ублюдок все-таки не поленился провести расследование! Придется мне снова появиться на сцене.

— И что мы теперь собираемся делать? — Поинтересовался я.

— Играть в открытую. Что нам еще остается?

— Минутку... — Крис предупредительно поднял руку. Когда его взгляд стал рассредоточенным, я понял, что с ним тоже кто-то связался.

— Это был Мордред. — Сообщил Крис спустя четверть минуты. — Интересовался, не знаю ли я, куда пропал Артур... Твои покои они уже обыскали. — Порадовал меня дядя.

— А где сейчас Ублюдок? — Спросила Джинна.

— В янтарной гостиной. Там собираются все наши.

— Пора бы и нам зайти.

И мы пошли в янтарную гостиную. Из янтаря там было все, кроме мебели. Очевидно, когда эту комнату проектировали, кого-то из членов Семьи терзала ностальгия.

Заходим. В высоком кресле сидит Мордред. По левую руку от него о чем-то задумалась Фиона, по правую — ухмыляется Каин. Не в меньшей задумчивости, чем Фиона, пребывает и Джулиан.

В креслах слева о чем-то вполголоса переговариваются Анабель и Льювилла. Нахмурившись, молча сидит Жерар. Его дочери, Дианы, во дворце нет. Нет также Раймонда, Мартина и Флоры. За креслом Льювиллы стоят ее дети — Эрнил и Майра. У этих двоих — рот до ушей. Как же, такое веселье намечается!..

При нашем появлении Саймон сделал движение в сторону Мордреда. Такое же движение — только в нашу сторону — сделал его сын Оттон. Отец и сын долю секунды смотрели друг на друга, а затем синхронно

вернулись на свои места. Итак, четверо на четверо и семеро — в нейтрале.

— Тебе это ничего не напоминает? — Вполголоса обратился Джулиан к Фионе. Та кивнула.

Интересно, о чем это они?

Мордред несколько секунд разглядывал нашу кампанию, поглаживая висящий на груди Камень Правосудия.

— Рад, что ты вернулся из изгнания, братец. — Обратился он к Марку с иронией. Перевел взгляд на меня:

— Расскажи-ка нам еще раз, мой дорогой *племянничек*, как звали твоего отца.

— Хватит валять дурака, — сказал Марк прежде, чем я успел открыть рот. — Ты уже и сам все пронюхал.

— Так-то ты обращаешься к своему королю? — Приподнял бровь Мордред.

— Ты мне не король. — Ответил Марк. — Разве я тебе присягал? Не помню такого.

— Верно, не присягал, — кивнул Мордред. — Мы с тобой так и не выяснили этот вопрос. Но если ты мне не присягал, значит, что ты не подпадаешь под юрисдикцию Аваллонских законов. А поскольку ты стоишь вне закона, скажи-ка, что мне мешает позвать стражу и посадить тебя в темницу?

— Это плохая мысль... — Пробурчал Жерар, беспокойно заерзав в кресле. — Очень плохая мысль.

Мордред с досадой взглянул на «нейтралов». В данный момент нас четверо на четверо, но всем было очевидно, что, начини Мордред рубить головы направо и налево, все «нейтралы» быстро перейдут на сторону Марка. Мордреду этого совсем не хотелось.

— Прости меня, брат, если я ошибаюсь, — отчеканил Мордред, глядя Марку в глаза. — Но все эта история с твоим сыном чертовски напоминает какой-то заговор.

— Прости меня, брат, — в том же тоне ответил Марк, не отпуская глаз Мордреда, — но ты и в самом деле ошибаешься. История с моим сыном Артуром напоминает не заговор, а всего лишь необходимые меры безопасности.

— Чего же опасаться сыну моего любимого брата у нас во дворце, в Аваллоне?

— Того же, чего следует опасаться его отцу: убийства.

— Убийства?! — Вкрадчиво переспросил Мордред. — Ты говоришь ужасные вещи, брат. Ты кого-нибудь подозреваешь?

Я думал, Марк ответит: «Конечно, нет». Но я ошибся. Отец принял вызов.

— Да, кое-кого. — Твердо сказал он. — Того, кто сейчас носит на своей голове корону. Того, кто двадцать лет назад послал отряд наемников убить меня. Того, кто схожим образом уже убил двоих моих братьев: Эарона и Робера. Того, кто с помощью магии убил моего кузена и друга, Эльганта. Подозреваю одного ублюдка, который незаконно занимает трон в одной прекрасной стране.

Мордред сжал Камень Правосудия с такой силой, что я увидел, как побелели костяшки его пальцев. Лицо Фионы превратилось в ледяную маску. Каин ухмыльнулся, положил руку на меч и по очереди принялся разглядывать всех нас. Джулиан поднял глаза к потолку и тоскливо вздохнул.

Напряжение, повисшее в воздухе после слов Марка было настолько сильным, что у меня засосало под ложечкой. Возникло ощущение, что еще пара секунд — и в гостиной начнется резня. Черт, почему я не захватил меч!.. Правда, я подозревал, что от моего меча тут было бы мало толку — учитывая уровень подготовки всех остальных. В такой обстановке обещанный Каином урок фехтования мог стать и последним.

— Прости, брат, — почти ласково сказал Мордред, наклоняясь вперед, — мне показалось или я и в самом деле уловил в твоих словах какой-то намек? Не мог бы ты выразиться чуточку яснее? Как зовут того человека, которого ты называешь «ублюдком»?

— Я обязательно назову его имя, — презрительно скривившись, ответил отец. — Как только соберу доказательства его причастности ко всем этим покушениям и смертям. Обещаю, как только у меня появятся эти доказательства, я извещу тебя первым.

— Ах, доказательства... — Мордред рассмеялся, откидываясь на спинку кресла. — Ну-ну... Ищи!

И я понял, что драки не будет. Во всяком случае, прямо сейчас не будет. Папа подергал тигра за усы, после чего спокойно отошел в сторону. Он открыто обозначил свою позицию, но не назвал ни одного имени, и Мордреду не к чему было прицепиться. А когда речь зашла о «доказательствах», все выдохнули и расслабились. И даже, по примеру Мордреда, заулыбались. В этой семье никто никогда никому ничего не докажет. Во всяком случае, если речь идет об организации преступления. В таких делах мои родственнички — настоящие асы. Все всё знают, но в плане улик — комар носа не подточит.

Собственно говоря, на этом можно было уже и расходиться — до

дружеского семейного обеда, который должен был состояться через полчаса. Напоследок Мордред поинтересовался, не забыл ли я о том, что через пару дней в Храме Единорога должен буду дать ему присягу. Об этом событии, приуроченном к одному из аваллонских праздников, меня известили давно, и я, честно разыгрывая роль «сына Эльганта», никаких возражений не высказывал. Но теперь обстоятельства изменились...

— Пошли Ублюдка подальше. — Зашептала мне на ухо Джинна. — Ты не обязан этого делать. Я не присягала убийце моего отца. Марк и Крис — тоже. Ты не...

— Артур, я не слышу твоего ответа! — Холодно глядя на Джинну, провозгласил Мордред. На меня он больше не обращал внимания. Я ему более был не интересен. И даже не слыша Джинны, он хорошо знал, что она только что мне прошептала. Он знал, что я откажусь и ждал этого. Он хотел, чтобы мой отказ прозвучал открыто, в присутствии всех членов Семьи. Это расставит все точки над «і» и мы спокойно пойдем обедать...

Прежде чем заговорить, я помедлил еще секунду, и за эту секунду в моей голове пронеслось немало мыслей. Я подумал о том, что по меркам киммерийцев (да и не только по их меркам) дать клятву, а затем нарушить ее — один из самых позорных поступков. Киммериец не боится смерти, но прослыть лжецом — боится. Боюсь и я.

Но затем я взвесил свое сердце и понял, что во мне гораздо больше от бессмертного, чем от киммерийца. А бессмертный, по словам папы, сражается не только мечом или руками. Разрешено любое оружие — ложь, магия, яд, интриги и клевета. Но самое главное оружие — это мозги. У меня мозгов пока мало, но...

— Я ни о чем не забыл. — Сказал я, сделав пол-шага вперед и склоняя голову перед своим королем. — Конечно, я дам вам присягу.

Краем глаза я поймал презрительную усмешку на губах Каина. Недоуменную гримасу — на лице Оттона. Перебежчиков никогда не любят. Мой затылок — я почти физически ощущал это — сверлили три пары глаз. Сегодняшний вечерок будет беспокойным — мне предстоит давать очень серьезные объяснения.

Остальные родственники никак не отреагировали на мой поступок. Посветлел только Жерар. Видимо, решил, что после такого шага в Семье, наконец, наступит долгожданное примирение. Эх, дядя, всем бы нам быть такими, как ты!..

Когда король Мордред поймал мой взгляд, я увидел, что в его глазах больше нет скуки. На дне его глаз притаилось любопытство. Он улыбнулся — самую малость и едва заметно кивнул.

Похоже, только он один правильно оценил происходящее... Возможно, я неправ в отношении Фионы и Джулиана, но на их лицах, напоминающих бесстрастные каменные маски, я, как не пытался, так и не сумел ничего прочесть.

## 6

Такие вот дела. Потом, конечно, мы с удовольствием пообедали, посмеялись кривляньям придворных шутов и разошлись — до ужина. Я прицепил к поясу меч, прихватил кошелек с золотом и отправился в город — искать ближайшего художника. Рисовать я никогда не умел, но в свете последних событий возымел твердое желание научиться. А то мне любимая тетя Фиона нарисует какую-нибудь карту... такую карту, что я никогда потом обратной дороги в Аваллон не отыщу.

Художника я нашел, и даже не одного, за разумную плату договорился о том, что с завтрашнего дня буду брать уроки рисования. Вернулся во дворец.

После ужина — стук в дверь. Открываю. Ба! На пороге — аваллонский король собственной персоной!

— Можно войти?

— Конечно, ваше величество.

— Можно и без величества. — Хмуро сказал Мордред, закрывая дверь. — Не на приеме.

— Как скажете, дядюшка. Чем обязан?

— Хочу с тобой поговорить... — Мордред оглядел комнату так, как будто видел ее впервые. Вздыхнул и сел в кресло.

Я сел напротив. Руки на коленях сложил. Мол, весь внимание.

— Как я понимаю, — начал Мордред. — Марк уже изложил тебе свою версию убийства старших сыновей Корвина?

Я кивнул.

— Хотите изложить свою?

— Да, — просто сказал Мордред, — хочу. Дело в том, что Эарона и Робера я не убивал. Хотя ты, конечно, мне не поверишь...

«Точно. — Подумал я. — Не поверю.»

Вслух я дипломатично заметил:

— Истину сейчас уже все равно невозможно установить. Если сразу после убийства еще был шанс найти какие-то улики, то сейчас... — Я пожал плечами. — Допустим, вы тут не при чем. Почему не было проведено расследование?

— Расследование было, и очень тщательное. — Возразил Мордред. —

Но... оно не дало никаких результатов. Тупик.

Я не мог удержаться от легкой улыбки.

— Я же говорю — истину уже невозможно установить.

— Верно. Только некоторые почему-то действуют с такой уверенностью, как будто бы истина УЖЕ им известна.

— Ну, это всего лишь частное мнение. — Я развел руками. — Никому ведь не запрещено его иметь, не так ли?

— Какое, к дьяволу, «частное мнение»?! — Разозлился Мордред. — Знаешь, парень, когда тебя пытаются убить, это уже не совсем «частное мнение»!

— Хмм... Вас кто-то пытается убить?

— Пообщайся на эту тему со своим отцом, а не со мной, ладно? Хотя мне любопытно, сколько из всех этих покушений на мою жизнь — его рук дело.

— Я пообщаюсь. Но ведь вы не будете настаивать, чтобы я поделился с вами результатами нашей беседы?

— Да брось ты... — Мордред устало махнул рукой. — В четырех случаях я точно уверен, а остальные... Просто любопытно.

Я пожал плечами. О таких вещах докладывать Мордреду я не собирался. Даже если это и в самом деле не имеет никакого значения и Мордреду уже все давно известно.

Аваллонский король тяжело вздохнул.

— Эх, — сказал он мечтательно. — Поотрубить бы вам всем головы... Сначала этой сладкой парочке — Марку и Крису. Затем тебе, чтобы ты за родителя мне не отомстил... Потом Джинне...

— Вы понимаете, что тогда начнется?

— Понимаю. — Мордред вздохнул еще горше. — Понимаю, и получше тебя. Но, скажу тебе честно, мнение всяких оттонов и жераров в этом вопросе — а тем паче какие-то угрозы с их стороны — меня мало волнуют. Но я не хочу ослаблять Семью. Вот почему я до сих пор никого из вас не казнил... и не казню, если только твой отец или Джинна всерьез меня не достанут.

«Конечно, не казнишь, дядюшка. — Подумал я. — К чему портить отношения с оттонами и жерарами? В нужное время ты просто пошлешь еще один отряд убийц. Или яду в тарелку с супом подсыплешь.»

Мордред прикрыл глаза и провел рукой по лицу, будто стаскивая невидимую паутину.

— Когда же все это закончится?.. — Тихо сказал он. — Когда, наконец, наша Семья перестанет напоминать пауков в банке?..

— Девять. — Сказал я.

— Что?..

— Девять пауков.

— Мне казалось, больше.

— Я имею в виду тех, кто в принципе мог бы претендовать на корону. Ну, всех потомков Корвина. Всех еще живых. Джинна, Марк, Саймон, Оттон, Раймонд, Крис и Анабель. Ну, еще и мы с вами.

— Не смешно. — Не поддержал шутки Мордред.

Помолчали.

— Как я понимаю, — сказал Мордред. — Единственный способ примириться с твоим отцом — отдать ему корону?

— Ну-у... Не знаю... — Мелькнула безумная мысль: «А вдруг он собирается отречься?» — Да, наверное, это было бы самым простым и безболезненным решением. Для всех.

Несколько секунд Мордред молчал, а затем сказал:

— Нет. Этого не будет. Трон мой по праву, и я не уступлю.

— Почему-то я знал, что вы это скажете. — Вздохнул я. — Кстати, вы так и не изложили свою версию событий. Если не вы убили Эарона и Робера, то кто же?..

— Хватит «выкать». Я уже сказал — не на приеме...

— Прости, дядя. Как-то само собой выскакивает. Вроде как уважение к короне.

Мордред усмехнулся, помолчал несколько секунд, а потом спросил:

— Марк тебе рассказывал про Хаос?

— Да, он ввел меня в курс дела... В общих чертах.

— Ну вот и ответ.

— Вы полагаете, в смерти Робера и Эарона, а также Эльганта, Бенедикта и ряда других персонажей виноваты злобные хаоситы?

— Конечно.

— Знаешь, дядя, — задумчиво сказал я, — а ведь если подумать, этот извечный конфликт между Хаосом и Порядком кое-кому оч-чень даже выгодно поддерживать.

— Змею и Единорогу.

— Нет, не только им. Зачем брать так высоко? Ну вот представь себе, что вдруг случилось чудо и наши королевства решили жить в любви и мире. На кого, в таком случае, мы будем списывать те горы трупов, которые постоянно появляются в нашей семье? Марк упомянул, что только у Оберона было чуть ли не полсотни потомков. Где эти полсотни? Покажите мне их! Неужели все они героически пали в неравных боях с

превосходящими силами хаоситов?..

— Ты еще многого не знаешь, — остановил меня Мордред. — Не надо язвить. Многие из тех, о ком ты говоришь, не были признаны законными детьми и в силу разных обстоятельств так и не прошли Лабиринт...

— Вот видите! Злобные хаоситы отравили их еще в раннем детстве!.. Нет, я не иронизирую, я действительно думаю, что мы все окажемся в очень печальной ситуации, если когда-нибудь между Хаосом и Порядком будет заключен мир. Не на кого будет все это списывать. Хотя я не знаком ни с кем из Дворов, уверен — они думают точно так же. Они ведь все-таки наши родичи, хотя и дальние...

— Очень дальние.

— Очень. — Согласился я. — Мерзкие, отвратительные типы.

— Ладно, — сказал Мордред. — Я вижу, эта тема себя исчерпала. Я знал, что ты мне не поверишь.

— Я уже три недели никому на слово не верю. Но ваши слова, ваше величество, будьте уверены, я не забуду.

— Не забудешь... Знаешь, Артур, я не раз задумывался, что делает нас такими, какие мы есть. Я думал, во всем виновата обстановка, воспитание... Но, глядя на тебя, я понял — дело совсем не в этом. Ты вырос совершенно в ином обществе, и все равно ты — наш, до мозга костей наш. Всего три недели — и уже все наше. Речь, манеры, поведение, образ мыслей...

— Спасибо, дядя. Я стараюсь.

— Смотри, не перестарайся... Как там ваши занятия с Анжеликой?

— Учусь потихоньку. Пока особых результатов нет.

— Ты уже заметил, что Анжелика — не самый лучший учитель?

— Ну... не знаю. Я думаю, дело в том, что я не самый лучший ученик.

— Может быть, и так. — Кивнул Мордред. — Но тогда тем более важно, чтобы тебя натаскивал профессионал.

— И кого вы предлагаете мне в учителя? Фиону?! — Я рассмеялся.

— Моя мать очень занята и, кроме того, она не любит возиться с теми, кто совсем ничего не умеет. У меня график не менее напряженный, но, думаю, я мог бы выделить несколько часов в неделю на твое обучение.

— Эээ... А вы уверены, что...

— Уверен.

— Тогда... эээ... Почту за честь.

— Вот и замечательно. Хочешь еще что-нибудь сказать? — Мордред встал.

Я тоже поднялся:

- Пожалуй, нет.
- Тогда до завтра.
- Всего доброго.

Когда король ушел, я растянулся на кровати и глубоко задумался. Он что, идиот? Нет, даже идиоту должно быть ясно, что мы с ним — враги. Не потому, что мы так страстно хотим этого, нет — просто по факту. Рано или поздно Марк его убьет. Чтобы этого не допустить, Мордред должен убить Марка первым. Само собой, я буду мстить. В том случае, если Марк все-таки опередит Мордреда, его самого убьет Фиона. А если Марк каким-то чудом умудрится достать Фиону (хотя по тому, что о ней рассказывали, у меня сложилось ощущение, что это вообще невозможно сделать), с ним разберутся Каин и Джулиан. Естественно, я не буду стоять в стороне. В общем, веселье нам предстоит еще то...

Все, вроде, ясно и понятно. И в этой ситуации Мордред совершает малообъяснимый поступок. Если, конечно, это не ловушка... Нет, не ловушка, потому что Мордред не может не понимать, что я обязательно буду держать отца в курсе... Но тогда что стоит за его предложением? Он ведь еще не знает, каким я окажусь учеником. А что, если у меня обнаружится талант к колдовству? Зачем тратить свое время, помогая мне обрести силу, которую я почти наверняка рано или поздно применю против него? Ведь не настолько же он глуп, чтобы надеяться, что наши с ним «хорошие отношения» что-то изменят, если я вдруг узнаю о смерти отца? Какие бы обстоятельства этой смерти не сопутствовали, я возьму арбалет, смажу стрелы ядом и открою сезон охоты на короля. Даже если пятьдесят свидетелей подтвердят, что Марка проглотил Змей Хаоса, даже если я сам буду в числе этих свидетелей — это не уменьшит ни на йоту моей уверенности в том, что за смертью Марка стоит мой любимый король Мордред. Потому что эта хитрая тварь могла сговориться с кем угодно. Даже со Змеем Хаоса. И только когда я прикончу Мордреда, я начну думать о том, как бы отомстить Змею...

Мордред не может этого не понимать. Тогда почему он готов тратить свое время на мою подготовку? Он ведь не похож на идиота, совсем не похож... Тогда почему? Что за всем этим стоит?..

А может быть, идиот — как раз я, потому что не понимаю каких-то, очевидных любому урожденному амберо-аваллонцу, вещей?..

Так и не найдя ответ на свой вопрос, я заснул. Мне снились солдаты, сражающиеся на поле жестокой сечи, чудовища и ревущие в лесах дикие звери, а под конец — большие мохнатые пауки, ползающие друг по дружке внутри трехлитровой стеклянной банки.

«...А вот интересно, — подумал я во сне, разглядывая банку с пауками. — Можно ли с помощью магии создать иллюзию появления Змея Хаоса перед глазами пятидесяти ошеломленных свидетелей?..»

...Рассказывать о следующих восьми годах, проведенных мною во дворце, особенно нечего. Конечно, я изменился. Немного придворного лоска, немного магии и очень много книг. Пройдя курс специальной физподготовки под руководством Жерара (как оказалось, в этом огромном дворце есть даже полностью оборудованный фитнес-центр), в чисто силовых состязаниях я стал побеждать Оттона три раза из пяти. На мечях меня, правда, по-прежнему делали как маленького, но я уже смирился с тем, что в этом вопросе я буду догонять остальных членов семейства десятки, а может быть, даже и сотни лет. Несколько раз фехтовал с Каином. Выяснилось, что он вроде как местный чемпион в этом деле. Но отец утверждает, что если бы возникла необходимость, он, скорее всего, все-таки сумел бы завалить Каина, и я ему верю. Посмотреть, как они рубятся в тренировочном зале, немедленно собирались все члены Семьи, в данный момент находящиеся в замке и ничем не занятые. О том, что мы наблюдали во время этих поединков, я лучше умолчу — нет пока в моем багаже подходящих слов, чтобы описать настоящее МАСТЕРСТВО.

Флора показала мне одно из самых популярных Отражений — Землю. Я пожил там немного, посмотрел что к чему, и вернулся обратно в Аваллон. Когда-нибудь я займусь этими технологическими Отражениями вплотную. Но не сейчас.

Что касается рисования, то поначалу оно мне никак не давалось. Мои руки привыкли держать меч, но перед карандашом и кисточкой пасовали. Но я не сдавался. Не знаю, на самом ли деле бессмертные обладают повышенной обучаемостью, или Марк сказал это только для того, чтобы подбодрить меня, однако через пару лет у меня, наконец, начало что-то получаться. Я уже научился смешивать краски и линии, которые я проводил карандашом, появлялись примерно там, где мне было нужно. Обрадованный успехами, я начал пытаться Раймонда на тему того, как же рисуются семейные карты.

— Главное, что тебе нужно, парень — это найти свой стиль! — Раскуривая трубку, изрек Раймонд. — Забудь пока про все эти магические штучки-дрючки. Главное — чтобы у тебя был свой взгляд на мир, который ты желал бы отобразить на бумаге! — Выдав эту сентенцию, сильно пахнущую банальностью, Раймонд надолго замолчал. — Забей пока на пользу, которую дают карты. Полюби кисть и холст всей душой, а потом

возненавидь их! Ощути себя художником! Начни рисовать просто так.  
Найди свой стиль!

«И не забывай мыть руки перед едой.» — Думал я, прикидывая, как будет выглядеть портрет Жерара, выполненный в стиле кубизма. Пытаясь обнаружить в словах дяди какой-нибудь глубокий смысл в последующие годы я не переставал упражняться в живописи. К своему удивлению, через некоторое время я и в самом деле начал ощущать некоторое удовольствие от этого процесса. Как только это произошло, я обратился к дяде за дальнейшими инструкциями. Раймонд снова раскурил трубку и задумчиво прошелся по комнате.

— Не знаю, что тебе сказать, парень. — Наконец произнес он. — У каждого из нас это происходит по-своему. Может, кто и знает Главный Секрет этого дела, но не я.

— Вот как... — Разочарованно потянул я. — Но ты-то сам как карты рисуешь?

— Я чувствую прилив вдохновения. Когда такое накатывает, я сажусь и начинаю рисовать. Вернее, обычно бывает наоборот — я сажусь и рисую, а оно накатывает. Да! — Дядя важно поднял трубку. — Именно так!

— А что ты при этом чувствуешь?

— Чувствую, что убил бы придурка, который в такой момент посмел бы мне помешать. Когда мешают — это тоже самое, как если бы кто-то вошел в комнату в тот момент, когда ты кувыркаешься в кровати с женщиной и уже почти готов кончить. Только злость еще сильнее. Кстати, мое вдохновение уже почти на подходе. Так что вали отсюда, парень. Давай, катись. Мне надо работать. Завтра договорим.

Раймонд выставил меня за дверь, но я не стал ждать до завтра. Я решил поговорить с остальными родственниками — с теми, про кого в Семье точно было известно, что они умеют создавать Козыри. Не исключено, что умеют почти все, но пока раскололись только эти трое... У нас ведь все такие скрытные, такие подозрительные...

Итоги короткого блиц-опроса были таковы:

— У меня далеко не всегда получается нарисовать работающую карту, — признался Марк. — Обычно я вызываю образ Лабиринта и пытаюсь... ну, как бы наложить его на лист бумаги. Кручу его так и сяк, как головоломку. Если удастся «головоломку» собрать, карта получается. Если нет — то нет.

— Я рисую карты очень медленно. — Задумчиво покусывая карандаш, рассказала Анжелика. — Я стараюсь рисовать, чтобы ничего не приходилось стирать или перерисовывать. Я всегда настраиваю себя на то, что должна буду создать Совершенство. Иногда при этом передо мной возникает образ Лабиринта, потому что Лабиринт — это Совершенство и

есть.

— Это все полная ерунда! — Решительно сказал Эрнил после того, как я передал ему мнение «коллег». — Главное — ухватить суть! А как передается суть? Через детали. Поэтому детали — это и есть то, на что ты в первую очередь должен обращать внимание!

И с этими словами Эрнил продемонстрировал мне Козыри собственного изготовления. Вообще, его карты больше походили на шаржи. Унылый Мордред с короной, сползающей на правое ухо. Фиона в образе зловещей ведьмы. Флора, лежащая в ванне и томно намыливающая правую ножку. Я сам — с тупой людоедской улыбкой и с огромным мечом, рукоять которого сжимаю пальцами толщиной в сардельку... И так далее.

В общем, я понял, что мне никто не поможет, засел в комнате и начал экспериментировать. Двое из опрошенных упоминали Лабиринт, а это что-то да значит. Я вызвал его образ и попытался поступить по папиному методу — наложить образ на картину. Я провозился до глубокой ночи, извел гору бумаги, уже собирался идти спать, как вдруг... Что-то наплыло на меня, накатило, и карта начала оживать! Я, как заведенный, макал кисточку то в одну, то в другую банку и рисовал с бешеной скоростью. То, что накатило на меня, теперь медленно отпускало, и я должен был закончить карту прежде, чем оно полностью уйдет. В конце концов я почувствовал, что проваливаюсь внутрь еще не успевшего подсохнуть пейзажа и поспешно отвернулся. Получилось! Я с трудом дополз до кровати. Я был измотан так, как будто бы весь последний час провел не за мольбертом, а выступал на ринге против Жерара — но, черт возьми, у меня получилось! Обрадованный этой маленькой победой, я заснул, так и не выпустив из руки истерзанную кисть.

Я ожидал, что в следующий раз все будет легче и проще, но следующий раз наступил нескоро. Прошла почти неделя, прежде чем мне удалось нарисовать свою вторую карту. И я снова был выжат, опустошен... Неужели остальные испытывают такие же проблемы при создании Козырей? Я решил проконсультироваться с ними по этому вопросу.

Оказалось, что в той или иной степени упадок сил ощущал каждый из них, и каждый боролся с этим явлением по-своему. Эрнил и Раймонд сказали, что работа приносит им большое удовольствие, которое с лихвой компенсирует все энергетические затраты. Эти двое почти не уставали. Анжелике и Марку ремесло карторисователя давалось сложнее. Отец советовал черпать энергию из Лабиринта и таким образом восстанавливать свои силы, а Анжелика — делать тоже самое, но в процессе работы.

Вернувшись к себе, я задумался. Опять Лабиринт. Все это неспроста!

В последующие свободные часы я продолжал экспериментировать. Учитывая мой жесткий распорядок дня, свободные часы у меня были только ночью, но это ничего. Магическое экспериментирование оказалось самым интересным занятием, которое я только мог себе вообразить — не считая, конечно, борьбы, фехтования, чтения книг по военной стратегии, изобретения различных способов убийства и семейных обедов. Я вертел Лабиринт и так и сяк, хватался то за одну линию, то за другую, и пытался сделать с ним что-нибудь этакое. Лабиринт вяло сопротивлялся, молчал как рыба об лед и упорно не желал раскрывать мне своих секретов.

Я доэкспериментировался до того, что в одну из ночей в мою дверь постучали. Я пошел открывать и обнаружил на пороге тетю Фиону, подозрительно поглядывающую по сторонам.

— Чем ты тут занимаешься? — Поинтересовалась она, пытаясь заглянуть в комнату.

— Я же не спрашиваю, чем ты занимаешься по ночам! — Резонно возразил я.

Но это ее не остановило.

— Могу ответить...

— Не надо!

— Нет, я отвечу. Я или сплю, или провожу магические эксперименты. — Фиона подозрительно понюхала воздух. — И поскольку ты не спишь, я делаю вывод, что ты тоже с чем-то экспериментируешь. С чем, интересно?

— Да так...

— Я могу пройти?

— Эээ... Вообще-то я уже собирался...

— Спасибо. — Она решительно протиснулась внутрь. Огляделась и вынесла неутешительную оценку:

— Ну и бардак!.. У тебя что, нет горничной?

Я смутился. Горничная у меня была. Правда, после того как я ее совратил, она решила, что больше не обязана наводить порядок в моей комнате.

— Ладно, это не так важно. — Смиловилась тетя. — Чем ты только что занимался? И не смей мне врать: я точно знаю, что ты пытался что-то колдануть с помощью Лабиринта!

— Гм. Я пытался разобраться с картами. Хотел научиться рисовать их так, чтобы не уставать при этом.

— Ах, это... — Она махнула рукой и как будто расслабилась. — Это

совсем просто. Где у тебя мастерская? Там? Идем... Я покажу.

На самом деле это оказалось не так уж просто, но, попрактиковавшись немного, я понял, что быстро освою предложенный тетей метод. Принцип действительно состоял в том, чтобы воспользоваться тем отпечатком Лабиринта, который был в каждом из нас. Надо было создавать карты не с помощью своей энергии (иначе и в самом деле наступало сильное истощение), а с помощью энергии Лабиринта, которую следовало пропускать через себя, одновременно накладывая образ Узора на карту. По словам Фионы, все рисовальщики пользовались этим методом — но, кроме нее, остальные это делали бессознательно, по наитию.

Когда Фиона ушла, я лег на кровать и задумался. Фиона — мать Мордреда. Кроме того, возможно, она самая хитрая и коварная в Семье. Тем не менее, она открыла мне секрет, которого не знают ни Раймонд, ни Эрнил, ни Анжелика, ни Марк. Зачем она это сделала?

Или я ничего не понимаю в жизни, или меня откровенно пытаются завербовать.

Завербуюсь ли я? Конечно, завербуюсь. Для того я и валял дурака, присягая человеку, который в перспективе обязательно попробует убить моего отца. Только завербовавшись и вызнав все их секреты, можно — опять-таки, в перспективе — попытаться их убить.

Интересно, поверят ли они когда-нибудь, что меня можно купить? Что-то они слишком легко повелись на мою игру...

Все еще терзаемый смутными сомнениями, я закрыл глаза и заснул.

Мое «беззаботное десятилетие» закончилось в тот день, когда Мордред за семейным обедом, отправляя в рот смоченную лимонным соком устрицу, полюбопытствовал:

— Когда думаешь заняться Киммерией?

— Гм... — Сказал я. — Похоже, Жерар снова вспомнил про свою идею.

— Вообще-то, это была не его идея.

— Ах, вот как... Теперь понятно, в чьей голове она возникла. Я мог бы и сам догадаться.

— Я понимаю, что ты понимаешь. Но я не понимаю, чего ты ждешь. — Мордред пригубил вино.

— Учусь, учусь... — Я вздохнул. — Но вообще-то вы правы: пора. А то через пару десятилетий меня в Киммерии уже никто и не вспомнит.

— Как думаешь действовать? — Поинтересовался Саймон, сидевший напротив меня.

— Я думал на этом. — Сказал я. — Завоевать Киммерию нельзя.

Значит, нужно объединить изнутри. А как это сделать? Проще всего — объединить против какого-то внешнего врага.

— Надеюсь, не против Аваллона? — Хмыкнул Оттон.

Я покачал головой.

— Я собираюсь подвигнуть своих родичей на военный поход против пиктов. Заодно и Пиктляндию захвачу.

— А как они будут называться? — Сделав удивленные глаза, спросил Эрнил.

— Кто? — Не понял я.

— Ну, твои поданные... Пиктокиммеры или киммеропикты?

Изначально я собирался вернуться в родную Киммерию на белом коне, с хорошим войском за спиной. Мои родичи, не смотря на свою воинственность, абы за кем на войну не пойдут. Вот если бы у меня была собственная армия, тогда они, полагаю, с удовольствием бы ко мне присоединились... Я стал думать о том, где можно раздобыть армию. За помощью к аваллонской Семье я категорически обращаться не хотел, даже к отцу. Это — мое первое крупное предприятие в качестве аваллонского герцога (именно такой был у меня теперь титул), и проверить все самостоятельно, без чьей-либо поддержки для меня — дело чести. Это было что-то вроде экзамена на совершеннолетие.

Если судить по рассказам отца или старших родственников, то раздобыть многотысячную, отлично подготовленную армию — плевое дело. Надо всего лишь немного побродить по Отражениям и в конце концов найти такой мир, где тебя считают богом. Соответственно, все ВВС данного Отражения немедленно будут к твоим услугам.

Я попытался применить этот метод, но быстро понял, что все не так просто. Как вы себе это представляете, а? Приходите в чужой мир, выходите на главную площадь и громко кричите: «Эй! Я ваш бог! Поклоняйтесь мне! Отдавайте мне вашу армию!» — так, что ли? Не смотря на очевидный идиотизм такой «методики», я один раз попытался ее применить — на всякий случай, вдруг что-нибудь да выйдет. Прохожие, гулявшие по главной площади безымянного города в безымянном Отражении, услышав мои крики, предпочли эту площадь поскорее покинуть. Потом на том же Отражении я подрался с городской стражей, которая пришла меня усмирять. Стало ясно, что боготворить меня никто не собирается.

Решив, что на этом Отражении люди слишком свободолюбивы, я нашел Отражение, где мои портреты и памятники громоздились на каждом углу

— но и там меня ждала неудача. Местное население, задавленное, запуганное и забитое, приняло меня всего лишь за сумасшедшего двойника их обожаемого вождя. Был вызван желтый фургон, из которого выбрались деловитые парни в белых халатах, и мне пришлось использовать карты, чтобы побыстрее смыться из этого мира.

В третьем мире я попытался применить магию — за прошедшее время Мордред и Анжелика все-таки сумели научить меня нескольким приемам — рассчитывая произвести впечатление на невежественных аборигенов. Аборигены впечатлились. Возникла даже маленькая секта, члены которой — совершенно бесполезные личности с военной точки зрения — открыв рты, напряженно ждали, когда же я возвышу их над остальными, наделю сверхчеловеческим могуществом и т. п. В конце концов появился большой отряд стражи. Все мои «приверженцы» немедленно испарились, а меня стражники попытались скрутить и отвести в каталажку — в глазах большинства местных я был не богом, а лже-мессией и шарлатаном...

В четвертый мир я не пошел. Я понял, что что-то делаю неправильно. А может быть, родственники просто вешали мне лапшу на уши, небрежно упоминая, с какой легкостью им удавалось в былые времена собирать миллионные армии? Может быть, за каждой миллионной армией стояли годы или даже десятилетия напряженной подготовки?

Поэтому я, больше не надеясь получить армию на халяву, поступил проще: нашел мир, где под ногами вместо камней валялись слитки золота, набил этим металлом походный рюкзак и пошел — в соседний мир, где золото очень ценилось — нанимать солдат.

Золото скоро закончилось, и пришлось сделать еще одну ходку, а потом еще. В конце концов под моим командованием состояли: тысяча тяжеловооруженных всадников, три тысячи легковооруженных, и две тысячи рейнджеров. Ты можешь поинтересоваться, для какой цели мне могла понадобиться конница в пиктском лесу? Спокойно. У меня был План.

Я заявился в Киммерию, продемонстрировал родичам свою маленькую армию и большой мешок с золотом, чем немедленно вызвал к своей персоне всеобщее уважение. Тот, кто затевает поход, должен быть щедр, и я был щедр — тем более, что это мне ничего не стоило. Я раздавал подарки направо и налево и в конце концов более половины кланов изъявили желание принять участие в моем походе. Конечно, в основном это была молодежь, но были и те немногие, кому удалось вернуться живыми из прошлого пиктского похода. Теперь все они были зрелыми мужчинами, главами семей, а некоторые, наиболее удачливые — уже и вождями

кланов. Киммерийская кровь жаждала отмщения.

Мне удалось собрать даже больше, чем я рассчитывал. Почти четыре тысячи киммерийцев. Пикты, правда, легко могли выставить на поле боя и сорок тысяч, и пятьдесят.

И вот, наступил погожий весенний денек, когда моя небольшая армия двинулась в поход. Все было почти также, как во время моей первой кампании — почти, но не совсем. Во-первых, армию сопровождали многочисленные отряды рейнджеров, которые в сражениях не участвовали, а занимались исключительно разведкой. Во-вторых, издевательства над местным населением я изо всех сил старался свести к минимуму. Ведь я собирался не просто разграбить эту страну, а сделать ее своей вотчиной. Всеобщая ненависть к завоевателю-тирану мне была совершенно не нужна.

События разворачивались по хорошо знакомому сценарию — только на этот раз разведчики докладывали мне обо всех перемещениях врага, и неприятных сюрпризов не было. Избегая сражений, пикты пропустили нас вглубь страны, а сами в это время собрали собственную армию. Когда до меня дошли известия о том, что на восточном направлении, за нашей спиной, начинают перекрывать дороги, я понял — главное пиктское войско уже на подходе. Так вскоре и оказалось. Пикты надвигались с северо-запада: по подсчетам разведчиков — самое меньшее, шестьдесят тысяч. Пятнадцать пиктов на одного киммерийца. Моих родичей это соотношение не волновало и все, как один, рвались в бой. Но я был вынужден их разочаровать. Как только пикты подошли поближе, мы отступили на юг. Когда они подошли, мы снова отступили. И так до тех пор, пока не оказались на Нэлеорских равнинах.

Мои воины шли мрачно, не было слышно ни шуток, ни боевых песен. Мне повиновались, потому что я был командиром, но я чувствовал, как с каждым шагом на юг тает мой рейтинг, купленный не одним пудом золота. «Какого дьявола он повел нас в этот поход, если не собирался сражаться?» — Читалось в глазах каждого второго. В глазах каждого первого и вовсе не было никаких мыслей — только тупое раздражение на бестолкового, трусоватого командира.

Меня все это не волновало. Мне не нужна была их любовь. Мне нужна была победа. Поэтому мы продолжали отступать.

Пикты выбрались из леса следом за нами и, потоптавшись на месте, бросились в погоню. Хотя на этот раз мы особенно не зверствовали, разозлили мы их порядочно. Их было даже больше, чем докладывали разведчики — тысяч восемьдесят, наверное. Я приказал ускорить отступление. Ворча и ругаясь вполголоса, киммерийцы подчинились.

Ближе к вечеру мы увидели гряду холмов, на вершине одного из которых и остановились. Отдыхали до утра, а утром узрели у подножья холма те самые восемьдесят тысяч, от которых мы так долго убегали. Когда я приказал готовиться к битве, киммерийцы заметно приободрились.

Но пикты не были такими идиотами, чтобы лезть на холм. Тот, кто занимает высоту, имеет все преимущества перед тем, кто пытается ее захватить — эту азбучную истину они знали не хуже нас. Учитывая, что киммерийская пехота превосходила их собственную на порядок, попытка атаковать холм, даже в случае успеха, стоила бы им катастрофических потерь.

Зато их лучники превосходили наших — и числом, и уровнем подготовки — не на порядок, а на два. Этим они и решили воспользоваться. Конечно, тот, кто занимает высоту, может послать стрелу дальше, но стрелков у нас было всего несколько сотен, а в их армии умел пользоваться луком едва ли не каждый второй.

Я приказал не отвечать на стрельбу, закрыться щитами и дать условный сигнал. Три раза провыл рог. Пока стрелы барабанили по щитам, а пикты у подножья холма изощрались в насмешках, я напряженно вслушивался. Когда прозвучал ответный сигнал, я приказал построиться клином и начать атаку.

Пикты немедленно отреагировали. Лучники разошлись по флангам, вперед выдвинулась их пехота: здоровущая фаланга — триста человек в линии, сто пятьдесят — в глубину. Очень здоровущая и очень неповоротливая.

Они уже почти построились, как возникла заминка: пикты заметили серо-стальную полосу тяжелой конницы, выползающую из-за соседнего холма. Этого сюрприза они не ожидали. Конница до сих пор в захвате Пиктляндии не участвовала, а шла параллельным курсом по Нэлеорским равнинам. Фаланга не успевала, да и не могла перестроиться — мои бешенные родичи, размахивая боевыми топорами, уже сбегали с холма, а четыре тысячи разъяренных, изголодавшихся по сражению киммерийцев — это совсем не тот контингент, который можно запросто проигнорировать. Мы врубились в их ряды, они нас очень достойно и мужественно встретили, но — и это самое главное — фаланга не успела перестроиться. Лучники встретили моих всадников стрелами, однако успели дать только два или три беспорядочных залпа, после которых три клина тяжеловооруженной конницы, растоптав по дороге лучников, врезались пиктам во фланг.

Если ты понимаешь, что такое атака тяжеловооруженной конницы на

открытой местности во фланг не успевшей перестроиться пехоте, то можешь представить себе, что было дальше. Конница смяла все — и левый фланг, и центр, и все остальное. Я едва успел вывести киммерийцев из боя, чтобы конница под горячую руку не смяла и их тоже. Со склона холма я смотрел на разгром пиктской армии, и сердце мое пело. Это была моя первая крупная военная победа. Первая, но, смею заметить, не последняя.

Пикты, хотя и были разбиты, еще не были окончательно уничтожены. Они разделились на десятки отрядов, одни из которых убегали к лесу, другие пытались скрыться в холмах, а третьи еще оказывали героическое сопротивление. Тех, которые оказывали сопротивление, конница сминала быстро, но она не могла успеть повсюду. Меня не устраивала просто победа. Я хотел полностью уничтожить их армию. Поэтому я разделил киммерийцев на сотни и велел прочесывать холмы в поисках пиктов — но предварительно приказал трубачу дать еще один сигнал. Вскоре после этого на сцене появилась легкая кавалерия. Она занялась преследованием бегущих и блестяще справилась с этой задачей.

Итоги сражения были таковы:

Из восьмидесяти тысяч пиктов уцелело не более двух или трех тысяч, которым повезло попасть к нам в плен. Не знаю, может, кому-то и удалось удрать, но таких были единицы.

Из четырех тысяч киммерийцев сто двадцать семь сложили свои головы в этой битве. Всех их мы похоронили как подобает. Еще около трех сотен было ранено. Все эти потери были понесены нами в первые минуты боя, когда мы атаковали пиктскую фалангу.

Из четырех тысяч всадников погибло всего *одиннадцать* человек, и не было ни одного тяжело раненого.

Наибольшие потери понесли мои рейнжеры — почти двести человек убитыми. Замечу — они не участвовали в сражении и ни один из них не погиб от пиктского оружия. Рейнжеры сопровождали нас, когда мы вышли из леса и попрятались по холмам задолго до начала боя. Отдавая команды, я упустил из виду одну незначительную деталь, которая и стоила мне этих двух сотен. Легкая конница и киммерийцы, занимаясь отловом убегających пиктов, по ошибке изрубили в капусту отряд моих разведчиков, прежде чем разобрались, что перед ними — свои.

В последующие месяцы мы занимались планомерным захватом Пиктляндии. Захваченные территории я объявил Великим Пиктляндским Герцогством и щедро раздавал городки и деревни в ленное владение своим родичам и друзьям. Мы выиграли еще несколько (уже не столь масштабных) битв, заняли все города и столкнулись с проблемами,

которые я хотя и предвидел, но избежать не мог.

Во-первых, пиктов давно никто не завоевывал, и они справедливо относились к нам, как к наглым захватчикам.

Во-вторых, киммерийцы пиктов презирали, а пикты киммерийцев люто ненавидели.

В-третьих, население Пиктляндии составляло не менее двух миллионов человек. Ты еще помнишь, сколько было солдат в моей армии?

В общем, удержать Пиктляндию оказалось гораздо труднее, чем захватить. Стало совсем худо, когда эти засранцы занялись своим любимым занятием — засадами и ловушками. Стрела, выпущенная рукой убийцы, могла настигнуть киммерийца или наемника где угодно — в доме, когда он подходил к окну, на улице, на лесной дороге...

Естественно, я не сидел сложа руки. Регулярно проводились зачистки. Местному населению было запрещено передвигаться по стране. Вовсю работала разведка. Были подкуплены все более-менее влиятельные семьи. В обмен на сотрудничество местной знати вернули толику привилегий. Были наняты дополнительные отряды рейнжеров.

Но пикты все равно продолжали стрелять. Каждый день умирал кто-то из моих людей. Я запрещал за них мстить, но слишком часто этот приказ нарушался. Киммерийцы мстили за родичей, сжигали одну или две деревни, убивали совершенно непричастных туземцев — что, конечно, не способствовало росту народной любви.

Меня пытались убить чаще, чем кого бы то ни было — что, впрочем, неудивительно. Пока все эти попытки проваливались. И дело было не только в хороших доспехах, которые, вдобавок, были оплетены защитными чарами. Не только в успешных действиях моей личной охраны и не в везении. Я обнаружил в себе странную способность — я мог предощущать опасность. Я понял это, когда произошло самое первое покушение. Что-то сжало мои внутренности в ледяной комок, мозг отключился, и я, не размышляя ни о чем, просто упал на землю. Стрела пронеслась совсем близко, оставив за собой только свист и порыв ветра, а мои телохранители уже бежали туда, откуда она прилетела.

Ко мне привели убийцу — черноволосого пикта с благородной осанкой. Рейнджер передал мне его оружие — черный ростовой лук.

— Ты хотел меня убить? — Спросил я у пикта.

— Вы все сдохните! — Выплюнул он. — Сдохните, вонючие горцы!.. Сдохните!..

— Я дам тебе шанс убить меня. — Ответил я. — Верните ему меч.

Ему дали оружие. Я снял доспехи и обнажил собственный клинок. Мой

неудавшийся убийца немедленно бросился в атаку. Он был довольно неплохим бойцом — для пикта.

Естественно, настоящего поединка не произошло. Некоторое время я защищался, затем выбил меч у него из рук, сшиб с ног и приставил острие меча к его горлу. Кадык моего врага судорожно дергался вверх-вниз. Разбитые губы сочились кровью. Во взгляде не было страха — только ненависть, бесконечная, как сама тьма.

Впрочем, я и не рассчитывал, что он вспыхнет ко мне любовью. Я убрал клинок в ножны и сказал:

— Я дважды мог бы отнять у тебя жизнь, но вместо этого я тебе ее дарю. Иди. Ты свободен.

Очень благородно звучит, не правда ли? Вынужден признаться — я не благородный герой, а циник.

Пикт сделал несколько шагов к лесу. Его никто не преследовал. Его глаза по-прежнему горели фанатичным огнем ненависти, но на мгновение мне показалось, что в них мелькнуло что-то еще... Нет, не сомнение... Скорее — недоумение.

— Мы все равно вышвырнем вас отсюда, горские ублюдки! — Прошипел он. Один из моих телохранителей шагнул было к нему, но я поднял руку, и он остановился. Я пожал плечами и не обращал на пикта внимания до тех пор, пока он не скрылся за деревьями.

Облачаясь в доспехи, я улыбался. Нет, я не великодушный, не благородный герой. Будь я героем, я бы не начал войну, которая унесла жизни десятков тысяч людей, виновных только в том, что они пытались защищать свою родину. Будь я великодушен, я не совершал бы того, что совершает любой завоеватель в покоренной стране — не брал бы, к примеру, в заложники семьи тех молодчиков, которые охотились на моих людей. Но я должен был казаться благородным и великодушным. Именно для этого я и отпустил своего убийцу. Местное население должно научиться любить меня и бояться моих людей. Когда эта цель будет достигнута, страна станет моей от и до, вдоль и поперек.

Тех убийц, которые стреляли в моих людей, мы вешали. Тех убийц, которые стреляли в меня, я отпускал. Соотношение первых и вторых — тысяча к одному, но какой имидж мне создавали эти единицы!

Большинство из них продолжало меня ненавидеть — большинство, но не все. Четвертый по счету упал на колени и признал меня своим господином. Убийца номер девять был не так эмоционален, но он поклялся, что ни он, ни его семья больше не поднимут на нас оружия. Убийца номер одиннадцать после того, как я пощадил его, схватил нож и

перерезал себе горло. Не знаю, что он хотел этим доказать, но на всякий случай мы похоронили его с почестями.

Прошла зима, вновь наступило лето, и я вдруг понял, что живу в Пиктляндии уже целый год. Обстановка по-прежнему была напряженной, но большого мятежа не было, и я смел надеяться, уже не будет. Надолго оставлять страну нельзя было ни в коем случае, но я решил, что вполне могу позволить себе двухдневный отпуск. Я достал колоду, выбрал карту Аваллона и переместился во дворец.

Там, конечно, все всё уже знали. И про войну, и про мои методы освоения завоеванной территории.

— Я слышал, ты одержал блестящую победу на Нэлеорских равнинах. — Улыбнулся мне Жерар за общим обедом. — Поздравляю.

— Спасибо. — Я искоса взглянул на Марка. Он перехватил мой взгляд и подмигнул. Кажется, он немного гордился мной.

Впрочем, я не преувеличивал свои достижения. Марк гордился мною так... как, скажем, в другом мире отец мог бы гордиться сыном, с отличием закончившим колледж.

— Сколько у тебя было людей, Артур? — Со змеиной улыбкой осведомился Каин.

Я перечислил.

— И врагов было всего лишь в восемь раз больше? — Он снисходительно рассмеялся. — А у тебя были потери?

— Меньше тысячи. — Произнеся это, я тут же пожалел о сказанном. Выглядело так, как будто бы я пытался оправдаться. Какого черта позволяет себе этот полудурок?..

— Я бы не назвал это блестящей победой. — По-прежнему широко улыбаясь, заявил Каин. — Нет, не назвал бы. По-моему, так себе результаты. Средненькие.

Это высказывание заинтересовало Семейю. На Каина посмотрели. Кто — с легким интересом, кто — с отчуждением. Марк больше не улыбался. Точнее, улыбался, но не так, как раньше. Он оценивающе посмотрел на Каина. Каин ответил ему улыбкой на улыбку.

Я подумал, что Каин — дурак. Если он оскорбит меня, драться с ним будет Марк, а не я. Принятые в Семейю правила дуэли позволяли выставить вместо себя замену в том случае, если «весовые категории» противников были слишком неравны.

— А что бы ты назвал блестящей победой? — Спросил я, приняхиваясь к супчику, который наливал слуга в мою тарелку.

— Блестящей? — Переспросил Каин. Казалось, он ждал этого

вопроса. — Сейчас я расскажу тебе об одной такой. — Он сделал легкое движение рукой, чтобы всем стало понятно, кто именно одержал эту победу. — Под моим командованием находился один — я подчеркиваю — ОДИН солдат. Нам противостояла полумиллионная армия. И мы ее разгромили.

Мордред усмехнулся. Судя по всему, он уже был знаком с этой историей.

— Не может быть! — Решительно заявила Флора. — Даже Бенедикт на такое не способен!

— Бенедикт не мог, а я смог. — Каин прямо-таки излучал удовольствие.

— Не тяни резину, — размешивая сметану в супе, бросил Оттон.

Каин не ответил. Он смотрел на меня. Ждал моего вопроса.

— Как? — Спросил я, принимая предложенную игру.

— Видишь ли, Артур, единственный человек, которым я командовал, был пилотом атомного бомбардировщика! — И Каин довольно загоготал над собственной шуткой.

Кое-кто хмыкнул, кое-кто улыбнулся, но смеяться Каину пришлось в одиночестве.

— Очень смешно. — Недовольно фыркнула Флора.

— Мелковато как-то. — Высказался Крис. — Если ты считаешь, что за каждого убитого солдата тебе начисляется фраг, действовать надо было иначе. Можно было вовсе обойтись без помощников. Выбрать технологический мир с населением побольше, нажать на красную кнопку и картопортироваться побыстрее. А потом сидеть и подсчитываться, сколько миллиардов фрагов ты на этот раз заработал. Очень весело, правда? — Он с легким отвращением посмотрел на двоюродного братца.

— Мне кажется, в технологическом оружии нет стиля. — Заметила Анжелика.

— Да много ты понимаешь в оружии! — Бросил Каин. — Сидишь со своими книжками... ну и сиди.

— Цыц! — Шикнула на племянничка Фиона. — Никакого хамства за обедом!

— В технологическом оружии есть стиль. — Спокойно возразил Анжелике Саймон. — Он просто другой, но он, бесспорно, есть. А вот в оружии массового поражения стиля и в самом деле нет. Есть голая польза, но не стиль. — Саймон перевел взгляд на меня и слегка кивнул. — Отличная победа. Поздравляю.

Я кивнул в ответ.

— Кстати, об атомных бомбах! — Оживился Жерар. — Вы помните, как Ариман едва не взорвал нас с помощью...

— Папа! — Диана укоризненно покачала головой. — Мы слышали про это уже тысячу раз!

— Ну... — Жерар смущенно развел руками. — Может быть, кто-то еще не слышал...

— Да, — поспешно сказал я. — Я не слышал.

Персона короля Аримана, нынешнего правителя Хаоса, была мне весьма любопытна. Значит, он и вправду покушался на Семью... это не просто брехня Мордред... по крайней мере, не все, что говорил Мордред — брехня.

— Дело было так. — Обрадовался Жерар. — Мы изучали одно Отражение. Это было не то чтобы очень давно... так себе... немногим больше тысячи лет тому назад. Ну вот. Отражение было очень интересным. Его нашли Фиона и Корвин. — Я заметил, что при этих словах Фиона поморщилась. — Это было крайне технологичное Отражение — межзвездные полеты и все такое — но там была своя магия. Мы пришли туда — всей Семьей — чтобы ее изучить. Местные колдуны... как они назывались, не помнишь? — Жерар обернулся к Джулиану.

— Джедаи. — Напомнил Джулиан, приканчивая суп.

— Да, джедаи! Они встретили нас очень любезно, особенно после того, как мы помогли им расправиться с тамошними плохими парнями. Фиона промыла мозги главному помощнику главного гада и тот, вместо того, чтобы сбросить в шахту собственного сына, сбросил туда Императора...

— Папа! Не расплывайся мыслью по древу! — Диана строго посмотрела на отца. — Пожалуйста, ближе к сути, а то мы так до вечера не закончим...

— Бойцы вспоминали минувшие дни, и битвы, где вместе рубились они... — Вполголоса пробормотал Мордред.

— Да-да, Диана, — Жерар кивнул. — Я уже перехожу к основной части. Это же Отражение по каким-то причинам привлекло к себе внимание и Аримана. Тогда он еще не был королем Хаоса, а был просто резвым пареньком из Дома Рассекающих Мысль, которого Дара и Мондор, расчищая Мерлину дорогу к трону, почему-то забыли пришить...

— Папа!

— Диана. — Жерар строго посмотрел на дочь. Точнее, попытался строго посмотреть. Было видно, что он ее здорово избаловал. — Если ты все это знаешь, можешь не слушать. Но вот Артуру наверняка интересно.

— Угм. — Поддакнул я. — Очень интересно!

— Вот видишь! Не перебивай меня, доча.

Диана наморщила носик, но ничего не сказала.

— Так вот. — Продолжал Жерар, рассказывая уже в основном для меня одного. Его совершенно не смущало то, что нас разделяет целый стол. — Ариман выяснил, на какой планете мы находимся. Взял большой грузовой звездолет. Набил трюм до отказа атомными бомбами. Поставил на автопилот и направил на планету. До самого последнего момента мы ничего не подозревали. Бабахнуло будь здоров! В страшном сне такое не приснится. Мы еле успели картопортироваться. Люку Скайвокеру и всей джедайской школе — хана. Вот так и накрылась медным тазом наша мечта стать мастер-джедаями.

— Корвин разве не стал? — Удивился Джулиан.

— Нет. — Жерар огорченно покачал головой. — Хотя у него были самые лучшие показатели, он только-только успел получить ранг рыцаря-джедая.

Анжелика вдруг резко отодвинула кресло и встала на ноги. Ее лицо было бледным, а губы сжались в тонкую ниточку.

— Анжела... ты куда?! — Воскликнула Анабель, когда стало ясно, что Анжелика хочет нас покинуть.

— Спасибо. — Хрипло сказала дочь Блейза. — Я сыта. — С этими словами она вышла. Не забыв на прощание хлопнуть дверью.

Некоторое время над столом висело тягостное молчание. Диана осуждающе смотрела на отца. Жерар смущенно мямлил в руках салфетку. Затем разговоры возобновились, но как-то вяло, натянуто.

— В чем дело? — Спросил я шепотом у Марка.

— Дяде не стоило вспоминать эту историю при Анжелике. — Так же тихо ответил Марк, стреляя глазами в Жерара. — На том Отражении погиб ее брат, Гиден...

— Не успел козырнуться?

— Нет, еще раньше. Там была какая-то запутанная история... за подробностями обращайся к Фионе.

— А если в общих чертах?

— А если в общих, то Фиона, узнав о том, что Ариман тоже нашел это Отражение, решила устроить ему ловушку. Ей помогал Гиден. Однако Ариман попал в ловушку не один, а вместе с двумя другими хаоситами — Монтестью из Дома Прерывающих Полет и Мелфастом из Дома Птенцов Дракона. Последний, говорят, был его названным братом. Случилась большая драка, в которой Гиден погиб. Погибли также Мелфаст и Монтестья, зато Ариману удалось удрать.

— Гм... После этого он и прислал к вам звездолет, набитый атомными бомбами?

— Не «вам». — Марк покачал головой. — Меня тогда еще на свете не было. Им.

— Понятно. Миленькая история.

Я задумался. Раньше у меня была мысль прогуляться в Хаос и познакомиться с тамошними обитателями, но теперь я понял, что эта мысль преждевременна. Даже слишком преждевременна. Надо сначала выяснить, кого еще из хаоситов успели пришить мои родственнички. Хотя бы для того, чтобы избегать встречи с близкими родственниками убитых. А так же разузнать, кто сейчас ведет в счете. Если в счете ведем мы, то хаоситы — даже те, с кем мы еще не успели поссориться — вполне могут захотеть заработать лишнее очко, убрав молодого аваллонца, по наивной доверчивости забредшего в их владения.

От этих мыслей меня отвлекла только перемена блюд.

— Ты что загрустил, Артур? — Заботливо поинтересовался король Мордред.

— Да так... размышляю.

— Над проблемами, которые возникли после того, как ты завоевал Пиктляндию?

— И над этим тоже.

— Нужна помощь?

— Нет, спасибо. Там нет ничего, с чем я не смог бы справиться сам.

— Когда думаешь начать завоевание Киммерии?

— Минутку. По-моему, я уже говорил, что не собираюсь ее завоевывать. Я собираюсь захватить там власть, а это не одно и то же.

— Хорошо, называй как хочешь. Оккупация Пиктляндии сильно подняла твой рейтинг в глазах киммерийцев. Что дальше?

— Киммерийцы были свободными, потому что они не были богатыми. — Сказал я. — Даже вожди не знали, что такое роскошь. Теперь все изменилось. У каждого моего воина, который участвовал в походе, теперь много рабов и золота. Те, кто в походе не участвовали, начнут им завидовать. Они будут присылать своих сыновей ко мне на службу. С некоторыми из них у меня сложатся хорошие отношения, с другими — нет. Понятное дело, я буду возвышать первых, а не вторых. Из их среды я буду выделять лидеров, которые со временем займут места вождей в кланах. Через несколько десятилетий все вожди будут моими людьми. Все старейшины будут ветеранами битв, проведенных под моим командованием. Мне не нужно будет ничего делать. Они сами

провозгласят меня конунгом на тинге.

— Да, масштабный план... — Кивнул Мордред. — Развернутый во времени... Даже гуманный в чем-то...

— Гуманнее не бывает.

— А в ближайшее время ты чем планируешь заниматься? — Полюбопытствовал Оттон. — Не хочешь взять недельный отпуск? Поплаваем по Отражениям...

— Нет. — Я покачал головой. — Не могу. Тем более, что в ближайшее время я планирую жениться.

Моя реплика вызвала за столом всеобщее оживление.

— На ком? — Заулыбался Оттон. — На той черненькой с Лазурных Островов, которой ты обещал, что...

— Нет. Я женюсь на пиктке.

— Ты же всегда их презирал! — Изумился Жерар.

— Я подумал над твоими словами, дядюшка, и пришел к выводу, что шовинизм — недостойное явление в рядах нашей Семьи. Тем более, что мы и сами — не люди.

— Хорошенькая? — Полу-вопросительно, полу-утвердительно поинтересовался Джулиан, наливая себе апельсинового сока.

— Хорошенькая, будь уверен.

— А как зовут? — Спросил мой отец.

Я вздохнул и признался:

— А вот этого я пока еще и сам не знаю.

## 7

Их было сорок девять. Претенденток. Поначалу их было еще больше, но когда мы избавились от беременных, замужних, слишком старых и слишком уродливых, их осталось сорок девять.

Ни одна из них не собиралась становится моей женой. *Пока* не собиралась.

Всех их мы переловили в ходе масштабной контр-террористической операции, приуроченной к четырнадцатому покушению на мою драгоценную персону. Операция была чистой воды прикрытием, поскольку на этот раз мы ловили не пиктских убийц-патриотов, а пиктских принцесс.

Я называю их «принцессами» для удобства. На самом деле настоящих принцесс в этой компании было штук десять, не больше. Остальные были дочерьми знатных, богатых и влиятельных пиктов.

Похищение принцесс уже спровоцировало несколько мятежей. Мои разведчики с тревогой докладывали о нарастающей волне недовольства.

Все мои усилия по усмирению этой страны готовы были пойти прахом. Но я полагал, что овчинка стоит выделки.

Несколько дней принцессы содержались в не самых лучших условиях. Не то что бы совсем в плохих, но... скажем так — для принцесс непривычных. Служанок не было, кормили их простой пищей один раз в день, а охранники-киммерийцы, посмеиваясь, на ломанном пиктском языке обсуждали, какую цену за принцесс дадут работоторговцы с Лазурных Островов. Слыша эти разговоры, принцессы пугались и бледнели. Некоторые падали в обморок.

Спустя несколько дней было объявлено со всей определенностью, что их и в самом деле продадут в рабство. Всех.

Кроме одной.

Та девушка, которая выиграет у меня партию в шахматы, станет моей женой, и, соответственно — герцогиней всея Пиктляндии.

Играть в шахматы или нет — дело сугубо добровольное. Тем не менее, почему-то играть захотели все.

В то время я жил в большом дворце, отнятом у одного из пиктских королей. В назначенный день были освобождены сорок девять комнат этого дворца. В каждой комнате посажено по принцессе. Перед принцессой — шахматная доска. У дверей — охрана.

Начался сеанс одновременной игры...

За последние годы я стал играть в шахматы значительно лучше — спасибо дяде Джулиану. Во время моего пребывания в Аваллоне мы с ним время от времени устраивались в библиотеке и коротали вечерок за бутылкой красного и одной-двумя партиями. Правда, таких вечеров было меньше, чем хотелось бы — Джулиан постоянно находился в разъездах, а у меня была очень насыщенная программа обучения, оставлявшая мало свободного времени. Иногда я играл в шахматы с Марком, но редко. Марк предпочитал настольный теннис.

Тем не менее, я был уверен, что играю в шахматы неплохо. Устраивая всю эту затею с пиктскими принцессами, я больше всего опасался, что выиграть не сумеет ни одна. Это была бы катастрофа.

Катастрофы не произошло.

Наоборот.

Если бы я знал, что игра в шахматы — любимое развлечение здешней золотой молодежи, я бы не стал относиться к предстоящей игре с таким легкомыслием.

Когда я понял, что пиктские принцессы играют в шахматы лишь немногим хуже меня, было уже поздно. Я проиграл двенадцать партий, а

еще пять сумел свести к ничьей.

Итого — семнадцать. Семнадцать невест! Кошмар!

Я заметил, что киммерийцы, охранявшие принцесс, начали посматривать на меня с особенным уважением. Они-то были уверены в том, что я проиграл специально. Я же, в свою очередь, был уверен, что семнадцать жен — это чересчур даже для бессмертного.

Проигравших принцесс увели, а слуги начали роскошно украшать комнаты выигравших. Другие слуги вносили в комнаты изысканные блюда. Третьи — платья и украшения. Каждая принцесса должна была быть уверена, что выиграла она одна.

Затем с каждой прекрасной принцессой пришел побеседовать и познакомиться ее прекрасный принц. Точнее, не принц, а герцог.

Все принцессы вели себя по-разному. Одни кокетничали, другие проявляли к своему будущему супругу полнейшее равнодушие, третьи хотя и держались с достоинством, но — это было видно по глазам — мысленно уже примеряли пиктляндскую корону к своей голове.

В конце беседы я задавал каждой принцессе один и тот же вопрос. Я интересовался, какой свадебный подарок она хочет получить.

Одна захотела украшений, вторая — земель, третья — привилегий для своих родственников, четвертая — платьев, пятая — участия в правлении... Потихоньку я начинал скучать. «Неужели, — думал я, — столь блестяще пройдя первое испытание, ни одна не сумеет пройти второе?»

К счастью, этого не произошло. Предпоследняя принцесса произнесла те самые слова, которые я уже и не надеялся услышать.

Я еще раз взглянул на нее — изучая, запоминая... У нее была чистая белая кожа, черные глаза и длинные темно-каштановые волосы, ниспадавшие, когда она сидела, до самого пола. Спокойный, ровный взгляд. Белое платье.

— Ты назвала свое имя, — сказал я на прощание. — Но оно слишком длинное, как и все остальные ваши имена. Нет ли у тебя какого-нибудь другого, покороче? Может быть, прозвище?..

— Есть. — Негромко ответила она. — Гвенуйфар.

«Судьба.» — Подумал я.

После этого, как и полагается, были собраны все участницы соревнований и объявлена победительница. Шестнадцать товарок моей избранницы недовольно зароптали.

— Почему — она?! — Громко заявила высокая чернобровая красотка.

Звали ее, кажется, Атакунецаннеттан. — Мы тоже выиграли! Ты нас обманываешь, Артур из Киммерии!

Остальные принцессы шумно ее поддержали. Вели себя благородные пиктские девушки не совсем типично, но их можно понять. Перспектива быть проданными на рынке рабов их совершенно не привлекала.

— Дамы, дамы!.. — Я хлопнул в ладоши, чтобы их успокоить. — Вы ошибаетесь. Вы не прошли испытание.

— Ложь!

— Неправда!

— Я выиграла!

— И я!..

— Да, мы тоже!..

Я хлопнул в ладоши еще раз, погромче. Принцессы притихли.

— Было два испытания. — Объяснил я. — Второе испытание прошла только Гвиневра.

— Какое еще испытание? — Подозрительно спросила Ата- и т. п.

— Я попросил вас выбрать подарок. Каждая выбрала подарок себе по вкусу... но только одна, — я выдержал паузу. — Только одна из вас вспомнила о том, что полсотни девушек — точно таких же, как она — будут проданы злобным работоторговцам с Лазурных Островов. Только одна из вас — Гвиневра — в качестве свадебного подарка попросила вернуть остальным принцессам свободу. Ответственность — качество для правителя не менее важное, чем ум. Гвиневра прошла оба испытания и поэтому именно она станет моей женой и правительницей Пиктляндии.

— А как же мы? — Пискнула какая-то щупленькая принцесска.

— А вы с почетным сопровождением и с подарками отправитесь по домам. Передайте своим родичам, что ровно через три месяца состоится наша с Гвиневрой свадьба, на которую я приглашаю всех, кто захочет прийти.

На свадьбу прибыло столько гостей, что пришлось ставить столы не только внутри дворца, но и снаружи. Погуляли знатно.

Конечно, женитьба не решила всех моих проблем. По Пиктляндии по-прежнему бродили отряды патриотов, мечтающих вышвырнуть «вонючих горцев» из своей родной земли. Но ситуация — я ясно ощущал это — потихоньку начала меняться к лучшему. Национальное большинство во власти было представлено принцессой Гвиневрой, и национальному самосознанию пришлось этим удовлетвориться. Гвиневра давала мне

дельные советы, от которых я не торопился отмахиваться. Наш брак был заключен по необходимости, а не по любви, но, может быть, именно поэтому у нас не было ни ссор, ни размолвок. Изначально мы относились друг к другу настороженно, затем появилось взаимное уважение, которое переросло в дружбу, затем... Чувства — сложная штука: обычно мы понимаем, как дорого нам было что-то только тогда, когда это «что-то» мы уже потеряли. Но в те дни Гвиневра была молода, была со мной и мне было просто хорошо от того, что она рядом, и о большем я не задумывался.

Гвиневра куда лучше, чем я, знала свой народ. Вначале я опасался, что она захочет отравить меня и попытаться вернуть пиктам независимость, или даже самостоятельно захватить власть, но со временем, узнав ее получше, я стал постепенно открывать ей доступ к управлению страной. Гвиневра была достаточно умна, чтобы понимать: без меня она не сможет удержать власть над Пиктляндией, а что касается «независимости», то это в лучшем случае — лозунг для патриотов, а в худшем — просто ложь. Народ всегда зависим, и правители различаются не по принципу свой-чужой, а по принципу глупый-дальновидный, сильный-слабый. Гвиневра это понимала. Она не хотела возвращаться к тому положению дел, которое было здесь до моего прихода — бесконечные вялотекущие внутренние войны — она, как и я, хотела установить на своей родине нормальную систему управления.

Именно Гвиневра посоветовала мне обратиться к друидам. О существовании этих лесных колдунов я знал и раньше, но не придавал им особенного значения, поскольку они никогда не пытались противостоять мне и вообще в политику не лезли. Гвиневра помогла мне взглянуть на этот же вопрос с другой точки зрения. Она рассказала, каким огромным уважением пользуются среди пиктов друиды. Если бы мне удалось наладить с ними отношения, общественное мнение оказалось бы на моей стороне, и из-под ног террористов-патриотов окончательно была бы выбита родная почва.

Я прислушался к совету, разузнал, где состоится очередное друидское собрание, и отправился туда. В сопровождении охраны, естественно.

Друиды собрались на вершине холма неподалеку от одного из пиктских городков. К холму потихоньку стягивалось местное население. Одни смотрели на меня с неприязнью, другие — равнодушно. Я не обращал на пиктов внимания. Как я уже знал, свои церемонии друиды проводили по ночам. На вершине холма я заметил какие-то большие камни, но рассмотреть мне их не дали — стоило моему коню вступить на холм, как путь перегородил юноша в длинной темно-бурой мантии. У него был кривой посох из ветки дуба и длинный темный плащ.

— Простите, господин, — он поклонился. — Я могу вам чем-то помочь? Вы кого-то ищите?

— Да. — Сказал я. — Вашего главного.

— Я сообщу о вашем прибытии. Прошу вас, не поднимайтесь на холм верхом на лошади, а тем более — с оружием!.. Это священное место.

— Раб! — Начал один из моих людей. — Да как ты смеешь указывать конунгу, что ему делать, а что нет?!

— Тихо. — Я поднял руку. — Мы подождем здесь.

Я спешил, и телохранители последовали моему примеру. Молодой друид побежал на вершину.

Спустя несколько минут к нам, в сопровождении небольшой свиты, направился старик с длинной нерасчесанной бородой. Он ступал легко и уверенно, и хотя при ходьбе и опирался на посох, мог прекрасно обойтись и без него. Когда он подошел поближе, я увидел его глаза — зеленоватые, с золотыми искрами. У него были густые кустистые брови, а вокруг глаз собрались морщинки. Его свита смотрела на нас с недоверием и испугом, и готовилась защищать своего предводителя, но во взгляде старика не было ни вражды, ни страха. Мне он сразу понравился.

— Добрый вечер, господин герцог. — Старик слегка наклонил голову. — Вы хотели меня увидеть?

Я кивнул:

— Верно. К сожалению, я не знаю вашего имени...

— Корониус Диумалур.

— Это не пиктское имя. — Заметил я.

Корониус не ответил. Стоял и слегка улыбался, не отрицая, но и не соглашаясь с моими словами.

— Надеюсь, вы не очень заняты? — Спросил я. — Мне бы хотелось поговорить с вами.

— Конечно. — Он едва слышно вздохнул. — Но, признаться, сейчас мы готовимся к праздничной церемонии...

— Хорошо. — Я пожал плечами. — Дело не срочное, так что разговор можно отложить и до завтра. Скажите... — Я помедлил несколько секунд. — Я могу присутствовать на вашем празднестве?

— Вы хотите присутствовать? — Корониус слегка удивился. — Зачем?

— Я теперь правлю этой страной и хочу знать, чему поклоняются мои люди.

Верховный Друид несколько раз кивнул.

— Конечно, конечно, вы можете... Любой, кто хочет... Праздник Великой Матери открыт для всех...

Ирония, услышанная мною в его словах, означала: «Если бы мы и хотели, то как бы мы смогли вам запретить?»

— Замечательно. Один из ваших учеников проявил настоящий героизм, не пуская меня на холм. — Я чуть улыбнулся, и старик улыбнулся в ответ. — Нельзя ехать верхом, нельзя иметь при себе оружие. Есть еще какие-нибудь запреты?

— Пожалуй, нет... — Он слегка пожал плечами. — Хотелось бы еще, конечно, — он мимоходом скользнул взглядом по моим людям, — чтобы все участники церемонии вели себя цивилизованно...

Мои киммерийцы остались к этому замечанию совершенно равнодушны, поскольку попросту не поняли его смысла.

— У вас не только имя странное. — Заметил я, складывая руки на груди и пристально рассматривая Корониуса. — Вы вообще не из этого Отражения.

Старик согласно кивнул и, снова проигнорировав мой не заданный прямо, но подразумевавшийся вопрос, коротко поклонился и направился обратно на холм.

— Совсем обнаглели эти пикты... — Пробурчал один из моих телохранителей.

— Ар-тоор, не станешь же ты и в самом деле делать то, что он

говорит!.. — Начал было Ингвальд — начальник охраны и мой дальний родич.

— Стану. — Сказал я. — Мы с... — Я обвел глазами своих людей, выбирая того, кто составит мне компанию. — Мы с Фридлейвом отправимся туда вместе. Без оружия. Вы будете ждать нас внизу. С пиктами не ссориться и на провокации не поддаваться. Ясно?

Ингвальд раздраженно хлопнул себя по бедру.

— Проклятье! Без оружия?! А если это ловушка?!

— Тогда вы придете к нам на помощь.

— Мы можем не успеть!

— Я не спрашивал у тебя совета. — Заметил я. Мой родич покачал головой, но больше не спорил.

Когда наступила ночь, мы с Фридлейвом поднялись на холм. Доспехи мы, впрочем, снимать не стали.

Протолкавшись через толпу, мы встали неподалеку от менгиров. Друиды уже заканчивали подготовку. Серебристый диск луны повис в безоблачном небе. Было зажжено много факелов и костров. Друиды начали что-то петь...

Церемония продолжалась долго. Пение сопровождалось ритуальными перемещениями, факел, чаша и узловатый посох сменяли друг друга в руках Верховного Друида несколько раз. С какого-то момента я перестал следить за внешним ходом церемонии, я вызвал Лабиринт и моим глазам предстало захватывающее зрелище: токи энергии стекались к менгирам, протягивались колоннами света между камнями и луной. Это была странная, незнакомая магия, совсем не такая, какой меня обучали Мордред и Анжелика. В конце концов паутина, сотканная Верховным Друидом, переполнилась силой до предела, и когда он произнес завершающее заклятье, сделал жест — эта сила, освободившись, волной перетекла по холму, омывая луга и леса, людей и животных. Я почувствовал, как будто бы на меня дохнул свежий весенний ветер, куда-то пропали усталость и напряжение... я ощутил какой-то заряд бодрости... как будто бы сейчас была не глубокая ночь, а утро, и я хорошо выспался.

Было еще несколько ритуальных процедур — совсем коротких, завершающих, после чего народ стал расходиться. Я подозревал, что сегодня из них вряд ли кто-нибудь заснет. Основная часть спешила к праздничному столу, другие, напротив, покидали собрание — парами или небольшими группами они подыскивали себе укромные местечки, по дороге избавляясь от одежды. На них не обращали внимания. Всюду

слышался смех. Кто-то настраивал музыкальные инструменты.

— Эх, девку бы сейчас... — Вздохнул Фридлейв.

Я хлопнул его по плечу и показал на удаляющуюся толпу:

— Иди, развлекайся. Этой ночью местные забудут о том, кто мы такие. И остальных позови.

— А как же... — Фридлейв бросил тоскливый взгляд на стайку пиктских девушек, но чувство долга взяло верх. — А если с вами что-нибудь...

— Ничего не будет. По крайней мере, не этой ночью. Не знаю, как они это сделали, но сегодня и вода, и воздух, и земля — все стихии восстанут против того, кто посмеет обнажить оружие. И передай нашим, чтобы вели себя прилично.

— Рад, что вы правильно поняли происходящее, господин герцог. — Раздался рядом голос Верховного Друида.

Я повернулся и несколько секунд рассматривал старика.

— Я не исключаю, что все это может быть отвлекающим маневром, направленным на то, чтобы заманить меня в ловушку. — Усмехнувшись, сказал я после того, как Фридлейв ушел.

— Но ведь по-настоящему вы так не считаете, не правда ли? Иначе вы не отослали бы охрану.

— Не считаю. — Согласился я. — Впрочем, я и без охраны могу себя защитить.

— Ничуть не сомневаюсь. — Кивнул старик. — Нет-нет, господин герцог, даже если бы мы и вмешивались в местную политику... чего мы никогда не делаем... даже в этом случае я не только не стал бы заманивать вас в ловушку, напротив, я бы изо всех сил старался бы сохранить вам жизнь. Ведь если здесь, в пиктских лесах, погибнет член королевской семьи Аваллона, то худшего несчастья для этой маленькой страны и вообразить невозможно. Ваши родственники тут камня на камне не оставят...

— Вы хорошо обо мне осведомлены. — Я прищурился. — Кто вы?

— Я уже представлялся. Корониус Диумалур, Верховный Друид.

— Вы понимаете, о чем я. Из какого вы мира? Кто вас научил колдовать?

— Я состою в Ордене Восьми Ветров. — Сказал он так, как будто бы это все объясняло.

— Что это еще за Орден?

— Вы не знаете? — Корониус удивленно приподнял брови.

— Черт побери! Если бы я знал, я бы не спрашивал!..

— Хмм... — Верховный Друид задумчиво пожевал губами. — Впрочем, вы недавно в Аваллоне... да и там, возможно, не все знают...

— Не тяните резину.

— Позвольте вопрос, — Корониус напряженно посмотрел мне в лицо. — Королева Аваллона ничего вам о нас не рассказывала?

Я покачал головой.

— Говорю же вам, ничего.

— Хорошо, — сказал Корониус. — Тогда...

Но прежде чем пускаться в дальнейшее повествование, мне надо сделать лирическое отступление и рассказать о нашей королеве. До сих пор я не упоминал о ней, поскольку она не играла никакой существенной роли во всей этой истории. С твоего позволения, я буду поступать так и дальше — вытаскивать новых персонажей словно фокусник кроликов из шляпы. Конечно, я мог бы с самого начала выложить тебе биографию всех действующих лиц, но тогда мой рассказ превратился бы в скучный и сухой отчет. Кроме того, ты просто-напросто запутался бы во всех этих персонажах. Поэтому я буду и дальше раскрывать карты по очереди, по порядку и по необходимости.

Короче, у нас действительно была королева. Жена Мордред. Длительное время я не обращал на нее внимания, поскольку по крови к Семье она не принадлежала — была отраженкой, то есть смертной. Потом Анжелика как-то упомянула, что королева является неплохой колдуньей, и мой интерес к ней существенно возрос. Выяснилось, что она появилась в Аваллоне незадолго до коронации Мордред и короновалась вместе с ним. За триста лет, прошедших с того момента, она почти не постарела. Флора как-то упомянула, что эта особа некогда была возлюбленной Мерлина, потом пыталась его убить, а потом они, вроде бы, снова помирились. Я прикинул — после смерти Мерлина прошло больше тысячи лет. Любопытно, на каком Отражении люди живут так долго? Я начал наводить справки, но никто не знал, с какого Отражения происходит Джулия. Да, королева Джулия. Ее так зовут.

— ...Хорошо, — сказал Корониус. — Тогда не хотите ли познакомиться с главой нашего Ордена? Он вам расскажет все куда лучше, чем я.

— Есть еще один Верховный Друид?

— Нет-нет, вы не понимаете... — Корониус тихонько рассмеялся. — Каждый член нашего Ордена специализируется в своей области.

Некоторые работают со стихиями, другие создают магические системы, кто-то посвящает свое время ритуальной магии... моя специализация — силы природы и жизни. Время от времени мы встречаемся и обмениваемся опытом.

— А чем занимается глава вашего Ордена?

— Герхат — маг-универсал. Его замок стоит в одном из Отражений неподалеку от Аваллона. Не хотите ли прокатиться?

— Почему бы и нет? — Я пожал плечами. — Если это действительно недалеко...

— К утру вернемся, обещаю.

— Вы так настойчиво меня приглашаете — а вы уверены, что хозяин замка будет рад двум гостям, свалившимся на него посреди ночи?

— В Отражении Герхата суточный цикл сдвинут на шесть часов вперед...

— Приедем ранним утром. Немногим лучше.

— ... и, кроме того, глава Ордена нас ждет.

Я приподнял бровь.

— Вы продолжаете меня удивлять. Как он мог узнать?

— Я связался с ним, как только вы появились.

— Связались? Как?

— Через карту.

— Покажите. — Потребовал я.

Поколебавшись, друид достал из-под плаща небольшой кожаный чехол, из которого извлек бумажный прямоугольник. Прикоснувшись к карте, я ощутил холод и легкое покалывание. Поскольку лунного света было недостаточно для того, чтобы разглядеть изображение, я применил фокус, которому меня научил Мордред: щелкнул пальцами и прошептал слово на тари. Над моим большим пальцем вспыхнул огонек. Это было даже не заклятье, а примитивная работа с энергией.

Я поднес огонек к карте и некоторое время рассматривал ее. На карте был изображен благообразный старик с длинной белоснежной бородой. Почувствовав легкое касание, я заблокировал контакт и хмуро посмотрел на Корониуса.

Это была настоящая карта.

Однако рука художника, нарисовавшего ее, была мне незнакома.

— Чья это работа?

— Герхата.

— Он что, бессмертный?

— Нет, что вы!.. Просто очень талантливый маг.

— Я полагал, что отраженцы не могут создавать Козыри. — Медленно произнес я.

— Да, вы правы. — Кивнул Корониус. — За пределами вашей семьи это умение встречается чрезвычайно редко. Мне известны только два колдуна из Отражений, которые на это способны, и один из них — глава нашего Ордена.

— А кто второй? — Подозрительно осведомился я.

Корониус пожал плечами.

— О втором я только слышал. Если не ошибаюсь, его зовут Ллойд. Я с ним не знаком.

— Если у вас есть карта Герхата, зачем скакать к его замку по Отражениям? Не проще ли переместиться прямо к нему в гостиную?

— Кхм... — Корониус замялся. — Наверное, лучше все-таки...

— Что вы там опять темните?

— Видите ли... Я думаю, Герхат откажется нас переправлять.

— Это еще почему?

— Потому что ему придется вступить в ментальный контакт с вами...

— И что?

— Вы бессмертный. — Корониус посмотрел мне в глаза. — И если вы захотите, вы сможете легко подчинить его своей воле. Он не захочет рисковать и прервет контакт сразу, как только увидит вас.

Я хмыкнул, но ничего не сказал. Все это выглядело чертовски подозрительно, однако внутреннее чутье подсказывало мне, что это — не ловушка. Поколебавшись еще несколько секунд, я решился:

— Ладно, давайте прокатимся. Но учтите — если что-то пойдет не так, лично вас я прирежу первым.

— Уверяю вас, мы бы никогда не стали...

Я махнул рукой, прося Корониуса прекратить болтовню. Пожив несколько лет в Семье, я совершенно утратил способность верить чьим бы то ни было заверениям о добрых намерениях.

Когда мы отправились в путь, и я ощутил, как меняется ткань Отражений, я любопытствовал у своего спутника:

— Каким образом вы перемещаетесь из мира в мир?

— Так же, как и создаем заклинания. С помощью Сломанного Лабиринта.

— Что это еще такое?

— Простите... мне трудно объяснять и одновременно менять Отражения.

— М-да?.. — Я скептически посмотрел на друида. У меня была такая же проблема... в первые два-три месяца после посвящения, когда я толком еще не умел работать с Отражениями. Впрочем, если этот Корониус — смертный, научившийся каким-то образом ходить по мирам, то не исключено, что в его случае эта же проблема носит пожизненный характер. — Ладно. Подождем до замка.

Спустя полтора часа — за это время мы перебросились едва ли десятком слов — показался, наконец, и замок: большое строение, из которого вырастала центральная башня в окружении восьми башен поменьше. Корониус устал, но старался не подавать виду.

Когда мы подъехали ближе, опустился подъемный мост и с протяжным скрипом открылись ворота. Нас действительно ждали. На всякий случай я проверил, хорошо ли выходит из ножен клинок.

Во дворе мы отдали лошадей конюхам и направились к центральному зданию. Поглядывая по сторонам, я пытался прикинуть, с какой опасностью могу тут столкнуться. Стражников оказалось меньше, чем я ожидал, и подготовлены они — насколько можно было судить по пластике — были так себе, средненько. С другой стороны, если тут где-нибудь поблизости прячется подкрепление, а Корониус и таинственный глава этого странного Ордена вздумают поддержать атаку своих солдат парой-тройкой заклинаний, то я могу оказаться в полном дерьме. Но чувство опасности по-прежнему дремало, и я, на пол-шага отставая от Корониуса, поднялся по лестнице, ведущей в донжон.

Архимаг Герхат Аннегрэн оказался таким же, как и его изображение на карте — степенным, высоким, белобородым старцем. Разве что залысина у него была больше, и борода — длиннее.

Он поклонился и представился. Я сделал то же самое.

— Не откажитесь разделить со мной трапезу? — Вежливо осведомился он.

— Не откажусь. — Ответил я. Я был совершенно спокоен — среди семи подвешенных заклинаний, которыми я располагал в данный момент, идентификатор ядов стоял на первом месте.

Мы прошли в столовую. Там уже все было приготовлено. Кравчий разлил вино по серебряным кубкам.

— Ваше здоровье.

— Ваше здоровье.

Выпили. Закусили.

— Вы порядочно заинтриговали меня. — Сказал я, подцепляя ломоть

какой-то экзотической рыбы. — Расскажите о вашем Ордене.

— Не знаю даже, с чего и начать... — Герхат развел руками.

— Кто вы такие, когда появились, кто создал ваш Орден, кто в нем состоит, что вы умеете, каким образом вы создаете заклинания, что такое Сломанный Лабиринт, почему наша королева должна была рассказать мне о вас, какие у вас отношения с Аваллоном и в чем вообще заключается политика вашего Ордена.

— Да, вы умеете задавать вопросы... — Архимаг покачал головой. — Постараюсь отвечать по порядку... Наш Орден — организация, состоящая из колдунов... отраженцев, как вы их называете... прошедших Сломанный Лабиринт. Орден появился очень давно, еще при короле Обероне. Орден никто не создавал... вернее, к его формированию приложили руку разные люди в разное время, но никого определенного, как «основателя Ордена» указать нельзя. Некогда это было просто сообщество... содружество магов, случайно повстречавшихся друг с другом в Отражениях и с годами продолжавших поддерживать знакомство и обмен опытом. Из потомков и учеников тех магов и выкристаллизовалась со временем наша организация. Если угодно, свою нынешнюю форму она приняла благодаря и моим усилиям тоже... Впрочем, — старик помрачнел, — теперь все это уже не имеет никакого значения.

— Почему? — Спросил я.

— Потому что через несколько столетий Орден прекратит свое существование. В отличие от вас, мы не бессмертны...

— А ваши ученики?

Герхат отвел взгляд.

— У нас больше не может быть учеников. Об этом я тоже расскажу, — добавил он, опередив мой вопрос, — но чуть попозже, если вы позволите... Сначала я хочу обрисовать ситуацию в целом, чтобы вы лучше понимали, что к чему.

— Конечно.

— Что вас еще интересовало? Кто состоит в Ордене?.. Если вам угодно, как-нибудь я познакомлю вас с остальными, а пока их имена все равно вам ничего не скажут. Четверо специализируются по стихиям: огонь, вода, земля, воздух. Еще четверо — алхимик, друид, — Герхат показал глазами на Корониуса, — бестиолог и некромант. Восемь Магистров и я — Гроссмейстер. Основой нашей магии являются Сломанные Лабиринты — отражения вашего, аваллонского Лабиринта...

Я поинтересовался, как они их проходят и задал еще несколько технических вопросов. Все было почти также как у нас, хотя и не совсем.

Кроме того, Герхат упомянул, что из неофитов, пытающихся пройти Сломанный Лабиринт, выживает, в лучшем случае, один из десяти.

— Гм. — Сказал я. — Высокая смертность. Поэтому вы решили никого больше не посвящать?

— Мы ничего не решали. — Тихо сказал Гроссмейстер. — У нас их попросту отняли.

— Сломанные Лабиринты?

— Да.

— Кто отнял?

— Королева Джулия.

Несколько секунд мы молчали.

— Так, я кое-что начинаю понимать... — Сказал я. — Джулия — колдунья. Очевидно, она прошла один из этих Сломанных Лабиринтов...

— И очень давно. — Подтвердил Герхат. — Она была ученицей Леди Ясры...

Я кивнул. Флора тоже что-то рассказывала об этом. Ясра — давно покойная, как и ее муженек — была женою Бранда и матерью Ринальдо, ныне царствующего короля Эмеральда. Кроме старшенького, у них с Брандом был еще целый выводок крысенышей (к настоящему моменту большинство из них уже передохло), но историю про Волшебника из Изумрудного Города — то есть историю про королевство Эмеральд и возвращение принца Бранда из загробного царства я поведаю тебе как-нибудь в другой раз.

— Джулия состояла в вашем Ордене? — Спросил я у Герхата.

— Нет, никогда.

— Ну что ж, ничего удивительного, что она правильно оценила возможности, которые дают Сломанные Лабиринты своим посвященным, и постаралась взять над ними контроль... Странно только, что этим еще раньше не занялись члены нашей Семьи...

— Очевидно, они просто не обращали на нас внимания. — Предположил Герхат. — И нельзя сказать, что мы были недовольны таким положением дел. Напротив, мы изо всех сил старались не высовываться... Кстати, это ответ на ваш вопрос относительно нашей политики вообще и отношения к Аваллону в частности.

— Но теперь ситуация изменилась? — Я еще раз мимоходом посмотрел на Герхата и Корониуса, и мысленно прикинул, в кого из них удобнее будет метнуть нож, а кого — рубануть мечом. Никакой враждебности к ним я не ощущал, но нельзя было исключать того, что эти бравые ребята захотели взять заложника для того, чтобы выторговать у Семьи хотя бы

один из Купированных Лабиринтов.

— Нет. — Вздохнув, Герхат тяжело покачал головой. — Мы не настолько самонадеянны, чтобы воевать с бессмертными. Мы здравомыслящие люди, и прекрасно понимаем, чем это для нас кончится.

— Приятно иметь дело со здравомыслящими людьми. — Заметил я, отщипывая веточку винограда.

— И тем не менее королева Джулия иметь с нами дело отказалась...

— Вы пытались с ней договориться?

— Конечно! И не раз.

— Мне трудно поверить, что королева просто так оттолкнула ваш Орден. Джулия не менее... эээ... здравомыслящий человек, чем вы или я. Ей гораздо выгоднее использовать вас, чем ссориться с компанией магов, умеющих ходить по Отражениям...

— Мы тоже так думали. Но Джулия поставила совершенно неприемлемые для нас условия...

— Какие именно?

Герхат несколько секунд молчал, а затем хрипло сказал:

— Она хотела полностью подчинить себе наш Орден...

— Понятно. — Я усмехнулся. — Она хотела занять кресло Гроссмейстера, а вы не хотели его уступать.

— Нет! — Покачал головой старик. — Вы не правы!

— Нет? — Я продолжал улыбаться.

— Будь дело только в этом, я бы без колебаний сложил с себя полномочия главы Ордена. В конце концов, я уже стар и в скором времени мне в любом случае пришлось бы искать преемника. Дело в другом... Не знаю, как вам объяснить... — Герхат сцепил кончики пальцев и некоторое время молчал. — Орден — это не просто какой-то профессиональный клуб, в котором мы все состоим. Мне всегда казалось, что Орден — это нечто большее... что Орден объединяет некая идея... может быть даже — хотя это и прозвучит чересчур высокопарно — желание сделать мир лучше... Не знаю, поймете ли вы меня... — Архимаг снова замолчал.

Я заставил себя не улыбаться. Кажется, старик действительно верил в то, что говорил. Мне стало его жаль.

— Мы были готовы стать вассалами Аваллона, — подал голос Корониус. — Но ваша королева хотела большего. Есть разница между слугами и вассалами. Джулия видела нас в качестве своей свиты — и только.

— Даже не свиты... — Герхат поморщился. — Она хотела сделать из нас какой-то... обслуживающий персонал.

— Понятно. Значит, вам так и не удалось договориться?

— К сожалению, нет. Джулия отказалась идти на какие бы то ни было уступки. Мы просили ее оставить нам хотя бы один Лабиринт, но она просто рассмеялась нам в лицо. Она сказала, что ей наплевать на то, что будет с нашим Орденом. В первое время мы надеялись, что она не сможет должным образом обеспечить охрану Сломанных Лабиринтов и мы будем хотя бы изредка, тайком, посвящать там наших учеников...

«Наивные.» — Подумал я.

— ...к сожалению, вышло иначе. Джулия возвела над Лабиринтами цитадели и выставили хорошую охрану...

— Скажите, — перебил я Герхата. — А сколько всего этих Сломанных Лабиринтов?

Старый чародей пожал плечами.

— Не знаю. Думаю, немало, но это не имеет значения, поскольку чем дальше Сломанный Лабиринт от истинного, тем менее он стабилен, и, соответственно, тем более опасен.

— Сколько Лабиринтов находится под контролем у Джулии?

— Девять. Ближайших к Аваллону.

— А вы не пытались искать другие?

— Пытались. Но они слишком опасны. Слишком. Если из ста учеников будет выживать один... — Герхат развел руками. — Нет, мы не можем на такое пойти.

Он позвонил в колокольчик и появившиеся слуги унесли грязную посуду. На столе прибавилось вазочек с фруктами и появилось еще несколько бутылок вина. Я заметил, как в открытую дверь заглянула молодая симпатичная девушка — явно не служанка. В столовую зайти она не решалась, но ей было любопытно, что тут происходит.

Герхат перехватил мой взгляд и тяжело поднял на ноги.

— Ида, подойди сюда... Милорд Артур, позвольте представить вам мою правнучку Иду.

Девушка присела в реверансе. Я поклонился.

— Ее дед, мой сын, несколько лет тому назад умер от старости... — Тихо сказал Герхат, опускаясь в кресло. — А ведь ему не было и восьмидесяти...

— Простите, а сколько лет вам самому?

— Семьсот сорок. Те, кто прошел Сломанный Лабиринт, стареют в десять раз медленнее, чем обычные люди. Вам не передать, что я испытывал, когда мой внук умер у меня на руках... Нет ничего хуже, чем стать свидетелем смерти того, кого любишь...

— Я бессмертный, — напомнил я Герхату. — И хотя я весьма молод, мне еще предстоит пережить это «удовольствие».

— Да, конечно. — Кивнул архимаг. — На какой-то момент я совсем забыл о этом... простите... вы ведь вовсе не старитесь...

Он посмотрел на Иду и ободряюще ей улыбнулся. Взял за руку. Потом перевел взгляд на меня.

— Она талантливая девочка. Со временем из нее могла бы вырасти великолепная колдунья. Я не хочу, чтобы и она...

— Я понял вас. — Сказал я. — Подумаю, что можно сделать с этими Лабиринтами.

— Если мы можем вам чем-то помочь...

— ...то я обязательно дам вам знать. — Закончил я. — Но пока мне нужно время, чтобы обдумать все, что вы мне только что рассказали.

— Не хотите ли погостить в моем замке несколько дней? — Герхат сделал широкий жест. — Я приглашаю вас...

— Боюсь, что буду вынужден отказаться. — Я поднялся на ноги. — В Пиктляндии по-прежнему беспокойно... И, кроме того, — тут я позволил себе улыбнуться. — Я недавно женился. Жена будет беспокоится.

— Тогда — всего доброго. В моем замке в любое время вас встретят как желанного гостя.

— Обязательно заеду. Если вы не возражаете, я все-таки нарисую вашу карту.

Герхат колебался лишь мгновение. Затем кивнул.

— Хорошо. Полагаю, вам можно доверять. Вы совсем не похожи на Джулию.

— Рад это слышать. До встречи.

Корониус тоже встал — он возвращался в Пиктляндию вместе со мной.

«Джулия — безмозглая дура.» — Подумал я, направляясь к дверям.

## 8

На обратном пути Отражения менял я, и поэтому до Пиктляндии мы добрались в два раза быстрее. Корониус сохранял молчание, по-видимому, не желая отвлекать меня от процесса смены Отражений, и у меня появилось немного времени, чтобы спокойно подумать.

Я не хотел задерживаться у Герхата в гостях — по крайней мере, не сейчас — но про свою жену я упомянул совсем по другой причине. Если предположить, что появление Иды в конце нашей беседы произошло не случайно, то что должно было последовать дальше по сценарию? Не исключено, что этот белобородый старикан постарался бы подложить свою

милую правнучку в мою постель — просто так, на всякий случай, чтобы я не забыл о своем обещании помочь Ордену разобраться с Джулией и Сломанными Лабиринтами. Девушка симпатичная, что и говорить... Может быть, я чересчур циничен, и у Герхата и близко не было таких мыслей — я не хотел проверять. Мое решение несколько не соответствовало традициям нашей семьи — если судить по рассказам, дедуля Корвин был настоящим мачо и никогда не отказывался сыграть в тяни-толкай с симпатичной отраженкой, а про Оберона, настрогавшего с полсотни потомков, я вообще молчу — так вот, я, не смотря на свою молодость, полагал, что это крайне ошибочная линия поведения. Надо различать дело и удовольствие.

Ордену Восьми Ветров я собирался помочь в любом случае. Не пожелав договариваться с этими людьми, Джулия продемонстрировала верх кретинизма. Если уж ей чем-то не понравилась вся эта кампания, следовало бы настучать мужу, подключить Семью и в конце концов уничтожить всех, прошедших посвящение Сломанного Лабиринта. Отбирать что-то ценное у людей, способных отомстить, и оставлять после этого им жизнь и свободу — большей глупости и представить себе нельзя. Джулии здорово повезло, что они оказались такими доброхотами. Конечно, попытайся Орден поднять бучу, Семья быстро перекрыла бы им кислород, но до этого времени они вполне могли успеть кого-нибудь пришить. Хотя бы ту же королеву. Болт, выпущенный отраженцем из арбалета, способен убить ничуть не хуже, чем тот же самый болт, выпущенный бессмертным.

В нашем разговоре Герхат прозрачно намекнул, что Орден был бы готов подчиниться Аваллону на более мягких условиях, чем те, которые предлагала Джулия. Но «Аваллон» — понятие расплывчатое. Внешне мы едины, но внутри Семьи наши области влияния четко распределены. Номинально наш флот — достояние короны, но на деле им командуют Оттон и Жерар. Номинально Арденский лес принадлежит королю, но хотел бы я посмотреть на того короля, который попытается выгнать из Ардена принца Джулиана! В настоящее время Пиктляндия номинально — часть Аваллонского государства, но на деле я в своем герцогстве — царь и бог. Конечно, такое распределение ролей касается не только территорий. Если Орден Восьми Ветров когда-нибудь и подчинится Аваллону, реальный контроль над ним возьмет только один из членов Семьи. Само собой, наладив отношения с Орденom, я не стану преподносить его на блюдечке ни Джулии, ни Мордреду, ни Фионе. Свой шанс — благодаря недалёковидности нашей дорогой королевы — они уже упустили. А мне совершенно не помешает «обслуживающий персонал» из девяти колдунов,

умеющих перемещаться по Отражениям.

В общем, я оценил результаты своей поездки на друидский праздник как «весьма продуктивные», довольно улыбнулся — и вдруг заметил, что мы уже приехали.

В Пиктляндии было ранее утро. От земли поднимался туман, превращая древний лес и город впереди нас в зыбкую картину из полузабытого сновидения. Песен и голосов уже не было слышно — праздник закончился, и народ разбрелся по домам. Мы едва не наехали на парочку, благополучно уснувшую после любовных утех прямо в траве.

— Кстати, — спросил Корониус, пока наши лошади неторопливо направлялись к городу. — А для чего изначально вы хотели со мной встретиться?

Я помедлил, прежде чем ответить.

— Я хотел поговорить с вами о положении дел в герцогстве. Как, например, относятся друиды к моему правлению? Ну, и так далее...

— Мы не участвуем в политике, господин герцог. Извините меня, но... друидам абсолютно все равно, кто будет править в этих землях — Артур из Аваллона или пол-дюжины пиктских королей. Главное, чтобы это был справедливый, разумный правитель. Вы, насколько я могу судить, под эту категорию вполне подходите. Знаете, вся эта история с женитьбой на пиктской принцессе... это был хороший ход. Я слышал — об этом уже складывают баллады.

— Да, я тоже слышал. — Я не стал упоминать о том, что некоторые баллады я не только слышал, но и самолично проплатил авторам их написание. — Но этого, конечно, недостаточно. У меня с вашей страной связаны долговременные планы. Не буду раскрывать всех карт, скажу лишь, что я планирую со временем объединить Пиктляндию и Киммерию в единое герцогство. Но это — дело будущего, а пока мне необходимо решить другие, насущные проблемы. Я пообещал главе вашего Ордена, что постараюсь изменить ситуацию со Сломанными Лабиринтами, но вы ведь должны понимать — я не могу полностью переключиться на эту задачу, зная, что за моей спиной в Пиктляндии в любой момент может вспыхнуть восстание. Я не буду заниматься Лабиринтами до тех пор, пока не буду уверен, что положение в герцогстве стабильно и все дела тут можно — хотя бы на какое-то время — пустить на самотек.

Несколько десятков шагов мы ехали молча.

— Полагаю, — сказал наконец Корониус. — Что политический нейтралитет, которому всегда следовали друиды, в некоторых ситуациях не только не полезен, но и вреден. Киммерийцы все равно из Пиктляндии

не уйдут, а раз так — чем быстрее пикты увидят в вас своего законного правителя, тем меньше будет жертв. Со своей стороны я, как могу, постараюсь повлиять на общественное мнение так, чтобы оно склонилось в вашу сторону.

— О! Это было бы просто чудесно.

Я улыбнулся. Новый день начался на редкость удачно.

— ...Анжела, ангел мой, расскажи мне о Сломанных Лабиринтах.

Анжелика сегодня не в своих цветах. На ней длинное бело-голубое платье, накрахмаленное и выглаженное так, что издали моя тетушка кажется похожей на статуэтку из тонкого фарфора, на которую боязно даже дышать. Каштаново-рыжие волосы тщательно расчесаны и уложены в хитроумную прическу. В комнате — ни следа пыли, все вещи на своих местах, рабочий стол в кабинете — идеально чист, если не считать листа бумаги строго по центру и остро заточенного карандаша справа от него — ровно в двух сантиметрах. Анжелика невероятно аккуратна. Это ее пунктик. И при этом любит украшать свои комнаты разными цветочками и финтифлюшками. Иногда она напоминает мне куклу Барби, живущую в игрушечном домике.

В данный момент впечатление игрушечного домика несколько портит сидящий на подоконнике невоспитанный племянник Анжелы... Я бы забрался туда с ногами, если бы не опасался, что после такого кощунства тетушку хватит удар.

Я почти не воспринимаю ее как свою тетю. Мой возраст остановился где-то на двадцати пяти годах, Анжелике на вид — столько же, если не меньше. Интересно, в кого она такая аккуратистка? Не в Блейза, это уж точно...

— Откуда ты про них узнал? — Поинтересовалась Анжелика.

— Марк как-то упомянул. — Беззастенчиво соврал я. — Но отец в магии не слишком хорошо разбирается, и мне захотелось услышать, что по этому поводу может сказать специалист.

— Ну... ммм... Сломанные Лабиринты — это...

Далее последовал короткий рассказ, во всем совпадавший с тем, что я уже слышал от Герхата. По ходу рассказа я кивал, делал различные восклицания и задавал наводящие вопросы. Но ничего нового я так и не услышал. Либо Анжелика не обладала никакой эксклюзивной информацией на эту тему, либо не желала ею делиться.

— А кто их контролирует? — Невзначай поинтересовался я.

Анжелика дернула плечиком.

— Не знаю. Разные отраженческие колдуны...

— Ты уверена?

— Ну... Я не знаю... Вообще-то я никогда не интересовалась этим вопросом. А почему ты спрашиваешь?

«А почему тебя интересует, почему я спрашиваю?» — Хотел спросить я в ответ, но сдержался и опять соврал:

— Понимаешь, прошел слух, будто бы с некоторых пор Сломанные Лабиринты контролирует королева Джулия...

— Вот как? — Заинтересовалась Анжелика. — А кто является источником этого слуха?

— Об этом позволь мне умолчать.

— Почему бы тебе не спросить у Джулии прямо, правда это или нет?

— Хмм... — Я поскреб подбородок. — По некоторым причинам я бы не хотел этого делать.

— Интересно, по каким.

— Ну-у... Мне почему-то кажется, что Джулия меня не любит.

— Неудивительно.

— Почему же «неудивительно»? — Обиделся я.

— Хватит придуриваться, Артур. — Анжелика нахмурилась. — Я знаю: ты не такой идиот, каким иногда пытаешься показаться. Если бы твой отец не был врагом Мордред, возможно, отношения с королевой у вас сложились бы совершенно иные...

— Но отношения у нас такие, какие есть, и я ничего не могу изменить. — Сказал я.

— И тем не менее, ты мог бы спросить. Если она действительно владеет Сломанными Лабиринтами, думаю, она не стала бы это скрывать.

— Я не хочу, чтобы она вообще знала о моем интересе. От меня... или от кого-то другого.

— Я не скажу. — Анжелика вздохнула. — Но я действительно ничего об этом не знаю... Хотя... — Она задумалась. — Был один интересный эпизод. Я шла мимо гостиной, и случайно услышала, как беседуют Мордред и Джулия. Я не подслушивала — просто уловила одну странную фразу. Точнее, часть фразы. Мордред сказал ей «твой Орден»...

— Орден? — Переспросил я.

Анжелика кивнула.

— Я и раньше знала, что у Джулии много учеников. Но про то, что они состоят в каком-то колдовском Ордене, услышала впервые.

— Хмм... — Моя пробудившаяся паранойя принялась нашептывать мне, что поездка в замок Герхата — обман от начала и до конца, что Герхат

и Корониус — верные слуги Джулии, пытавшиеся заманить меня в антиправительственный заговор с тем, чтобы впоследствии Мордред мог оправдаться перед Семей за мое убийство, предъявив доказательства готовившейся измены. — А как называется этот Орден, ты случайно не услышала?

— Нет.

— Тогда расскажи мне об учениках Джулии.

— Что именно?

— Что это за люди, как они выглядят, как их зовут, сколько их, что они умеют...

— В основном, это молодежь. Она набрала их совсем недавно... Хотя, если это смертные, то они могли уже и состариться.

— Мордред и Джулия правят полтора века. Значит, ученики Джулии состариться еще не могли... Прошедшие Сломанный Лабиринт стареют в десять раз медленнее.

— А это-то ты откуда знаешь? — Любопытствовала Анжелика.

— От туда же.

— Все те же слухи?

Я кивнул.

— Знаешь, — сказала Анжелика, — когда мне нужно, чтобы по Семей поползли слухи, я иду и общаюсь с Флорой. А потом ссылаюсь на нее, как на источник своей информации.

— И это срабатывает? — Хмыкнул я.

— Всегда. — Кивнула Анжелика. — Ты уже поговорил с ней?

— Еще нет. Кстати, объясни мне, почему Джулии позволили захватить все работающие Сломанные Лабиринты? Или ты действительно ничего не знала?..

— Не знала. А если бы и знала, не стала бы ей мешать. Для нас эти Лабиринты совершенно бесполезны.

Я тяжело вздохнул.

— Тетя, ты или считаешь меня полным кретином, или пытаешься показаться глупее, чем ты есть на самом деле. О третьей возможности я не хочу даже и думать. Что значит «бесполезны»?! Через Сломанный Лабиринт можно провести толпу смертных. Девяносто процентов погибнет, но это неважно. Из оставшихся можно сформировать отличную команду колдунов. Умеющих менять Отражения и живущих в десять раз дольше, чем обычные люди. Ты бы хотела иметь такую команду в своем распоряжении? Или ты все еще считаешь, что эти Сломанные Лабиринты для нас совершенно бесполезны?!

Анжелика прищурилась.

— А знаешь, Артур, в твоих словах что-то есть... Мне кажется, ты начал этот разговор не просто так. Тебе что-то от меня нужно?

— Нет, мне просто кажется несправедливым положение вещей, при котором какая-то отраженка захватила все Сломанные Лабиринты, а Семья сидит с пустыми руками и даже ни о чем не подозревает.

— Ммм... — Мышцы на лице Анжелики чуть напряглись, как будто она очень старалась не улыбнуться. — Другими словами, ты хочешь, чтобы Семья узнала об этой ужасной несправедливости?

Я кивнул.

— Только на меня не ссылайся.

— Не буду. — Анжелика все-таки не удержалась и позволила себе чуть-чуть улыбнуться. — Как всегда, буду ссылаться на Флору.

Шло время. Обстановка в Пиктляндии потихоньку менялась к лучшему. У истоков Роны была заложена будущая столица моей маленькой страны: большой замок на холме, у подножья которого со временем вырастет город. Это будет моя «официальная резиденция» — у каждого члена Семьи была такая, ибо все остальные, «неофициальные» владения и замки мы предпочитали друг перед другом лишний раз не светить. Я решил не выпендриваться и назвать свой замок попросту: Камелот.

В тот день, когда в основание будущей крепости лег первый камень, я услышал трель междугороднего звонка — кто-то связывался со мной по карте. Я открылся и через несколько мгновений увидел Джинну. Моя кухня находилась где-то во дворце. Судя по виду, она была чем-то возмущена.

— Привет! — Сказала Джинна. — Слышал новость?

— Нет. А какую?

— Представляешь, эта стерва Джулия захапала себе все Сломанные Лабиринты!

— Да-а?! — Поразился я. — А что это еще за Лабиринты такие?!

Джинна стала объяснять — не очень уверенно, поскольку, похоже, сама узнала об их существовании полчаса тому назад. Я внимательно дослушал ее до конца, задал (как и полагалось) несколько вопросов, повозмущался вместе с Джинной по поводу жадности нашей королевы, поблагодарил сестричку и попрощался. Судя по словам Джинны, остальные члены Семьи были уже в курсе. Поворачиваясь к своей свите и строителям, толпившимся на вершине холма, я широко улыбнулся. Настроение было — пять с плюсом. Хороший день мы выбрали для закладки Камелота!..

Я неоднократно бывал в гостях у Герхата и вскоре перезнакомился со всеми Магистрами Ордена Восьми Ветров. У каждого из них имелось по пол-дюжины учеников, притом некоторые ученики на вид были старше своих учителей. Собственно, Магистров преклонного возраста было только трое — Корониус, некромант Галтран и алхимик Нельхарт. Остальные выглядели значительно моложе. Все они, и ученики, и Магистры, смотрели на меня так, будто мне стоило только хлопнуть в ладоши — и любой из захваченных Джулией Лабиринтов немедленно был бы предоставлен к их услугам. От их взглядов мне становилось неловко, но достать из кармана Сломанный Лабиринт я не мог. Мне не хотелось проверять, как далеко (в вежливой форме) пошлет меня Джулия, если я попытаюсь договориться с ней по-хорошему. Ничего равноценного на обмен я предложить не мог, а просто так эта дамочка ничем делиться не станет. По крайней мере, таково было мнение Марка, а батя был знаком с королевой чуть дольше, чем я — лет примерно так на сто.

Тем не менее, надо было что-то делать. С членами Ордена у меня складывались хорошие отношения, и подводить этих людей мне не хотелось. Герхат показал пару любопытных заклинаний, позволяющих воздействовать на чужую психику. Очевидно, он предполагал, что я захочу попрактиковаться на Джулии. Но я с ходу отверг эту идею. Джулия, даром что отраженка, прожила уже не одно столетие и наверняка разбирается во всех этих магических штучках-дрючках на порядок лучше меня. Если я нападу на нее, она окажет отчаянное сопротивление, на шум прибегут Мордред и Фиона, и моя выходка закончится самым печальным образом. Хотя известно, что с помощью заклинаний невозможно подавить волю бессмертного, Фиона, полагаю, с удовольствием поэкспериментирует. Вступать в какой бы то ни было открытый конфликт с партией Мордреда в мои планы категорически не входило. Только не сейчас.

Учитывая все вышеизложенное, самой здоровой идеей представлялось найти ближайший незанятый Лабиринт и попытаться его как-нибудь «освоить». Как освоить? Этого я пока не знал. Сначала надо было такой Лабиринт найти.

Для этой цели я попросил Герхата показать мне те девять, которые уже были захвачены Джулией. Он согласился, но предупредил, что нам следует проявить крайнюю осторожность: после того, как Орден предпринял несколько попыток тайком пробраться к Сломанным Лабиринтам, Джулия окружила девять своих цитаделей патрулями, егерями, засадами, отрядами хорошо вооруженных солдат и прочими радостями, знакомиться к которыми ни у меня, ни у Герхата не было ни малейшего желания. Мы

были осторожны, и нас никто не заметил, поскольку меня интересовали не сами цитадели, а места вокруг них. Запомнив ощущение такого места, я потом легко найду к нему путь через Отражения. В принципе, Герхат мог и вовсе свести риск к минимуму — для этого ему было необходимо всего лишь нарисовать девять новых карт, но я не стал просить об этом старика. Даже от бессмертного, не знакомого с той методикой, которую продемонстрировала мне Фиона, рисование карт требовало значительных энергетических затрат. Герхату же и вовсе после каждой удачной карты приходилось отлеживать по несколько часов. А нарисовать работающую карту ему удавалось, в лучшем случае, один раз из пяти...

Посетив девять различных миров, я вернулся в Аваллон, хорошенько отдохнул, экипировался, взял из конюшни свежую лошадь — и отправился в путь. Я направлялся к ближайшему Сломанному Лабиринту, от него планировал повернуть к следующему и так далее. Я собирался доехать до девятого, а затем, сохраняя ощущение направления, продолжить свое путешествие дальше.

Методика себя оправдала, и Сломанный Лабиринт № 10 я нашел довольно быстро. Это было стандартное средневековое Отражение на периферии ближайшей к Аваллону полосы миров. Вокруг Лабиринта, линии которого были черными, а промежутки слабо мерцали и светились, громоздились развалины какой-то крепости. В одной из ближайших деревень я навел справки об этом месте. Местные разговаривали не на тари, а на каком-то варварском диалекте, но с пониманием у нас проблем не возникло: попадая в новое Отражение бессмертные, если желают, могут до некоторой степени «настраивать» себя на новый мир. Наша одежда, деньги и вещи меняются согласно местной моде, попутно появляется знание наиболее распространенного местного языка и некоторых основных обычаев. Это знание далеко не полно, но, не будь его, путешествие по мирам превратилось бы в большую мороку...

Местные жители рассказали мне, что некогда в том проклятом месте стоял замок черного мага, терроризировавшего соседние баронства. Но затем благородный король Марк собрал войско, разгромил темные силы, убил колдуна и разрушил его замок. Король давно скончался от старости, и страной управлял его не менее благородный потомок.

— А как звали того мерзопакостного колдуна? — Поинтересовался я.

— Мордред. — Ответили мне.

Я не мог не улыбнуться. В этом мире жили отражения моих родственников, только на этот раз Марк переиграл Мордреда. А может быть, мне стоит увидеть в этом благоприятное предзнаменование? Да,

пожалуй. Будем рассматривать это именно так. Когда-нибудь мой отец скинет Ублюдка и займет его место.

Я вернулся к Сломанному Лабиринту, достал колоду и связался с Герхатом. Я пригласил старого чародея оценить результат моих поисков.

Появившись, он некоторое время молчал, прогуливаясь вдоль границы Сломанного Лабиринта. Наконец он сказал:

— Кажется, я узнаю это место... Здесь раньше был замок...

— Да. — Я кивнул. — И в нем правил колдун, которого звали так же, как и нынешнего аваллонского монарха. Вероятно, это одно из его отражений.

— Я был с ним знаком. — Негромко сказал Герхат. — Он разрешил нам пройти посвящение...

— И?

— Мы провели семерых учеников. Все они погибли. Один из них был моим внуком. Отцом Иды.

— Простите.

— Ничего... Что случилось с этим магом?

— Король, которого звали так же, как моего отца, собрал армию и здорово тут повеселился.

— Понятно... — Герхат надолго замолчал. — Я не хочу подпускать Иду к этому месту. Мне кажется, оно убьет ее. Ни один из учеников правившего здесь мага не выжил. Да и он сам, похоже, прошел этот Лабиринт каким-то чудом...

— Почему?

— Если вы понаблюдаете за ним некоторое время, то... Ага, вот оно! Смотрите!

Я посмотрел на Сломанный Лабиринт. Там происходило что-то непонятное. В центре поднялась черная волна, прокатилась по линиям, затушила огни в промежутках... Через минуту чернота отхлынула, но я увидел — Лабиринт стал немного другим. У меня возникло какое-то зловещее ощущение. Мне, в общем-то, был симпатичен наш, аваллонский Лабиринт — даже не смотря на то, что он едва не прикончил меня при прохождении. Наш Лабиринт чист и светел. Здесь же, хотя подобие и сохранялось, вместо света царила тьма.

— Видите? — Сказал Герхат. — Он нестабилен. Кто бы не проходил его, если он попадет в волну тьмы, он погибнет.

— Но у этих волн, очевидно, есть какие-то циклы.

— Есть. — Не стал отрицать Герхат. — Потребовалось не одно столетие, чтобы обнаружить во всем этом хоть какую-то систему. Стабильность Сломанных Лабиринтов определенным образом связана с астрологическими циклами. В нашем Ордене был астролог Келькерен, который жил поблизости от одного из Сломанных Лабиринтов — третьего по счету. Он и занимался исследованием этой проблемы.

— «Был»?

— Совершенно верно. Он не захотел покидать свои владения, и Джулия его убила.

— А его записи?

— Пропали. Очевидно, королева забрала их себе.

— Вы не пробовали разработать всю эту систему заново?

— Слишком долго и сложно. Мы пытались, но... Кроме того, для наблюдений требуется нечто лучшее, чем такая вот штуковина. — Герхат кивнул в сторону десятого Лабиринта. Словно подтверждая его слова, по рисунку прошла еще одна волна тьмы.

— Ладно. — Сказал я. — Попробую поискать дальше в Отражениях.

— Дальше будет еще хуже.

— Хмм... — Я потер подбородок. — Как далеко вы забирались?

— Достаточно далеко. Лабиринты вырождаются от Отражения к Отражению. Проломов становится все больше, и периоды стабильности, наоборот, уменьшаются.

— Это единственная закономерность, которую вам удалось обнаружить?

— В общем, да...

— Я все равно попробую разведать, что там дальше. Есть одна идея... Спасибо за консультацию.

— Не за что. — Ответил Герхат. Он не спешил уходить, и я чувствовал, что старик колеблется, словно было еще что-то, что он хотел бы сообщить мне.

Наконец он сказал:

— Если со мной что-нибудь случится... прошу вас, позаботьтесь об Иде.

— Откуда столь мрачные предчувствия? — Усмехнулся я. — Вы что, собрались в могилу?

— Кто знает... — Он не улыбнулся. — Обещаете?

— Обещаю. И все-таки, что вы задумали?

Он не ответил. Я не стал на него давить. Как оказалось впоследствии — зря. Лучше бы я при нашей последней встрече пренебрег правилами хорошего тона. Быть может, тогда бы эта встреча не стала бы последней...

Герхат ушел по карте, а я, прежде чем ехать дальше, потратил два часа на наблюдения за Сломанным Лабиринтом. Было еще несколько волн тьмы, которые иногда меняли рисунок, а иногда — оставляли его в прежнем виде, но никакой закономерности в их появлениях я не обнаружил. В конце концов я плюнул на это дело, забрался в седло и продолжил свое путешествие.

У меня не было причин не доверять словам Герхата относительно вырождения Сломанных Лабиринтов, но я хотел взглянуть на все это своими глазами. Все больше провалов и разрывов в линиях, все более частые изменения рисунка... К чему все это может привести? Я знал, что если двигаться от Аваллона до последнего предела, когда Отражения уже выходят из-под контроля, то неизбежно прибудешь в Царство Хаоса, и там, в черной цитадели на краю мира, есть аналог нашего Лабиринта — Логрус. Все мои сведения о Логрусе носили самый общий характер, но я знал, что он цвета самой тьмы, постоянно меняющийся и бессистемный. По крайней мере, так его описывал Мерлин моему дедуле и прочим родственникам. Дядю Мерлина пришили вскоре после коронации, но история его сохранилась.

Можем ли мы предположить — думал я, неторопливо продвигаясь через Отражения — что все эти разломы в структуре Сломанных Лабиринтов и периоды нестабильности являются воздействием на них силы Хаоса? Думаю, можем. Чем дальше в Отражения, тем воздействие сильнее. В полосе Отражений, равноудаленной от Аваллона и от Дворов, Сломанные Лабиринты должны превращаться в черт знает что — в

смертельно опасные скопления энергии, убивающие любого, кто попытается познакомиться с ними поближе. Но что, если на этом дело не заканчивается? Что будет, если мы проедем еще дальше, ко Дворам? Сила Порядка в Лабиринтах будет все больше ослабевать, а сила Хаоса — увеличиваться. Не произойдет ли на каком-то этапе полного перерождения, при котором центральную роль станет играть Хаос, а роль Порядка сведется исключительно к ослаблению его эманаций? Как тогда мы назовем постоянно изменяющуюся, темную структуру, которая предстанет нашим глазам? Сломанным Логрусом?

Конечно, все это предположения, но это были очень хорошие предположения, которые обязательно следовало проверить. Если практика подтвердит теорию, встанет вопрос, как можно использовать новое знание. Пока у меня не было идей на эту тему, но я не сомневался, что найду, как применить свое открытие. В крайнем случае, можно будет использовать его как товар для обмена с Джулией.

Мое путешествие было долгим. Я не раз сбивался с пути, сталкивался с чудовищами и враждебно настроенными обитателями Отражений, едва не сгорел в мире, где шел огненный снег, и потерял лошадь, сражаясь со стаей крылатых шакалов. Время от времени я связывался с родственниками, чтобы узнать, как идут в Аваллоне дела. Джинна рассказала, что вся эта история со Сломанными Лабиринтами ни к чему так и не привела. Мордред официально объявил все Сломанные Лабиринты собственностью короны, и на этом дискуссия о том, не жирно ли одной Джулии владеть девятью из них, быстро увяла.

— Диктатура. — Сказал я Джинне. — Абсолютный королевский произвол.

— Именно. — Согласилась моя кузина. — Если бы королевой была я, я бы не была такой жадной... Сломанные Лабиринты были бы распределены среди Семьи... Вы с Марком занимали бы ведущие государственные посты...

Я согласился с ней относительно того, что жадность — это плохо. Про себя я отметил: когда королем станет мой отец, надо будет обязательно убедить его дать Джинне какой-нибудь важный государственный пост и пару Сломанных Лабиринтов в придачу. Чтобы она не слишком сильно расстраивалась.

Вскоре после этого разговора я повстречался с двумя огненными горгульями, уныло кружившими над пустошами своего дикого мира. Горгульи здорово оживились при моем появлении. Я попытался уйти в Отражения, но бестии увязались за мной — такое иногда случается, если

преследователь находится недалеко от того, кто смещает Отражения. Я понял, что придется драться, и извлек из ножен клинок. Но эти твари оказались умнее, чем я рассчитывал. Не опускаясь слишком низко, они принялись кружить надо мной, время от времени изрыгая пламя — я уже говорил, что они принадлежали к какой-то огненной разновидности. К счастью, одно из моих заклинаний как раз предназначалось для защиты от температурных, электрических и иных энергетических воздействий, и это спасло мне жизнь. Улучив момент, я подпрыгнул и достал-таки одну из этих гадин. Я перебил ей крыло, а когда она упала, без труда прикончил ее. Вторая горгулья не торопилась улетать. Она учла ошибку своей сестрички и, кружа на недостижимой для меня высоте, продолжала методично поливать меня огнем. Я быстро прикинул свои ресурсы. У меня имелось в запасе одно наступательное огненное заклинание, но я сомневался, что оно причинит горгулье хоть какой-нибудь вред — ведь та и сама умела дышать огнем. Заклинание невидимости я истратил на предыдущем Отражении, удирая от стимфалийских птиц, а все остальное, чем я в данный момент располагал — вроде заклинания идентификации ядов — помочь мне никоим образом не могло. Защита, между прочим, уже иссякала, а тварь по-прежнему не торопилась снижаться. Надо было срочно что-то придумывать, или меня подадут к столу с хрустящей поджаренной корочкой. Я огляделся по сторонам... Ага, вот! На равнине, где я находился, было разбросано немало валунов. Я подхватил один из них — примерно в полтора пуда весом — и метнул в горгулью. На моей родине, в Киммерии, одно из самых распространенных соревнований среди молодежи заключалось в метании тяжелых (до центнера весом) камней — кто дальше. У нас вообще было много разных полезных состязаний — бег с бревном на плече, прыжки через лошадь в полном вооружении и прочее. В юности эти соревнования особенно нравились мне еще и потому, что я в них всегда выигрывал.

В горгулью я с первого раза не попал — подрастерял навык. Хрипло каркая и ругаясь на ломанном тари, горгулья резко ушла в верх и в сторону, предлагая ничью. Ну уж нет! Я подхватил с земли второй камушек и сделал еще один бросок. Есть! Удар не убил горгулью, а только слегка оглушил, заставив потерять высоту. С торжествующим криком я бросился к бестии и отрубил ей голову прежде, чем она успела взлететь.

Это столкновение показало, насколько полезно во время путешествия по Отражениям располагать каким-нибудь средством передвижения, более быстрым, чем собственные ноги. Я отыскал мир почти нормальный мир — что на таком расстоянии от Аваллона сделать было не так-то просто — в

котором жили почти нормальные люди с оленьими рогами на голове. Эти почти нормальные люди катались на почти нормальных лошадях — в основном, фиолетовой, синей, зеленой и ярко-оранжевой масти. Я остановился на зеленой, извлек из Отражений некоторое количество местной валюты, расплатился и отправился в путь — верхом.

Тем же вечером я заночевал в уютной пещерке в каком-то гористом сумрачном мире, и был разбужен шорохами и возмущенными детскими голосами.

Встав на ноги, я увидел толпу бородатых карликов, вооруженных факелами, ножами и молотками. Малыши были чем-то недовольны. Заметив, что я проснулся, они бросились вон из пещеры — все, кроме одного. Оставшийся, судя по важному виду, которой он на себя напустил, был местным боссом.

— Чё те надо? — Спросил я.

— Ты — чужой. — Карлик обвиняюще ткнул в мою сторону толстым указательным пальцем. — Ты должен заплатить за проезд по нашей земле.

Я пожал плечами. Мне не хотелось с ними ссориться.

— Ладно. Сколько я вам должен?

— Ни сколько, а что. — Палец маленького засранца переместился в сторону моей лошади. — Отдай нам лошадь, и мы тебя пропустим.

— Гм... А может, сойдемся на горшке с золотом?

— Нам не нужно твое золото! — Отрезал карлик. — У нас самих его навалом.

— Если вам нужна еда, я могу дать вам что-нибудь из своих запасов.

— Нет. Нам нужна лошадь. Только лошадь.

— Но почему?

— Таков обычай, возникший после того, как архангел Корвин проехал по нашим землям! — Важно изрек карлик. — Теперь у всякого проезжающего мы забираем лошадь — если только, конечно, он не Корвин.

— Хмм... А как вы поступите с Корвином?

— Не хочешь ли ты нас уверить в том, что ты и есть он? — Карлик бросил на меня презрительный взгляд. — Не держи нас за идиотов. У тебя даже и огненного меча нет.

— Я его внук.

— Брехня!

Этот карлик начал меня раздражать.

— Послушай, недомерок! — Сказал я. — Я хотел поступить с вами по-хорошему, но, вижу, не получится. Вы не получите ни золота, ни жратвы

— ничего!

— Тогда, — карлик надменно сложил руки на бочкообразной груди, — ты останешься здесь навечно! Мы в любую минуту можем обрушить туннель!..

Прежде, чем он успел продолжить, я схватил его за шиворот и приподнял над землей.

— Вот как?! В любую минуту?! А что при этом будет с тобой, ты не подумал?!

Карлик не успел ответить — его слова заглушил грохот. Земля вздрогнула и закачалась. Стало темно, как в гробу. Когда все слегка устаканилось, я зажег волшебный огонек и осмотрел пещеру. Так и есть. Толстопузые уродцы завалили выход.

— Мы не поддаемся на шантаж и провокации. — Изрек карлик, по-прежнему болтаясь в метре над землей.

Остаток ночи он молчал, поскольку я превратил его в вешалку. Я попинал завал, но стало ясно, что карлики постарались на совесть, и просто так из пещеры не выбраться. Ладно. Утром я отсюда уйду, а пока... пока я вернулся к своему ложу и лег спать. В глубине пещеры беспокойно топталась зеленая лошадь.

Через несколько часов я проснулся от головной боли — воздух в пещере быстро заканчивался. Я вытащил из Отражений фонарь и достал колоду. Я мог бы уйти в Аваллон, но тогда мне пришлось бы заново проделывать весь тот путь, который пока еще не привел меня к моей цели. Поэтому я сдал пустой Козырь, вытащил из сумки принадлежности для рисования и взялся за работу. Мне требовалось изобразить всего-навсего площадку перед пещерой, в которой я оказался заточен. Спустя пятнадцать минут козырь был готов.

Я привел в чувство карлика — захотелось немного позлорадствовать перед отбытием.

— Я колдун. — Сказал я ему. — Я сейчас уйду отсюда, а ты останешься в этой пещере до тех пор, пока не сдохнешь от голода. Или от недостатка кислорода. Вы ведь, кажется, готовили для меня именно такую участь?

Карлик сложил руки на груди и горделиво промолчал. Я пожал плечами и всмотрелся в карту. Через несколько секунд изображение обрело глубину. Я взял лошадь под уздцы и шагнул наружу. Поблизости никого из маленьких засранцев видно не было — вот и прекрасно... Не успели мы оказаться на другой стороне, как моя лошадь заржала и встала на дыбы. В чем дело? Удерживая ее, я увидел, как на землю со стороны крупа

плюхнулся тучный коротышка — тот самый, которого я оставил в пещере. В последний момент он уцепился за хвост моей лошади и проехал до следующей станции без билета. Теперь он поспешно удирал. Я мог бы легко догнать его, но не стал этого делать. Я рассмеялся и крикнул ему вслед «Беги-беги!» Его неожиданная смекалка развеселила меня, и этим он выкупил свою жизнь.

## 9

Спустя три недели после встречи с карликами я наткнулся на странное место. Это был лабиринт, но не Сломанный, а самый обыкновенный — мешанина проходов, коридоров, развилок. Чем дальше я забирался в Отражения, тем бесформеннее становились Сломанные Лабиринты, а странностей в окружающем их пейзаже все прибавлялось и прибавлялось. В конце концов, думаю, я снова сбился с пути и в результате забрел в это непонятное Отражение. В обнаруженном мною лабиринте таилась какая-то магия, но какая именно, с ходу я разобраться не мог. Лабиринт был огромным, занимал пространство в десятки, может быть даже — в сотни миль. Я не исключал того, что в его центре может находиться то, что мне нужно — та таинственная бессистемная структура, в которую должны были эволюционировать Сломанные Лабиринты по мере приближения их к границам Хаоса... Если таковая структура вообще существует.

Вначале я думал, что доберусь до центра без особых проблем, но все оказалось не так просто. Спустя несколько часов, оценивая результаты своих трудов, я был вынужден признать, что, фактически, даже не сдвинулся с места. Я был уверен, что еду к центру — было очень много развилок, пожалуй, даже слишком много — а в результате я очутился там же, где и начинал. Я попробовал еще раз — с тем же результатом. Тогда я остановился перекусить. Подозрение, что в деле замешана какая-то магия, переросло в уверенность.

Я мог бы составить заклинание, позволяющее проходить сквозь камень, но его хватило бы ненадолго, а лабиринт, повторяю, занимал очень большую площадь. Магическое восприятие показало мне несколько ответвлений, которые обычным зрением углядеть было невозможно. Туда я и поехал. Спустя пару часов я снова оказался на периферии.

Я поел, выспался и предпринял четвертую попытку. На этот раз я делал отметки. Вскоре эти отметки начали попадаться мне по пути — при том расположенные в совершенно ином порядке, чем я их расставлял. Вдобавок, они указывали в разные стороны. Либо кто-то менял мои отметки, либо сам лабиринт менялся там, где я не видел.

— <...>! — С чувством сказал я.

— Полностью с тобой согласен! — Заметил кто-то справа.

Я обернулся. На дереве (готов поклясться — минуту назад его там не было!) сидел крупный ворон. На меня он не обращал внимания, внимательно наблюдая за голубыми и розовыми червяками, которые ползали взад-вперед по стволу. Не обнаружив поблизости больше никого, кто мог бы являться источником голоса, я обратился к птице:

— Ты что, разумен?

— Не больше, чем ты. — Откликнулся ворон.

— Не больше? — Хмыкнул я. — Ты хотел сказать «не меньше»?

— В таком местечке — не больше.

— Расскажи мне о нем.

— Нечего рассказывать. Ты забрел в дерьмовое местечко, приятель. Но это, черт побери, мой дом.

— Ясно. Ты здешний хозяин?

— Нет, ты что!.. — Ворон захлопал крыльями. — Хозяин живет в большом замке посреди Города Гоблинов.

— А как в этот город попасть?

— Для этого тебе придется пройти лабиринт.

— Я пытаюсь сделать это уже вторые сутки.

— Некоторые пытаются годами. — Меланхолично заметил ворон.

— Боюсь, что не располагаю таким временем. Не подскажешь, как побыстрее добраться до центра?

— Я рад бы помочь, но не могу. — Ответил ворон. — Видишь червяков? Я должен следить за ними.

— Зачем?

— Иначе они расползутся.

— И что?

— И я не смогу найти их.

— А для чего тебе их искать?

— Потому что я должен следить за ними!

— Но для чего?!

— Ты дурак или плохо слышишь?! — Ворон бросил на меня раздраженный взгляд. — Потому что иначе они расползутся!!!

Я пожал плечами, но ничего не сказал. Бесполезно искать логику там, где ее никогда не было.

Тем не менее, отступать я не собирался. Это место слишком заинтересовало меня, чтобы сдаваться так быстро. Поскольку мне не хотелось расставаться с зеленой лошадкой, я вытащил козырь Камелота и

переправил ее туда. Мой замок был еще недостроен, но там ошивалась куча людей, и кто-нибудь да позаботится о зеленой лошади до моего возвращения.

Затем я взобрался на стену и побежал по ней в сторону далекого строения, возвышавшегося где-то на горизонте. Всякая ловушка имеет свой изъян.

...спустя сутки, еще раз поев и передохнув, я подошел к воротам Города Гоблинов.

Ворота гостеприимно распахнулись. Я вошел внутрь.

Не успел я сделать и пяти шагов, как ворота с грохотом захлопнулись за моей спиной, а впереди, гроыхая и скрипя, появился пятнадцатифутовый железный великан. Великан выглядел грозно, но был довольно медлителен. Когда он попытался ударить меня своей огромной секирой, я проскочил под ней, вцепился великану в ногу и что было силы дернул. Не ожидавший этого родственник Громозеки потерял равновесие и с натяжным скрипом повалился навзничь. Коснувшись земли, великан разлетелся на части — внутри он оказался пустым. Гоблины, управлявшие им, с воплями и визгами бросились врассыпную.

Я вошел в Город Гоблинов. Улицы были пустынные, двери и ставни — крепко заперты, но меня не оставляло ощущение, что за каждым моим шагом напряженно следит добрая сотня глаз. Последний раз меня попытались тормознуть у самого входа в цитадель. На площади собралась целая армия. Мне не хотелось калечить такое количество карапузов, но, стоило гоблинам ринуться в атаку, как стало ясно, что мне и не придется. Нападающие двигались с поразительной неуклюжестью. Половина карликовых шестиногих лошадей, на которых восседала гоблинская кавалерия, из-за неумелого управления столкнулась друг с другом, образовав посреди площади огромную кучу-малу. Вторая половина проскакала мимо меня и затерялась где-то в извилистых улочках Города Гоблинов. Говорящие ядра, которыми гоблины пытались стрелять в меня из огромных чугунных пушек, летели куда угодно, но только не в мою сторону. Я был готов драться, но, стоя на площади с обнаженным мечом в руке, внезапно почувствовал себя идиотом. Драться было не с кем. Тем не менее я продолжал ощущать магию — и сейчас это чувство было сильнее, чем прежде. Я вложил меч в ножны, и, не обращая больше внимания на суесящихся вокруг карапузов, подошел к воротам цитадели и постучал. Ногой.

— Чего тебе? — Спросила дверная ручка в виде головы тролля.

— Хозяин дома?

— А тебе-то что за дело?

Я пнул дверь посильнее.

— Ладно-ладно... — Глаза металлического тролля закатились. — Щас позову...

Пока я ждал, в дверь вонзилось шипастое ядро, выпущенное из гоблинской пушки. Дверная ручка грязно выругалось. У меня возникло ощущение, что этот мир чересчур безумен даже для меня.

— Ну что, я попало? — Заинтересованно спросило ядро.

— Нет, черт тебя подери! — Рывкнула металлическая голова.

— Попробую еще раз. — С немалым трудом выдернув себя из двери, ядро, семеня тонкими ножками, побежало обратно к гоблинской пушке. Внезапно мне пришло в голову, что это Отражение далеко не так безобидно, как кажется. Возможно, оно как-то влияет на психику всех, кто здесь живет. Не будь я бессмертным, не исключено, что я точно так же подпал бы под действие той странной магии, которую продолжала излучать цитадель. Я по-прежнему пытался бы «честно» преодолеть лабиринт, разгадывал бы всякие идиотские загадки и воспринимал бы всерьез всю эту белиберду...

— Ладно, проходи. — Сказала дверная ручка в тот момент, когда ворота начали открываться. — Так уж и быть, хозяин тебя примет.

Я вошел в замок Короля Гоблинов, сделал два шага — и остановился. Услышав, как за моей спиной захлопнулись ворота, я быстро обернулся... Так я и думал! Ворота пропали.

Я стоял на узкой каменной площадке, лишенной перил. Безумное переплетение лестниц, площадок, арок и проходов вызывало головокружение. Некоторые лестницы были перевернуты вверх ногами, другие — только на девяносто градусов.

— Добрый день. — Жизнерадостный голос раздался откуда-то сверху. — Вы меня искали?

Я посмотрел наверх и увидел светловолосого молодого человека с острыми чертами лица. Он стоял на каменной плите уровнем выше, чем я и по отношению ко мне — верх ногами. Облачен он был в красивый костюм кремового цвета, а на ногах носил туфли из белой кожи. Молодой человек не показался мне опасным.

— Вообще-то я искал Сломанный Логрус, но сгодитесь и вы. — Усмехнувшись, ответил я. — В вашем замке случайно нет такой штуковины?

К этому моменту я уже почти уверил себя, что законы в этом безумном

мире определяло нечто логрусоподобное, раположенное где-нибудь в подвалах цитадели.

— Минуточку. — Молодой человек повернулся и исчез. Спустя секунду он вышел из арки справа от меня. На смену кремовому костюму пришло обтягивающее черно-красное трико. Король Гоблинов оказался высокого роста — всего лишь на дюйм или два ниже, чем я. Наше телосложение различалось гораздо сильнее — он был в полтора раза уже в плечах, чем я, но казался быстрым и ловким. У меня возникло отчетливое ощущение, что клинком в черных ножнах, болтавшихся у левого бедра, этот парень владеет очень даже неплохо.

— Как вы сказали? — Переспросил хозяин замка. — Сломанный Логрус? Никогда о таком не слышал.

— Неудивительно. — Я продолжал ухмыляться. — Держу пари, вы и о настоящем Логрусе ничего не слышали.

— Пари вы уже проиграли. — Уведомил меня Король Гоблинов. — О Логрусе я не только слышал, но и проходил его.

Моя рука инстинктивно дернулась к рукояти меча, но я заставил ее опуститься обратно. Из необозримого множества Отражений мне довелось наткнуться на то, в котором поселился хаосит! Внезапно я почувствовал себя очень уязвимым.

— Кто вы? — Хозяин замка внимательно разглядывал мое лицо. — Вы не из Дворов. Мне почему-то кажется, что вы не отраженец... Следовательно...

Я кивнул и представился:

— Артур из Аваллона.

Когда я поднял голову, то увидел, что Король Гоблинов продолжает внимательно меня разглядывать.

— Какой ветви вы принадлежите? — Спросил он затем. — Кто ваши родители?

— Может быть, вы тоже представитесь?

— Кто ваши родители? — Повторил он.

Я помедлил несколько секунд. Мне отчаянно не хотелось конфликтовать с хаоситом на его территории. Судя по настойчивому интересу, он здорово не любил кого-то из нашей семьи, и, если мой ответ будет неверным, последует незамедлительное нападение — наверняка магического характера. Все хаоситы колдуны. Я не ощущал себя готовым сражаться неизвестно за что с бессмертным, об уровне боевых возможностей которого не имел ни малейшего представления.

В общем, я пошел ему навстречу и представился по полной программе.

Я был честен прежде всего потому, что мой отец Марк, насколько мне известно, ни с кем из Хаоса никогда не встречался.

Возможно, мне показалось, но после моего ответа хозяин замка стал держаться чуточку менее напряженно...

— Марк? — Переспросил он. — Если я не ошибаюсь, это один из сыновей Корвина?

— Совершенно верно.

— Один из старших сыновей? — Продолжал допытываться Король Гоблинов. — Не ему ли Мордред перебежал дорогу, когда решался вопрос о короне?..

— Возможно. — Я пожал плечами. — Вы до сих пор так и не представились.

— Меня зовут Джарет, — ответил он. — Джарет из Дома Иноходных Путей.

Я кивнул и тоже слегка расслабился. Мне стало понятным, и кого из нашей семьи ненавидел этот человек, и почему он так настойчиво расспрашивал меня о моем происхождении.

Для того, чтобы это стало понятно и тебе, нам придется немного отступить в прошлое...

...Тот разговор случился лет за десять до встречи с Королем Гоблинов. Я тусовался во дворце, почитывал книжки, фехтовал с отцом, занимался рукопашным боем с Жераром, учился магии у Мордреда... В один из тех редких вечеров, когда урок чародейства был уже пройден, и у короля не было никаких срочных дел, у нас с Мордредом завязался долгий разговор, являвшийся, в некотором роде, продолжением другой, еще более ранней беседы, состоявшейся, когда Мордред только-только узнал о моем настоящем происхождении. Разговор начался с того, что я спросил:

— Дядя, ты действительно хороший учитель, но... Зачем ты меня учишь? Ну, ты ведь понимаешь, что...

— Я должен или убить тебя, или обучить как следует. Нельзя допустить, чтобы Семья состояла из неучей и слабаков. Убить я тебя не могу, мы это уже обсуждали. Следовательно?..

— Все. Я понял.

— Учти, Артур — это был первый и последний идиотский вопрос, который ты мне задал. Еще один — и я в тебе разочаруюсь.

— Хорошо. Тогда Расскажи мне о Камне Правосудия.

— Что именно? — Прищурился Мордред.

— Из рассказов Флоры я понял, что незадолго до разрушения Амбера

Дворкин вставил Камень в глазницу Корал. Затем Мерлин стал королем Хаоса и Корал короновалась вместе с ним. Мерлина убили, а что случилось с его женой — неизвестно. По крайней мере, больше от нее не было никаких вестей. Тоже касается и Камня... Затем проходит длительный период времени, и ты с помощью Камня прекращаешь бесконечные набеги на Аваллон из Отражений. Не расскажешь ли, где ты его взял?

Мордред молчал несколько секунд, а затем произнес:

— История проста. Некоторое время я жил неподалеку от Дворов. В один прекрасный день мне стало известно, где находится Корал. Она была пленена в Доме Иноходных Путей. Я отправился туда, расправился со стражей и нашел ее. Корал лежала на алтаре. Она была оплетена очень мощным заклинанием, сломать или распутать которое у меня не было ни сил, ни времени. Поэтому мне пришлось... — Король помедлил. — Вырезать у нее из глазницы Камень и сматываться оттуда побыстрее.

— А что с Корал? — Спросил я, уже заранее зная ответ.

Мордред развел руками.

— Она погибла. Жаль, но у меня не было выбора. Камень Правосудия необходимо было вернуть.

— Необходимо? — Я хмыкнул. — Дядя, не надо ля-ля. Я понимаю, что тебе *хотелось* его вернуть. Но не надо говорить мне, что это было *необходимо*.

— Артур, ты не прав. — Мордред налил себе вина и посмотрел через бокал на свет. — Это было необходимо. Во-первых, существовала реальная угроза того, что Камень отдадут Змею... Это был бы конец всего...

— Перестань, дядюшка. По твоим же словам выходит, что Корал пробыла в плену несколько столетий. Если бы они хотели отдать Камень, они бы уже давно это сделали...

— Ты хотел бы и дальше полагаться на добрую волю хаоситов? — Мордред усмехнулся. — Даже если Камень контролировал кто-то, кто не хотел уничтожения Отражений, на смену ему всегда мог придти хаосит с более консервативными взглядами.

— А вторая причина?

— Я ценю человеческую жизнь, Артур, — ответил Мордред, — но полагаю, что две человеческие жизни все-таки ценнее, чем одна. В результате набегов из Отражений погибли Эарон, Роберт и — возможно — Эльгант. На самом деле, мы не знаем в точности всех обстоятельств смерти сына Бенедикта... Страна не один десяток лет находилась на военном положении. Каждый день гибли сотни, тысячи наших солдат. Это необходимо было прекратить. Камень был необходим.

— Забавно, но в прошлый раз ты говорил, что Эарон и Роберт погибли в результате происков злых хаоситов.

Мордред пожал плечами.

— Одно другого не исключает.

— Хорошо. Тогда расскажи мне о том, каким образом тебе с помощью Камня удалось прекратить все эти набеги.

— Дело в том, — Мордред вздохнул, — что отец, создавая свой Лабиринт, допустил несколько существенных ошибок.

— Каких именно?

— Отражения по своей природе не однородны... Да и вселенная, впрочем, состоит далеко не из одних только Отражений... Есть своего рода «стабильные места»... некоторые называют их Истинным Миром... в которых и надлежит рисовать первоначальный образ. На заре времен Дворкин начертил первый истинный Лабиринт как раз в таком месте, и три других Лабиринта — в Амбере, Ремба и Тир-на-Ногте были лишь его отражениями. Бранд при создании своего Лабиринта также правильно выбрал место, и в результате сотворил собственную вселенную. Подозреваю, что и Логрус, начертанный прародительницей бессмертных, Лилит, также находится на том же самом, более высоком уровне реальности. Корвин ошибся — а может быть, его сознательно ввели в заблуждение. Он создал свой Лабиринт в Отражениях, а не *над ними*, как следовало бы. В результате, когда Амбер рухнул, Семья столкнулась с очень большими проблемами, которые чем дальше, тем все больше и больше нарастали. Да что набеги! Логрус несколько раз предпринимал прямые атаки на наш Лабиринт — землетрясения, разрывы в почве... один раз тут едва не возник вулкан... К счастью, его атаки успехом не увенчались, но если бы Лабиринт находился в Истинном Море, не было бы и самих атак.

— И ты с помощью Камня Правосудия...

— ...сумел поднять место, в котором находится Лабиринт, до уровня Истинного Мира. — Закончил король.

— И?

— Как видишь, набеги прекратились.

Я неопределенно покачал головой. Может быть и так, а может быть — иначе. История, рассказанная дядюшкой, выглядела правдоподобно, но если бы я пришил пару-тройку братьев ради того, чтобы в конце концов водрузить на свою макушку корону, я бы рассказывал окружающим еще более захватывающие истории.

...И вот теперь, стоя напротив лорда Джарета из Дома Иноходных Путей, я гадал, какую версию этой же истории мне доведется услышать из его уст. Мордред упомянул, что он «расправился со стражей», охранявшей Корал, но я сильно подозревал, что ее охраняла не одна только стража. Интересно, кого из Дома Иноходных Путей пришил мой любимый дядюшка ради своей побрякушки? Мысленно я только порадовался тому, что мы с Мордредом — формально — вроде как заклятые враги. Джарет, хотя и не владел последними сводками о состоянии дел в нашем королевстве, все-таки кое-что знал и мог рассматривать меня как потенциального союзника против короля. Возможно, именно поэтому я все еще жив. Возможно также, что мне даже позволят убраться из этого замка целым и невредимым.

— Не хотите ли перекусить? — Любезно предложил Король Гоблинов.

— Не откажусь.

Джарет повернулся и вошел в арку, находившуюся за его спиной, и я направился за ним.

За аркой обнаружилась небольшая уютная столовая. Гоблины накрывали на стол. Припомнив феноменальную неуклюжесть, продемонстрированную гоблинами перед воротами цитадели, я приготовился услышать звон разбиваемой посуды, но за время обеда ни одного неприятного эпизода не случилось. Гоблины ходили осторожно, буквально на цыпочках — Джарет превосходно выдрессировал свою личную службу.

Мы сели за стол. К рыбному филе, запеченному с сыром, подавали рис с грибами. Также имелось несколько салатов, и один — с перепелиными яйцами. Белое вино неизвестной мне марки. На десерт было жареное мороженное<sup>[2]</sup> с вишневым вареньем.

— Любопытный мирок, — заметил я, приступая к десерту. Во время обеда мы, по обоюдному молчаливому согласию, о делах не говорили. Дежурный гоблин уволок мою тарелку с остатками рыбы. — Вы его сами создали?

— Конечно, — кивнул Джарет. — Как вам?

— Ничего. Я оценил ваше чувство юмора.

Хозяин замка чуть улыбнулся.

— Как вы здесь оказались?

— Случайно забрел.

— А что вы говорили о каком-то Сломанном Логрусе?..

Я мысленно вздохнул. Знай я заранее, с кем встречаюсь, я бы лучше откусил себе язык, чем стал бы трепаться на эту тему. Язык, в конце

концов, отрастет новый, а ценную информацию, разболтанную кому попало, назад уже не вернуть. И тем не менее, слово было сказано, Джарет ждал моих разъяснений, а я не хотел портить наших отношений внезапным проявлением недоверия. Поэтому, еще раз мысленно вздохнув, я рассказал ему о Сломанных Лабиринтах и о моих поисках аналогичных структур на территории Хаоса. Об Ордене Восьми Ветров я, естественно, не упоминал, но Джулию, завладевшую девятью ближайшими к Аваллону Сломанными Лабиринтами, заложить не поленился. Может быть, нашу королеву захочет пришить кто-нибудь из Хаоса? Это было бы неплохо...

Джарет слушал с интересом. В конце моего рассказа он покачал головой.

— Я ничего не об этом не знаю. И никогда не слышал, чтобы до вас кто-нибудь употреблял такое словосочетание: Сломанный Логрус... Впрочем, по меркам Дворов я еще весьма молод и многого могу не знать, но мне кажется, что таких структур и в самом деле не существует.

— Почему вы так думаете?

— Ну, вы рассказали о том, что эти Сломанные Лабиринты выраждались от Отражения к Отражению...

— Совершенно верно. Они становились все более нестабильны, и в конце концов...

— Вы также упоминали о том, что в средней полосе Отражений они представляли собой просто некие скопления энергии.

— И это верно. — Согласился я.

— А были ли эти скопления энергии равноценными?

— Что вы имеете в виду?

— Ну... не показалось ли вам, что чем дальше, тем менее насыщенными они становятся?

— Ммм... Трудно сказать. — Я задумался. В словах Джарета что-то было. — Не могу сказать с полной уверенностью, но да, пожалуй, такая тенденция была. Как вы узнали?

— Это просто предположение. — Джарет улыбнулся. — Основанное на знании некоторых базовых принципов магии...

— Похоже, мне придется вам поверить. — Я вздохнул. — В вопросах Искусства Дворы всегда держали пальму первенства.

Джарет сделал вид, будто собирается раскланяться, после чего продолжил:

— Заметьте, уже в средней полосе Отражений вы стали регулярно сбиваться с пути, а здесь, на нашей половине мира, и вовсе не сумели обнаружить ничего похожего на то, что надеялись найти...

— Увы. — Я допил вино. — Была надежда, что такая хренотень обнаружится в подвалах вашего замка.

— Уверяю вас, — Джарет рассмеялся. — В моем подвале нет ничего подобного. Если хотите, можете сами убедиться.

— Нет, это будет совсем невежливо. Я лучше поверю вам на слово.

— Еще вина? — Король Гоблинов протянул руку к бутылке.

— Да, пожалуй...

— Чем вы намерены заниматься теперь?

— Пожалуй, вернусь в Аваллон.

— Ко двору короля Мордреда?

— Другого короля у нас пока нет.

— Кстати, — Джарет задал этот вопрос небрежно, таким тоном, как будто бы его совершенно не интересовал мой ответ. — Какие у вас с ним отношения?

Я пожал плечами.

— А как вы думаете? Какие у меня могут быть отношения с человеком, который перебежал дорогу моему отцу?

Джарет кивнул.

— Вы ведь знаете, что Мордред — убийца?

— Знаю. — Я выцепил из вазочки с фруктовым салатом дольку киви. — Кстати, а вы-то сами насколько активно участвуете в политических играх Дворов?

— Не участвую вовсе. К счастью, Дом Иноходных Путей занимает последнее место в очереди на корону и это делает нашу жизнь несколько... эээ... менее беспокойной, чем у остальных. А почему вы спросили?

— Ну... — Сказал я так же небрежно — в тон Джарету. — Мордреда обвиняют в трех убийствах, но, думаю, это чересчур даже для него. Полагаю, что в одном или двух случаях может быть верна и официальная версия.

— И какова же официальная версия?

— Она состоит в том, что это сделали хаоситы. — Я взболтал вино в бокале. На Джарета я не смотрел. — Король Ариман, кажется, давно имеет зуб на нашу семью.

Джарет передернул плечами.

— Может быть. Я действительно не знаю. Я не играю в политике Дворов никакой активной роли. Мой интерес к Мордреду носит, скорее, личный характер. Впрочем, таковой интерес имеет к нему весь наш Дом после того... после того, как он сделал то, что сделал.

— Вы не расскажите об этом чуточку подробнее?

— Конечно... Одну минуту. А как Мордред сам излагал историю возвращения Камня Правосудия? Полагаю, у вас, в Аваллоне, на этот счет существует какая-то официальная версия?

— Да, такая версия есть. — Я вкратце пересказал ему то, что некогда поведал мне Мордред — поскольку это, видимо, и была наша официальная версия.

— Ну-у... — Потянул Джарет, когда я закончил. — Все примерно так и было. За исключением двух... нет, трех существенных деталей, о которых забыл упомянуть ваш король. Во-первых, королева Корал была в нашем Доме не в плену, а в гостях...

«Лажа.» — Подумал я, делая вид, будто верю Джарету безоговорочно.

— ...Во-вторых, в ходе этого нападения Мордред убил моего дядю, Харгланта, во владениях которого гостила Корал...

Я еще раз порадовался тому, что мы с Мордредом стоим по разные стороны баррикады.

— ...В-третьих, ему кто-то помогал.

Я встрепенулся.

— Кто-то из Дворов?

— Именно. Если вам когда-нибудь доведется побывать во Дворах, вы поймете, что я имею в виду. Посторонний быстро запутается в Путих и погибнет.

Некоторое время я молчал. Над этой информацией стоило поразмыслить.

— Скажите, — спросил я затем. — Вы обвиняете Мордреда только на основании того, что он принес в Аваллон Камень Правосудия или...

— Нет, не только поэтому, хотя как раз это обстоятельство является доказательством того, что мы не ошибаемся. Харглант узнал его и проклял перед смертью.

— Простите, не понимаю. А об этом-то откуда известно?

— Как правило, вместо слуг мы используем мелких демонов. Одно из таких существ слышало и проклятье Харгланта, и то, что в нем упоминалось имя Мордреда...

— А в чем состояло проклятье? — Заинтересовался я. — Как оно звучало?

Если я когда-нибудь начну охоту на короля, то, действуя в унисон с проклятьем, слегка повышу свои шансы на успех. Если Мордреду предсказано, что он умрет в своей постели, я повешу арбалет на стену и постараюсь отравить его, а если в проклятье упоминается какой-нибудь предательский выстрел, поступлю, соответственно, наоборот.

— К сожалению, неизвестно, — сказал Джарет к немалому моему разочарованию, — как именно оно звучало. Существо, которое слышало предсмертное проклятье Харгланта, вскоре исчезло. Мы так и не успели толком его допросить.

— Исчезло?

— Бесследно.

— И никаких следов?

— Никаких.

— Это слегка подтверждает ваше предположение о том, что за всей этой историей мог стоять кто-то из ваших... — Заметил я.

— Очень хорошо подтверждает. — Мрачно согласился Король Гоблинов.

— А если составить список тех, кому вы успели рассказать?..

— К сожалению, слишком многим. Мы сделали большую глупость, поторопившись объявить о преступлении.

— Но ведь добраться до слуги, который располагал такой важной информацией, мог не абы кто. Вы не думали о том, что предателя, возможно, вам придется искать в своем собственном Доме?

— Надеюсь, что это не так. — Ответил Джарет. — Относительно же пропавшего демона... Его бесследное исчезновение из... очень хорошо охраняемого места... также может свидетельствовать о том, что все это провернул весьма искусный колдун.

Тут мне пришла в голову она любопытная мысль, которую я не замедлил озвучить:

— Король Хаоса, как я понимаю, в категории «искусных колдунов» занимает лидирующую позицию?

— В общем, да... — Помедлив, согласился Джарет.

— У него ведь есть спикарт. Такое волшебное колечко с бесконечным запасом фокусов.

— Вы знаете про кольцо? Тем лучше... Да, благодаря спикарту, Ариман и в самом деле, пожалуй, является лучшим колдуном во Дворах. А откуда, кстати, вы вообще узнали об этих кольцах?

— После Мерлина эта информация в нашей семье является общеизвестной. Но я не об этом, — я еще раз взвесил свое предположение. Вряд ли, конечно, это так, но... посмотрим, что скажет Джарет. — А вам не приходило в голову, что союзником Мордреда мог быть Ариман?

Джарет покачал головой.

— Не думаю. Зачем ему это?

— Не знаю. — Признался я. — Но, понимаете ли, какая странная

штука... Мордред клянется, что двух старших сыновей Корвина пришили темные силы Хаоса, которые уже давно нас злобно гнетут... Некоторый смысл в его словах есть — но! — если мы поверим ему, какой вывод нам придется сделать?

— Какой?

— Почему сам Мордред все еще жив? Почему его не пришили вслед за Робертом и Эароном... и, возможно, вслед за Корвином? Не производил ли Ариман отстрел ненужных ему королей Аваллона до тех пор, пока на престол не сел тот король, который по каким-то причинам его устраивал?

— Рассуждение любопытное, но все-таки мне не кажется, что Мордред и Ариман могут играть в одной команде. — Усомнился Джарет. — То, что Мордред все еще жив, говорит прежде всего о высоком уровне работы ваших, аваллонских, спецслужб и о качестве охранных заклинаний, которыми Фиона могла окружить своего сына...

— Да он и сам неплохой маг.

— Тем более. Еще это может свидетельствовать о том, что Ариман на самом деле никого из вашей семьи не убивал... Но тут, повторяю, — Джарет поднял руку прежде, чем я успел вернуть какую-нибудь ехидную реплику, — я не владею никакой достоверной информацией. Однако мне известна причина, по которой Мордред и Ариман никогда *не стали бы* заключать союза.

— И что это за причина?

— Фиона и Ариман — старые враги.

— Ааа... — Потянул я. — Вы, наверное, имеете в виду ту историю, когда на Отражении, где жили джедаи, Ариман взорвал целую планету, на которой Корвин и компания проходили обучение?

— И это тоже. Там было много и других событий.

— Не поделитесь ли? Я слышал эту историю в кратком пересказе, да и то преподнесенном в виде анекдота...

— У вас об этом уже рассказывают анекдоты?

— Возможно, я неудачно выразился.

— Да уж, наверное. Впрочем, вы потеряли только одного члена вашей семьи... и, очевидно, уже можете шутить на эту тему. Нам далеко не так весело, поскольку погибли пятеро хаоситов.

«Оп-па!..» — Подумал я. Теперь стало ясно, кто ведет в счете.

Вслух я удивился:

— Пятеро? Я слышал только о двоих... Когда Фиона попыталась пленить Аримана, были убиты Мелфаст и Монтескью...

— Если бы только они! К сожалению, кроме Фионы и ее племянника в

нападении на Аримана участвовало еще несколько хаоситов...

— Минутку! — Сказал я. — Я что-то не совсем понимаю. «На Аримана»?! Они что... сражались вместе с Фионой против своих же?

— Вот именно. Фиона провела настоящую вербовку в Доме Прерывающих Полет. Когда эта история открылась, Дворам пришлось уничтожить целую ветвь перебежчиков.

— То есть... вы собрались все вместе и пошли дружно мочить Прерывающих?

— Вроде того. Но когда произошли все эти события, меня еще не было на свете. Не знаю, как именно все это выглядело. Как я понимаю, некоторые из Дома Прерывающих также присоединились к этой акции.

— Легко же у вас делаются такие дела... Как я понимаю, единственный выживший свидетель нападения «предателей» — Ариман? Именно он возглавил эту акцию?

— Да.

— Тогда ведь он еще не был королем?

— Не был.

— Наверное, все это здорово приподняло его авторитет. Защитник отечества и все такое...

— Нельзя этого отрицать.

— А вам не приходило в голову, что вся эта история могла быть выдумана Ариманом от начала и до конца? Или просто изложена по-своему? Предположим, у некоторых хаоситов и Фионы и в самом деле могли сложиться более-менее теплые отношения, а Ариман, узнав об этом, использовал данный факт так, как ему было выгодно.

— Ну, не знаю... — Джарет пожал плечами. — Предполагать можно все, что угодно, но, поверьте — просто так, по одному обвинению, уничтожать нескольких хаоситов никто бы не стал. Очевидно, Ариманом были представлены какие-то веские доказательства.

— Очевидно? То есть вы ничего об этих доказательствах не знаете?

— Повторяю: я родился значительно позже всех этих событий и о данном периоде истории имею только самую общую информацию.

— Ну хорошо. А теперь представьте: мы с вами сидим тут, кушаем, выпиваем. Общаемся душевно, за жизнь разговоры ведем. А кто-нибудь про это узнает и настучит вашим в Хаосе: Джарет — предатель. Как вы потом докажете, что вы не верблюд?

— Кстати, — сказал Джарет. — Любопытно, что вы об этом заговорили. Вы слышали об указе Аримана?

— Помилуйте, откуда?!. Что еще за указ?

— Указ, запрещающий устанавливать контакты с представителями вашей семьи. Если о нашем разговоре узнают, у меня действительно могут быть неприятности. — Джарет улыбнулся.

— Что за бред... И насколько серьезные неприятности?

— Не знаю. Но проверять не хочется.

— Да у вас там настоящий фашистский решим...

— Попрошу вас не оскорблять мою родину...

— Простите. Конечно же, я имел в виду не Дворы в целом, а исключительно Аримана и его команду.

— Вообще, — сказал Джарет, задумчиво вертя в руках пустой бокал. — Этот указ вызвал в Хаосе некоторое... удивление.

— Да уж, — усмехнулся я. — Как, интересно знать, ваш король собирался обеспечить его выполнение?

— Вот именно. — Джарет ответил улыбкой на улыбку. — У нас даже появилась поговорка: зачем издавать указы, которые никто не будет выполнять?

— Король о ней знает?

— Думаю, знает.

— И все-таки поразительно... — Я покачал головой. — При всей моей нелюбви к Мордреду не могу представить, чтобы он совершил какую-нибудь глупость в этом роде... Мои родственники чрезвычайно не любят, когда им что-либо запрещают... А вообще, было бы очень неплохо, если б Мордред выкинул бы что-нибудь подобное. Это повысило бы рейтинг моего отца... Зачем Ариман вообще издал такой указ?

— Возможно, став королем, он вспомнил историю про вербовку, произведенную Фионой в Доме Прерывающих и решил что-нибудь сделать, чтобы предотвратить подобное в будущем...

— Ерунда. — Уверенно сказал я. — Люди, которым нужно обмениваться информацией, обмениваются ею и так...

— Пожалуй, вы правы.

— Фактически, его указ лишь поставил крест на всех легальных отношениях между королевствами... Зачем? Для чего?

— Не знаю. — Сказал Джарет. — У вас есть какие-нибудь мысли на этот счет?

— Есть одна. Все та же. Если Мордред — протеже вашего короля, Ариман мог опасаться, что в случае нормальных отношений между хаоситами и аваллонцами все это всплывет рано или поздно и он окажется в очень неудобном положении... особенно после того, как ему удалось завоевать общественное мнение своей очень патриотичной расправой с «предателями»...

— Да, любопытная мысль. — Сказал Джарет. — Но пока у нас не будет доказательств за или против, все эти предположения останутся всего лишь... предположениями.

Он улыбнулся и сделал жест, как будто бы разгонял дым. Я налил себе еще вина. Я и не рассчитывал, что Джарет ни с того ни с сего безоговорочно поверит той лапше, которую я пытался повесить ему на уши. Но мои слова останутся у него в памяти, и если вдруг появятся какие-то доказательства, косвенно подтверждающие мою правоту, Джарет вспомнит то, о чем мы сегодня говорили. Зачем мне это было нужно? Я бы не смог с полной уверенностью ответить на этот вопрос. Я не знал реального расклада, и был вынужден сдавать карты вслепую.

«А будет забавно, — подумал я затем, — если моя идиотская гипотеза вдруг окажется верной...»

## 10

Спустя неделю после разговора с Джаретом — я все еще бродил во владениях Хаоса, надеясь найти там что-нибудь полезное — кто-то попытался связаться со мной по карте.

Ожидая увидеть отца, Джинну, Жерара, Мордреда или, в крайнем случае — грессмейстера Ордена, я открылся и... сильно удивился, когда перед моим мысленным взором сформировался образ Иды.

— Здравствуйте... — Следующие несколько слов я не разобрал, и ей пришлось повторить. — ...вы очень заняты?

Контакт был слабым, и в любой момент мог оборваться, но я поражался тому, что Иде вообще удалось его установить. Я находился чрезвычайно далеко от Аваллона, и даже моим родственникам, чтобы дотянуться до меня, пришлось бы приложить немало усилий. А что испытывала Ида? Надолго ли ее хватит? Мне не хотелось, чтобы наша беседа прервалась из-за того, что эта девушка потеряет сознание от энергетического истощения.

Очевидно, она собиралась сказать мне что-то очень важное.

— Привет. — Сказал я, и, не давая Иде возможности заговорить, продолжил:

— Хочешь провести меня?

— Да... — Она кивнула и протянула ко мне руку.

Я сосредоточился, попробовал уцепиться за ее пальцы... Сначала возникло чувство, будто я пытаюсь пожать руку призраку... Затем контакт стал четче... Я что-то почувствовал... Шагнул к Иде...

...и очутился в заклинательных покоях замка Восьми Ветров. Мы стояли в центре светящегося круга, за пределами которого разноцветными мелкими кто-то выполнил длинную, витиеватую, закрученную в спираль надпись на одном из диалектов тари. Я вспомнил — в замке Герхата был свой небольшой Источник Силы. Стало ясно, что его энергией Ида и воспользовалась для того, чтобы дотянуться до меня.

Мы вышли из круга.

— Что-нибудь случилось? — Спросил я.

— Да. — Она замолчала и я, повернувшись, увидел, что ее глаза странно блестят. Секунду спустя я понял, почему. Ей приходилось прикладывать немало усилий, чтобы не заплакать.

— Дедушку убили. — Тихо сказала она.

— Герхата?

Ида кивнула.

— Как?

— Я знаю немного...

И она рассказала следующую историю. Расставшись со мной у десятого Сломанного Лабиринта, гроссмейстер Ордена вернулся в замок и несколько дней не находил себе места. Не смотря на преклонный возраст, он запросто мог протянуть еще лет сто и стать свидетелем того, как его любимая (и единственная) правнучка умирает от старости. В результате ему в голову запала мысль исхитриться как-нибудь вернуть разработки астролога Келькерена. Конечно, если Джулия забрала всю библиотеку в Аваллон, на этом плане можно было поставить жирный крест, однако имелись неплохие шансы на то, что дневники и книги Келькерена до сих пор хранятся в его замке. Джулия могла и не знать, какие сокровища попали к ней в руки, а просмотреть все бумаги в кабинете и библиотеке Келькерена она просто не могла — в конце концов, она была королевой, и этот громкий титул помимо огромной власти наделяет своего обладателя еще и массой самых разнообразных обязанностей. На разработки, касающиеся вычислений периодов стабильности Сломанных Лабиринтов,

Джулия могла наткнуться только случайно. Герхат отправился к замку астролога, подкупил нескольких слуг, и выяснил, что библиотеку королева не тронула. Замок хорошо охранялся, но за прошедшее после захвата столетие Джулия побывала здесь только два или три раза, проездом. Самые смелые предположения Герхата оправдались, и старик решил пойти ва-банк. С небольшим отрядом своих людей он попытался захватить замок. Во время нападения его убили.

— Почему ты уверена, что он мертв, а не в плену? — Спросил я.

— Я время от времени связывалась с дедушкой по карте. Когда он не ответил, я вызвала Магистров. Они попытались установить с ним контакт, а потом сказали мне, что он погиб.

Я задумчиво кивнул. Марк как-то рассказывал, что с помощью карт с высокой долей вероятности можно определить, жив или мертв твой абонент. Если вызываемый блокирует контакт или, скажем, пребывает под действием заклинания, возникает ощущение, как будто ты утыкаешься в стену тьмы или теряешься в каком-то лабиринте. Но если он мертв, никакого сопротивления нет. Ты тянешься, тянешься и тянешься... и никак не можешь дотянуться. Такое же ощущение бывает, когда ты связываешься с кем-то, кто находится очень далеко, но в случае, если ты пытаешься связаться с мертвецом, ты можешь вдобавок ко всему услышать еще и разного рода «астральный шум» — призрачные голоса, какие-то шепотки, плач... Очевидно, Магистры знали об этой особенности карт.

— А что с его людьми?

— Не знаю... Наверное, они тоже погибли.

— Для нападения Герхат использовал солдат из замковой стражи? — От ответа на этот вопрос зависело очень многое.

— Нет. — Отрицательный жест. — Дедушка нанял их где-то в Отражениях.

«Ну, хоть что-то хорошее...» — Мрачно подумал я. Старый осел умудрился-таки совершить один разумный поступок. Несомненно, некоторых его наемников взяли в плен, но вывести Джулию на Замок Восьми Ветров они не смогут. Оставалось надеяться, что Герхата не успели допросить перед смертью.

— Я убью ее. — Тихо сказала Ида.

— Кого?

— Королеву.

«Ого!» — Подумал я и подтолкнул девушку к ближайшему креслу.

— Давай-ка сядем.

Она опустила в кресло. Я устроился напротив и, сцепив пальцы

домиком, несколько секунд молчал. Необходимо было объяснить этой девочке пару вещей, до которых ее прадедушка, не смотря на свою убеленную сединой голову, так и не допер.

— Несколько месяцев тому назад, — начал я. — Герхат попросил меня присмотреть за тобой, если с ним что-нибудь случится...

— Вы знали?.. — Ида стрельнула в меня глазами.

— Нет. Твой прадедушка не потрудился поставить меня в известность. К сожалению.

— Если бы вы были с ним...

— ...то мы бы никогда не стали делать такую глупость. — Закончил я.

— Вы не хотите враждовать с Джулией? — Помолчав, спросила Ида. — Да, дедушка говорил, что вы можете не захотеть идти против нее... Поэтому он вам и не сказал... Но я думала... Мне казалось... Вы...

— Я собирался тебе кое-что сказать, и попрошу больше меня не перебивать, пока я не закончу. — Я выдержал короткую паузу. Ида кивнула. — Так вот, Герхат попросил меня присмотреть за тобой, если с ним что-нибудь случится, и я, черт возьми, так и собираюсь поступить. Но я не беру в свою команду кого попало. У меня есть ряд требований, и если они тебя не устраивают — до свиданья. Также мне не нужен человек, который, поддавшись эмоциям, начнет делать глупости, в результате чего в лучшем случае просто погибнет, а в худшем — подставит меня или сорвет мои планы. У тебя перед глазами живой пример. Герхат решил сыграть в эту игру самостоятельно. Ты знаешь, что с ним стало.

Глаза Иды наполнились слезами. Я понимал, что ковыряюсь в свежей ране, но хотел, чтобы мои слова она запомнила очень хорошо.

— Идет сложная игра. Стратегия, которую выстраивают члены нашей семьи, простирается не на год, не на десять, и даже не на сто лет вперед. Я не знаю всего расклада, но у меня тоже есть свои планы и свои цели. А поэтому — никаких авантюр. Я могу понять твои чувства к Джулии, но любая твоя ошибка может стоить жизни не только тебе, но и мне, и всем членам Ордена Восьми Ветров, и еще очень многим людям. Придет время, и мы убьем Джулию. И не только ее одну. Но мы сделаем это тогда, когда я скажу. И так, как я скажу. Понятно?

Ида кивнула.

— Да... Я понимаю. Я вам верю.

— Да, и еще одно.

— Что?

Я усмехнулся.

— Говори мне «ты».

Я заскочил в Пиктляндию, убедился, что там все в порядке и связался с Корониусом. По поводу смерти Герхата он никаких новых подробностей мне не сообщил. В Ядлоб — мир, где находился замок Келькерена и третий Сломанный Лабиринт — члены Ордена теперь опасались соваться. Я настоятельно порекомендовал им и дальше придерживаться этой мудрой политики. Еще друид рассказал о небольшом восстании, едва не случившемся в северо-западных областях Пиктляндии, но, по счастью, ему удалось утихомирить разбушевавшихся пиктов. Я сердечно поблагодарил его и напоследок поинтересовался, не мог бы он с остальными Магистрами обсудить вопрос относительно моего вступления в Орден Восьми Ветров. Корониуса моя просьба удивила.

— Зачем вам это?

— Спросите лучше, зачем это *вам*. — Ответил я. — После выходки Герхата, королева может, наконец, задуматься о полном уничтожении вашего Ордена. Если в Ордене будет состоять член аваллонской Семьи, Джулия этого сделать не посмеет.

— Мы почтем за честь увидеть в наших рядах... — Начал было Корониус, но я перебил его.

— Есть еще одна причина. Надеюсь, что, приняв меня в Орден, вы, наконец, начнете мне доверять. Знай я, что задумал Герхат, я бы ни в коем случае не допустил этого идиотизма.

— Ему могло и повезти... — Возразил Корониус.

— Но не повезло. — Отрезал я. — Кажется, до последнего времени вы из всех сил старались, чтобы Аваллон не обращал на вас внимания. Продолжайте в том же духе. Это самое разумное, что вы можете сделать.

— Но мы не можем учить...

— Я намерен в ближайшее время решить эту проблему.

— Вы... вы вернете нам Сломанные Лабиринты?.. хотя бы один?!

Я кивнул. Не время объяснять, что я собираюсь не возвращать отнятые Джулией Сломанные Лабиринты, а сделать пригодным для прохождения Лабиринт № 10.

— Если только мне не будут мешать. — Я хотел добавить «разные нетерпеливые кретины», но сдержался. Герхат мертв, и оскорблять его память было не очень-то вежливо.

— Мы сделаем все, что вы скажете, Артур... — Корониус едва не сиял от счастья.

— Пока мне нужно только, чтобы вы сидели тихо и не высовывались. Что касается лично вас, то я и впредь надеюсь на вашу помощь в делах

Пиктляндии. Скоро закончится строительство Камелота, туда переедет моя жена и вся администрация. Мне снова придется оставить на Гвиневру управление страной. Гвен неплохо справляется, но будет совсем замечательно, если вы будете время от времени появляться в столице и давать ей разные полезные советы. Вы, я вижу, лучше всех нас разбираетесь в тонкостях пиктской души.

— Возможно, так оно и есть... — Вздохнул Корониус.

— Вот и постарайтесь, чтобы эта душа страдала как можно меньше... У вас все? У меня тоже. Всего доброго.

Гвиневра расстроилась, что я, отсутствовав дома почти три месяца (по местному времени) и наконец объявившись, тут же снова собираюсь убегать, но я не мог задержаться даже на ночь. Поступок Герхата мог иметь самые непредсказуемые последствия, и действовать, если я хотел сохранить Орден, надлежало с максимальной быстротой. Второпях просмотрев отчеты о состоянии дел в герцогстве, выдав ЦУ своим чиновникам, министрам и военачальникам, я поцеловал жену на прощанье и отправился в Отражение Ядлоб.

М-да... Еще несколько таких отлучек, и впору будет проверять, не выросли ли на моей голове ветвистые рога... Хорошо хоть, что старый генерал Ланселот по-прежнему верно стережет границы где-то далеко на юге.

Ни в коем случае нельзя знакомить Ланселота и Гвен. Людей с такими именами... Нет, нет! Ни в коем случае!

Хотя я и прочел Иде целую лекцию на тему тщательной планировки и согласования всех действий с начальством (то есть со мной), тем не менее, сейчас я собирался ввязаться в самую настоящую авантюру. Ну ничего. Если я и есть начальство, то мне — можно.

Мой план (если его вообще можно назвать планом) был прост до идиотизма. Я собирался провести разведку, проникнуть в крепость покойного Келькерена и стащить записки старого астролога. Как проникнуть? Как стащить? Всего этого я пока еще не знал. Продумывать детали я начну только после того, как выясню, что же произошло на том Отражении и как нынче охраняется крепость.

По пути я переоделся. Легкую кольчугу сменили старые и местами погнутые латы, одежду из герцогского гардероба — поношенная, пропахшая потом туника, подкольчужная рубаша и замызганные холщовые штаны. Вместо сапог — такие же, только порванные и изношенные. Жаль

было менять хорошее оружие на плохое, но я пошел и на это. Что еще? Ах да... На моей правой руке красовался дорогой перстень с печаткой. Возвращаться не хотелось, поэтому я сдал карту своих покоев в Аваллоне и, когда контакт установился, положил перстень на стол, но переходить не стал. Во дворце с ним ничего не случится.

Я вытянул из Отражений мешок со всяким барахлом — драным зимним плащом, кое-какой жратвой, котелком, топориком и прочими принадлежностями походной жизни — и, посвистывая, вошел в Отражение Ядлоб. Я — наемник, оказавшийся на мели и отчаянно ищущий работу. Человек, ради денег готовый на все. Я был уверен, что легко сыграю эту роль. Когда я служил под началом Оттона, на людей такого сорта я насмотрелся предостаточно.

Я едва не подрался с солдатами на заставе, не желавшими пропускать меня дальше. По ходу дела я узнал, что по лесам до сих пор ищут остатки отряда, приведенного к замку старым чародеем. В какой-то момент я обеспокоился, как бы во мне не увидели одного из наемников Герхата. Но меня ни в чем не заподозрили — слишком уж нагло я себя вел. К тому же, я двигался не от замка, как положено беглецу, а к нему. Я шел туда, чтобы наняться на работу. Патрульные попытались убедить меня, что шансов на это нет. Но я упрямо стоял на своем.

— ...да я понял уже, на <...>, что у вас тут, <...>, элитное подразделение. — Развязным тоном сказал я. — Но, <...> твою мать, коли недавно была драка, значит, на <...>, порезали кого-то из ваших. Может, и меня, <...>, и примут.

— Вряд ли. — Мрачно сверля меня глазами, сообщил начальник патруля. — Служить королеве Джулии — большая честь. Нам не нужны головорезы. Почему бы тебе сначала не отправиться в военную школу?

— На <...> мне сдалась ваша школа? Я че, мечом махать не умею?

— Этого недостаточно.

— Поглядим, <...>!

В конце концов мне все-таки удалось добазариться с ними, и меня пропустили. Некоторые подозрения вызвал мой родной город — Мухосранск — но когда я сообщил патрульным, что этот маленький городок находится далеко на востоке за морем, им пришлось принять эту версию, поскольку географию в военной школе в их тупые головы вдолбили недостаточно хорошо. А где-то на востоке, я знал, и вправду было большое море. Это знание относилось к тому минимуму информации, который я получил, оказавшись в данном Отражении.

Я остановился в ближайшей к замку деревушке и стал пробивать

вопрос относительно найма на постоянную работу. На работу меня, конечно, не приняли, но я на это и не рассчитывал. Пока тусовался в деревне, между делом выяснил подробности нападения. По словам местных, отряд из нескольких сотен человек появился прямо из воздуха за четверть мили от крепости... Ты хочешь спросить, почему Герхат, умеющий менять Отражения, не провел своих солдат непосредственно в цитадель? Да потому что замок, как и положено, был защищен системой заклятий, блокирующей все эти шалости. Да и вообще, для того, чтобы попасть непосредственно в нужную точку, нужна поистине ювелирная работа с Отражениями. На такое не все аваллонцы способны.

Хотя Герхату с наскоку и удалось захватить ворота, гарнизон состоял не из полных лохов — чему-то их в военной школе все-таки научили — и оказал захватчикам организованное сопротивление. У старикана, конечно, имелось при себе несколько впечатляющих заклинаний, и он нанес защитникам замка значительный урон, но в панику они не впали. Они знали что такое магия и, хотя не умели колдовать, имели определенную магическую защиту, ослабившую действия заклятий Герхата. В конце концов солдатам грассмейстера почти удалось захватить замок, но, пока длился бой, подтянулось подкрепление со стороны соседнего замка — того самого, в подземельях которого находился один из Сломанных Лабиринтов. Относительно того, как была обеспечена его охрана, я, кажется, уже упоминал. Неизвестно, какие средства наблюдения использовались людьми Джулии, но в главном замке узнали о вторжении в тот же момент, когда оно произошло, а узнав — немедленно выдвинули отряд поддержки. Когда этот отряд добрался до места, с людьми Герхата было покончено очень быстро. Руководили защитниками два колдуна из свиты Джулии, и старого грассмейстера, уже подрастратившего свои заклятья, они подавили очень быстро. Его хотели взять живым, но какой-то не в меру ретивый лучник оказал старикану большую услугу, попав ему в сердце стрелой. Наемников перебили там же, после чего стали выискивать по лесам тех, кто — теоретически — мог удрать. Практически таковых просто не было, но люди Джулии предпочитали перебдеть, чем недобдеть. Ошибок королева никому не прощала.

В данный момент один из ее учеников уже вернулся к охране Сломанного Лабиринта, зато второй по-прежнему пребывал в замке Келькерена, руководя всеми делами вместо убитого Герхатом коменданта. Собственно, новый комендант был уже назначен, но ученик Джулии — молодой маг по имени Сеглон — не спешил покидать крепость. Это меня насторожило. Что ему тут понадобилось? Вряд ли в команде Джулии

работали тупицы, а значит — это молодое дарование, стоя над остывающим телом гроссмейстера, должно было задуматься над тем, какого черта Герхат сюда полез. Скорее всего, ни Сеглон, ни его сотоварищ, не знали Герхата в лицо, но это и не важно. Если не знали — значит, узнали очень быстро: для этого им стоило только показать портрет убитого колдуна своей любимой учительнице. Что дальше? Итак, они знают, что это был гроссмейстер Ордена, но не знают, что ему было нужно. Королева дает задание одному из своих учеников заняться этим вопросом. Каким образом будет рассуждать Сеглон? Герхат попытался захватить не Сломанный Лабиринт, а соседний замок, в котором когда-то жил его старый знакомый. Для чего он это сделал? Совершенно ясно, что крепости ему не удержать. Очевидно — должен был понять Сеглон — в замке есть нечто ценное, что Герхат хотел получить. Возможно, это «что-то» хорошо спрятано, а возможно, лежит на открытом месте, и разгуливающие вокруг люди (в том числе и сам Сеглон) и понятия не имеют об истинной ценности этого предмета. По крайней мере, будь я на месте Сеглона, я бы рассуждал именно так. А что бы я сделал затем? Я бы остался в замке, тщательно осмотрел бы его, и внимательнейшим образом ознакомился бы с бумагами предыдущего владельца. Начал бы я с кабинета...

Стало ясно, что я не зря торопился. Рано или поздно — и скорее рано, чем поздно — Сеглон должен обнаружить тайные разработки Келькерена. Оставалось только надеяться, что ученик Джулии в астрологии полный профан и не сразу разберется с тем, что попало ему в руки.

Сколько у меня еще есть времени? Час? День? Неделя? Я начинал нервничать, когда задумывался о сроках. Сеглон прямо сейчас мог читать эти записи. Позволить Джулии заполучить разработки Келькерена нельзя было ни в коем случае.

Надо придумать, как проникнуть в замок. Будь у меня побольше времени, я все-таки попытался бы устроиться туда на работу — если не солдатом, то хоть учеником второго заместителя старшего помощника младшего конюха — неважно, кем. Но времени не было, и приходилось полагаться на импровизацию.

Заклинание невидимости держится примерно минут десять-пятнадцать. У более опытных магов оно работает дольше, но у меня — не больше четверти часа. Это не так уж плохо. В принципе, за пятнадцать минут я могу проникнуть в любое помещение крепости. Однако нужно еще знать, куда именно идти. Итак, для начала необходим человек, который поможет мне составить план замка.

Не смотря на повышенные меры безопасности, ворота замка не стояли

закрытыми двадцать четыре часа в сутки. В крепость и обратно постоянно таскалась уйма народу — крестьяне привозили провизию, солдаты шли в увольнительную, слуги и служанки бегали по своим делам. Из трех вышеперечисленных категорий наиболее предпочтительной персоной представлялся кто-нибудь из слуг. К сожалению, слуги, как правило, живут не в деревне, а в доме своего хозяина, и слуги из этого замка не были исключением. Зато, как мне удалось выяснить, в деревню на побывку прибыл солдат, проявивший настоящий героизм при обороне цитадели. Он прикончил двоих или троих наемников Герхата. Ему дали премию и двухнедельный отпуск, который он проводил в доме своей подружки.

Дождавшись ночи, я заглянул в гости к этому вояке. Первое заклинание усыпления я потратил на здоровенную дворовую собаку, второе, третье и четвертое — на подружку солдата и двоих ее детей. Они крепко спали, когда я проник в дом, но разговор нам с солдатом предстоял долгий, могли и проснуться, и тогда мне пришлось бы убирать ненужных свидетелей, чего мне совершенно не хотелось делать. Пока я шарился по дому, проснулся вояка. Для него у меня было припасено заклинание подчинения. Наложив его и еще раз убедившись, что в доме больше никого нет, я затеял с отдыхающим стражником беседу, растянувшуюся над полтора часа. Узнав все, что мне было нужно, я провел еще один сеанс гипноза, заставив солдата забыть все, что происходило этой ночью.

На следующее утро я приступил к реализации второй части своего плана. Я приблизился к воротам на максимально близкую дистанцию, с которой меня еще не могли заметить. На расстоянии трехсот ярдов от стен лес был полностью вырублен, и на этом мне пришлось остановиться. Я спрятался за деревом и стал ждать. Перед моими глазами промелькнуло немало пешеходов и всадников, прежде чем появилось то, что было нужно — телега с крестьянином. Мужик вез в замок какую-то ботву. Я использовал первое из трех заклинаний невидимости, которыми запасся заранее, и сел на телегу.

Вместо того, чтобы сразу открыть ворота, мужик и стражники начали чесать языками, и мне пришлось применить второе заклинание для того, чтобы и дальше оставаться незамеченным. Как только ворота открылись и мы, наконец, въехали во двор, я соскочил с телеги, и, стараясь не шуметь, побежал в донжон.

Кабинет, некогда принадлежавший Келькерену, а ныне занимаемый вассалом Джулии чародеем Сеглоном, находился на втором этаже — допрошенный в деревне стражник подробно описал мне, где именно. Уступая дорогу всем, кто попадался мне на пути, я добрался до кабинета,

открыл дверь и вошел в помещение. За большим письменным столом сидел темноволосый человек средних лет. Он что-то читал. Стол был завален бумагами, несколько стопок книг громоздилось рядом, на полу. Когда скрипнула дверь, Сеглон поднял глаза и слегка удивился, никого не увидев. Я хорошо знал, что последует дальше, и поэтому не стал дожидаться, пока вассал Джулии увидит меня через Сломанный Лабиринт. Я снял невидимость и спокойно направился к столу.

— У меня к вам послание. — Равнодушно объявил я.

— Какое послание? От кого? Кто вы такой?!

— Послание от королевы. — Я сунул руку в карман и извлек на свет колоду карт.

Глаза Сеглона расширились. Конечно, он знал, что это такое.

Еще немного — и он бы узнал меня, не смотря на то, что мы никогда не встречались. Не сомневаюсь, что Джулия показывала своим ученикам портреты всех членов Семьи с подробными инструкциями, как нужно себя с ними вести. Да, еще чуть-чуть, и Сеглон узнал бы меня, но я не дал ему такой возможности. В тот момент, когда его внимание приковали к себе мои карты, костяшками пальцев я нанес колдуну короткий удар в горло. В этот момент он начал вставать, и упал назад вместе с креслом. Второго удара не потребовалось — я сломал ему кадык.

Я убрал карты в карман, закрыл дверь на засов и облегчил умирающему, но еще живому Сеглону путь в мир иной. Я сгреб все бумаги и переправил их в гостиную Замка Восьми Ветров. Я даже не стал просматривать их — разбираться будем потом, в спокойной обстановке.

Содержимое шкафов и сейфа отправилось вслед за бумагами. Из меня вышел бы неплохой взломщик...

Очистив кабинет, я заблокировал ментальный контакт и продолжил ожидание. Скорее всего, меня пыталась вызвонить Ида, немало, полагаю, удивленная появлением в своей гостиной груды макулатуры, но я не хотел рисковать. А вдруг, это дядюшка Мордред решил осведомиться, как у меня идут дела?

Наконец, в дверь постучали. Включить невидимость, отодвинуть засов, подождать, пока человек войдет внутрь, закрыть дверь, наложить заклинание подчинения... Судя по одежде, это был слуга, и короткий допрос подтвердил, что так оно и есть. К Сеглону он направлялся для того, чтобы узнать, что господин чародей желает на обед. Я сумел убедить его, что господин Сеглон желает сесть на диету, но еще больше он желает видеть в своем кабинете нового коменданта крепости.

Когда появился комендант, я промыл мозги и ему тоже. Сначала,

правда, мне пришлось отобрать у него фибулу с защитными чарами — Джулия заботилась о безопасности своих людей. Комендант получил необходимые инструкции и немедленно выставил караул у дверей библиотеки. В библиотеке книг много, и мне потребуется не один час, чтобы переправить их. Вероятность того, что в библиотеку за это время кто-нибудь войдет, была весьма велика, а полагаться только на магию и обрабатывать разум каждого праздношатающегося слуги было бесполезной тратой времени и сил. Лучше уж пусть солдаты Джулии обеспечат мою безопасность. Также я убедил коменданта выставить почетный караул у дверей кабинета. Мне совершенно не хотелось, чтобы труп чародея был обнаружен раньше времени.

Не отвлекаясь больше на ерунду, под заклинанием невидимости я проследовал в библиотеку и начал методично очищать ее. Когда я уже заканчивал, мне пришло в голову, что Джулия будет допрашивать коменданта и слугу очень тщательно. Хотя они меня не видели, они слышали мой голос, и не исключено, что Джулия сможет узнать, кто именно побывал у нее в гостях — кто знает, как хорошо она разбирается в псионических заклинаниях. В крайнем случае, она может обратиться за консультацией к свекрови, а уж Фиона выжмет из этих двоих даже то, что они сами не знают. Поэтому напоследок мне пришлось обновить заклинания, еще раз прогуляться по замку в невидимости и устранить слугу и коменданта.

Вот, собственно, и все. Не исключено, что я допустил какие-то ляпы, но у меня еще не появилось такого опыта в организации преступлений, как у моих старших родичей. Ошибся я в чем-то или нет — станет известно очень скоро.

А пока — арривидерчи, замок астролога! Твои труды, многоуважаемый Келькерен, отныне в надежных руках!

## 11

...Ида сидела в гостиной, похожей на книжный склад, и задумчиво разглядывала бумаги. Сидела она примерно в четырех футах над полом — нижняя часть комнаты была полностью завалена книгами.

Моему появлению правнучка гроссмейстера не удивилась.

— Я так и думала, что это вы.

— Ты.

— Ой, да... — Она улыбнулась. — Я пыталась с тобой связаться, но ты не отвечал...

— К сожалению, на карты нельзя поставить определитель номера.

— Лучше бы ты предупредил меня. Когда появилась первая партия бумаг, служанка мыла пол в гостиной. У нее едва не случился сердечный приступ.

— Гм... — Я почесал подбородок. — Она должна была уже привыкнуть к появлению людей в этой комнате...

— Людей — да. Но никогда раньше тут не появлялись вещи... Тем более — в таком количестве. Я и сама удивилась.

— Ты уже поняла, что это за бумаги?

Ида кивнула.

— Те самые, которые хотел получить мой прадед?

— Догадливая девочка. — Похвалил я.

— Неужели их так много?..

— Нет. На всякий случай я вынес все, что было. Теперь тебе предстоит разгрести этот мусор и попутно освоить астрологию. Когда ты это сделаешь, я проведу тебя к десятому Сломанному Лабиринту, и ты его пройдешь. Вопросы есть?

— Есть. А как ты...

Ида осеклась, увидев что-то за моей спиной. Я почувствовал легкое покалывание, и быстро повернулся, положив руку на рукоять меча.

Из радужного свечения, заплывавшего посреди комнаты, возникла худошавая фигура Галтрана. В Ордене он был признанным специалистом по костям и завсегдатаем анатомичек. Иначе говоря — некромантом.

— Ого! — Галтран приподнял бровь, оглядывая полузаваленную гостиную.

— Добрый день. — Поздоровался я.

— Мое почтение... — Некромант еще раз посмотрел по сторонам, затем окончательно перевел взгляд на меня. Во взгляде ощущался вопрос.

— Небольшая ошибка в заклинании телепортации, совершенная мною в букинистическом магазине. — Небрежно махнув рукой, сообщил я. — А вы какими судьбами, любезный?

— Не я один... Мое почтение, молодая леди, — кивнул он Иде, выглянувшей из-за моей спины. — Сейчас придут остальные.

— С целью? — Полюбопытствовал я.

— Нам необходимо обсудить несколько организационных вопросов.

Я улыбнулся.

— Понимаю. Корониус уже рассказал вам о том, что я хочу вступить в Орден? Вы это собираетесь обсуждать?

— И это тоже. — Цепкий взгляд некроманта пробежал по нам с Идой. — Но основная тема — выборы нового грессмейстера.

Ида погрузилась, но ничего не сказала. Ее прадед был мертв, однако жизнь шла своим чередом, и Ордену необходим был новый глава.

— Где вы обычно проводите свои заседания? — Спросил я.

— В замке есть комната совета, — объяснил некромант. — Круглый стол для девяти персон.

Тут возникла небольшая заминка. Поскольку ни я, ни Ида в Ордене еще не состояли, то и на заседании присутствовать мы не имели права.

— Проходите, — предложил я, вежливо указывая Галтрану на дверь, почти невидную за завалами книг. — Мы вам не помешаем. Когда появятся остальные, мы направим их по вашим стопам.

— Благодарю.

— Не за что.

Мы так и поступили.

...И вот, в то время, когда Ланселот воевал на юге, Гвиневра управляла Камелотом, король Мордред, поигрывая Камнем Правосудия, размышлял о судьбе Аваллона, а маги за круглым столом обсуждали свои тайны, мы с Идой, засучив рукава, копались в пыльных бумагах и свитках. В конце концов нам пришлось принести ведро с водой и несколько тряпок. За два часа удалось расчистить примерно четверть гостиной. Мы решили сделать небольшой перерыв и перекусить, но, не успели подойти к дверям, как столкнулись с группой колдунов, закончивших свое таинственное совещание.

— Ну что, — любопытствовал я. — Выбрали кого-нибудь?

— Да. — Сказал Корониус, и остальные согласно кивнули.

— И кого же?

— Новым гроссмейстером Ордена Восьми Ветров, — торжественно провозгласил старый друид, — мы единодушно выбрали вас, сэра Артур! Так будет лучше для всех. Правьте мудро и справедливо.

Я поставил ведро с грязной водой на пол и молчал, наверное, минуту. Магистры Ордена Восьми Ветров — все в парадных одеяниях, с разноцветными посохами, украшенными драгоценными камнями — напряженно ждали моего ответа.

— Вот черт!.. Предупреждать надо. — Расстроено сказал я. — Я бы хоть оделся поприличнее...

Вот так я и стал главой Ордена. Вообще, следовало бы дать по этому случаю небольшой банкет, но я не стал лишним раз расстраивать Иду. Не хотел, чтобы у нее создалось впечатление, будто праздную на поминках ее прадеда.

Я собирался взять Орден под свой контроль, но, конечно, не рассчитывал, что это произойдет так быстро. Впрочем, я понимал, почему они так поступили. Если подумать, то в их положении это было самое разумное решение из возможных. Учитывая, что я, с одной стороны, мог вернуть им Сломанные Лабиринты (по крайней мере, они в это верили), а с другой — должен был защитить их от Джулии. Конечно, любой из Магистров был гораздо опытнее меня в Искусстве, но — и это тоже все понимали — я быстро догоню их, а потом оставлю далеко позади. Я ведь бессмертный, и мой прирожденный талант к магии и моя способность к обучению гораздо выше, чем у людей, рожденных на Отражениях.

Я долго думал, что подарить Джулии. Цветы? Это слишком банально, да и Мордред может неправильно меня понять. Украшение с драгоценными камнями? Еще хуже. Золотых побрякушек у нашей королевы столько, что хоть попой ешь. Нужно было придумать что-нибудь необычное, и вместе с тем — душевное. В конце концов я посетил детский магазин в технологическом отражении и выбрал самую большую и красивую мягкую игрушку. Этот подарок Джулия запомнит.

Я вернулся в Аваллон, узнал последние новости (об убийстве вассала королевы в этих новостях не говорилось, но Джулия показалась мне слегка расстроенной) и, улучив момент, когда она была одна — читала книгу в одной из многочисленных гостиных дворца — преподнес ей свой подарок.

— Спасибо. — Удивилась Джулия. — За что?..

— Да так... — Я улыбнулся. — Ты оказала мне большую услугу, и я решил, что должен чем-то тебя отблагодарить.

— Услугу? — Королева приподняла бровь. — Какую?

— Пусть это останется нашей маленькой тайной.

Джулия прищурилась. Я подумал, что играю с огнем, но не мог отказать себе в удовольствии еще раз обворожительно улыбнуться. Теперь она начнет копать под меня. Рано или поздно она узнает, что я связался с Орденом Восьми Ветров. Ну и пусть. Все равно не удалось бы сохранить это в тайне. А доказательств, что именно я пришел Сеглона, у нее нет и никогда не будет.

Хотя мне пришлось прикончить нескольких людей, вся вина которых заключалась в том, что они верно служили своей королеве, я не ощущал никаких угрызений совести. На руках нашей дорогой королевы столько невинной крови, что мне до нее еще расти и расти.

В который раз я подумал о том, что если бы Джулия по собственной глупости не оттолкнула Орден, я бы никогда не стал его главой. Фактически, она подарила мне кресло гроссмейстера.

Спасибо тебе, Джулия! Когда настанет твоя очередь, я постараюсь, чтобы ты перешла в лучший мир безболезненно.

Все еще улыбаясь, я вышел из гостиной. Я почти физически ощущал взгляд королевы Аваллона, направленный мне в спину.

Последующие несколько лет я редко бывал во дворце. С Мордредом у нас отношения оставались по-прежнему ровными, мы регулярно общались, хотя Искусству он больше меня не учил. Он преподавал мне основы, а всякие тонкости каждый маг нарабатывал сам, насколько позволяли упорство и прирожденные способности. Как-то раз я задал королю вопрос, который, по уму, мне надлежало задать еще тогда, когда Мордред в первый раз рассказал историю возвращения Камня Правосудия. Я спросил, кто помогал ему проникнуть во владения Дома Иноходных Путей. Я был уверен, что он не ответит. И не ошибся.

— Я не знаю, — сказал Мордред, пожав плечами. — Мне действительно помог кто-то из Хаоса, но я не знаю, кто это был. Он не представился.

— А как он выглядел?

— Как помесь медузы и летучей мыши. Вначале. Потом он несколько раз изменил свое обличье.

— Зачем он тебе помог?

Мордред снова пожал плечами:

— Не представляю.

— И никаких догадок, кто это мог быть...

— Никаких.

Я сделал вид, будто поверил, а Мордред сделал вид, будто поверил в то, что я ему поверил. Мне очень хотелось расспросить его, на каком Отражении и при каких обстоятельствах он познакомился с Джулией, но об этом я заговаривать не рискнул. Он наверняка солжет, а я не хотел демонстрировать своего интереса к данной теме — слишком уж она была скользкой. Откуда я знаю, какие у него отношения с женой? Что, если он безумно влюблен в нее, а мои вопросы наведут его на мысль, что я копаю под Джулию? Тем более, что это действительно так. Если я допущу ошибку, реакция моего дорогого дядюшки может быть совершенно непредсказуемой.

Впрочем, вскоре наши отношения с королем все равно ухудшились — по независящим от меня причинам. Кто-то пальнул в Мордреда из арбалета. Король остался невредим, но и стрелка поймать не удалось — судя по всему, он успел смыться по карте. Естественно, список

подозреваемых возглавлял мой отец. В беседе тет-а-тет папа клялся, что это не он, приводя следующий довод: он-де уже стрелял в Мордредра два раза и понял, что стрелы нашего дорогого короля почему-то облетают. Даже заколдованные, специально рассчитанные на то, чтобы игнорировать разного рода охранные чары. Промазать Марк не мог, поскольку из лука он стреляет не хуже, чем фехтует на мечах. Сообразив, что таким образом до Мордредра не добраться, он давным-давно бросил это бесперспективное занятие.

То есть, это он так говорил. Я вполне допускал мысль, что отец мог — на всякий случай — предпринять еще одну попытку. Просто чтобы проверить, не истощились ли окружающие короля охранные заклятья. Я эту мысль допускал, и Мордред ее допускал тоже. В общем, для нас с Марком настало время пожить несколько лет где-нибудь в Отражениях. Я выбрал технологический мир, освоился, состряпал себе подходящую биографию — все тот же Вася Пупкин из местного Мухосранска — прошел курс обучения в развед-школе и несколько лет работал в местных спецслужбах. Там я отточил все навыки, столь необходимые каждому члену нашей Семьи — криминалистику, токсикологию, организацию заказных убийств и террористических актов, а также грамотное противодействие оным. Холодным оружием и собственными кулаками я умел пользоваться так, как жителям технологического Отражения и не снилось, а вот стрельбе из пистолета и снайперской винтовки мне пришлось поучиться.

Мои годы не тянулись... не шли... они мелькали, пролетали мимо с бешеной скоростью. Время от времени мне я прерывал обучение и возвращался в Пиктляндию. С правлением Гвиневры пикты смирились, и хотя бы на этом фронте все было спокойно. Я мог бы и вовсе пустить все на самотек — Гвен и Корониус отлично справлялись, но... В какой-то момент я вдруг понял, что тоскую без Гвен, а затем — что люблю свою жену. По-настоящему люблю. Это чувство было новым и незнакомым. Я испугался, потому что в броне, которую я выставил против мира, незаметно образовалась брешь. Я не хотел любить, но это чувство пришло, и я ничего не мог с ним поделать. Оставалось только молиться, чтобы о наших отношениях не пронюхал кто-нибудь из моих родственников. Гвиневра давно просила показать ей Аваллон, и я не раз обещал ей это, но теперь я понял, что никогда так и не решусь это сделать. Познакомить свою жену с волчьей сворой, с тарантулам без совести и сердца? Они — такие же, как я, только старше и хитрее. Я не хотел рисковать женщиной, которую любил. Гвен загрустила. Мои мотивы были ей непонятны, а

злые образы моих родственников казались слишком уж преувеличенными. По ее мнению, я слишком болезненно все воспринимал. В Пиктляндии, как, впрочем, и в Киммерии, к родственникам, особенно к близким, относились очень трепетно...

Лучше бы оказалась права она, а не я. Да, лучше. Потому что вернувшись однажды в Камелот, я увидел, что мой замок погружен в траур. Правительница пиктов, жена Артура из Аваллона, герцогиня Гвенуифар, Белая Тень, была мертва.

Похороны состоялись уже почти неделю тому назад, и все, что осталось от моей жены — ее могила, засыпанная цветами, и мои воспоминания. Я не один час провел на ее могиле, размышляя о том, что могло быть и чего никогда не будет. Я мог тысячи раз укорять себя за то, что слишком часто оставлял ее одну — но что толку? Женщину, которую я любил, уже не вернуть. Это было несправедливо, это было больно так, что хотелось выть или кричать... но нам ли, потомкам богов, жаловаться на несправедливость этого мира?

Я провел самое тщательное расследование обстоятельств ее смерти, но не нашел никаких зацепок. Гвиневра выехала на верховую прогулку. Внезапно ее лошадь испугалась и понесла. Гвиневра не сумела удержаться в седле, упала на землю и сломала позвоночник. Через несколько часов она умерла.

Что это? Трагическая случайность? Ответный «подарок» Джулии? Или происки кого-то, кто хочет, чтобы я, не раздумывая, бросился мстить королеве за ее смерть?

С помощью заклинаний я изучил психику слуг и солдат, но никто не вмешивался в их сознание. Не было никаких смертей, совпадающих по времени со смертью герцогини. К сожалению, животное, убившее мою жену, я исследовать не смог — лошадь закололи в тот же день, когда умерла Гвен. В окрестностях Камелота и сейчас, и двумя неделями ранее, шаталось немало проходимцев. Почти всех их удалось найти. Также ничего подозрительного.

Может быть, и вправду — случайность? Мне в это не верилось.

Будь я рядом, я бы сумел защитить, исцелить ее... От этих мыслей тоже хотелось кричать.

Я не поддался первому порыву — не стал охотиться за Джулией. Нет, еще не время. Я не стал хвататься за оружие по той же причине, по которой, я был уверен, ни Мордред, ни Фиона не имели никакого отношения к этому «несчастному случаю». Они были слишком хорошими игроками, и действовали по тому же принципу, что и я: сначала нужно

убрать самых опасных противников, затем — менее опасных, и так далее. В моем списке на первом месте значились Мордред и Фиона, затем Каин и Джулиан (хотя я надеялся, что эти две строчки можно будет пропустить), и только затем — Джулия. Уверен, в списке Мордреда первым номером шел Марк, затем — Крис и Джинна, затем я. Сумей Мордред вычеркнуть из списка нас всех, мою жену, уверен, он вовсе не стал бы трогать. Я худобно успел изучить характер нашего короля и был уверен: Мордред — слишком расчетлив, чтобы убивать того, кто ему не опасен.

Примерно в то же время, когда погибла моя жена, произошло покушение на Крису. Если это, конечно, было именно покушение, а не один из тех досадных эпизодов, которые время от времени происходят с нами на Отражениях. Криса покалечило чудовище, выбравшееся, по словам дядюшки, словно из кошмарного сна. Хотя Крису удалось победить, оно здорово его отделало. Лечился мой дядюшка не в Аваллоне. Над этой историей тоже стоило призадуматься. Что это? Ответ Мордреда на «стрелу Марка»? При том, что на этот раз Марк, скорее всего, действительно в короля не стрелял?.. Происки Дворов Хаоса? Случайность? Какой-нибудь старый враг, о котором Крис давно забыл?..

От этих мыслей можно было свихнуться. От паранойи, грозившей вот-вот раздавить последние остатки здравого смысла, меня спасла Ида. Она связалась со мной и сообщила, что более-менее освоилась с разработками Келькерена. Теперь ей требовалось адаптировать эту систему для мира, в котором находился десятый Сломанный Лабиринт.

— Постой, — сказал я. — А как ты собираешься это сделать?.. От Отражения к Отражению меняется рисунок звезд, количество лун и планет... Черт, да на некоторых Отражениях вообще нет неба!

— Но на том, где расположен десятый Сломанный Лабиринт, оно есть?

— Есть. — Согласился я.

— Значит, все в порядке. — Успокоила меня Ида. — Келькерен занимался своими исследованиями в течении нескольких столетий и наблюдал за всеми Сломанными Лабиринтами, о которых знал. А знал он не только о первых девяти. Он перечисляет девятнадцать, которые ему удалось обнаружить, и хотя он пишет, что Лабиринты, находящиеся за пределами ближайшего к Аваллону круга Отражений, проходить чрезвычайно опасно, он так же говорит, что периоды повышенной стабильности, вызванные особым расположением планет, распространяются и на них тоже. На самом деле не так важно, сколько лун и планет на небе нужно нам Отражения. Гораздо важнее знать, с какими стихиями и силами они связаны. Мне потребуется познакомиться с

тамошними звездочетами, и, может быть, даже пожить там некоторое время...

— Ладно. — Вдохнул я. — Пошли. Я завоюю для тебя это Отражение.

И мы пошли. Все Отражение я, правда, так и не удосужился захватить — поленился — но королевство, на территории которого находился Сломанный Лабиринт, взял под свою руку. Я не буду подробно рассказывать о той войне, потому что она была простой и быстрой. Моя армия — конница, пикты и киммерийцы — в численности уступала армии местного короля в несколько раз, но я не дал его войскам возможности соединиться. Сокращая путь по Отражениям, я разгромил местных военачальников по очереди, после чего взял столицу. На все-про-все ушло два месяца, и своих солдат я почти не потерял. Я нашел дальнего родственника убитого монарха, достаточно разумного и богатого, но бывшего со своим сюзереном не в ладах, заставил принести вассальную присягу, после чего посадил на трон. В мое личное распоряжение переходило графство со Сломанным Лабиринтом и еще изрядный кусок земли, а также все книги, которые пожелает забрать Ида и все звездочеты, которым не повезло в этот период истории оказаться на территории королевства. Новый монарх с большой радостью все это мне предоставил.

Прошел еще один год. Я все еще скорбел по Гвиневре, но боль уже слегка притупилась, да и работа по укреплению своих позиций в захваченном королевстве отвлекала меня от всяких дурных мыслей. Иде удалось адаптировать разработанную Келькереном систему к данному Отражению — тем более что Келькерен, судя по его дневникам, наблюдал и за этим Отражением тоже.

Прежде чем пускать кого-либо к десятому Лабиринту, я решил проверить точность сделанных Идой расчетов. И действительно, в указанный ею период времени не было ни одной «волны тьмы».

— Когда следующий период стабильности? — Спросил я у Иды.

Она взглянула на расчеты.

— Через четыре месяца.

— Ты морально готова?

Ида кивнула. Она выглядела спокойной и уверенной в себе, но я чувствовал страх, который она отчаянно пыталась скрыть.

В указанный день и час мы были на месте. Мы несколько раз обошли Сломанный Лабиринт по периметру, определяя маршрут и оптимальную точку входа.

Здесь, как и во всех Сломанных Лабиринтах, линии были черны, а вместо них светились промежутки. Интересно, почему так?.. Мне вдруг пришло в голову, что Лабиринты — и Сломанные, и Истинный — в чем-то похожи на кровеносную систему, в которой вместо крови течет Мощь. Разрывы в линиях нарушали структуру Сломанного Лабиринта, и, возможно, «кровь» покинула его «вены» и сосредоточилась в промежутках. Впрочем, это было чересчур дилетантское объяснение. Уверен — услышав нечто подобное, Фиона бы поморщилась.

— Мне кажется, начинать стоит отсюда. — Сказал я, останавливаясь перед вторым разрывом — считая от того участка, где в истинном Лабиринте было начало. — Самый короткий маршрут. Разрыв во второй линии наиболее близок, — я показал Иде на участок дальше и правее, — и ты сразу оказываешься за Великой Дугой.

— Это не похоже на дугу...

— Да, потому что она разломана в четырех местах. Ты идешь вдоль нее вон до того поворота, — мой палец сместился в указанном направлении, — проходишь через разрыв в Последней Вуали, делаешь еще четверть круга и входишь в разрыв, ведущий к центру.

— Это кажется несложным. — Ида заставила себя улыбнуться.

— У тебя все получится. — Я обнял ее. — Иди.

Когда она вступила в разрыв, и с усилием сделала несколько первых шагов по Сломанному Лабиринту, свечение в промежутках между линиями начало перетекать к ее фигуре. Я смотрел, как она проходит через второй разлом — содрогаясь, словно от ударов электрическим током — и гадал, сумеет ли она добраться до центра. С каждым шагом свечение окутывало ее все сильнее, она дрожала и двигалась все медленнее и медленнее. Она зашаталась, и я закричал, когда она чуть не упала. Но Ида сумела устоять на ногах и продолжила движение.

Теперь она не дрожала, а постоянно тряслась, как будто бы ее било током, не переставая. Свечение поднялось до уровня ее головы и полностью накрыло мою ученицу аурой из сверкающего тумана. Она шла очень медленно, выставив перед собой руки — так, как делают слепые. Но ведь не могла же она в самом деле... У меня перехватило дыхание, когда она подошла к повороту и сделала шаг дальше, по прямой. Она не собиралась поворачивать. А возможно, уже не могла...

— Стой!!! — Закричал я. — Поворот!!!

Она меня не услышала. Словно в замедленном кино, она подняла ногу, чтобы идти дальше...

Перед ней простирался достаточно длинный прямой участок, и

некоторое время она сможет двигаться по нему, не сворачивая. А что будет дальше? Если Лабиринт ослепил ее, рано или поздно она наступит на черную линию. Как-то раз я заинтересовался у Фионы, почему погибают те, кто, проходя Лабиринт, вступают с линии на промежуток. Фиона прочла мне длинную лекцию о разности потенциалов. Если тетя права, и если в Сломанных Лабиринтах действуют те же правила, Ида, перейдя с промежутка на линию, неизбежно погибнет...

К дьяволу!.. Я скинул плащ и отцепил ножны с мечом — чтобы не мешали. Затем я вошел во второй промежуток и зашагал по узору с максимальной скоростью. Сломанный Лабиринт вспыхнул. Вдоль черных линий пробежали голубые и белые огни. Странно. Когда начала проходжение Ида, таких спецэффектов не было.

Соппротивление было, но совсем не такое, как в оригинальном Лабиринте. Мне казалось, что я иду сквозь воду или какую-то аналогичную среду, оказывающую пассивное сопротивление всем моим движениям. Сверкающий туман начал окутывать меня, но мне он не доставил таких неприятностей, как Иде. Это была какая-то разновидность энергии — я впитывал ее всем своим естеством, а затем отдавал обратно — процесс, во многом напоминающий дыхание.

Я шел быстро и не собирался снижать темп. В нормальном Лабиринте чем дальше, тем выше сопротивление, этот же показался мне совершенно однородным на всех его участках. Может быть, так было потому, что я сумел нейтрализовать воздействие сверкающего тумана, который в обычных случаях накапливался вокруг адепта и сильно осложнял ему жизнь? Возможно. Миновав второй промежуток, я позволил себе оглянуться на Иду. Как она там?

Лучше, чем раньше. Гораздо лучше. Ее действия перестали напоминать движения слепого. Она свернула в следующем промежутке и обходила черный сегмент, мешающий ей выйти на участок, ведущий к разрыву в центральном круге. Можно было только порадоваться тому, что в Сломанном Лабиринте есть возможность выбирать из нескольких различных маршрутов. Иде придется пройти чуточку более длинный путь, но зато она останется жива.

Когда я шел вдоль Великой Дуги, Сломанный Лабиринт попытался капнуть мне на мозги, но я проигнорировал его жалкую попытку. Все, что могла выставить против меня эта хреновина, и в подметки не годилось испытанию в оригинальном узоре. Я повернул на нужном участке, прошел через разлом в Последней Вуали, подождал, пока Ида сделает несколько последних шагов — и вышел в центре следом за ней.

Ида измождено опустилась на землю. Ожидая, пока она немного придет в себя, я еще раз окинул взглядом Сломанный Лабиринт. Может быть, мне показалось, но он стал немного светлее. Во всяком случае, спокойнее.

«Что, гаденыш, притих? — Подумал я. — Ты чуть не угробил мою ученицу. Не будь ты нам так нужен, я бы с тобой разобрался... по Брандовскому методу.»

Лабиринт никак не отреагировал на мою угрозу. Очевидно, он хорошо осознавал свою полезность.

— Спасибо. — Сказала Ида.

Я повернулся.

— Почему ты не повернула там, где нужно?

— Я ничего не видела...

— Я так и подумал. Туман ослепил тебя?

— Да... Спасибо. — Повторила она. — Если бы не ты...

— При чем тут я?

— Ты еще больше стабилизировал его. Я ничего не видела, но я почувствовала, как ты вступил в разлом. Лабиринт как будто вздрогнул, весь... Сопротивление стало не таким сильным. Я снова начала видеть.

— Идти стало легче, когда я вошел в Лабиринт?

— Да. Намного.

— Интересно, почему так произошло... — Я задумался. — Как ты думаешь? Потому, что я бессмертный, или потому, что я ношу в себе первоначальный образ?

— Может быть, и то, и другое?

— Сейчас проверим.

Я вызвал Знак. В то же мгновение по его искаженному подобию прокатилась волна — на этот раз наполненная не тьмой, а светом. У меня возникло отчетливое ощущение, что этот Сломанный Лабиринт присмирел окончательно. Конечно, все вернется на круги своя, когда мы с Идой покинем его, но теперь я, по крайней мере, знал, как его укрощать.

— Когда у нас следующий стабильный период? — Спросил я.

— Я должна взглянуть на записи. — Ида показала на папку с бумагами, оставленную за пределами образа.

— Ну так пойдем. — Я взял ее за руку. Мир смазался, и мы оказались снаружи. Я обернулся. Огни погасли, свечение стало слабее, но у меня возникло совершенно отчетливое ощущение, что этот Сломанный Лабиринт внимательно, с долей опаски, наблюдает за мной. Словно испорченный мальчишка, впервые попробовавший ремня.

— Я еще вернусь. — Предупредил я его. Свечение едва заметно

дрогнуло.

— Следующий период — через три месяца. — Сообщила Ида, просмотрев свои бумаги.

Я потянулся за колодой.

— Надо бы порадовать Магистров.

...Из тридцати четырех учеников, которых Магистры привели с собой, до центра добралось тринадцать. Не такой уж плохой результат, учитывая, что среднее число выживших никогда не превышало двадцати процентов. На этот раз до финиша добралось больше трети участников, но я отдаю себе отчет в том, что, не стой я в центре Сломанного Лабиринта в то время, когда они его проходили, не выжил бы, скорее всего, ни один из них.

## 12

Я двинул вперед пешку. Джулиан, почти сразу же — свою.

— А вот любопытно, — сказал я, выводя коня на стратегический простор, — почему Аваллон не располагает огнестрельным оружием?

Пешка Джулиана прыгнула на четвертую линию.

— Старая история, — сказал дядя, провожая глазами моего слона. — В Амбере они тоже не стреляли. — Он вывел из стойла коня. Я двинул пешку, чтобы защитить слона.

— В конце концов дедуле удалось найти заменитель пороха. — Заметил я. — Именно так вы и выиграли битву на склонах Колвира, когда вас штурмовали легионы Хаоса.

Джулиан скептически приподнял бровь и двинул второго коня.

— Что-то не так, дядя? — Поинтересовался я, делая ход очередной пешкой.

— Корвин всегда любил прихвастнуть. Мы выиграли эту битву без него.

— Да ну? — Я улыбнулся.

— Подумай сам. Под Колвиром столкнулись две полумиллионные армии. Притом на стороне Хаоса было большое количество демонов, виверн, мантикор...

— Драконов...

— Я бы не назвал этих тварей драконами. Они были покрыты перьями и не превышали длинной десяти-двенадцати футов.

— Неважно, как их называть.

— Неважно. — Согласился Джулиан. — У Корвина было всего две-три сотни автоматчиков. Обучавшихся стрельбе пару месяцев. Вдобавок, у

каждого из них было при себе лишь несколько запасных рожков. Чтобы убить хотя бы одну мантикору, необходимо всадить в нее как минимум половину обоймы. Вот теперь и подумай, мог ли маленький отряд автоматчиков повлиять на это сражение.

— Надо учитывать психологический эффект. — Возразил я, невольно принимая роль дедушкиного адвоката. — Создания Хаоса никогда не видели огнестрельного оружия. Их мог напугать грохот выстрелов...

— Что-что? — Джулиан сделал вид, что не расслышал. — Ну-ка, повтори еще раз, кого там напугал Корвин своими пукалками? Демонов или виверн? А может быть, мантикор?..

— Ты пользуешься тем, что меня тогда еще на свете не было и я этой битвы не видел. — Я осуждающе покачал головой. — Нечестно.

— А я эту битву не только видел, но и участвовал в ней, и поэтому поверь мне на слово: стрелки Корвина, хотя и отвлекли на себя один из отрядов противника, ничего в этом сражении не решили и решить не могли.

— Но вы победили!

— Да. — Джулиан кивнул. — Мы победили. А знаешь, почему?

— Скажи мне.

— Потому что сражением руководил Бенедикт.

— Но перед тем, как подошел Корвин, вы отступали...

— Это был стратегический маневр. Мы поднялись на гору, а затем, когда резерв Бенедикта ударил в тыл противнику, перешли в атаку и, используя преимущество в высоте, быстро прорвали фронт врага.

— И где же находился этот резерв?

— В соседнем Отражении.

— Но Бенедикт был с вами...

— Правильно. Рядом с резервом дежурила Флора. Все равно от нее не было никакого толку на поле боя. Когда хаоситы полезли на Колвир, Бенедикт картопортировался к Флоре и вывел свои войска туда, куда ему было нужно.

Следующие несколько ходов мы молчали.

— Хмм... — Сказал я. — Марк рассказывал об этом слегка иначе.

— Неудивительно. — Джулиан пожал плечами и взял мою пешку. — Марка в те времена еще не было на свете. Обо всех этих событиях ему рассказал отец. Так что ты слышал не версию Марка, а версию Корвина. А он, повторяю, всегда любил приврать.

— А как в ТВОЮ версию укладывается смерть Эрика, убитого воинами Хаоса? — Спросил я. — Это тоже входило в план Бенедикта?

Я съел коня Джулиана, а он — моего слона. Мой ферзь оказался в угрожающем положении и я поспешно увел его из-под удара. Джулиан взял еще одну пешку.

— Нет, — ответил Джулиан. — Не входила. Но ты ошибаешься, полагая, что Эрика убили хаоситы.

— А кто, — я ухмыльнулся, — неужели Корвин?

— Знаешь, Артур, когда на теле убитого обнаруживается несколько пулевых ранений, а на поле боя только один отряд вооружен огнестрельным оружием, поневоле приходишь к мысли, что это сделал именно он.

— Что-то тут не сходится, дядя, — я покачал головой.

Прищурившись, Джулиан посмотрел на меня.

— А как ты думаешь, почему вскоре после битвы Жерар избил твоего деда? Жерар был с Эриком, когда тот умирал. Он сам рассказал мне об этих ранениях.

— Я думал, Жерар избил Корвина, потому что подозревал его в смерти Каина...

— И поэтому тоже. Но заметь — хотя Корвин Каина не убивал, ни тогда ни потом он Жерару никаких счетов за свое избиение не предъявлял.

— Остальные знали об этом, и если бы Жерар пропал или погиб...

— Вот именно. Жерар не только избил его, но и унизил, избил у всех на глазах. А Корвин это стерпел. Почему? Да потому что он понимал, что еще легко отделался. Его могли и убить его за то, что он сделал с Эриком.

— Кстати, почему его не казнили?

— Потому что нам не хотелось еще сильнее ослаблять государство. Если Корвин так жаждал получить корону — черт с ним. Лучше уж он, чем Блейз. А других кандидатов в то время не было. Конечно, лично я был бы не против посидеть на троне, но я понимал, что меня не поддержат.

— Рэндوما поддерживали, а он вообще стоял последним в очереди на наследство.

— Рэндوما выбрал Единорог.

Мы снова замолчали. Мне пришлось пожертвовать пешкой, чтобы спасти ладью.

— Не знаю... — Сказал я затем. — Надо будет поговорить с Жераром.

— Поговори.

— И все-таки странно, что о твоей версии — если, конечно, допустить, что она истинная — больше никто не знает.

— Кому надо, знают. — Уведомил меня Джулиан.

— Ты хочешь сказать, что Корвин лгал своим детям, а вы его в этом

молчаливо поддерживали?

— Ну-ну-ну... Что за громкие слова?! «Лгал»! Назовем это иначе — он выдал своим детям слегка откорректированную версию событий. Ну не мог же он признаться, что пристрелил Эрика издалека! Это слегка выбивалось из образа благородного героя, которого он всегда так любил разыгрывать. Знаешь, такого мужественного, уверенного в себе типа, настоящего лидера и харизматика...

— А почему остальные молчали?

— Я тебе уже объяснил. Чтобы не портить королю репутацию. Тем более — в глазах его собственных детей.

— Но почему, в таком случае, ты *мне* все это рассказываешь?

— Потому что ты его внук и лично никогда своего деда не знал. А значит, правда тебя не слишком огорчит.

— Понятно. Кстати, ты так и не ответил на мой первый вопрос. Почему в Аваллоне все еще нет огнестрельного оружия? Неужели за прошедшие годы так трудно было найти подходящий состав?

— Он найден.

— И?

— Он не работает.

— Можно еще раз, помедленнее?

— Порох найден. — Повторил Джулиан. — Точнее, не порох, а некое вещество, которое могло бы, в принципе, его заменить. Созданию автоматического оружия препятствует то, что этот «порох» в разных объемах ведет себя по-разному. Если взять несколько крупиц, то он сгорает очень быстро. А если его больше двадцати грамм, он плавится и течет.

— Ерунда! Так не бывает!

— Бывает. Еще и не так бывает...

— Или-или!

— Ты споришь со мной или с законами природы?

— Я таких законов не понимаю!

— Ну, это уже твои проблемы... Впрочем, на счет необычного поведения взрывчатых веществ можно выдвинуть несколько интересных предположений.

— Каких же?

— Кто сформировал законы природы? Корвин — в тот момент, когда чертил Лабиринт. Очевидно, он очень не хотел, чтобы в его стране постреливали из винтовок. Мой братец всегда предпочитал гадить исключительно на чужой территории.

— Ха! Между прочим...

— Между прочим, Артур, тебе мат.

Конечно, слова Джулиана не заставили меня отказаться от попыток найти формулу аваллонского пороха. Собственно говоря, исследованиями в данной области занимался не я, а алхимик Нельхарт из Ордена Восьми Ветров. Это задание я дал ему на следующий день после того, как стал гроссмейстером Ордена. О странной зависимости свойств взрывчатых веществ и их объема Нельхарт рассказал мне задолго до Джулиана. Была маленькая надежда, что дядя сообщит что-нибудь полезное на эту тему. Увы! Если Джулиан и открыл секрет аваллонской взрывчатки, делиться им со мной он не пожелал.

Мне требовалось оружие, которое в случае чего можно было бы противопоставить армии Мордред. Точнее — АРМИЯМ, расквартированным на самых различных Отражениях. Конечно, лучше всего вовсе не допустить войны. Тихо-мирно убрать короля, Фиону, Джулию, а также всех, кто к ним присоединится. Но это в идеале. В реальности все может выйти совсем не так, как мне хочется. Допустим, мы с отцом и Крисом придумаем способ, как быстро убрать Фиону и Мордреда. Что сделает Джулия? Смоется из дворца и будет копить силы где-нибудь в Отражениях. Кроме того, смерть Фионы серьезно ослабит Семью. Когда был отравлен Бенедикт, мы потеряли незаменимого воина и стратега, а теперь лишимся еще и лучшей колдуньи. Хаос, которым правит король, настроенный к Аваллону совсем не дружелюбно, может решить, что это его шанс. Конечно, у Марка есть несколько армий, но если в тот момент, когда в Семье будет раздор, на нас навалятся еще и хаоситы, войск Марка может оказаться недостаточно. Требовалось что-то особенное, что-то такое, чего нет ни у моих родичей, ни у хаоситов... вообще ни у кого.

Порох отпадал. Может быть, Нельхарт когда-нибудь его и откроет, но я на это не слишком надеялся.

Вообще, отпадала вся техника, поскольку с электричеством, горючими, взрывчатыми и радиоактивными веществами была та же проблема, что и с порохом. Магия? Я думал над этим. Чтобы обучить человека магии, требовалось много времени и сил. Другими словами, я не мог запросто сформировать дивизию колдунов. Может быть, со временем число членов Ордена Восьми Ветров и достигнет размеров дивизии, но произойдет это очень и очень не скоро. Я полагаю даже, не в этом тысячелетии. К тому же, аналогичные усилия по обучению отраженцев предпринимала и предпринимает Джулия, и возможно — Мордред и Фиона. Я еще не настолько выжил из ума, чтобы соревноваться с ними на поприще магии.

В общем, магия не катит.

Что остается?

Мы часто использовали в своих армиях не только людей, но и различных полумразумных или вовсе неразумных существ, которых находили на Отражениях. И все же, основу наших армий всегда составляли люди. У хаоситов — наоборот. Они предпочитали полагаться на разных устрашающих монстров. Однако, как показал опыт Войны Падения Лабиринта, взвод профессиональных солдат гораздо эффективнее одной мантикоры. Если судить по рассказам моих родственников, Бенедикт щелкал хаоситские армии, состоящие из невообразимых чудовищ, как семечки.

Но я не Бенедикт. Во всяком случае — пока... И я не стал отбрасывать идею использования монстров, а хорошенько обдумал ее еще раз.

Нужно найти что-нибудь такое, что свело бы весь военный опыт Джулиана, все численное преимущество армий Мордреда на нет.

И вот тогда я подумал о драконах.

Не о тех драконах, которые атаковали Колвир в день смерти Эрика. Дядюшка Джулиан прав — тех покрытых перьями четырехногих птичек можно назвать драконами с очень большой натяжкой.

Я подумал о настоящих драконах — огромных, огнедышащих, со шкурой, которую не способен пробить ни арбалет, ни даже средняя аркбаллиста.

Да, мне нужны драконы. Это будет мое тайное оружие. Мое ноу-хау.

Когда я это осознал, я оставил дела в герцогстве на своих чиновников — теперь я уже мог это сделать, Пиктляндия давно перестала мечтать о возврате к добрым старым временам — собрал шмотки, сел на лошадь и отправился в Отражения. После освоения десятого Сломанного Лабиринта миновало уже четыре года. Ида, которую я обучал лично, уже умела составлять заклинания, далеко опередив всех прочих новопосвященных, и я считал, что имею право на небольшой отпуск.

Я долго катался по Отражениям.

Драконов не было.

Точнее, драконы были, но совсем не такие, каких я искал. Некоторые достигали достаточно крупных размеров, однако не умели дышать огнем. Другие дышать огнем умели, но были слишком мелкими — десять футов, двадцать, иногда двадцать пять или тридцать. Не больше.

Периодически попадались виверны. Надеюсь, ты знаешь, чем виверна отличается от дракона? Нет? Позор!.. И чему тебя только учили?.. Ладно, объясняю. У виверны две ноги и два крыла, а у дракона четыре ноги и два

крыла. По сути, виверна — это большой птеродактиль. А дракон — нет. Дракон — существо необычное, и с точки зрения естественной эволюции — необъяснимое.

Некоторые виверны умели плевать ядом. Меня это не утешало. Мне нужны были драконы, а не их подобия. Большие и огнедышащие.

В конце концов я нашел почти то, что нужно. На острове Мельнибонэ их было несколько сотен — уже прирученных и готовых к использованию. Тамошний король, Эльрик, свихнулся на почве любви к своей сестрице, и я был уверен: когда я разберусь с ним, никто в Городе Мечты о нем не заплачет. У Эльрика был кузен, Йиркан, гораздо более подходящий для правления, и я не сомневался, что без проблем договорюсь с ним. План был таков: я убираю Эльрика, Йиркан получает трон, а я получаю драконов. К сожалению, от этого замечательного плана пришлось отказаться: я навел справки и выяснил, что драконы с этого Отражения никуда не годятся. Один парень, Дайвим Твар, с которым я познакомился во время пребывания на острове, рассказал мне, что драконы Мельнибонэ могут быть пробуждены лишь раз в столетие, и тогда перед их мощью не устоит ни одна армия. Все остальное время драконы спят, набираясь сил.

В расстроенных чувствах я ушел из этого мира. Конечно, в Отражениях можно найти все что угодно. В теории. На практике, когда пытаешься отыскать какую-нибудь по-настоящему полезную вещь, находишь, как правило, сплошное барахло. Драконы Мельнибонэ явно были чем-то больны, король тоже болен, да и вообще все это Отражение казалось каким-то больным. Вдобавок, там поклонялись Хаосу, а это совсем нехорошо.

Я продолжил свои поиски. Чем дольше я искал, тем больше убеждался: если бы драконов так легко было заполучить под свой контроль, их бы уже давно нашли мои более старшие и более ушлые родственнички.

Когда со мной связалась Ида и спросила, где я пропадаю вот уже целый год, я понял, что пора возвращаться.

Я грустно брел по Отражениям. Я уже входил в ближайшую к Аваллону полосу миров, когда...

Он был именно таким, каким я его себе представлял.

Он стремительно летел над лесами и лугами, поблескивая на солнце золотой чешуей.

Я остановился на холме, любуясь им. Интересно, какого он размера? Тут он изверг длинную струю пламени, и только тогда я понял — НАСКОЛЬКО же он огромен.

Футов двести, не меньше.

Я крикнул «йаа-хаа!!!», подпрыгнул и сделал кувырок через голову. Моя лошадь, стоявшая рядом, скептически на меня посмотрела. От драконьего огня загорелся лес, и нам пора было побыстрее отсюда сваливать.

Мы так и поступили — тем более, что золотой дракон, периодически изрыгая пламя, уже превратился в точку на горизонте. Потом он поднялся к облакам и я потерял его из виду.

Да. Это Отражение — именно то, что нужно. Мне хотелось верить, что я видел не единственного дракона, живущего в данном мире. Вот только зачем он поджег лес? Я забеспокоился. Надеюсь, они тут не бешенные? Впрочем, не исключено, что золотой дракон таким образом выманивал из леса оленей. Да, наверняка так оно и есть. К тому же лесов много, а драконов — мало. Можно простить этому созданию небольшой каприз.

Спасаясь от пожара, я перешел через средних размеров речушку и задумчиво побрел на юг. Прежде всего, меня интересовало, есть ли тут люди или какие-нибудь иные разумные существа. Если тут есть цивилизация, можно будет быстро узнать, какова популяция драконов и где расположены основные места их обитания.

Я понял, что этот мир населен, когда на меня напали. Штук двадцать уродливых, омерзительно пахнущих созданий. Они принадлежали к гуманоидному типу — две руки, две ноги и одна голова — но выглядели необыкновенно отвратительно. Ростом предводитель едва доставал до моей груди. Возможно, они позарились на мою лошадь, а может быть, уже представляли, как будут готовить обед из атлетически сложенного, аппетитного киммерийца. Я перебил всех, оставив на последок одного — поговорить. Я отрубил ему руку с ятаганом, сшиб на землю, поставил ногу на грудь и только сейчас, повнимательнее приглядевшись, понял, к какой расе принадлежит мой пленник — да и остальные нападающие тоже. Это были орки, но какой-то деградировавшей разновидности. Те орки, которых я встречал на южных границах Аваллона, хотя и любили полакомиться человечинкой, были крупнее и воняли не так сильно.

Зато язык, на котором проклинал меня мой пленник, почти не отличался от известного мне орочьего диалекта.

— Быр бы дыр, урук!<sup>[3]</sup> — Процедил я, щекоча кончиком меча его горло.

Орк перестал шипеть, ругаться и подвывать. Даже забыл про свою отрубленную руку. Очевидно, его до глубины души потрясли мои лингвистические способности.

Я поинтересовался, не знает ли он что-нибудь о золотом драконе,

который поджег лес с той стороны реки.

На физиономии орка появилось выражение почтения, даже благоговенья.

— Ба! — Воскликнул он. — Ба кон Глаурунг!<sup>[4]</sup>

Я задумался. Кажется, где-то я уже слышал это имя... или читал?..

Из дальнейших расспросов стало ясно, что драконов в этом мире, к сожалению, не так уж много, живут они на севере, и правит ими «Ба-Багыр» — Великий Господин — которому подчиняются также и орки. Кроме орков, в этом мире еще живут люди и представители неизвестной мне расы, именовавшиеся на орочьем языке «див-нюки». Див-нюки находились с Ба-Багыром в крайней плохих отношениях.

В качестве платы за информацию я даже оставил орку его никчемную жизнь. Потом я решил, что прежде, чем соваться на север, неплохо было бы найти кого-нибудь из людей или из див-нюков, и расспросить их об этом Ба-Багыре. Орк утверждал, что Ба-Багыр необычайно крут, и я был склонен ему поверить, поскольку драконы вряд ли станут подчиняться кому попало. Меня заинтересовало, откуда взялся Ба-Багыр и нет ли у него каких-нибудь других имен, но, к сожалению, мой пленник не разбирался ни в истории, ни в геополитике. Больше всего я опасался, что под именем этого крутого парня может скрываться кто-нибудь из моих родственников. Или из хаоситов, что еще хуже.

Следуя по течению реки, в скором времени я миновал какие-то скалистые холмы и оказался перед полосой тумана. Туман, совершенно неподвижный, простирался сплошной стеной направо и налево, сколько хватало глаз. Эта белая завеса показалась мне слегка подозрительной, но я решил не сворачивать — рано или поздно река должна была вывести меня к какому-нибудь поселению.

Я погрузился в туман и вскоре понял, что под пеленой скрывается густой, труднопроходимый лес.

Я шел несколько часов, и остановился только тогда, когда в ствол дерева прямо перед моим лицом воткнулась стрела. Если меня пытались убить, то убийца очень плохо стрелял. Если это было предупреждение, то стоило к нему прислушаться. В любом случае разумнее всего было подождать и выяснить, что последует дальше. Стрела была сделана очень хорошо, я бы даже сказал — профессионально — и вряд ли могла принадлежать орку.

Итак, активировав заклинание, отклоняющее быстролетящие предметы, я стоял и ждал, а моя лошадка объедала куст с земляникой. Потом из тумана вышел человек. Он был невысоким и худощавым. Двигался очень

легко и был одет в серо-зеленую одежду: штаны, сапоги с мягкими подошвами, туника, плащ с капюшоном. Оружия, кроме короткого меча, на нем я не заметил, из чего сделал справедливый вывод о том, что его приятели до сих пор прячутся в засаде и держат меня на прицеле.

Когда он подошел ближе, я заметил, что его уши не имеют мочек.

— Кто ты? — Отрывисто спросил незнакомец. Очевидно, он говорил на наиболее распространенном в данном Отражении языке, поскольку вопрос я понял, хотя никогда прежде этого языка не слышал. Сработала автонастройка.

Я назвалса. Как я и предполагал, мое имя ничего ему не сказало.

— Ты человек?

— Моя очередь спрашивать. — Я покачал головой. — Что это за место?

— Ты оказался во владениях Тингола и Мелиан, смертный, — снисходительно проинформировал меня парень в зеленом плаще. — Полагаю, ты забрел сюда по ошибке. Если ты развернешься и уедешь, мы оставим тебе жизнь. Но перед этим ты должен пообещать, что не станешь никому говорить о...

Но я не слушал его. Что-то щелкнуло у меня в голове, и я, наконец, понял, где оказался.

Когда я жил в Аваллоне и еще не стал герцогом Пиктляндии, я, помимо прочих своих занятий, еще и регулярно навещал королевскую библиотеку. Читал я не только книги по военной стратегии. Как-то раз Оттон подсунул мне одну из тех книжек, которые ему давным-давно приволокла Флора из своего любимого Отражения. Как же она называлась?.. «Братва и кольцо»?.. «Зверьмариллион»?.. В общем, что-то в этом роде. Книжка давно была переведена на тари, так что проблем с пониманием не возникло.

Я просмотрел книжку вскользь, по диагонали. Насколько я помнил ее содержание, эльфы — «див-нюки» — постоянно воевали то с одним темным гадом, то с другим. Люди периодически предавали то темного гада, то эльфов, а гномы валяли дурака в своих подгорных чертогах. Орки, как и положено, были донельзя злыми, грязными и безграмотными.

Очевидно, когда я перестал напрягаться и, расслабившись, тоскливо возвращался в Аваллон — в душе все еще мечтая найти мир с драконами — мое подсознание сгенерировало это Отражение, ибо драконы в той книжке тоже были.

И не только драконы. Тут много кто жил. Я начал вспоминать...

Эльф терпеливо ждал, пока я разверну лошадь и уберусь восвояси.

Но уезжать я не собирался.

— Почему ты спросил, человек ли я?

— Ты прошел через Завесу Мелиан, а это не каждому смертному под силу. — Объяснил эльф.

— Я не смертный. Ммм... По вашей классификации, я что-то вроде майяра.

Эльф внимательно осмотрел меня с ног до головы.

— В тебе чувствуется нечто необычное. — Неохотно признал он. — Но ты не майяр. Они другие.

— Какие — другие? В чем отличие?

— Просто — другие. Я это чувствую.

«Чувствую»? Эльф, который со мной разговаривал, не производил впечатление важной персоны. Тем не менее, у него явно были зачатки магического восприятия. Возможно ли, чтобы целая раса обладала такими способностями? Тут я вспомнил, что эльфы, вдобавок ко всему, еще и бессмертны.

Очень, очень хорошо, что я нашел этот мир!

Мысленно я уже видел батальон эльфийских лучников, облаченных в военную форму моих цветов.

— Откуда ты? — Поинтересовался эльф.

— Из... — Я уже хотел сказать «из Аваллона», но вовремя вспомнил, что у них тут есть свой Аваллон — небольшой островок на западе. Чтобы не возникло путаницы, я дипломатично ответил:

— Из другого мира.

Эльф скептически оглядел меня еще раз. На его лице явственно читался вопрос: где и при каких обстоятельствах меня ударили по голове?

— Я бы хотел поговорить с вашим... — Я поискал в мысленном словаре местный синоним слова «босс». — ... с вашим Владыкой.

— Я могу провести тебя, но назад ты уже не вернешься. — Предупредил эльф. — Мы стережем границы Дорияфа, и не хотим, чтобы о Хранимом Королевстве стало известно прихвостням Врага!

— Я никому не скажу. — Заверил я его. — Честное пионерское.

— Эти сведения могут вырвать у тебя под пыткой. — Упорствовал эльф.

— Ладно. — Я поднял руки. — Просто проводи меня к вашим... эээ... Владыкам. С ними я уже как-нибудь сам... эээ... договорюсь.

— Я предупредил тебя о последствиях. И ты сам выбрал свою судьбу.

Эльф повернулся и зашагал сквозь туман. Я оторвал свою лошадь от земляничного куста и побрел за своим проводником. По дороге я раздумывал, правильно ли я поступил. Не нашигуют ли они меня

стрелами — просто так, на всякий случай?

Но обошлось. Спустя неделю мы прибыли в здешнюю столицу — Менегрот. Внешне — гора как гора. Достаточно живописная, но не более того. Внутри — разветвленная сеть пещер, приспособленных для жизни.

«Пещерные эльфы.» — Подумал я.

В самой большой пещере, стилизованной под тронный зал, на небольшом возвышении стояли два кресла. Правое занимал эльф — высокий, мудрый и все такое прочее — а в левом под видом миловидной женщины удобно расположилось какое-то неясное энергетическое образование. То, что это существо состоит не из обычной крови и плоти, я увидел благодаря Лабиринту.

— Если ты будешь применять свою магию в моем дворце, чужеземец, мы перестанем относиться к тебе как к гостю. — Предупредила меня Мелиан.

Эльфов тут тусовалось немало, и оружие было почти у всех, поэтому я не стал лезь на рожон, и, выполняя просьбу дамы, изгнал знак Лабиринта.

— Кто ты? — Спросил Тингол.

— Путешественник из другого мира.

По залу пробежал шепоток.

— Как такое может быть? — Продолжал допытываться эльфийский король.

Я поднапрягся и выдал:

— В пределах Эа Арда — не единственный Мир Сущий.

Дальше последовали взаимные расспросы, которые я опускаю, поскольку мы беседовали очень долго. Когда речь зашла о валарах и майарах — Стихиях этого мира, я предложил поэкспериментировать, что будет, если такую Стихию переправить в другое Отражение.

— Как мы попадем в другой мир? — Спросила Мелиан.

— Есть способ мгновенного перемещения. — Я потянулся к колоде карт.

— Мне бы очень хотелось взглянуть на другие миры, — Владычица покачала головой, — но, боюсь, наше путешествие придется отложить. Ибо Волк Ангбанда в безумии примчался с севера и ворвался в верховья Эсгалдуина, подобный всепожирающему огню.

Я огляделся. Среди толпы придворных эльфов я заметил однорукого человека с усталым лицом, а рядом с ним — золотоволосую девушку ангельской красоты. Или не девушку?.. Да, кажется, к этому моменту она уже стала женой Берена.

Так-так, а где же собачка? Я огляделся. Хуана поблизости не было, и не

удивительно. Что большой собаке, пусть даже и героической, делать в тронном зале?

— Вы собираетесь устроить охоту на волка? — Спросил я. Тингол кивнул.

— Можно мне поучаствовать?

— Это не развлечение. — Резко сказал эльфийский король. — Это опаснейшая из охот, ибо Волк — воплощение злой воли Моргота. К тому же, его ярость питает грозная мощь священного камня, и тяжело будет одолеть его. Мы не сможем думать еще и о том, как уберечь вас.

— Не надо меня оберегать. — Заверил я королевскую чету. — Я и сам при случае кого-нибудь оберегу. Кстати, если мы заговорили об этом, позвольте дать вам бесплатный совет: Берену лучше остаться дома.

Мелиан никак не отреагировала на мои слова, Тингол посмотрел на однорукого, и в его глазах появилось сомнение, а Лутиэн благодарно мне улыбнулась. Похоже, она была солидарна со мной во мнении, что ее муженьку на этой охоте ловить нечего.

Единственный, кому не понравились мои слова, был сам Берен.

— Да кто ты такой, чтобы указывать Берену, сыну Барахира, что ему следует делать, а что — нет? — Вызывающе спросил он.

— Я уже два часа объясняю, кто я такой. Вы что, все это время спали? Повторяю для вашего же блага: на эту охоту вам идти не нужно.

— Берен Эрхамион сам способен решить, что ему нужно, а что ему не нужно. — Заявил однорукий.

Я понял, что он пойдет на эту охоту просто из принципа, и больше не пытался его переубедить.

И вот, на следующее утро из ворот Менегрота вышли охотники: Тингол и Берен, а также два королевских военачальника — Маблунг и Белег. Из героических персон стоит упомянуть еще огромного пса, который бежал впереди охотников. А егерей, загонщиков и стрелков, сопровождавших нас, было вообще до черта. В сумрачной долине на северном берегу Эсгалдуина мы услышали вой волка, и поняли, что он бродит где-то неподалеку. Охотники рассыпались цепью, Хуан предпринял обходной маневр, а я старался держаться поблизости от Берена, что однорукому явно не нравилось.

Зря, кстати, я его пас. Если бы я внимательно читал книгу, то знал бы, что Кархарот бросится не на него, а на короля.

Когда волчара, пробравшись через колючие заросли, собрался прыгать на Тингола, мы с Береном бросились к нему наперегонки. В забеге на короткую дистанцию однорукий взял серебро, а я — золото, в результате

чего Кархарот упал не на Тингола, а на меня. Я воткнул меч ему под нижнюю челюсть, постаравшись, чтобы клинок вошел вертикально вверх. Учитывая силу, которую я вложил в этот удар, а так же скорость, с которой двигался Волк, неудивительно, что мой меч вошел в его плоть почти по рукоять. Но я не учел массу этой твари — Кархарот весил раз в пять больше, чем я со всей своей амуницией. Возникло ощущение, что на меня рухнул сошедший с рельс тепловоз. Это ощущение усиливалось еще и тем, что Волк хрипел и выл, а изо рта у него пахло так, что орочий запах по сравнению с этим ароматом казался просто благоуханием.

Туша, размеры которой более соответствовали носорогу, а не волку, сшибла меня наземь и погребла под собой. Мне резко поплохело. Потом наступила тьма.

### 13

Наступившая тьма продолжалась довольно долго, поскольку, когда я очнулся, то понял, что обстановка изменилась. Я находился в Менегроте, чувствовал себя крайне паршиво и вообще не был уверен, что долго пробуду в сознании. На краю моего ложа сидела Мелиан, рядом стоял Тингол. Не смотря на то, что я находился не в таком состоянии, чтобы по достоинству оценить эстетику окружающей обстановки, эльфы, верные своей натуре, усыпали весь пол розовыми лепестками. Откуда-то доносилась тихая, берущая за душу музыка. Я расчувствовался.

— Чудо, что вы до сих пор еще живы. — Заметила Мелиан. — У вас необычный организм. Он сам себя исцеляет.

Вообще-то она произнесла не «организм» а «*хроа* и *феа*», и что-то еще добавила на эту тему, что я прослушал, но общий смысл был именно таким.

— Это у нас семейное. — Заверил я Мелиан, делая попытку подняться. Попытка успехом не увенчалась. Я вдруг понял, что не чувствую своих ног. Это привело меня в легкую панику.

— Не пытайтесь встать. — Остановила меня майя. — У вас сломан позвоночник.

«Дерьмо.» — Подумал я. Нижняя половина моего туловища была скрыта одеялом, верхняя — замотана какими-то бинтами. Уловив мой вопросительный взгляд, Тингол пояснил:

— Когда Кархарот умирал, на вас попала его слюна и кровь. Они ядовиты. У вас очень сильные ожоги. Хочу поблагодарить вас за то, что спасли меня...

— Не за что. Я могу отлежаться тут до тех пор, пока не приду в норму?

— Конечно. — Заверил меня Тингол. — Оставайтесь так долго, как вам будет угодно. И если вы когда-нибудь снова захотите посетить Дориаф, мы всегда примем вас, как желанного гостя.

— Это значит, что я могу приходить и уходить, когда захочу? На меня больше не распространяется ваш дурацкий визовый режим?

— Простите... что вы сказали?

— Ну, мне говорили, что попав в Дориаф, я уже не смогу отсюда выйти. Вход — рубль, выход — два и все такое.

— Боюсь, что я не совсем понял вашу последнюю фразу, — сказал Тингол, — но что касается вашего права приходить и уходить из Дориафа — то вы его, бесспорно, уже заслужили. Мне бы только хотелось, чтобы вы были поосторожнее — прихвостни Врага не дремлют, и мы не хотим, чтобы Моргот узнал, где находится Хранимое Королевство.

Я подумал, что выяснить это, в общем-то, не так уж сложно — учитывая, что туман вокруг Дориафа не заметил бы только слепой — но промолчал. Похоже, хозяева Менегрота очень гордились своей системой безопасности.

Интересно, сколько времени пройдет, прежде чем я смогу встать на ноги? Регенерационные процессы у бессмертных идут очень быстро, но восстановление позвоночника может занять несколько месяцев. Все зависело от того, насколько обширные у меня повреждения. Я подумал, что не помешало бы наложить на себя пару заклятий, еще больше усиливающих естественную регенерацию, но я был не в таком состоянии, чтобы баловаться с магией. Поэтому я просто закрыл глаза и постарался заснуть. Тингол, который в это время произносил какую-то длинную речь — тематику я так и не уловил — замолчал, решив, очевидно, воспроизвести эту речь попозже, когда я буду в состоянии ее выслушать. Мелиан возложила на меня руки — одну на голову, вторую на пояс — и вполголоса заговорила на эльфийском языке. Сквозь дрему я почувствовал, как ко мне через ее руки течет энергия. Спасибо, спасибо тебе, благородная пчела майя!..

Когда я проснулся во второй раз, то чувствовал себя уже значительно лучше — настолько, насколько вообще может лучше чувствовать себя человек, едва не растерзанный Кархаротом. Хозяева Менегрота приставили ко мне симпатичную эльфийку, которая должна была за мной присматривать. Я отправил ее за едой, но бегать ей пришлось несколько раз, и раз от раза ее прекрасные эльфийские глаза, и без того немаленькие, становились все больше и больше: она не могла поверить, как в одного

больного человека может влезть столько продуктов. Когда ее глаза стали больше, чем у девочек из анимэ, я, наконец, наелся. Эльфийка робко поинтересовалась, не нужно ли мне чего-нибудь еще.

— Да. И очень, — пробурчал я. — Судно и санитарку...

Вскоре после того, как я проснулся в третий раз, раздалась трель междугороднего звонка. Я был не в том состоянии, чтобы общаться со своими родственниками, и поэтому заблокировал контакт. Спустя несколько минут неизвестный сделал еще одну попытку, а через два часа — еще одну. Мне стало любопытно, кому я так нужен, и я ответил на контакт.

К счастью, это оказались не злые враги, а всего-навсего мой папаша, который хотел узнать, чем занимается его чадо.

— Хандришь? — Спросил он, когда контакт стал достаточно плотным и он смог оценить мое состояние.

— Меня покусала собака. — Пожаловался я.

Папа усмехнулся.

— Сделать тебе укол от бешенства?

— Да уж, не помешает.

Он протянул ко мне руку, я пожал ее, и Марк оказался в пещере рядом с моей кроватью.

— Сможешь мне помочь? — Спросил я.

Марк неопределенно пожал плечами.

— Попробую, но много не жди. Я не слишком хороший колдун. Кто тебя так отделал?

— Говорю же — одна местная псина.

— Очевидно, это была необычная собака.

— Да уж, — я вздохнул. — Нефигово этот Моргот откормил свою таксу...

— Моргот? — Переспросил отец, совершая какие-то манипуляции со знаком Лабиринта. — Кто это?

— Да так... Один местечковый плохиш, с которым я еще не успел познакомиться. Разводит всякую живность: драконов, орков, барлогов, волков...

— И такс?

— Это разновидность волков.

— Я смотрю, ты тут уже хорошо освоился. — Заметил Марк, продолжая сеанс терапии. — А этот парень, Моргот — он точно местный? Или он работает на кого-то из наших?

— Честно говоря, я просто не знаю. — Признался я. — Возможно даже,

что это и есть кто-то из наших — хотя я очень надеюсь, что нет. Это весьма и весьма перспективное Отражение.

— Да? — Марк приподнял бровь. — И что в нем такого особенного?

— Ну-у... вообще-то это пока секрет.

— Как, даже от родного отца?!

— Обещаю, ты будешь первым, кому я расскажу.

— Почему бы не рассказать прямо сейчас?

— Пока я еще морально не готов. Надо кое-что проверить...

Тут мою комнату-пещеру вновь решила посетить королевская чета, и нам с отцом пришлось прервать разговор. Я представил Марка эльфам. Его они тоже заверили, что он — всегда желанный гость в Дорияфе.

— Я смотрю, тут к тебе хорошо относятся, — отметил Марк, когда эльфы ушли.

— Угу. Я вроде как местный герой.

— Да? А что ты такого сделал? Пришиб таксу?

Я кивнул.

— Думаешь, это было легко? На такое не каждый способен.

— Точно. — Усмехнулся Марк. — Я, например, за всю жизнь не убил ни одной.

— Ты не видел здешних.

— Они большие?

— ОЧЕНЬ.

То ли Марку было нечем заняться, то ли в нем неожиданно проснулись отцовские чувства, но он сообщил мне, что останется на этом Отражении до тех пор, пока я не поправлюсь. Не исключено, что его заинтересовали гигантские таксы, способные покалечить бессмертного, но ему быстро пришлось разочароваться в идее их военного использования. Эльфы объяснили ему, что Кархарот был исключительным явлением в роду ангбандских волков. Впрочем, эльфы и сами по себе очень заинтересовали Марка, поскольку они стреляли почти также хорошо, как и он сам, а такие таланты на Отражениях встречаются редко.

Я потихоньку поправлялся. Каждый день Марк и Мелиан практиковались на мне в целительных чарах. Через месяц я начал чувствовать свои ноги, а спустя еще две недели — уже мог самостоятельно передвигаться, правда, для этого мне приходилось опираться на костыль. Несколько раз звонила Ида, но я убедил ее, что за мной есть, кому присмотреть.

Пока я валялся на больничной койке, у меня была уйма времени, чтобы

хорошенько все обдумать. Мне нужно было больше информации об этом Отражении. С помощью Лабиринта я вызвал книгу, породившую данный мир, и перечел ее еще раз — от корки до корки. Кроме того, я расспрашивал эльфов Мenegрота. У королевской четы имелось немало государственных дел, Берен и Лутиэн были слишком заняты друг другом, и поэтому я общался либо с Маблунгом, либо с Белегом, либо с кем-нибудь из эльфов рангом пониже. Я слушал очень внимательно все, что они говорили, а они умели очень хорошо рассказывать.

Это было весьма симпатичное Отражение, и временами я ощущал уколы совести от того, что влез сюда, кое-что испортил и в будущем собирался испортить еще больше. Согласно сюжету, волк должен был прыгнуть на Тингола, а Берен — защитить его и погибнуть. Тогда в чертогах Владыки Судеб зазвучала бы самая прекрасная песнь, что когда-либо складывалась в этом мире, Берен вернулся бы к жизни, а Лутиэн потеряла бы свое бессмертие и полностью разделила бы с Береном его судьбу.

Но теперь... Теперь все пошло по другому пути, и будущее Белерианда перестало быть детерминированным. Берен жив, и песнь Лутиэн в чертогах Мандоса так и не была спета. Все последующие события будут выстраиваться по совершенно иной линии, и я отдавал себе отчет в том, что, чем больше я проведу времени на этом Отражении, тем сильнее эта линия будет отличаться от изначальной.

Когда я рассказал Марку о драконах, он некоторое время молчал.

— Я расспрашивал местных о Темном Валенке. — Уведомил он меня.

— О ком, о ком?!

— Ну, об этом... — Марк поморщился. — О главном плохише.

— О Темном Вале? — Догадался я.

— Ну да. Вряд ли под его маской скрывается кто-то из наших. По всему выходит, что Моргот именно тот, за кого себя выдает. И на твоём месте я бы не стал связываться с ним.

— Но почему? — Удивился я. — Если это кто-то из местных, я вообще не вижу проблемы. Прибить его — и дело с концом.

— Тебя самого чуть не загрызла его собачка. — Попытался урезонить меня Марк.

— Да ладно! — Пренебрежительно отмахнулся я. — Не верю, что двое бессмертных не смогут справиться с каким-то демоном из Отражений...

— Артур, это не просто «какой-то демон». Ты с такими существами еще не встречался, но судя по всему, тут на севере обитает самый настоящий отраженческий божок. Эти божки могут быть очень опасны, сынуля.

Особенно на своей территории.

— Полагаешь, с ним следует договориться?

Марк покачал головой.

— Если то, что эльфы мне о нем рассказывали — правда, вряд ли тебе это не удастся. Моргот свирлеп и дик. И совершенно неадекватен.

— Не факт!

— Разве в этой книжке, — Марк кивнул в сторону тумбочки, на которой лежал «Сильмариллион», — сказано обратное?

— Нет. В книжке Моргот тоже плохой и нехороший, но не в этом дело. Видишь ли, перечитывая книгу во второй раз, я заметил, что между книгой и данным Отражением есть несколько мелких отличий. Например, в книге у прародителя драконов — Глаурунга — не было крыльев. Но в первый раз я читал не очень внимательно, и поэтому был уверен, что крылья у него были. И в результате — местный Глаурунг летает, а не ползает! Я уверен, найдутся и другие отличия.

— Надеешься, что темный божок на севере встретит нас с распростертыми объятьями?

— Не знаю. — Я пожал плечами. — Думаю, нет. Не сомневаюсь, что он злой, темный и давно хочет завоевать все это Отражение. Но мне нужны драконы, а не Белерианд. Полагаю, Моргот — злобный и темный, но мозги у него должны быть на месте. Если он не идиот, то поймет, что от союза с нами можно получить огромную выгоду. Я собираюсь КУПИТЬ у него драконов.

Марк почесал подбородок.

— Я думал, мы дружим с эльфами.

— Эльфам совершенно необязательно знать о наших переговорах с Темным Валенком. — Улыбнулся я. — Равно как и Валенку — о нашей дружбе с эльфами.

— Ну что ж, может быть, что-нибудь из этого и выйдет... Как ты намерен действовать?

— Сначала я хочу провести один эксперимент...

\* \* \*

— У вас необычная магия. — Сказала Мелиан, когда я продемонстрировал ей свою колоду и объяснил, как действуют карты.

— У вас тоже. — Ответил я, извлекая козырь Киммерии. — Было бы интересно поучиться друг у друга, вы не находите?

— Я полагаю, такая попытка вряд ли что-то даст. — Усомнилась майя. — Ведь сила, которой обладает то или иное существо, проистекает из его сущности, а наша с вами сущность различна.

Я пожал плечами. В чем-то эльфы были мне симпатичны, но при выборе союзника я собирался руководствоваться не собственными эмоциями, а чисто прагматическими соображениями. Я еще не решил, чью сторону выберу. Мелиан вежливо дала мне понять, что не намерена посвящать пришельца из другого мира в свои колдовские секреты. Я собирался побеседовать с Морготом в самое ближайшее время, и если в ходе беседы Темный Вала проявит большую дипломатическую гибкость,

чаша весов однозначно склониться в его пользу.

Когда контакт возник, я взял Мелиан за руку и шагнул в дверь между мирами. Следом за нами из радужного свечения вышли Марк и Тингол.

— Ну, — спросил я, с наслаждением вдыхая холодный воздух родных гор, — что скажите?

— Поразительно... — Оглядываясь, сказал Тингол.

— Я умираю. — Сказала Мелиан.

Я вздрогнул. Майя произнесла эти слова достаточно спокойно, но, вызвав Лабиринт, я увидел, что она не лжет и не разыгрывает нас. С ней творилось что-то не то. Энергетическое сгущение, которым она, по сути, являлась, отчаянно содрогалось, едва удерживая тот облик, который мы видели с помощью обычного зрения.

— Почему? — Быстро спросил Марк. Одновременно с ним побледневший, как полотно, Тингол спросил:

— Что с тобой?

— Силы покидают меня. — С неестественным спокойствием, медленно и тихо произнесла майя. — Я должна вернуться. Прошу вас.

Они — все трое — перевели взгляд на меня, но я уже копался в колоде. К счастью, перед тем, как уходить в Киммерию, я потратил полчаса на то, нарисовать козырь для возвращения. Марк подошел и встал рядом, вместе со мной вглядываясь в карту. На этот раз контакт возник почти мгновенно. Я утянул за собой Мелиан и Тингола. Последним в Менегрот вернулся мой отец.

— Теперь с вами все в порядке? — Спросил Марк.

Владычица кивнула. С помощью Лабиринта я увидел, как ее энергетическое поле постепенно приходит в норму.

Тингол потребовал от нас объяснений. Ему очень не понравилось, что мы едва не угробили его жену. Точнее — я. Этот эксперимент был моей идеей.

— А у вас были какие-нибудь неприятные ощущения? — Спросил Марк у короля эльфов. Тингол покачал головой.

— Не держи на них зла. — Мелиан посмотрела на мужа. Затем перевела взгляд на нас с Марком. — Мы, валары и майары — жизнь этого мира, но и Арда — наша жизнь. За ее пределами мы перестаем быть тем, что мы есть, и так будет до тех пор, пока не исполнятся судьбы Арды, и Песнь Айнуиров не придет к завершению.

Я кивнул — больше в такт своим мыслям, чем словам Мелиан. Значит, вне пределов своих миров отраженческие божки жить не могли. Владычица принадлежала к тому же типу существ, что и Моргот, хотя и

была рангом пониже. Идея запустить кого-нибудь из них — Моргота или Мелиан (а возможно, и обоих) — в Сломанный Лабиринт и посмотреть, что из этого выйдет, накрылась медным тазом. Жаль... Но, может быть, это и к лучшему. Если бы отраженческие божки могли существовать вне своих миров, мы, бессмертные, рано или поздно столкнулись бы с очень большими проблемами. Независимо от того, кто первый из нас додумался до того, чтобы использовать отраженческих божков в качестве своих союзников.

Хотя моя идея превратить существ вроде Мелиан или Моргота в свое супер-оружие провалилась, даже не начав осуществляться, я не слишком жалел об этом.

...Это было очень мрачное место. Здесь было холодно, и воздух пропах дымом и страхом. Черные скалы с заснеженными вершинами вонзались в небеса. Пелена облаков была настолько плотной, что солнце никогда не освещало этот сумрачный край. Земля мрака и теней, цитадель зла за выжженными равнинами Анфауглифа... Я подумал, что раз уж я здесь, не мешало бы сделать пару фотоснимков — на память.

Я брел по дороге, что вела к воротам высокого черного замка, и потихоньку начинал сомневаться в разумности своей затеи. Периодически мне попадались отряды орков, но они не обращали на меня никакого внимания, поскольку я и сам в данный момент носил личину орка. Иногда меня тормозили патрули. Им я сообщал, что возвращаюсь с докладом по поводу особо важной миссии, лично возложенной на меня Ба-Багыром.

Я понимал, что меня могут опознать по запаху, и поэтому время от времени обновлял заклинание, имитирующее орочью вонь. Марк предлагал не полагаться на магию, а глубже войти в выбранную роль и даже готов был лично вызвать из Отражений бочку с дерьмом, в которой я должен был искупаться, но я отказался от этого предложения. Не стоило чересчур увлекаться актерской игрой.

Разминувшись с группой закованных в кандалы пленников, сопровождаемых охраной, глумившейся над своими подопечными всевозможными способами, я проник за ворота и огляделся. Замок был еще далеко. Жилище Моргота было окружено тройным кольцом стен, между которыми беспорядочно громоздились бараки, склады и здания, назначение которых было мне неизвестно. Вторые ворота, охраняемые троллями, я тоже миновал без проблем. Третьи ворота стерегли два демона. Я решил, что пора раскрыть свое инкогнито и снял личину.

— Доброй ночи. — Сказал я. — Не могли бы вы...

Мне не дали договорить. С бешеным воем охранники ринулись ко мне.

Мои рефлексы сработали раньше, чем я понял, что на меня напали.

Я шагнул вперед и вправо — так, чтобы туша одного из демонов закрыла меня от другого. Демон попытался нанести удар зазубренным черным мечом, но я вцепился в его кисть, вывернул и изо всей силы толкнул в сторону второго. Второй демон, в этот момент также пытавшийся достать меня клинком, в результате едва не покалечил своего товарища. Когда они столкнулись, возникла короткая заминка, и я у меня наконец появилась возможность вытащить из ножен свой собственный клинок. Стоять на месте и ждать, пока на меня снова нападут, я не стал и вместо этого атаковал сам. Первый демон уже успел подняться с земли. Отбив его меч далеко вверх, я вогнал свой клинок демону в брюхо, после чего рванул рукоять вверх и вбок. Мой противник захрипел и обмяк. Минус один. К сожалению, я замешкался, высвобождая клинок из его туловища, и если бы не кольчуга, не исключено, что этот бой стал бы для меня последним. Второй демон обошел своего умирающего товарища, и со всей дури ткнул меня мечом в бок. У меня не было времени, чтобы оценить повреждение — в этот момент я наконец-таки вырвал собственный меч из тела издыхающего демона, и продолжил движение, одновременно разворачиваясь и приседая. Демон заносил клинок для нового удара, и опустить меч для того, чтобы защитить собственные ноги, он просто не успел. Не успел он и отпрыгнуть. Сопротивления удару я почти не почувствовал — понял только что попал. Плеснуло красным, на мое лицо попало несколько теплых капель, демон стал заваливаться на бок — в то время как его уродливые ноги с длинными когтями остались стоять на месте. Я выпрямился и колющим ударом в грудь добил демона. Вытер лицо краем плаща. Огляделся.

Хотя бой был недолгим, мы успели привлечь внимание орков. В меня полетели стрелы и копья. Выныривая из всех щелей и очень быстро собираясь в толпу, орки готовились взять меня в кольцо. Появились и ангбандские волки. Поначалу они хотели закончить то, что не удалось Кархароту, но когда я долбанул ближайшую гадину знаком Лабиринта, решили слегка повременить. Толпа быстро густела.

— Провести тебя? — Забеспокоился Марк.

Он поддерживал со мной постоянную связь с тех пор, как за моей спиной остался Анфауглиф. Мы решили так с самого начала — я веду переговоры с Морготом, а папа держит контакт, готовясь в случае чего вытащить меня из той задницы, в которую я так упорно лез.

— Спокойненько, батьку. Усе под контролем.

Я зачитал заклятье полета и поднялся в воздух, на прощанье послав оркам и волкам воздушный поцелуй. Опускаясь за третьими воротами, я услышал за спиной яростные крики и разочарованный волчий вой. Естественно, ворота закрывались изнутри, и следом за мной эта орда пройти не могла. Любая система безопасности имеет свои изъяны.

Воспользовавшись короткой передышкой, я отключил заклинание, имитирующее орочью вонь, и осторожно потрогал рукой бок, по которому попал меч демона. Несколько звеньев кольчуги было разрублено, но ребра, кажется, уцелели.

Перед цитаделью пролегла широкая трещина, освещенная, как и положено, мрачным багровым светом, сочившимся откуда-то снизу. Через трещину был переброшен мост. На мосту стоял барлог — двадцатифутовый огненный демон.

Когда я вступил на мост, он вытянул в мою сторону меч. Вдоль лезвия затанцевали языки огня. Я поднял руки и остановился.

— Передай своему хозяину, что я хочу с ним поговорить.

Гипертрофированный огненный элементаль молчал, наверное, с минуту. Он не думал — если бы он думал, уверен, я мог бы вызвать из Отражений раскладушку и спокойно вздремнуть до тех пор, пока расплавленные куски лавы в его голове не приняли бы, наконец, форму одной-единственной извилины. Но, к счастью, принимать решение должен был не он. Сила, сконцентрированная вокруг Тангородрима, проникла в стоявшего передо мной демона настолько глубоко, что ему даже не нужно было подниматься к боссу, чтобы сделать доклад. Спустя минуту пришла ответная пульсация силы.

— Иди за мной. — Прогромыхал барлог, повернулся и пошел по мосту. Я бодро двинулся следом.

Под черным-пречерным небом... на черной-пречерной горе... за черными-пречерными воротами... стоит черный-пречерный замок... в котором есть черный-пречерный зал... там высится черный-пречерный трон... на котором сидит черный-пречерный властелин...

Концентрация энергии в черном-пречерном зале была просто чудовищной. Полагаю, когда сюда приводили пленных людей и эльфов, они ощущали воздействие этой силы на себе как непереносимое давление. Я был слеплен из другого теста, но даже меня затошнило. Поэтому я вызвал Лабиринт — наш ответ Чемберлену. Сияющий знак поплыл передо мной, разгоняя всю эту муть. Сразу стало значительно легче дышать.

Энергия, наполняющая это место, концентрировалась в высокой

фигуре, восседающей на не менее высоком троне. Какого цвета были трон и фигура, я уже упоминал. Не стану повторяться. У меня вообще возникло ощущение, что если бы не рота барлогов, вытянувшихся вдоль стен, то хрен бы я в этом черном-пречерном зале что-нибудь увидел.

— Ты хотел поговорить со мной. — Произнес Моргот. — Говори.

Голос Темного Владыки вполне соответствовал прочему антуражу — то есть был низким, властным, тяжелым и злым. Я отметил, что в помещении, должно быть, хорошая акустика — голос Моргота мгновенно заполнил собой все пространство и продолжал гулко звучать еще некоторое время.

— Здравсте и все такое. — Бодро начал я. — Буду краток. Я путешественник из другого мира. У меня к вам деловое предложение. Я слышал, что вы добились выдающихся успехов на поприще генной инженерии. Я бы хотел приобрести у вас несколько драконов — или, возможно, их яйца, если вы не хотите расставаться со взрослыми особями.

— Что ты можешь предложить за них, — Моргот усмехнулся, — путешественник из другого мира?

— Магию.

Я знал, что, скорее всего, Мелиан права, и я не смогу научить Моргота нашим приемам колдовства — равно как и сам никогда не смогу освоить те способы работы с энергией, которые использовали валары и майары. Я решил начать с малого, и посмотреть, как поведет себя Моргот.

— Покажи, на что способна твоя магия. — Приказал он.

Я пожал плечами и применил заклинание таранного удара на одной из колонн, поддерживающих свод. Сила заклинания была приблизительно равна попаданию четырехсотмиллиметрового снаряда, но, поскольку сама колонна была диаметром в пять метров, она, конечно же, устояла. Каменное крошево брызнуло во все стороны, а в колонне образовалась здоровенная впадина.

Но Моргота это не впечатлило.

— И это все, на что ты способен? — Презрительно спросил он.

— Дело не в силе заклинаний, — попытался объяснить я очевидные, с моей точки зрения, вещи. — Силой вы можете наполнить их сами. Дело в принципе, в методике их составления. Я могу обучить вас этой методике, если вы согласитесь отдать мне несколько драконьих яиц.

— Вот как? — На холодном, бездушном лице прорезалась усмешка. — А зачем мне это?

— Чтобы...

— Зачем мне делиться с тобой, — продолжил Моргот, — если я и так

могу получить то, что хочу?

— Не понял.

— Скоро поймешь. — Пообещал он. — Через несколько дней ты станешь умолять меня о том, чтобы я разрешил тебе рассказать все, что ты знаешь. Взять его!

Барлоги перестали подпиравать стены и дружно двинулись ко мне. Я посмотрел на Моргота.

— Ты идиот. — Сказал я ему. — Только что ты подписал себе смертный приговор. Арривидерчи... Марк, проводи меня!

Эх... Лучше бы я ушел сразу, не теряя времени на последнюю красивую фразу! Я потянулся к Марку, но в этот момент со стороны черного трона в меня полетел энергетический импульс такой силы, что я сразу понял, почему Моргота не впечатлили мои упражнения с заклятьями. Меня впечатало в стену, потом поволокло обратно. Контакт прервался. Меня подняло в воздух. Я почувствовал себя пустой пачкой из-под сигарет, которую сминает рука великана. Я увидел лицо Моргота — Темный Вала улыбался. Похоже, чужие мучения — последнее, что еще могло доставлять ему радость в этом мире. В другой ситуации я бы только порадовался тому, что даже в унылой жизни Темного Властелина есть место для своих маленьких удовольствий, но сейчас я находился не в том положении, чтобы сопереживать чужому счастью. Я снова сконцентрировался на Лабиринте и ударил им по той силе, которая изливалась на меня с трона. Полагаю, Моргот слегка удивился, потому что давление исчезло, и я упал на пол. К сожалению, в этот момент подросли барлоги. Они были мощными демонами, но в скорости мне уступали. Уворачиваясь от клинков и бичей, я воткнул собственный меч одному из них в брюхо. Больше ничего сделать я не успел, поскольку Моргот взялся за меня всерьез. На меня обрушилась вторая волна его силы, и мне стало даже еще хуже, чем в первый раз. Я снова сосредоточился на Знаке, но я не мог одновременно рубиться с барлогами и защищаться от магии отраженческого божка. Меня несколько раз ударили, скрутили, и один из барлогов поставил мне ногу на грудь. Теряя сознание, я ощутил начало слабого контакта. Марк пытался пробиться ко мне. Но у меня уже не было сил, чтобы ответить.

Я провалился в беспамятство, а когда пришел в чувство, то горько пожалел об этом. Я находился в пыточной камере Тангородрима, и последующий период времени палачи Моргота уделяли мне самое пристальное внимание. Я провел там три или четыре дня, но по моим субъективным ощущениям прошло, как минимум, три или четыре года.

Вряд ли тебя интересуют эмоции человека, которому дробят кости, растягивают на дыбе, пытаются каленым железом и прочее в том же духе. Поэтому опустим все это. Марк неоднократно пытался связаться со мной, но я слишком часто терял сознание, чтобы суметь удержать контакт.

Потом на какое-то время меня все-таки оставили в покое. Палачи казались обеспокоенными, и Моргот перестал меня допрашивать. Меня бросили в грязную, завшивленную камеру. Не знаю, сколько я провалялся в отключке. Как только что-то стало проясняться, я ощутил контакт. Рискую в любую секунду потерять сознание, я потянулся... и упал в объятия своего отца. Когда он обнял меня, я захрипел от боли. Сломанных костей в моем теле было не меньше, чем целых. И это — всего лишь за четыре дня работы! Да, в пыточных камерах Тангородрима работали настоящие профессионалы.

— Врача! — Заорал Марк. — Да побыстрее, черт бы вас побрал!..

Сквозь кровавую муть, стоявшую перед глазами, я увидел многочисленные шатры и понял, что мы находимся в военном лагере. Любопытнее всего было то, что этот лагерь был расположен прямо под стенами Ангбанда. Очевидно, батя привел одну из своих армий в Тангородрим для того, чтобы отвлечь Моргота и получить, наконец, возможность со мной связаться. Я искренне порадовался его удаче. СВОЕЙ удаче, если быть точным.

Вместе с тем я понял, что в лагере происходит что-то не то. Стоял невообразимый гам. Что-то горело. Солдаты — которые должны быть спокойными и дисциплинированными — метались туда-сюда. Справа и слева на лагерь с небес изливалось нечто, больше все походившее на два огненных фонтана. И эти фонтаны довольно живо двигались в нашу сторону.

Врач так и не появился, но батя, похоже, решил забить болт и на медицину, и на собственное войско. Он быстро достал карты и козырнул прежде, чем два потока пламени, изрыгаемые драконами, сошлись в том самом месте, где мы стояли.

Прежде чем в очередной раз потерять сознание, я еще успел увидеть кровать, тумбочку, подсвечники и зеленовато-серые стены пещеры. Заметив розовые лепестки на полу и услышав тихую, берущую за душу музыку, я лишился всяких сомнений относительно того, куда мы перенеслись.

Мне пришлось проходить курс ускоренной терапии во второй раз, но, в общем-то, это было не самой большой платой за мою глупость. Большую

часть времени я спал, просыпаясь только для того, чтобы поесть. У членов нашей семьи всегда просыпается бешенный голод, когда они, побывав в передрыге, начинают идти на поправку. При включении регенерационного процесса обмен веществ у бессмертных ускоряется в несколько раз, вследствие чего повышается и аппетит.

Эльфам была выдана версия, гласившая, что я, как истинный благородный герой, поперся на север для того, чтобы в личном поединке сразиться с Морготом и избавить сей мир от зла. Эльфы мягко упрекали меня за неразумие, но во лжи нас с Марком не заподозрили. Меня просто умиляла их доверчивость. Впрочем, в их мире время от времени появлялись персонажи, выкидывавшие что-нибудь в этом роде — взять того же Финголфина, или Берена с Лутиэн — так что героизм тут был, можно сказать, в порядке вещей.

С Марком мы разговаривали мало — все и так было ясно. У отца было плохое настроение. Под стенами Ангбанда он потерял один из своих элитных корпусов — всего около двадцати тысяч солдат.

— Как ты думаешь, — спросил я его спустя две недели после своего освобождения, — если бы не драконы, ты бы сумел взять Тангородрим?

Марк пожал плечами. Затем, подумав, кивнул.

— Конечно, не такими силами. — Сказал он.

— Сколько бы тебе потребовалось?

— Тысяч пятьдесят. Может, сто.

— Вот как? Эльфы однажды уже осаждали Ангбанд. И армия у них, как я понимаю, была куда больше.

— Сынок, — Марк снисходительно посмотрел на меня, — я проверял: жители этого Отражения абсолютно не знакомы с современными осадными технологиями. Если мы оставим за скобками драконов, я расколю эту крепость за пару месяцев. И никакая магия не поможет этому долбанному отраженческому божку, если на стены его цитадели будут обрушиваться метательные снаряды весом в тонну. В количестве двухсот единиц в час. Но пока тут летают гигантские огнедышащие яшперицы, любая армия будет бесполезной. Я видел, на что они способны.

— Хмм... — Я потер подбородок. — А ты не пытался использовать аркбаллисты?

— Думаешь, ты один такой умный? — Папа мрачно усмехнулся. — Конечно, пытался. Нам даже удалось сбить одну тварюгу — кого-то из мелких, красного цвета, приблизительно двадцать пять метров в длину. Но это все, чем мы можем похвастаться, да и то, нам крупно повезло, что мы вообще в него попали. Шкуру взрослых особей могут пробить только

самые большие и мощные орудия. Но чтобы развернуть баллисту, необходимо время. А они, понимаешь, почему-то не хотят ждать, пока мы в них прицелимся. Они проносятся над лагерем, сжигая под собой все, дочиства. Не знаю, что у них за огонь, но по эффективности он не хуже напалма. Поздравляю, сынок! — Марк сжал кулак. — Ты придумал отличных, неуничтожимых созданий! Они настолько хороши, что твой отставший от жизни папаша вот уже третью неделю ломает себе голову над тем, как с ними справиться. Может, подскажешь? Ась?

Очевидно, из-за плохого настроения папа решил поюродствовать, но я не стал обращать внимания на его тон.

— Значит, из аркбаллисты шкуру не пробить...

— У взрослых — нет. — Повторил отец.

— Это хорошо... Сколько их?

— Золотой — самый крупный. Мы видели еще одного, поменьше. Не исключено, что есть еще несколько. С мелкими драконами смогут разобраться арбалетчики — или эльфийские стрелки — но что делать с крупными, я не представляю.

— А если стрелять по глазам? — Предложил я.

— Глаза у них расположены не снизу, а по бокам. В отличие от драконов, мои стрелки не умеют летать. Объясни мне, каким образом можно попасть в глаз дракона, если сам дракон пролетает над тобой на расстоянии ста метров? В лучшем случае ты попадешь ему в нижнюю челюсть. Учти также силу турбулентного потока, который они создают. Стрелой или арбалетным болтом попасть в глаз летящему дракону можно разве что по чистой случайности, но это один шанс из миллиона, даже если целиться будет батальон эльфийских стрелков. А если стрелять чем-нибудь потяжелее, возникает другая проблема, о которой я тебе уже говорил. Из аркбаллисты нам не всегда удастся попасть в самого дракона — что же говорить о том, чтобы попасть ему в глаз!

— Папа, — сказал я. — Ты слишком хороший полководец. Это тебе мешает. Взгляни на всю эту ситуацию немного шире.

Отец подумал. Через некоторое время он покачал головой.

— Не понимаю, о чем ты. Будь любезен, просвети своего старика. А то я ощущаю себя полным кретином.

— Они не могут находиться все время в воздухе. Они должны где-то отдыхать. Уверяю тебя, спят они не внутри замка.

— Ну-ка, ну-ка...

— Я думаю, они отдыхают в больших пещерах поблизости от Ангбанда. — Продолжал я. — Предлагаю действовать так. Сначала

проводим разведку — сколько всего крупных драконов и где они спят. У меня была мысль потренироваться на них в магии, но вспоминая мощь, с которой я столкнулся в Ангбанде, я прихожу к мысли о том, что пока жив Моргот, заколдовать его драконов не сможет даже Фиона. Кроме того, они сами, как мне кажется, должны обладать какой-то магической защитой. В общем, самых крупных придется, к сожалению, перебить и дальше работать с молодняком...

— Я еще не услышал, как ты собираешься их истреблять. — Напомнил Марк. — В пещере шестидесятиметровый огнедышащий ящер ничуть не менее опасен, чем на открытом пространстве.

— Но в пещере у него не будет возможности для маневра.

— Думаешь, дракон будет ждать, пока мы подтащим к пещере баллисту?

— Нет. Мы будем мочить драконов постепенно, в несколько этапов. Сначала, как я уже сказал — разведка, затем — небольшой отряд эльфов приводится через Отражения к нужной пещере. По одной стреле в каждом глазу — и дракон ослеплен. Отряд оперативно отходит на заранее подготовленные позиции. Затем эта процедура повторяется со следующим драконом. И так далее, до тех пор, пока мы не вычеркнем всех крупных. Затем мы приводим армию, осаждаем Тангородрим, выманиваем драконов из пещер и методично расстреливаем из тяжелых баллист. Без глаз летать они не смогут, а если и попытаются — им же будет хуже.

— Интересный план. — Похвалил меня Марк. — Но есть одна проблема. Эльфы говорят, что эти драконы и сами обладают какой-то магией. Вроде бы, они могут подчинять тех, кто находится поблизости.

Я пожал плечами.

— Можем сходить и вдвоем. Нас они не подчинят. Но я бы все-таки предложил прихватить с собой ударную эльфийскую группу. Я не бог весть какой колдун, но на время, необходимое для того, чтобы сделать два-три выстрела, сумею защитить десяток эльфов от драконьей магии.

— И от огня. — Напомнил Марк.

Вспомнив мощь огненной струи, исторгнутой Глаурунгом во время первой нашей встречи, я только вздохнул. Над заклинаниями, способными защитить от ТАКОГО, придется ОЧЕНЬ долго работать.

— И от огня. — Смирено повторил я. — На пару секунд — гарантирую.

\* \* \*

Подготовка к войне заняла около года. В предстоящей кампании Марк

собирался использовать не только людей, но и огров — у него было Отражение, в котором работала команда специалистов, занимавшаяся отловом и дрессировкой этих созданий. Отец решил, что его огры — достойный ответ Морготовым троллям. Кроме того, мы решили использовать огров и против ослепленных драконов, для чего вооружили их копьями, представлявшими собой, по сути, грубо обработанные стволы сосен с наконечниками соответствующего размера.

Не знаю, о чем думал Моргот, но он явно не ждал, что мы заявимся к нему в гости во второй раз. Мы обложили его грамотно, по всем правилам военного искусства. Перебили всех крупных драконов. Осада Тангородрима продвигалась медленно, но она продвигалась, и если бы не барлоги и демоны, закончилась бы очень быстро. Моргот сидел в своей цитадели и не высовывался. Периодически мы поднимали плакаты с оскорбительными надписями, касающимися интимной жизни владыки Тангородрима, но выманить Темного Валу за ворота нам так и не удалось.

Через месяц осады на помощь своему господину подтянулась орочья армия, до сих пор воевавшая на юге. Марк стер их в порошок. Затем с юго-запада подошли войска, с которыми до сих пор воевал Фингон, верховный король эльфов. Мы были готовы их встретить, и хотя вторая орочья армия была больше, чем первая, мы разгромили их значительно проще и быстрее, поскольку в разгар сражения эльфы Фингона ударили оркам в спину. Слухи о том, что на севере происходит что-то странное, уже распространились по всему Белерианду, и верховный эльфийский король, наблюдая отступление орков от границ своего королевства, решил последовать за ними и принять участие в осаде черной цитадели. Помощь Фингона была очень кстати, и мы не стали возражать против его участия в осаде. Через несколько дней после битвы подошла третья и последняя орочья армия, попортившая немало крови сыновьям Феанора на юго-востоке. Третья орочья армия отважно рвалась в бой, но, увидев, что мы сделали с первыми двумя армиями, благоразумно решила отступить. Фингон бросился за ними, и я, в сопровождении пятнадцати тысяч пехотинцев из Пиктляндии, составил ему кампанию. Орки убегали так быстро, что заметили закованных в железо нолдоров, которых привел Тургон из Гондолина на помощь своему брату только тогда, когда столкнулись с эльфами лицом к лицу. Завязалось сражение, мы с Фингоном навалились с тыла, и скоро от третьей орочьей армии ничего не осталось.

В подземельях Ангбанда за долгие годы скопилось немало сил, но в конце концов эти силы истощились. Закончились тролли, барлоги и

демоны. Крупные драконы были уничтожены, а мелкие попрятались по пещерам и не высывались. Орки, еще защищавшие Тангородрим, разбежались бы уже давно, если бы не воля Моргота, раз за разом посылавшая их на смерть. И вот, когда у Темного Вала не осталось больше слуг, и мы, развалив последние укрепления, подошли к цитадели, он, наконец, вышел из крепости. Сам. Он был закован в черные доспехи, и возвышался, как башня, увенчанная короной, а его громадный черный щит простирался подобно грозовой туче — все так, как написано в той книге. В руке его был Гронд, Молот Подземного Мира.

Мы были морально готовы к его появлению. Из самых крупных огров давно был сформирован ударный отряд, долженствовавший навалиться на Моргота с тем, чтобы задавить его массой. Но тут мой блестящий план впервые дал осечку, поскольку когда Моргот принялся размахивать своим молотком, огры начали отлетать от него быстрее, чем футбольные мячи. Эльфы дрогнули, и люди тоже. Все повисло на волоске. Мы с Марком переглянулись и поняли, что сейчас — самый подходящий момент для того, чтобы совершить подвиг. Обнажив оружие, потомки короля Корвина вышли на смертельный бой с отраженческим божком.

Когда Моргот бил и промахивался, происходило небольшое землетрясение. Промахивался он, впрочем, всегда, поскольку если Темный Вала и превосходил нас ростом и силой, то в ловкости и скорости мы не только ничем ему не уступали, но даже могли дать Валенку фору. Вдобавок, его отвлекали эльфы. У Моргота были отличные доспехи, но у эльфов были свои мастера, и поэтому через четверть часа Моргот начал напоминать подушечку для булавок. Впрочем, убить его таким образом было невозможно, и все это хорошо понимали. Не уверен, что его вообще можно было убить на этом Отражении, где он являлся одной из Стихий. Мы хотели максимально ослабить его, может быть даже — рассечь на несколько частей — после чего выкинуть в другой мир.

Мы прыгали как Мишки Гамми, но Моргот был неутомим. Первоочередная задача состояла в том, чтобы обезоружить Валенку, и нам с Марком даже удалось отрубить ему несколько пальцев. Валенок уже не сжимал рукоятку Гронда так уверенно, как в начале боя, но и мы притомились. Ситуация становилась критической. У меня несколько раз мелькнула мысль о том, что неплохо бы позвать еще кого-нибудь из наших, однако Моргот не собирался давать нам передышки. В конце концов ему удалось достать меня Грондом. Со скоростью пули я пролетел несколько десятков метров и врезался в стену цитадели. На мне были эльфийские доспехи, но от них после такого удара мало что осталось.

Моргот двинулся ко мне, и я понял, что его следующий удар будет для меня последним. Я не мог ни шевельнуться, ни встать на ноги. Моргот нехорошо улыбался.

Черт, а где же Марк? Вышел покурить?.. Мир начал стремительно темнеть, но тут я заметил папу, а также — радужное свечение рядом с ним. Когда из свечения выбралась массивная фигура Жерара, на сердце у меня сразу стало легко и спокойно.

«Жерар его заламает.» — Подумал я перед тем, как потерять сознание.

...Приходя в чувство и ощущая аромат цветов, я уже знал, что увижу. Да-да, это опять были они — до боли знакомые покои в Менегроте. Тихой музыки я не услышал, но, возможно, придворные Тингола и Мелиан разучивали какую-то новую композицию.

Полог откинулся, и в комнату вошел улыбающийся Жерар. Левая часть его лица представляла собой один сплошной синяк, но в остальном он был в порядке.

— Что с Морготом? — Спросил я вместо приветствия.

Жерар сжал кулак и показал большим пальцем вниз.

— Вы выкинули его в другое Отражение? — Продолжал допытываться я.

Жерар кивнул.

— Спасибо. — Выдохнул я, успокаиваясь. — С меня причитается.

— Да брось ты. — Мой самый сильный и самый добродушный дядюшка махнул рукой и сел в кресло рядом с кроватью. Вытянул руки в стороны и с удовольствием хрустнул костями. — Славная была драка.

— Да уж, представляю. Жаль, что я так рано выключился.

— Ты давай, поправляйся. Может, принести чего? Апельсинов там, к примеру?

— Чуть позже. Что с Сильмариллами?

— За камни можешь не беспокоиться. — Раздался папин голос с порога.

Марк вошел в комнату и я увидел, что у него перебинтована голова, а левая рука висит на перевязи.

— Местные готовы перегрызть за них друг другу глотки. — Сказал Марк. — Возможно, магия, заключенная в них, заставляет отраженцев добиваться их. По мне — камушки как камушки, разве что светятся... Пока я припрятал Сильмариллы в сейфе в другом Отражении. Придешь в норму — отдам тебе. Ты у нас колдун, ты и думай, что с камушками делать.

— Это Отражение Артура? — Спросил Жерар у Марка. Отец кивнул.

— Я могу и сам ответить. — Пробурчал я. — Да, я претендую на этот мир. И настоятельно прошу тебя, дядюшка, никому о нем не рассказывать.

— Ладно. — Жерар усмехнулся. — Но, надеюсь, ты хотя бы не станешь оспаривать мой военный трофей.

Я насторожился.

— Какой еще трофей?

— Молот божка.

— Гронд?

— Он так называется? Хочу оставить его себе в качестве сувенира.

Я облегченно перевел дух.

— Конечно. Забирай на здоровье.

Жерар улыбнулся и подмигнул. Если бы он знал, для чего я собираюсь использовать военную мощь этого Отражения, уверен, он был бы далеко не так дружелюбен.

Отлеживаясь в Менегроте, я думал о том, что на Отражении Белерианд потерял крови больше, чем за всю свою предыдущую жизнь. Но я не жалел об этом. Хотя в Белерианде за сравнительно короткий срок меня три раза едва не укололи, когда придет время, драконы окупят сторицей все мои страдания. Я размышлял о том, какую политику проводить, как объяснить эльфам, почему ни в коем случае нельзя добивать последних драконов, как озеленить Анфауглиф, и как быть с Сильмариллами. Попутно я пришел к мысли о том, что неплохо было бы подарить аваллонскому зоопарку живого барлога, и пожалел, что во время осады не догадался захватить ни одного барлога в плен. Может быть, где-нибудь в подземельях Ангбанда еще скрывается парочка этих огненных созданий? Хотелось верить, что мне удастся обнаружить их раньше, чем они вылезут на поверхность и попадут под прицельный огонь эльфийских стрелков.

От этих мыслей меня оторвал ментальный контакт. Полагая, что меня ищет заскучавшая Ида, я ответил. Но это была не моя ученица.

Крис стоял в одном из закутков аваллонского дворца. Он тяжело дышал, а в правой руке сжимал меч.

— Что... — Начал было я.

— Марк с тобой? — Бросил Крис вместо приветствия.

— Эээ... В общем, да.

— Почему он не отвечает на контакт?

Я пожал плечами и тут же пожалел об этом. Не надо было шевелиться. Темный Валенок врезал мне от души.

— Он моется.

Я не стал добавлять, что когда Марк и Жерар пошли купаться, каждого из них сопровождало — судя по голосам, доносившимся из коридора — не менее двух-трех эльфиек. Можно было держать пари: ни того, ни другого нельзя будет вызвать по картам в течении следующего часа. Бессмертные хотели расслабиться после тяжелого боя. Их можно было понять.

— Что случилось? — Быстро спросил я, потому что Крис, вполголоса ругаясь, явно собрался прервать контакт. — Ты где, в Аваллоне?

Крис кивнул.

— Передай отцу: пусть вытаскивает свою задницу из ванной и немедленно связывается со мной. Все, отбой.

— Подожди! Что там у вас?! Нападение?.. Что происходит?!

— Джинна устроила переворот. — Проинформировал меня дядя. — Джулия мертва, и Мордред, скорее всего, тоже. Пока. — И он отключился.

— Проклятье! — Процедил я, делая неуклюжую попытку встать на ноги. — Папа, где ты?! Папа! Нас опередили!..

# Книга II

## Барабаны судьбы

### 1

— Артур, — сказала Джинна. — Тебе не стоило этого делать.

Я скривился. От ударной дозы обезболивающих кружилась голова. По всему телу была разлита омерзительная слабость, а на лице выступила испарина. Больше всего на свете мне хотелось лечь на пол и закрыть глаза. Может быть, мне даже удалось бы заснуть. К сожалению, я не мог позволить себе такой роскоши.

Марк подтащил кресло, в которое я и рухнул. Не смотря на свое крайне паршивое состояние, я заметил, как внимательно наблюдают за моим отцом воины Джулии. Именно «воины», или даже — «воители». Назвать этих ребят «солдатами» у меня не поворачивался язык.

Их было около сотни, и всех их Джинна провела во дворец по карте. Дворцовая стража Аваллона состояла из профессионалов, которых, вдобавок, было в несколько раз больше, чем нападавших. Но воины Джинны — молчаливые хмурые парни в черных доспехах — удивили даже Семью. Они прошли через стражу, едва заметив ее, и за считанные минуты заняли дворец. На Каине они споткнулись, но Каин был один, а их много. Джулиановскому сынку удалось убить нескольких нападавших, потом его серьезно ранили и едва не отправили на тот свет. Однако кто-то сумел утянуть Каина по карте, избавив его, таким образом, от пленения или смерти. По крайней мере, так рассказывал Крис. Для него самого вторжение также явилось полной неожиданностью, но, поскольку он не стал оказывать Джинне сопротивления, она его не тронула. Даже оружие не отобрала.

Марку, пришедшему во дворец вместе со мной, оружие также было оставлено. Защищать права Мордред на трон Марк не стал бы ни при каких обстоятельствах. И хотя у моего отца и у моей кузины Джинны были разные взгляды на то, кто должен носить корону, настоящей вражды между ними никогда не было. Джинна полагала, что Марк не станет нападать на нее и сейчас, хотя лично я на ее месте не был бы так уверен. Узнав о перевороте, Марк немедленно предложил устроить перепереворот. Мне с

трудом удалось отговорить отца от этой затеи. Следующая «хорошая мысль», которая пришла в голову Марку, заключалась в том, чтобы женить меня на Джинне. У меня уже не было сил с ним спорить, и я просто предложил переместиться во дворец и взглянуть на то, что там происходит, своими глазами.

Не исключено, что предложение насчет женитьбы было шуткой. Но мне было настолько паршиво, что я полностью утратил чувство юмора.

— Артур, — мягко повторила Джинна, — мне очень приятно, что ты здесь, но, право же, тебе лучше прилечь. Ты не в таком состоянии, чтобы...

— Ты думаешь, я заскочил сюда для того, чтобы выразить тебе свою верность? — Усмехнулся я. — Ошибаешься. Я пришел, чтобы взглянуть на трупы. Где они?

— О чем ты? — Джинна пожала плечами. — Какие именно трупы тебе нужны?.. Мы не тронули твою горничную, если ты об этом...

— Черт с ней, старушку давно пора было уволить!.. Я хочу увидеть трупы Фионы, Мордреда и Джулии. Где они?

— а! Ну что ж, пойдём...

Скрипнув зубами, я кое-как, с папиной помощью, встал на ноги. Джинна направилась в коридор. Опираясь одной рукой на костыль, а другой — на плечо Марка, я заковылял следом.

К счастью, далеко ходить не пришлось. Пустое пространство внутри одной из башен Джинна использовала для складировки покойников. Джулия лежала в сторонке. Если бы не платье, я бы ее не узнал — так была изуродована наша королева. Бывшая королева.

Внимательно осматривая покойницу — проявляя не больше стыдливости или брезгливости, чем любой заслуженный работник морга — я услышал, как за моей спиной Джинна сказала Марку:

— У тебя рука на перевязи. У Артура вид, как будто он вот-вот упадет в обморок. Где вас так здорово отделали?

— Понимаешь, — доверительно сообщил Марк, — мы осваивали горные лыжи. Артур оказался любителем рискованных маршрутов, но опыта у него еще маловато, и он не вписался в поворот...

— Да-а?.. Да что ты говоришь!..

— Он упал в пропасть и мне пришлось прыгать за ним. Мы несколько раз ударились об скалу, но в конце концов мне удалось достать карты и мы чудом сумели избежать гибели...

— Потрясающая история. — Искренне восхитилась Джинна. — Да, правда. Такое редко услышишь. Жаль только, что в ней есть одна неувязка. Зачем тебе понадобилось прыгать за ним? Не проще ли было достать карту,

установить контакт и вытянуть Артура к себе?

Папа долго молчал.

— Черт, — сказал он с сожалением. — Ошибка. Тогда давай так: Артур свалился в пропасть, я достал его карту, он перешел ко мне, но я поскользнулся...

— На банановой кожуре? — Иронично уточнила Джинна.

— Ты знала. — Укоризненно заметил папа. — Не ты ли ее туда подложила?

— А кто же еще?.. — Хмыкнула Джинна. — Эй, Артур! Ты еще долго будешь возиться с покойницей? У тебя что, проснулась склонность к некрофилии? Тогда мы выйдем...

— Все шутишь, кузина. — Пробурчал я, пересчитывая Джулии зубы. — Смотри, дошутишься...

Если это была не настоящая королева, а ее двойник из Отражений, некоторые мелкие детали могли и не совпадать. Одно из любимых развлечений в нашей семье — подсунуть родственничкам свой еще не остывший труп. Пусть родственнички друг друга перережут, выясняя, кто это сделал. А «труп» в это время сидит за сценой, наблюдает за возней и спокойно снимает банк.

Потом я вспомнил, что не знаю, сколько зубов было у настоящей Джулии, и приуныл. Я даже не знал, из какого она Отражения. Похоже, все мои попытки идентифицировать данный труп ни к чему не приведут.

Я вытер руки об штаны — платье королевы было полностью заляпано ее же собственной кровью — и с мрачным видом повернулся к Джинне и Марку.

— Ну что, — поинтересовалась кузина, — удовлетворил свои извращенные наклонности?

— Вполне. Ты уверена, что это именно Джулия?

— На сто процентов. Если, конечно, нам изо дня в день не подсовывали ее двойника. Она была убита за обедом. Даже не успела встать из-за стола.

— А Мордред успел? — Спросил Марк.

Джинна поморщилась.

— Успел. — Призналась она.

— Где он?

— Ушел. Кто-то вытянул его по карте. Но перед этим его несколько раз ударили мечом, и он мог скончаться уже на той стороне...

— Я бы на твоём месте на это не рассчитывал. — Укорил племянницу Марк. Джинна пожала плечами.

— А что с Фионой? — Спросил я.

Снова последовало плечепожатие, означающее, что то, что должно было быть сделано, сделано не было. Мне захотелось придушить Джинну.

— Давайте вернемся в гостиную. — Предложил Марк.

Я почувствовал, что вот-вот упаду. Вцепившись в костыль, я ждал, пока не пройдет приступ головокружения.

— Артур, ты... — Забеспокоилась моя кузина.

— Все нормально.

— Тебе бы прилечь. — Предложил папа.

— Потом. — Я посмотрел на Джинну. — Да, сестренка, хорошую кашу ты заварила. Даже не представляю, как тебе помочь.

— В чем? — Джинна приподняла бровь.

— В сохранении твоей жизни, конечно.

— Если бы ты видел себя в зеркало, Артур, то понял бы, что помощь нужна не мне, а тебе.

— Ошибаешься. Я выкарабкаюсь. А вот у тебя серьезные проблемы. Я не представляю, на что ты рассчитываешь.

— Ладно. — Джинна стала серьезной. — Если мы об этом заговорили, давайте выясним все здесь и сейчас. Вы поддержите меня в борьбе за трон?

— Нет. — Произнесли мы с отцом почти одновременно.

— Значит, Крис тоже нет. — Подвела Джинна итог. — Но, надеюсь, вы не собираетесь становиться на сторону Ублюдка?

— Окстись. — Буркнул Марк.

— Тебя убьют и без нашей помощи. — Уверенно заявил я.

Джинна прищурилась.

— Ты так считаешь?

— Ага. Подумай сама. Кто-то вытащил Мордреда. Скорее всего, это была Фиона. Сейчас она уже лечит своего сына на каком-нибудь Отражении с быстрым течением времени.

— Плевать. Я не боюсь их.

— Напрасно. Когда Мордред поправится, он сделает свой ход.

— Жду с нетерпением. Я давно хочу отправить Ублюдка на тот свет. Он убил моего отца и Роберта...

— ...а также Эльганта, Корал и одного парня из Хаоса. — Я покачал головой. — Это не имеет абсолютно никакого значения. Сейчас король — Мордред, и Семья будет на его стороне.

— Не все. — Возразила Джинна.

— Большинство. Не знаю, с кем ты успела договориться, а с кем — нет, но, думаю, у тебя не так много союзников. С тобой еще не связывался Жерар?

— Нет. Не знаешь, где он?

— Знаю. Когда Крис сообщил о твоей авантюре, Жерар был с нами. Как ты думаешь, что он сделал затем?

— Скажи мне.

— Достал карту Фионы и растаял в воздухе. А теперь угадай, на чьей стороне он будет?

— Это не имеет значения... — Сказала Джинна, но я ясно ощутил в ее голосе сомнение.

— Жерар — поклонник закона. — Озвучил Марк то, что мы и так знали. — Племяша, он искренне тебя любит, но он не станет поддерживать мятеж.

— Он выступит на стороне Мордредра, — добавил я, — и тебе, даже в случае успеха, придется перешагнуть через его труп на пути к трону.

Джинна закусила губу.

— Он признает меня, если...

— Брось! — Я хотел пренебрежительно махнуть рукой, но затем прикинул, каких это движение потребует усилий и решил, что не стоит. — Ты упустила свой шанс. Если бы рядом с Джулией я увидел головы Фионы и Мордредра, поверь, я бы первым признал тебя законной королевой. — В глазах Марка мелькнуло легкое удивление, которое, впрочем, тут же исчезло: папа сообразил, что далеко не все, что я говорю Джинне, является правдой. — Но в данной ситуации мы с Марком будем в нейтрале, а всякие борцы за справедливость вроде Жерара присоединятся к Мордреду. Даже в случае твоего успеха кроме Жерара тебе придется убрать еще его дочь, Диану — исключительно ради собственной безопасности. Ведь если Жерар погибнет, Диана захочет отомстить, правильно? Понятное дело, тебе придется убить Джулиана и Каина, поскольку уж они-то точно будут на стороне Мордредра. К ним наверняка присоединится Саймон, а значит — и Оттон. Еще два трупа.

— И что? — Холодно спросила Джинна. — Ты полагаешь, меня это остановит?

— Ты просто... — Я еле сдержался, чтобы не назвать ее полной дурой. — ...не умеешь стратегически мыслить. Ты хороший тактик — иначе тебе не удалось бы захватить дворец — но ты не стратег. Подумай, что будет дальше. Загляни вперед не на один-два хода, а на три-четыре.

— Не люблю шахматы.

— Оно и видно. Даже если тебе каким-то чудом и повезет и ты убьешь Мордредра, Фиону, Джулиана, Каина, Жерара, Диану, Саймона и Оттона, а также всех, кто посмеет к ним присоединиться — подумай, сестренка: кто

тебя после этого признает? Я? — Я покачал головой. — Ну уж нет. Так же подумают и остальные. Те, кто останутся в живых. У Мордредра руки в крови, но он всегда умел обходиться минимальными жертвами. Никому в Семье не нужен король — или королева — которые для того, чтобы компенсировать собственное неумение планировать, готовы наворотить гору трупов. Поэтому никто тебя не признает. Хочешь править в гордом одиночестве?

Джинна хотела сказать что-то язвительное, но Марк не дал ей открыть и рта.

— А если заглянуть вперед еще на один ход, — улыбаясь, сказал мой отец, — то получится совсем замечательно. Тебя не признают, а значит, выберут кого-то другого. И Семья дружно объединится вокруг нового кандидата. А кто у нас там следующий в очереди на наследство?

Они с Джинной переглянулись. У кузины дернулась мышца на щеке. Папа продолжал безмятежно улыбаться.

— Результатом всех твоих усилий явится то, что корону возложат на мою голову. — Подвел он итог.

— Ты не боишься говорить мне это здесь и сейчас? — Ледяным тоном осведомилась Джинна.

— Нет. Потому что если ты убьешь еще и меня, королем станет Артур. А если и его не будет — смотри по списку, кто следующий. Но в любом случае — это будешь не ты.

— Я не хочу ссориться ни с тобой, ни с Артуром. Мне всегда казалось, что у нас хорошие отношения...

— Да, это так. — Кивнул Марк.

— Именно поэтому мы и завели этот разговор. — Подтвердил я. — Если бы мы руководствовались одной только выгодой, мы бы молча постояли в сторонке. Я хочу, чтобы королем стал мой отец, но не такой ценой. Не через твой труп. И ты, я уверен, если Марку когда-нибудь удастся захватить власть, не станешь охотиться на него. Но сейчас ты лезешь в петлю. Собственно говоря, ты уже в ней. Ты просто еще не поняла, что последует дальше.

Джинна долго молчала. Я опустил на один из трупов.

— Ничего, если я тут посижу?

— Может, вернемся в гостиную? — Предложила Джинна. — Хотя тебе лучше сразу в кровать...

— Мы тут не задержимся. — Возразил я. Перевел взгляд на Марка. — Ты знаешь какое-нибудь Отражение, где время течет очень быстро?

Марк кивнул.

— Есть такое. Хочешь побыстрее поправиться?

— Угу. Неохота валяться на койке, когда вокруг такое твориться.

— Разумно. — Марк начал копать в своей колоде. — Черт, где же она... Ага, вот! Через три недели ты будешь на ногах, а по времени Аваллона пройдет лишь день. Надеюсь, пока мы будем отсутствовать, здесь больше никого не убьют.

Последние слова предназначались Джинне. Кандидатка в королевы кисло улыбнулась.

— Надейтесь.

Марк подошел ко мне, помог встать, после чего взгляделся в карту. Сквозь радужное свечение я бросил последний взгляд на Джинну. Интересно, на что она рассчитывала? Нет, ну в самом деле, на что?.. Ведь должна же была она, идя на эту авантюру, иметь какие-нибудь козыри в рукаве...

Седьмое чувство (если считать шестым интуицию), которое давало мне возможность ощущать ткань Отражений и работать с ней, также позволяло оценивать расстояние до Лабиринта и безошибочно определять направление, в котором нужно было двигаться, чтобы попасть в Аваллон. Сейчас это чувство сообщало, что мы с Марком оказались в мире, от Аваллона весьма отдаленном.

Здесь не было ни людей, ни животных, ни растений — вообще никакой живности. Сланцевые скалы, развернутые в одну и ту же сторону, чередовались с трещинами, из которых вырывался белый пар. Небо было тускло-молочного цвета, а солнце, хотя и перемещалось по небу, никогда не заходило за горизонт. Временами в небе возникали красивые миражи.

У Марка тут был склад со всеми необходимыми принадлежностями для длительного времепребывания: палатка, консервы, вода и медикаменты.

— Как ты думаешь, — спросил я у отца, — кто поддержит претензии Джинны?

Марк пожал плечами.

— Честно говоря, не знаю. Джинну любят все — кроме, естественно, сторонников Мордреда. Всем импонирует то, что она и не думает скрывать свои симпатии и антипатии. В отличие от большинства членов Семьи, Джинна — никудышная интриганка и в этом отношении весьма напоминает Жерара. У которого тоже со всеми хорошие отношения именно по причине его прямоты.

— Да, это редкое качество. Если это, конечно, не искусная игра.

— Не думаю. Я знаю Джинну с детства.

— Она всегда рвалась к власти?

— Ну... — Марк задумался. — Скажем так: она всегда считала, что на троне должна сидеть она, а не Мордред.

— Странно, что Мордред ее не убрал.

— Полагаю, он никогда не считал ее по-настоящему опасной. Впрочем, я тоже никогда не думал, что она будет способна выкинуть такой фортель. — Марк покачал головой.

— И все-таки, кто, по-твоему, к ней присоединиться?

Марк молчал почти минуту.

— Может быть, Раймонд. — Сказал он. — Наверняка — Эрнил и Майра.

— А значит, и Льювилла.

Марк кивнул.

— Кто еще?

— У нее хорошие отношения с Дианой, — Марк вздохнул, — но в такой ситуации Диана, конечно, будет с отцом. А Жерар на стороне Мордреда.

— На стороне Мордреда, на стороне короны или на стороне Джулиана и Фионы? — Решил уточнить я.

— Второе и третье. — Не задумываясь, ответил Марк. — Естественно, старшее поколение привязано друг к другу больше, чем к нам, потомкам Корвина. Кстати, учитывая все эти соображения, можно предположить, что Льювилла предпочтет остаться в стороне.

— Даже не смотря на то, что ее дети будут с Джинной?

— Не знаю, — признался Марк, — но мне кажется, Льювилла все-таки не будет участвовать в мятеже. Она всегда стояла в стороне от внутрисемейных дразг.

— Анжелика? — Спросил я. — Флора? Анабель? Мартин?

— Мартин точно не станет влезать. — Сказал отец. — Как и положено примерному жрецу Единорога. А что касается девочек...

— Это Флора-то — девочка? — Хмыкнул я.

— Она, может быть, больше всех. Чистое, наивное создание... — Марк улыбнулся. — Не имеет значения, чью сторону примут эти три дамы. Нет-нет, конечно, и Мордред и Джинна постараются заполучить их в свою команду, но решать вопрос будут не они, ты сам понимаешь.

— Понимаю. — Кивнул я. — Кстати, а не связаться ли нам с кем-нибудь из них?

— Попробуй. — Предложил отец. — Но сомневаюсь, что тебе это удастся.

— Почему? Думаешь, они не захотят отвечать?

— Нет, дело не в этом. Миры с быстрым течением времени создают определенные помехи для установления контакта. Тем более, расположенные так далеко от центра, как этот. Но ты все равно попробуй.

Я попробовал. Несколько раз мне казалось, что еще чуть-чуть — и с той стороны придет ответ, но каждый раз меня постигала неудача.

— Иногда удастся, иногда — нет. — Сообщил Марк. — Не знаю, от чего это зависит. Наверное, как-то влияют общевселенские ритмы и прочая мудотень. Позже попробуем еще раз, вместе.

— Ладно. — Я убрал карты. — Жаль, конечно, что Джинна так невовремя вылезла... Джулию я хотел пришить собственноручно.

— У тебя были с ней какие-то счеты? — Удивился Марк.

— Да. Помнишь, что случилось с моей женой?

— С Гвиневрой?

— А разве у меня были другие жены?

— Мне казалось, Гвиневра погибла в результате несчастного случая. — Заметил Марк.

— У меня есть основания думать, что это не так.

— Я еще не слышал этой истории. — Упрекнул меня отец.

— Не было подходящего момента. — Я вздохнул. — Но раз уж нам предстоит провести тут три недели, думаю, самое время посвятить тебя в то, чем я занимался последние годы... Ты слышал когда-нибудь об Ордене Восьми Ветров?..

Марк покачал головой, и я начал свой рассказ. По ходу моего повествования Марк достал спиртовую горелку и занялся приготовлением ужина. Конечно, можно было навязывать кучу деликатесов из Отражений, но очеловеченные миры находились слишком далеко, и процедура вызова отняла бы чересчур много энергии. Поэтому мы решили довольствоваться малым. Когда подогрелась тушенка, я уже подходил к концу рассказа.

## 2

За сутки — растянувшиеся для нас с Марком на три недели — в Аваллоне не произошло ничего нового. Никто никого не убил. Для возвращения я использовал карту своих покоев, но как только мы с Марком вышли в коридор, черные рыцари, шатавшиеся тут повсюду, ненавязчиво взяли нас в кольцо и сопроводили к королеве. Джинна была чем-то занята, и нам пришлось битый час провести в мраморной гостиной под присмотром гвардейцев-чернодоспешечников. Мы попытались завести с ними разговор, но они либо не реагировали на наши реплики, либо

отвечали односложными предложениями.

— Интересно, на каком Отражении Джинна их достала? — Задумчиво спросил Марк.

Я пожал плечами.

— Вряд ли она скажет. Надо будет, когда все закончится, поймать кого-нибудь из них и подробно допросить.

Мы говорили не понижая голоса и совершенно не стесняясь охраны. Черные рыцари старательно изображали истуканов, которым все на свете до фени. Они неплохо справлялись с этой ролью, однако было ясно, что они вовсе не так просты, как хотят казаться. Они не были похожи на тупых исполнителей. Некоторые — только глазами, а не губами — улыбнулись моим последним словам. Они знали, с кем имеют дело, но не испытывали страха. На последнее стоило обратить внимание. Если умный человек не боится того, чего бояться следует, это означает, что он на что-то рассчитывает, имеет какие-то средства противодействовать угрозе — или думает, что имеет. На что могли рассчитывать эти люди? У меня возникло ощущение, что их «крышует» не только Джинна, но и кто-то еще, к чьему покровительству они могли прибегнуть в случае поражения моей кузины... Да, обязательно надо будет исследовать кого-нибудь из этой братии. Я прикинул оптимальный план похищения. Вряд ли они ходят по одному. Значит, самое меньшее — патруль из двух человек. Я мог подготовить несколько парализующих заклинаний и, прихватив пленников, быстро смыться по карте, но они почти наверняка обладают защитой от чар. Значит, лучше полагаться на грубую силу. Если подключить к этому делу Марка, проблем возникнуть не должно. Как бы ни были супер-пупер подготовлены эти средневековые спецназовцы, при численном соотношении к бессмертным один к одному, у них не останется никаких шансов.

Я сидел и прикидывал варианты, когда двери открылись, и в гостиную вошла моя дражайшая кузина. Выглядела она неважно. Вряд ли она спала в предыдущую ночь.

— Целые и невредимые, — произнесла Джинна, быстро оглядев нас с Марком. — Я подумала над тем, что вы мне вчера наговорили. В ваших словах, безусловно, есть здоровое зерно...

— Я рад, что...

— ...но прежде, чем мы продолжим разговор на данную тему, — Джинна повернулась ко мне, — я хочу что бы ты... Ты ведь у нас магией увлекаешься, правильно?

— Ага. — Сказал папа, прежде чем я успел ответить. — Внук Корвина

— киммерийский колдун. Позорище. В кого он такой пошел, ума не приложу.

Я покраснел. Я всегда немного стыдился своих успехов в магии, когда речь заходила о моем стопроцентно благородном воинском происхождении.

Джинна не улыбнулась шутке.

— Ты не мог бы осмотреть Анжелику?

— А что с ней?

Джинна опустила глаза. Мне показалось, что еще чуть-чуть — и моя кузина виновато шаркнет ножкой.

— Понимаешь, когда мы... эээ... занимали дворец...

— ...и резали всех, кто попадался нам на глаза... — В тон ей продолжил мой отец.

— ...не только Каин решил изобразить из себя героя.

— Так что с Анжеликой? — Повторил я.

— Ну... она убила нескольких моих людей огненным заклятьем...

— ...за что и получила. — Добавил папа. — Так?

— Так. Перестань меня перебивать. — Джинна кинула на моего отца раздраженный взгляд. — Мне и так нелегко об этом рассказывать!

— Ах, какие мы нежные! — Марк оглушительно захохотал.

— Хватит глумиться. — Сказал я. — Джинна, ты не могла бы рассказывать побыстрее? Что вы сделали с Анжеликой? Она еще жива?

— Будь она мертва, я бы не просила тебя помочь. — Буркнула Джинна. — Анжелику ранили, но ей почти сразу была оказана необходимая медицинская помощь. Вчера вечером я заметила, что Анжела слишком долго не приходит в сознание. При более подробном осмотре обнаружилось, что у нее повреждены затылочные кости черепа. Она неудачно упала. Сейчас с ней работает Раймонд, но я подумала, что если ты ему поможешь, это будет неплохо.

— Где они?

— Этажом ниже. Ты еще не забыл, в какой части дворца расположен медицинский центр?

— Найду. — Я направился к дверям. Охрана перегородила мне дорогу.

— Пропустите его. — Сказала Джинна. Показала пальцем на меня и на Марка. — Эти два человека имеют право свободно перемещаться по дворцу. — Подумав, она добавила. — Но все-таки приглядывайте за ними, а если заметите что-нибудь подозрительное, действуйте по обстановке.

Выходя, я услышал насмешливый голос Марка:

— Я просто польщен твоим доверием, племяшка.

Я вернулся в гостиную через десять минут. Джинна и Марк сидели за столиком и пили кофе.

— Что так быстро? — Удивилась моя кузина.

— Раймонд послал меня.

— Куда?

— Давай не будем уточнять, куда, — попросил я. — Он сказал, что единственная помощь, которую я могу ему оказать — убратся подальше и не мешать.

— А что с Анжелой?

— Дядя сказал, что ей уже лучше. — Сообщил я. — Хотя вообще он показался мне каким-то необычайно мрачным.

— Вот видишь, — сказал Марк, обращаясь к Джинне, и я понял, что моя последняя реплика укладывалась в общую канву разговора, который они вели в мое отсутствие. — Раймонд, хотя и на твоей стороне, трезво оценивает ситуацию. Неудивительно, что она ему не нравится.

— Она и мне не нравится. — Призналась Джинна. — Сегодня утром я разговаривала с Жераром. Помимо всей той ерунды, которую я ожидала от него услышать — про безопасность королевства, законность и прочее — он сообщил, что Мордред уже на ногах и собирает под свое крылышко всех, кто не со мной. Похоже, Ублюдок последовал вашему примеру — нашел Отражение с быстрым течением времени.

— И сейчас они готовят армию вторжения, — сказал я, доставая из шкафа третью чашку — для себя самого.

Джинна кивнула.

— Как видишь, — удовлетворенно сказал Марк, — ситуация развивается именно так, как мы тебе обрисовали. Собственно говоря, иначе она и не может развиваться... Племяша, — Марк вздохнул, — неужели ты не думаешь, что мысль о захвате власти грубой силой не приходила мне в голову? У меня в Отражениях стоят немаленькие армии. Я мог бы сделать то, что ты провернула, еще сто лет тому назад. Но не сделал и не сделаю. Потому что это бесперспективно.

— Трон — мой по праву. — Уперлась Джинна.

Взглянув на нее, я подумал, что у моего дедули Корвина наверняка было такое же туповато-упрямое выражение лица, когда он с горсткой солдат штурмовал Колвирскую лестницу. Умру, но не сдамся. И не отступлю. И думать, как победить и не погибнуть, принципиально не желаю.

Впрочем, надо отдать Джинне должное — она была умнее Корвина. Ей хотя бы удалось захватить дворец. Но данное обстоятельство, конечно,

ничего не меняло. Только в компьютерной игре для того, чтобы выиграть, необходимо поставить свой флажок на вражеском замке. В жизни все чуточку сложнее.

— По какому праву, — спросил я, размешивая сахар и сливки, — он тебе принадлежит? По праву закона или по праву силы?

Джинна пожала губы.

— Конечно, по праву закона. Я дочь Эарона, а он был королем до Мордредра...

Я покачал головой.

— Какой, к чертовой матери, закон? Ты потеряла право ссылаться на закон в тот момент, когда атаковала дворец. Ты решила утвердить свое право силой — ну что ж, замечательно. И теперь этот вопрос будет решаться силой. А на чьей она стороне, я думаю, ты понимаешь.

— Не все так очевидно, как тебе кажется, Артур, — возразила Джинна. — Но, допустим, ты убедил меня. Даже не «допустим», а просто убедил. Я не хочу устраивать в Аваллоне ночь длинных ножей. Не хочу убивать Жерара и прочих. Что ты предлагаешь? У вас с Марком есть какие-нибудь позитивные мысли относительно того, что можно сделать в создавшейся ситуации, или вы приперлись во дворец исключительно для того, чтобы изрекать мрачные пророчества и действовать мне на нервы?

Марк посмотрел на меня. У него не было идей. Поход во дворец с самого начала был моей затеей. Будь Марк один, он предпочел бы занять выжидательную позицию.

— Я считаю, что необходимо вступить в переговоры с Мордредом. — Сказал я. — Вернуть ему трон. Правда, с убийством Джулии все здорово осложнилось и я не знаю, согласится ли он теперь закончить дело миром. Но, может быть, он согласится принять твою капитуляцию...

— Ну вот еще! — Фыркнула Джинна.

— Можно и не доводить дело до этого. В любом случае, необходимо сначала пообщаться с Мордредом. Послушать, что он скажет. Я готов выступить посредником на этих переговорах.

Джинна долго молчала. Ей отчаянно не хотелось признавать свое поражение. Но весь ее план упирался в быстрый захват дворца и нейтрализацию короля, и теперь, когда авантюра провалилась, стало ясно, что плана «Б» у нее нет.

— Ладно, — она устало махнула рукой. — Давайте попробуем.

Я достал из колоды карту Мордредра и попытался установить с ним контакт. Долгое время ничего не происходило. Я тянулся, но то ли этот засранец находился где-то очень далеко, то ли не хотел отвечать на вызов.

Я не прекращал своих попыток, наверное, минут десять. Наконец, я почувствовал легкое ответное касание. Спустя еще минуту контакт стал четким и ясным. Я понял, почему с установлением контакта возникли такие трудности — Мордред находился в мире с быстрым течением времени. Я увидел дядюшку на фоне походных шатров и понял, что армия вторжения займется в Аваллон в самое ближайшее время. Может быть, витязи Джинны и превосходили обычных солдат, однако если на каждого из них навалится по пятьдесят или сто этих самых «обычных», мало им не покажется.

— Салют, дядя! — Лучезарно улыбнулся я. — Ты намерен захватить дворец завтра или уже сегодня?

— Полагаю, для тебя это излишняя информация, — ответил король, — учитывая, где ты сейчас находишься. — И он показал глазами мне за спину.

— Да ладно тебе.

— А кто это там рядом с тобой? — Спросил Мордред. — Что-то я не вижу... Ты не мог бы таким образом развернуться, чтобы...

— Не напрягайся, я и так скажу. Тут Джинна и Марк.

— Вы с отцом на ее стороне?

— Нет. — Я покачал головой. — Мы вроде как в нейтрале.

— В таком случае, я бы посоветовал вам поскорее покинуть дворец. — Мордред усмехнулся. — Хотя, если вы останетесь, я тоже не буду возражать.

— Хочешь убрать заодно и нас с Марком? Дядя, ну не будь таким злым!.. Вообще-то я звоню вот по какому вопросу. Как насчет мирного урегулирования?

— А как там насчет моей жены? — Вопросом на вопрос ответил Мордред.

Я вздохнул.

— Боюсь, что никак. К сожалению.

— Ну вот видишь. — Мордред пожал плечами. Он казался совершенно спокойным, будто смерть Джулии по-настоящему его абсолютно не взволновала. — Не выйдет у нас мирного урегулирования.

— Прости, дядя, за прямоту, но ты не производишь впечатление безутешного вдовца.

— Мои отношения с Джулией — не твоего ума дело. — Отрезал Мордред. — Нельзя допустить самого прецедента. Кто-то вламывается во дворец, расправляется со стражей, убивает королеву... Артур, это слишком хороший повод, чтобы расправиться с Джинной и показать прочим

ПРЕТЕНДЕНТАМ, — Мордред выразительно на меня посмотрел, — что с ними будет в случае бунта. Ты достаточно умен, и должен понимать, что не воспользоваться тем подарком, который сделала мне Джинна, я просто не могу.

«Подарком»? Мои мозг заработал с бешеной скоростью. Значит, вот как он это воспринял... «Подарком»!.. Либо ему в последние годы разонравилась Джулия, либо он никогда по-настоящему ее не любил. Но что, в таком случае, их связывало? Почему Мордред короновался вместе с ней? Какие, на самом деле, у них были отношения?.. Намек, сделанный Мордредом, содержал в себе уйму информации, над которой следовало поразмыслить. Но не сейчас. Сейчас у нас были другие проблемы.

— Ты тоже очень умный, дядюшка, — медленно сказал я. — И тем не менее, ты кое-что упускаешь из виду. Ты просчитываешь свои ходы и ходы Джинны, и видишь, что перевес на твоей стороне. А теперь попробуй-ка просчитать ходы нейтралов — то есть нас с Марком.

— А что вы можете сделать? — Мордред пренебрежительно усмехнулся. — Поддержать Джинну? Я ведь сказал тебе в начале разговора — я буду совсем непротив такого развития событий. Одной головной болью станет меньше. Не будь идиотом, Артур. Уходи из дворца, пока еще можешь. И Марка с собой прихвати.

— Нет, ты не понял. — Я покачал головой. — Мы не будем защищать Джинну. Это и не нужно. Мы просто свяжемся со всеми членами Семьи — со всякими оттонами и жерарами — и сообщим им, что Джинна готова капитулировать, а ты упорно алчешь ее крови.

— Она убила мою жену.

— Которую ты не любил. Я это понял только сейчас, но остальные, полагаю, могли догадываться и раньше.

— Ну и что? Я уже сказал: мои отношения с Джулией — мое личное дело.

— Не спорю. Но когда оттоны и жерары поймут, что всеми любимую малышку Джинну ты хочешь отправить в могилку не ради мести, а исключительно из прагматических соображений, они от тебя отвернутся.

— Проклятье! — Вспылил Мордред. — Джулия была королевой! По-твоему, это ничего не значит?!

— Она была отраженкой. А отраженцев — и ты сам однажды говорил мне об этом — в нашей Семье за людей не считают. Точнее, именно за людей их и считают. Джулия особой популярностью не пользовалась, так что если возникнет выбор — мстить за мертвую непопулярную Джулию или сохранить жизнь всеми любимой Джинны — как ты думаешь, что

выберут оттоны и жерары? Что выберут Анабель и Диана, я у тебя не спрашиваю — это и так очевидно.

— Даже при этом они не пойдут против меня. — Мордред пожал плечами. — Они останутся в нейтрале. Ну и что? Я все равно расправляюсь с Джинной, и буду в своем праве.

— Точно. — Подхватил я. — Половина твоих нынешних сторонников перейдет в партию нейтралов. А кто у нас сейчас в нейтрале, не забыл? Марк, да мы с Крисом. Да, ты прав — нам надо побыстрее уходить из дворца. И поаплодировать тебе, когда ты будешь резать Джинну на части. Ты так повысишь рейтинг Марка, как он и мечтать не мог.

Мордред долго молчал — обдумывал ситуацию.

— Хитрый сукин сын. — Сказал он и я уловил в его голосе толику уважения. — Это придумал твой отец или ты сам?

— Сам. — Скромно ответил я.

Мордред тоскливо вздохнул. На лице у него было написано хорошо знакомое мне выражение: ну почему, почему, все так сложно? почему нельзя просто поотрубить им всем головы?

Но на самом деле он, конечно, прекрасно знал, почему. Отрубишь одну голову — вырастут две. Так уже было, и не раз. Даже во времена короля Оберона. Озрик и Финндо покушались на власть своего отца, и вскоре благополучно скончались, но вместо них появился Бранд — подонок куда как более изобретательный, чем его старшие братья. Да и прочие принцы Амбера никогда не любили своего отца и неоднократно — если судить по рассказам Джулиана — мечтали сместить его. У жесткой политики есть свои слабые стороны.

— Ладно, — сказал Мордред. — Мне нужно все это хорошенько обдумать. Это все или у тебя есть еще что-нибудь?

— Пока все. Надеюсь, ты не будешь возражать, если в то время, пока ты думаешь, я свяжусь с оттонами и жерарами и проинформирую их о том, что Джинна готова начать мирные переговоры? Не хотелось бы, знаешь ли, всяких сюрпризов...

— Зачем ты спрашиваешь, буду я возражать или нет, — огрызнулся Мордред. — Если ты все равно с ними свяжешься?..

Он погасил контакт, не прощаясь. Наверное, я его слегка расстроил. Я улыбнулся и подумал о том, что из меня мог бы выйти неплохой дипломат.

— Ну?! — Марк и Джинна набросились на меня сразу, как только увидели, что я отвел глаза от карты.

— Дело пошло. — Сказал я, тасуя колоду. — Наберитесь терпения. Мне нужно сделать еще пару звонков.

— Мне кажется, — начала Джинна, — я имею право быть в курсе...

— Будешь. Через десять минут. Поверь мне, это важно.

Я связался с Оттоном и Анабель. С Жераром контакт установить не удалось, и поэтому я, чтобы не мучиться, сдал карту нашего семейного коммуникатора — тети Флоры.

Эх, зря мы иронизируем над тетей Флорой!.. Ведь если задуматься, она — полезнейший, можно даже сказать — незаменимый член Семьи. Если кому-то лень проводить пятнадцать однообразных разговоров, достаточно провести один — с Флорой — и можно быть уверенным, что вскоре твое послание дойдет до всех адресатов.

Едва я закончил переговоры с Флорой, как со мной связался Мордред. В том мире, где он находился, прошло уже несколько часов. У короля было время все хорошенько обдумать.

— Я согласен на мирное урегулирование. — Сказал он. — Джинна все еще там?

— Да. Позвать ее?

— Не надо. Передай ей, пусть забирает своих людей и убирается из дворца. Даю ей два часа. Если по прошествии этого времени она не уйдет из Аваллона, я сочту это нарушением переговорного процесса и циничной попыткой удержать узурпированную власть. Все ясно?

— Ясней не бывает. — Я вздохнул. Мордред закрыл карту рукой, и контакт прервался. Я посмотрел на Джинну.

— Наговорился? — Нетерпеливо спросила она. — Я жду.

— Эээ... Если оставить в стороне разные несущественные детали, то у тебя есть два часа, чтобы убраться отсюда. Я бы посоветовал поторопиться.

— Ну что ж. — Кузина грустно вздохнула. — Похоже, мне придется отправиться в изгнание.

— Ничего. — Утешил ее Марк. — Зато теперь у тебя будет уйма времени для того, чтобы хорошенько спланировать и подготовить следующий переворот.

Черные рыцари ушли вместе с Джинной. К сожалению, я так и не успел похитить никого из них. Ну ничего. Как-нибудь поинтересуюсь у Джинны, на каком Отражении она их достала.

Мордред вернулся во дворец, а вместе с ним — почти вся Семья. Мы с Марком резко ощутили себя лишними, и, вежливо поздоровавшись и попрощавшись со всеми, покинули Аваллон. Но не настолько быстро, чтобы не услышать первого указа Мордреда, объявленного после

возвращения. В указе, который не понравился почти всем, говорилось о некотором ограничении личной свободы членов Семьи. Теперь запрещалось пользоваться картами личных покоев дворца — отныне картопортироваться можно только в гостиную, где круглосуточно будет дежурить отряд стражи. Одним запретом дело, естественно, не ограничивалось: немедленно по прибытии Фиона занялась возведением магической системы, делающей невозможным проникновение во дворец по карте через любое помещение, кроме гостиной.

— Ты уже придумал, как можно противодействовать этому нововведению? — Спросил я у отца, когда мы уходили.

— Конечно. — Ответил Марк. — Для того, чтобы провести людей, не обязательно рисовать карту помещения. Достаточно иметь союзника, с которым можно будет установить контакт и переправить солдат в ту точку, где он находится. Например — в те же самые личные покои.

— Здравое рассуждение, но мне кажется, что Фиона не упустит из виду эту возможность. — Сказал я.

— Если и так, что с того? Фиона ничего не сможет сделать. Не станет же она создавать систему, полностью блокирующую контакты через карты? В этом случае дворец превратится в большую мышеловку.

— Для Мордред и Фионы это было неплохо, не так ли?

— Ты не прав. — Возразил Марк. — Потому что в критической ситуации они будут заперты во дворце точно так же, как все остальные. Но главная причина не в этом. Семья расстроится, если Ублюдок переборщит с мерами безопасности. Думаю, и он и его мамаша хорошо это понимают... Какие у тебя планы? — Отец сменил тему разговора. — Вернешься в Белерианд?

— Ага. Я пригласил тамошних правителей обсудить несколько вопросов. Верховный эльфийский король любезно согласился предоставить для этой встречи свой дворец. Совет состоится через месяц, а до этого времени мне нужно обсудить с Верховным Друидом один интересный вопрос. Я хочу озеленить Анфауглиф. Пусть Корониус понаставит там своих менгиров.

— Дерзай. — Отец хлопнул меня по плечу. — Хотя на твоём месте первым делом я бы проверил, как себя чувствует тот божок.

— Этим я тоже собирался заняться.

— Ну, тогда пока.

— Пока.

Отец ушел по карте. Я собирался сделать тоже самое, но, разыскивая карту Белерианда, наткнулся на портрет человека, которого тоже стоило бы

поставить в известность о событиях во дворце. Я потянулся...

Контакт установился быстро. Моя ученица пребывала в Замке Восьми Ветров — упражнялась в рисовании.

Я вкратце изложил ей события последних дней.

— ...Видишь, как все удачно получилось. — Улыбнулся я. — И Джулия в могилке, и нам мараться не пришлось.

Ида задумалась.

— Когда будут похороны?

— Назначены на завтра.

— Я могу присутствовать?

Теперь задумываться пришлось мне. А почему бы и нет? Девочку лишили удовольствия от вендетты. Пусть получит хотя бы суррогат этого удовольствия, придя на похороны.

— Да, — сказал я. — Конечно, можешь. Только особо там не светись.

— Ты вызовешь меня? Или мне перейти прямо сейчас?

— Завтра.

— Хорошо. Я буду ждать.

— Пока.

Контакт прервался. Я решил не прыгать ни в Белерианд, ни к Морготу. Останусь во дворце еще на денек. Завтра схожу на похороны вместе с Идой, посмотрю, как будут развиваться события. Что-то мне подсказывало, что если я отправлюсь в Отражения прямо сейчас, не дожидаясь похорон, то обратно вернусь уже не скоро...

### 3

...Он был распят на белой скале, а я сидел внизу на табуретке, жевал котлету, и думал, как его убить.

В пустынном Отражении, куда Жерар и Марк выкинули Моргота, я жил уже целую неделю. Я заскочил сюда на минутку, только для того, чтобы убедиться, что отраженческий божок мертв или вот-вот отбросит копыта — а эта минутка растянулась на часы и дни.

Он упорно не хотел умирать. Более того, насколько я мог судить, он потихоньку восстанавливал свои силы.

Не знаю, почему так происходило. Возможно, в отличие от Мелиан, он, из-за своей врожденной крутизны, мог, даже на значительном расстоянии от Арды, сохранять с ней какую-то связь. Возможно также, он уже успел настроиться на Отражение, которое должно было стать его тюрьмой и могилой, и теперь пил из него соки. Не знаю. Я был слишком некомпетентен в оценке способностей отраженческих божков, чтобы с

уверенностью делать какие-либо выводы. В определенный момент у меня возникло желание вызвать для консультации тетю Фиону, но когда я прикинул, к чему это может привести, то немедленно выкинул эту идею в мусорную корзину. А что, если Фиона попробует его подчинить? На Отражении, слишком далеко от мира, который породил Моргота, ей вполне мог сопутствовать успех. Отраженческий божок на поводке у моей тети? Каждый раз, когда я думал об этом, мне становилось дурно.

К другим родственникам я также не мог обратиться. Среди нас слишком мало хороших колдунов, а те немногие, которые есть — хитрые сволочи вроде Фионы, помышляющие прежде всего о личной выгоде. Эту проблему я должен решить сам, но будь я проклят, если я знал, как к ней подступиться.

Кстати, о проклятиях. Я потерял им счет. Ужасным, диким голосом, полным ярости и боли, Моргот беспрестанно изрыгал проклятья и страшнейшие богохульства. Проклятья, в основном, предназначались мне, богохульства — адресовались Эру, главному божку Белерианда. Моргот полагал, что именно Эру подстроил ему такую подлянку. А мы, значит, с Марком и Жераром, были агентами этого самого Эру.

Позже пришла мысль, что Моргот, возможно, не так уж неправ. Принцип Порядка, явленный нашей Семье в образе Единорога, мог иметь в Отражениях свои отдаленные подобия. Не исключено, что этот местечковый Творец, Эру, был тенью или отражением нашего семейного божества.

Потом я подумал, что за консультацией можно обратиться не только к родственникам. В конце концов, я был вроде как гроссмейстером Ордена колдунов, и некоторые из Магистров вполне могли разбираться в интересующих меня вопросах. Я сдал карту Галтрана — специалиста по некромантии и черной магии. Перед тем, как навестить Моргота, я привел его и еще нескольких членов Ордена Восьми Ветров в Белерианд, где выдал им ряд указаний — каждому в русле его специальности.

Контакт установился быстро.

— В недрах Тангородрима нам удалось обнаружить десяток демонов, — сказал Галтран, решивший, очевидно, что я вызвал его для отчета о проделанной работе. — На след Сауруна выйти пока не удалось. Нужно больше времени.

— А что там с барлогами?

Поиск уцелевших барлогов я поручил Лервану — Магистру бестиологии.

— Не знаю, — некромант пожал плечами. — Когда мы в последний раз

беседовали с Лерваном, он ничего и не обнаружил. Возможно, вам следует связаться с ним и уточнить...

— Потом. Я вызвал тебя не для этого. Есть одна проблема. Я хочу, чтобы ты мне помог.

— А как же ваше предыдущее задание?

— Это гораздо важнее. Иди сюда.

Галтран перешел, и я в двух словах изложил ему суть дела. Рев Моргота, от которого тряслись горы, беспокоил Галтрана гораздо сильнее, чем меня, и мне пришлось окружить нас звукоизолирующим заклинанием для того, чтобы уберечь от вредоносного влияния разум своего подчиненного.

Когда я закончил, Галтран некоторое время молчал, наблюдая за судорогами Моргота.

— Не знаю. — Вздохнув, сказал он. — Существует масса способов совершения жертвоприношений, но в этом случае... — Он с сомнением покачал головой. — Не уверен, что они сработают. Кажется, это очень мощный демон.

— Божок. — Гордо сказал я.

— Мне надо подумать.

— Ладно. Я пока свяжусь с Корониусом и Лерваном.

— Свяжитесь лучше с Идой.

— Почему? — Нахмурился я.

— Недавно я говорил с ней. Кажется, у нее неприятности.

— Ч-черт... — Я быстро перетасовал карты. — Почему ты сразу не сказал?

— Не то, чтобы ей угрожала какая-то опасность. Нет... Просто она показалась мне немного... странной... Если вы понимаете, что я имею в виду.

— Не понимаю.

— Кажется, что ее что-то сильно расстроило. Никогда раньше Иду такой не видел. Даже когда погиб Герхат. Может быть, она заболела? Куда вы ее отправили?..

Я уже не слушал его — вглядывался в карту Иды. Контакт установился не сразу, а когда возник, я испытал удушающий, тошнотворный наплыв эмоций. Я едва узнал свою ученицу. Она сидела на земле, в окружении высоких черных маков, и горько, безутешно рыдала.

— Привет, — сказал я. — Как дела? Нашла что-нибудь интересное?

После похорон Джулии, состоявшихся полторы недели назад, я поручил Иде провести разведку в окрестностях Белерианда. Не исключено,

что в соседних Отражениях также могли водиться крупные драконы. Необходимо было уточнить этот вопрос. Но почему она рыдает? Что случилось? Во что вляпалась моя ученица?

Ида подняла на меня огромные, полные нечеловеческой боли глаза. Контакт снова поплыл. Казалось, она находится под действием наркотиков. Впрочем, учитывая, что она сидела посреди маковой поляны, удивляться не приходилось.

«Нанюхалась.» — Подумал я.

Из глаз Иды потекли слезы. Она хотела что-то сказать, но не смогла.

— Все в порядке, малышка, — утешающе сказал я, протягивая руку. — Иди сюда. Мы тебе поможем.

— Мне не нужна ваша помощь, — произнесла она в промежутке между всхлипами, — мне ничего не нужно. Я хочу умереть. Может быть, там, за пределами мира, мы встретимся с ним... Тано, Тано! Для одних ты — безумец, осмелившийся бунтовать, для других — властитель зла на сумрачном троне, и одни проклинают тебя, не сумев понять, а другие...

— Ида! — Сказал я, изо всех сил концентрируясь на контакте, который снова начал выходить из-под контроля. — Тебе нужна помощь. Неотложная. Возможно, даже скорая.

— Бросить камень легко, труднее понять!.. — Всхлипнула Ида.

— Ты права, малышка. — Я постарался, чтобы мой голос прозвучал ласково, как будто бы я разговаривал не со взрослой женщиной, а с больным ребенком. — Я все понимаю. Иди сюда.

Ида неуверенно протянула руку. Остановилась.

— Через пропасть отчаянья хрупок надежды мост. — С сильным сомнением сообщила она.

— Ты что, не доверяешь мне, своему учителю?

Я почувствовал, что в душе Иды идет тяжелая внутренняя борьба.

— Слово «учитель» превыше, чем «властелин»... — Пробормотала она, все еще сомневаясь. Затем ее взгляд остановился. — Деревянный город, не слышавший о войне. На светлом клинке. Веселый. Солнечный. Блик. Если плата — смерть. Я выбрала смерть. И пока голос есть, я решилась...

Мое терпение истощилось. Я схватил Иду за руку и рванул к себе. Не знаю, что послужило причиной ее странного состояния — наркота или чье-то заклятье — но когда она увидела Моргота, прикованного к скале, с моей ученицей случилась полная истерика.

— Почему, почему вы все на него ополчились?! — Надсаживая голос, рыдала она. — Что он вам сделал?! Почему вы не хотите его понять?! Разве вы не чувствуете, что раскаленно-черное распятие на белой скале — словно черная звезда, зажженная болью?!

Она вырывалась из рук, рыдала и предлагала нам немедленно распять ее рядом с Морготом. Галтран был в шоке. Даже Моргот на время перестал изрыгать проклятья, удивленно прислушиваясь к крикам Иды. В конце концов я несколько раз ударил ее по щекам, а затем вылил ей на голову ведро воды, вызванное из Отражений.

Ида откинула назад мокрые волосы. Я напрягся, ожидая услышать новую серию криков и слез, но их не было. Взгляд моей ученицы постепенно становился осмысленным.

— Что... что со мной было? — С запинкой произнесла она.

— Не знаю. — Признался я. — Расскажи, какие Отражения ты видела. И что это за полянка с маками?

Ида принялась рассказывать. На Моргота она старалась не смотреть, а если и бросала на него случайный взгляд, сразу начинала дрожать.

Она посетила несколько ближайших Отражений, но крупных драконов больше нигде не нашла. Потом она попала в Отражение, которое сразу взволновало ее, показалось каким-то необычным. Все местные жители четко делились на две категории: безжалостные трусливые свиньи, служащие Свету, и печальные, худощавые менестрели в одеждах цвета Тьмы. Когда она начала расспрашивать о драконах, ей рассказали, что когда-то на севере обитали такие созданыя, но давным-давно все они были истреблены. Ида отправилась на север и там наткнулась на полянку с черными маками. И вот тут у нее поехала крыша. Она опустилась на землю среди маков — очень осторожно, чтобы не дай бог сломать хоть один стебель, они ведь ЖИВЫЕ! — и провела на ней неопределенное количество времени, может быть — часов, а может быть — дней. Чем дольше она сидела, тем сильнее ее колбасило. Она не ела и не спала, а только грезилась о черных звездах боли, алмазной пыли в легких, кристаллах соли в волосах и реках крови, выплескивающихся из ран. Думаю, если бы мы ее не вытащили, она бы умерла на полянке с голоду, истово веря, что ее убивает проклятье жестоких белых богов.

— Как ты думаешь, это наркотик или магия? — Спросил я у Галтрана,

когда Ида закончила.

— Магия. — Ответил некромант. — Вы ведь знаете, что некоторые Отражения воздействуют на психику путешественников?

— Только в теории, — кивнул я. — Вы полагаете, Отражение с маковой полянкой как раз относилось к данному виду?

— Уверен.

— Появились какие-нибудь мысли по поводу решения нашей проблемы? — Я кивнул в сторону белой скалы.

— Пока нет.

Ида встрепелулась.

— А что вы собираетесь с ним делать?! — Взволнованно спросила она.

Я понял, что моя ученица еще окончательно не оправилась от действия маковой полянки, и настоятельно посоветовал ей вернуться в Замок Восьми Ветров, поесть и хорошенько выспаться.

Ида ушла, напоследок заставив меня дать обещание, что я не стану мучить Моргота. Я дал ей слово с легким сердцем, поскольку собирался не мучить его, а убить.

Галтран сел на камушек и начал задумчиво чертить какие-то иероглифы в алмазной пыли. Чтобы не мешать некроманту, я вышел за пределы звукоизолирующего заклинания и еще раз посмотрел на Моргота.

— Как же тебя убить? — Задумчиво спросил я у Темного Валы. — Можешь, подскажешь?

Вместо ответа Моргот еще раз меня проклял.

— Но-но, — предупредил я. — Не провоцируй меня! Будешь хамить, я перейду к пыткам высшей категории: приведу сюда Ниенну из Валинора. Посмотрим, как ты запоешь, когда она начнет тебя жалеть!

Но то ли Моргот не возражал, чтобы его пожалели, то ли не оценил мою угрозу — вместо цивилизованного ответа я услышал еще одно проклятье. Я тяжело вздохнул. Вызывать Ниенну я все-таки не стал: это была чересчур антигуманная пытка, даже для такого мерзавца, как я.

Тут я заметил, что Галтран с посветлевшим лицом машет мне рукой, и вернулся обратно.

— Есть одна мысль. — Сказал черный маг. — Собственно, сама идея принадлежит не мне, а моему отцу. Он тоже был некромантом. На одном Отражении ему и нескольким его друзьям — друиду, колдунье, паладину, варвару, ассасину и амазонке — пришлось вступить в битву с тремя могущественными демонами, уже давно

терроризировавшими тот несчастный мирок. Демоны были очень мощными, и обычным оружием их было не убить. Тогда один архангел,

который помогал моему отцу и его команде в их борьбе, предложил заточить души этих демонов в драгоценные камни. Когда это было сделано, осталось только уничтожить сами камни для того, чтобы окончательно избавить мир от зла. Они так и поступили. И с тех пор это Отражение — весьма преуспевающий мирок. Великолепный пляж в Лут Голейне, экскурсии по храмам и подземельям Кураста, горные лыжи в Харрогате. От туристов нет отбоя. Хотите, я проведу вас туда?..

— Серьезным людям вроде меня некогда развлекаться, — хмуро ответил я. — Как ты сказал? Заточить дух божка в камне, а затем разломать камень? Ну, давай попробуем.

И мы попробовали. Подготовка к ритуалу заняла несколько дней. Моргот нас больше не проклинал. Наверное, охрип.

Жертвоприношение прошло успешно. Тело Черного Валы иссохлось и обратилось в прах, а черный камень, в который перешел его дух, стал излучать ауру злой силы. Внезапно рука Галтрана рванулась к камню. Я увидел остекленевшие глаза старого некроманта и, перепрыгнув через алтарь с остатками Черного Валы, повалил Магистра на землю. Галтран отчаянно пытался скинуть меня, проявляя поразительную для своего возраста силу. Он почему-то стремился воткнуть камень себе в лоб. В конце концов мне удалось скрутить его. Когда я отобрал у него камень, Галтран резко обмяк. Я оттащил его подальше и, действуя строго по инструкции, попытался разломать камень души. Но это оказалось не так просто сделать. Я испортил с полдесятка молотков, однако камень остался цел. Я задумался. Кое-что вспомнив, я вытащил карту Жерара.

Когда контакт установился, я увидел своего дядю, отрабатывающего удары ногами на деревянном манекене. Манекен выглядел неважно, всем своим видом умоляя о помощи или хотя бы о передышке. Но неутомимый принц все бил, бил и бил...

— Артур? — Сказал дядя, отталкиваясь от земли и в прыжке с разворота ударом ноги сбивая манекену голову. Я поежился, представив себя на месте этой деревяшки. А каково было Морготу?! Впрочем, Моргот был огромного роста, и Жерар мог достать ему разве что до паха... «Мда, — подумал я затем, начиная сочувствовать Черному Вале, — наверное, в этом-то все и дело. Куда Жерар мог достать, туда он и бил... Бедный Валенок...»

— Что молчишь? — Буркнул Жерар, нанося манекену мощнейший удар в корпус.

— Привет, дядя. Ты еще не выкинул колотушку, которую отобрал у того отраженческого божка?

— А, у этого негра?

— Почему у негра? — Удивился я.

— Он же был Черным. — Объяснил Жерар, очередным ударом сбивая манекен с подставки. — Божок-негр.

— Мы бы не стали обижать негра, — обиженно возразил я. — Мы же не расисты какие-нибудь... Так что там с Грондом?

— Он у меня.

— Ты бы не мог мне его дать?

— Я думал, мы договорились, — нахмурился Жерар. — Белерианд — тебе, молоток — мне.

— Конечно, конечно, — поспешил я заверить своего дядю. — Но мне он очень нужен. Буквально на пять минут.

— Ну, раз очень... Пять минут. — Жерар вздохнул. — Ладно.

Получив Гронд, я положил черный камень на алтарь и примерился, как лучше ударить. Камень попытался воздействовать на меня, но проникнуть в разум бессмертного не смог. Тогда зашевелился Галтран, пребывавший до сих пор в бессознательном состоянии. Дух Моргота, заточенный в камне, почуял, что ему грозит и, используя Галтрана как передатчик, попытался заговорить со мной.

— Это великая мощь... — пробормотал Галтран, содрогаясь всем телом. — Возьми камень. Возьми. Ты станешь новым богом. Тебе будут служить. Ты будешь повелевать. Возьми камень. Ты...

— Да заткнись ты... — Процедил я, с размаху опуская Гронд на алтарь.

Отправив некроманта в двухнедельный отпуск — после пережитого психика у старика стала не к черту — я вернулся в Белерианд. Из-за этого проклятого Моргота я потерял уйму времени и едва не опоздал на собрание, которое сам же и созвал.

Во дворце Фингона, расположенного в южной части Эред Ломина, собралось одиннадцать эльфийских владык: сам верховный король нолдоров, его брат Тургон, король Гондолина, Ородрейф, король Наргофронда, Тингол из Дорияфа и семь сыновей Феанора. Людей представляли Хурин из Дор-Ломина и Ульфанг Черный, вассал Карантира, гномов — король Дарин. Какой номер был у этого Дарина, я не запомнил — то ли III, то ли IV — но это, впрочем, не так уж важно. Все Дарины на одно лицо.

Сыновья Феанора давно и настойчиво искали со мной встречи. Их чрезвычайно волновала судьба Сильмариллов, некогда сотворенных их отцом, а затем похищенных Морготом. Впрочем, у этих камней, как и у

всего Белерианда, была сложная история, которую за пять минут не расскажешь. Многие (и не только Моргот) были убеждены в том, что семья Феанора давно утратила право на Сильмариллы, и я был склонен присоединиться к этому мнению. В войне с Морготом от Феанорингов было больше вреда, чем пользы.

Я решительно не хотел обсуждать вопрос о Сильмариллах в кулуарах дворца. Нет, этот вопрос — равно как и все остальные, связанные с моим присутствием в Белерианде — должен был решиться на официальном уровне. Я знал, что меня однозначно поддержит Тингол, который владел Сильмариллом, извлеченным из брюха Кархарота. Тингол тоже не желал расставаться с камнем.

Прежде чем сесть за стол переговоров, я еще раз оглядел собравшихся. В целом, они были настроены ко мне дружелюбно, что неудивительно, есть учесть, сколько крови испортил им Моргот за прошедшие столетия. Жерар и Марк занимались своими делами в других Отражениях, и слава победителя досталась мне одному. Я не возражал. Без ложной скромности — хотя Марк и разгромил легионы Моргота, а Жерар накомстил Черному Вале по первое число — если бы я не влез в Белерианд, ни Марк, ни Жерар никогда бы здесь не появились.

Мой взгляд задержался на Ульфанге. Молодой король вастаков широко улыбнулся. Я помнил, что по книге он должен был предать Карантира через несколько десятилетий, перейдя на сторону Моргота в Битве Бессчетных Слез. Однако Моргот устранен, и теперь история пойдет по другому пути. Не будет предательства вастаков и разорения Наргофронда, Хурин не принесет Наугламир в Дорияф и не случится резни в Менегроте, еще не родившийся Турин Турамбар не возьмет в жены собственную сестру, Эалендил не отправится на запад к валарам, прося их о помощи против Моргота...

Последнее радовало меня больше всего. Светлые божки из Валинора нужны мне были в Белерианде не больше, чем Моргот в Тангородрине. Это слишком хорошее Отражение, чтобы делиться им с кем бы то ни было.

После того, как отзвучали все вежливые приветствия, Фингон произнес короткую вступительную речь, в которой еще раз поблагодарил меня за неоценимую помощь в борьбе с Врагом, заверил в своей бесконечной признательности и дружбе, и выразил живейший интерес к причине, побудившей меня собрать этот совет.

Когда король замолчал, я понял, что мне предоставляется слово, и, откашлявшись, поднялся.

— Прежде всего... — Начал было я.

— Прежде всего, — перебил меня Целегорм, — верните нам Сильмариллы. Немедленно.

На Феаноринга зашикали. Тингол пренебрежительно усмехнулся: он всегда плевать хотел на Феанорингов, а, имея в союзниках победителей Моргота, хотел плевать на Феанорингов в три раза дальше и сильнее.

Феаноринги — исключая Маэдроса и Карантира — короткими эмоциональными репликами поддержали заявление своего братца. Карантир презрительно молчал, а Маэдрос вполголоса принялся что-то втолковывать братьям. Фингон попросил присутствующих соблюдать регламент.

— Прежде всего, — с нажимом повторил я. — Считаю необходимым определить мой статус в этом собрании — да и вообще в Белерианде.

— Вы — наш друг и гость. — Сказал Фингон. — Разве этого мало?

— Недостаточно, — сказал я. — Поскольку я собираюсь тут поселиться.

— Ну что ж, милости просим.

— Надеюсь, никто не станет возражать, если я возьму под свою руку северные земли, ранее принадлежавшие Морготу? Все равно там никто не живет.

Собравшиеся переглянулись.

— А для чего они вам нужны? — Поинтересовался Тургон. — Не думаю, что на севере кто-то захочет селиться.

— В перспективе я планирую озеленить эту территорию. — Объяснил я. — А насчет подданных — не переживайте, найдутся. Взять хотя бы тех обездоленных, чьи жилища сожжены, а сами они были угнаны в рабство в Ангбанд. Сейчас все они освобождены, но им по-прежнему некуда идти. Вы ведь не хотите, чтобы вас захлестнула волна нищих эмигрантов?

— Простите, — вежливо перебил меня Ородреф. — Но многие из них — наши родичи и друзья, и мы будем совсем не против, если...

— Простите, — еще более вежливо перебил его я. — Конечно, я не стану возражать, если они захотят уйти на юг. Однако далеко не все бывшие рабы Моргота принадлежат к благородным эльфийским или людским родам и будут благосклонно приняты в ваших землях. Надо отдавать себе отчет в реальной ситуации. Если сейчас вся эта толпа разом рванет на юг, они мгновенно сожрут все ваши продовольственные запасы. Впрочем, многие до ваших королевств вовсе не дойдут — погибнут по дороге. Я поручил нескольким своим вассалам — Магистрам Ордена Восьми Ветров — заняться продовольственным обеспечением бывших пленников. Социологические опросы показывают, что многие из них

готовы остаться на севере, если мы и дальше будем обеспечивать их всем необходимым.

Я слегка кривил душой. Социологические опросы показывали как раз обратное. Ужасы рабства были еще слишком свежи в памяти тех, кого я собирался сделать своими подданными. Почти все они рвались на юг — любой ценой. Они не думали о том, что большая часть из них погибнет в пути от голода.

Я же, со своей стороны, собирался удержать их — по крайней мере, тех, в ком еще оставалась капля разума. Я намеревался дать им еду и работу, и, возможно, благополучную жизнь их детям и внукам. Если, конечно, нам все-таки удастся озеленить Анфауглиф.

— Допустим, — прищурившись, сказал Тургон. — Но мы хотим, чтобы те, кто пожелают уйти, имели такую возможность.

Я развел руками.

— Никаких возражений. Итак, вы признаете мое право на северные земли?

Присутствующие подтвердили согласие кивками — один за другим. Даже Феаноринги не стали упираться. Они поняли, что лучше пойти мне навстречу, иначе их шансы вернуть Сильмариллы станут и вовсе призрачными.

Когда вопрос о статусе был решен, я сделал следующий ход.

— Теперь, как владыка севера, я заявляю, что намерен поддерживать со всеми вами сейчас и в будущем самые добрососедские отношения. Однако я настоятельно прошу вас вывести свои армии из подвластных мне территорий.

— Конечно, — с некоторым удивлением сказал Фингон, — мы выполним вашу просьбу... Но мы полагали, что вам потребуется помощь в полном уничтожении варгов, орков и троллей...

— Не потребуется. — Сказал я. — Кроме того, я еще более настоятельно прошу вас немедленно отозвать отряды, которые занимаются прочесыванием пещер Тангородрима в поисках уцелевших драконов и их яиц.

Тургон нахмурился — анти-драконовскими рейдами занимались, в основном, его подданные.

— Почему? — Удивился Ородрейф.

— Потому что я категорически не желаю допустить их полного истребления. Я собираюсь выращивать драконов.

Мое последнее заявление произвело эффект разорвавшейся бомбы. Несколько минут собравшиеся ошеломленно молчали. Некоторые — самые

доброжелательные — смотрели на меня как на сумасшедшего. Другие — как на новую инкарнацию Врага.

— Простите, — переспросил Фингон. — Что вы сказали? Мы не ослышались?

— Нет. Я собираюсь разводить их. Но это не означает, что я буду натравливать драконов на вас, как это делал Моргот. Откровенно говоря, если бы я захотел, я бы мог без проблем завоевать ваш мир. Но я не хочу. Драконы нужны мне не для войны в Белерианде. Есть много других миров, где мне весьма и весьма пригодиться их мощь.

— Они не станут подчиняться вам, — сказал Тургон. — Драконы — порождения злой воли Моргота, отвратительнейшие и ужаснейшие из его созданий. Вы просто не сможете удержать их в узде — если только, конечно, сами не собираетесь занять трон Темного Властелина.

Снова зазвенела тишина. Слово было сказано, и я чувствовал, как тает их дружелюбие, готовясь перерасти в подозрительность и вражду. Мысль, озвученная Тургоном, зародила во всех умах сомнение — а было ли благом уничтожение Моргота? Не придется ли им заплатить за избавление от Темного Валы непомерную цену? Не воссядет ли, в конце концов, вместо него новый тиран, еще более могущественный и безжалостный?

Я был готов к такому повороту событий и даже заранее сочинил соответствующую речь. Бесполезно и даже опасно говорить, что драконы для меня — такое же оружие, как ложь или меч на поясе. Это только усугубило бы их подозрения. Чтобы убедить их в том, что я — белая овечка, я должен был разговаривать с ними на одном языке. Поэтому я обратился к авторитету Эру, и для начала заявил, что драконы — его создания, а не Моргота. Мое заявление шокировало публику, но я, не давая им передышки, аргументировал свои слова известным догматом всех Светлых, гласящим, что Темный Властелин не способен самостоятельно творить что-либо, а может только исказить творение. Таким образом, драконы тоже были сотворены Эру, а Моргот лишь исказил их природу. Я, соответственно, собирался лишь исправить искажение.

Молчание длилось долго. Короли свободных народов Белерианда обдумывали мои слова, но изъянов в логике не находили. Собственно, в логике изъянов действительно не было, ошибка содержалась в одной из посылок, но увидеть ее они не могли — не позволяли убеждения. Кто-то заикнулся, что, дескать, у меня не хватит пороку исправить природу драконов. Я вежливо намекнул: раз уж хватило пороку нейтрализовать Моргота, хватит пороку и на все остальное. Начались дебаты. Когда я обмолвился, что начал всю эту затею именно из-за драконов, они начали

понимать, насколько для меня важен данный вопрос. Враждовать со мной не хотел никто, и им, скрепя сердце, пришлось пообещать мне прекратить охотничьи рейды в горах Тангородрима.

Я облегченно вздохнул. Но когда я заикнулся о том, чтобы оставили в покое орков, то вызвал такую бурю негодования, что мне показалось — собравшиеся разорвут меня на клочки здесь и сейчас.

— Минутку, господа! — Крикнул я, с трудом перекрывая возмущенные голоса эльфов, людей и гномов. — Позвольте мне объяснить! Вы не так меня поняли! Мне не нравятся орки! Я тоже хочу их истребить!.. Но...

— Так почему бы нам этого не сделать?!! — Рывкнул гномий король. — Тек хара — сек хара!<sup>[5]</sup>

— Да потому что моим драконам надо что-то есть!!! — Заорал я в ответ.

Когда все немного успокоились, я развил свою мысль более подробно:

— Как уже было сказано, я намерен заняться озеленением Анфауглифа. Если мне удастся это проверить и слегка улучшить местный климат, по просторам зеленых северных долин будут бродить стада тучных коров. Драконы будут кушать говядину, и на юг, в ваши королевства, залетать не будут...

— А если вам не удастся вернуть к жизни Ард-Гален? — Спросил Тургон. — Что тогда?

— Тогда на севере будут пастись не стада коров, а стада мамонтов, которых я приведу из какого-нибудь другого мира. — Успокоил его я. — Это не самая важная проблема. Так вот...

— Нет, погоди! — Снова встрял Дарин. — Что еще за мамонты?! Кто это такие?!

— Мамонты — это большие волосатые элфранты. Уверяю вас, абсолютно безвредные. Они будут бродить по заснеженным землям, драконы будут их кушать, и, опять-таки, на юг не полетят.

— Просто у тебя выходит! — Недовольно пробурчал гном. — «Не полетят»! А как же быть с сокровищами, до которых алчны все драконы?!

— Я постараюсь излечить их от этой мании. А если не удастся — дам им сокровищ.

— Не верю я всему этому. — Уперся Дарин, и по глазам остальных я увидел, что слишком многие с ним согласны. — Драконы, орки... Кого еще к себе под крыло взять пожелаешь? Может, барлогов?

— Рад бы, да не одного не осталось. А что касается орков, то они нужны мне не в качестве поданных, а в качестве корма для драконов на тот период, пока не подойдут мамонты.

Последовала длительная дискуссия, но в конце концов присутствующие — с еще большим скрипом — согласились подождать и посмотреть, что выйдет из моей затеи. Осталось решить вопрос с Сильмариллами. Я поинтересовался, какие мнения на этот счет есть у собравшихся.

Первыми поднялись Феаноринги. Общий смысл их высказываний сводился к тому, что в вопросе о судьбе Сильмариллов двух мнений быть не может. Камни сотворил их отец, значит, только его наследники и имеют на них какие-либо права. Они напомнили слова своей страшной клятвы, во имя которой они были готовы обратить оружие против кого бы то ни было, даже против валар и Эру.

Феаноринги говорили очень убедительно. Еще более убедительны были эльфийские армии, которые стояли за их словами. Я поймал взгляд Фингона. «Отдайте им камни и пусть они, наконец, заткнутся.» — Говорили его глаза. Так же, судя по всему, думали и остальные.

Затем слово взял Тингол. Он придерживался диаметрально противоположной точки зрения. Моргот отобрал камни у Феанора, затем Берен и Лутиэн стащили один из камней у Моргота. Этот Сильмарилл предназначался в качестве свадебного дара отцу невесты, и, хотя и задержался в пути, будучи проглочен Кархаротом, в конце концов все равно оказался в Дориафе.

— Где он и пребудет до тех пор, пока я жив, — подвел черту Владыка Дориафа.

— Ты сам предрешил судьбу своего королевства, — надменно бросил Целегорм.

— Я не боюсь ваших угроз, — ответил Тингол.

— Напрасно.

— Я склоняюсь к мнению Тингола, — сказал я. Семь пар глаз враждебно уставились на меня. — И так же полагаю, что вы давно утратили право владеть ими. Но я готов, в качестве жеста доброй воли, вернуть вам один из Сильмариллов.

— Нам нужны все. — Процедил Карантир.

Маэдрос успокаивающе положил руку ему на плечо.

— Хорошо. — Сказал он. — Где камень?

Я покачал головой.

— Не так быстро. Я знаю, о чем вы думаете. Как только камень окажется у вас в руках, вы начнете качать права по поводу двух оставшихся, а если мы с Тинголом не захотим отдавать их вам — начнете войну. Нет. Прежде, чем я верну вам камень, признайте — здесь, перед всеми — что клятва исполнена и вы отказываетесь от двух других.

— Но клятва не исполнена, — возразил Маглор. — И мы не можем этого сделать.

— Почему? — Спросил я.

— Потому что мы поклялись преследовать всякого, кто...

— Вы об этом уже говорили. Не надо повторять — я и с первого раза хорошо запомнил. Я хочу спросить о другом. Являетесь ли вы полными правообладателями Сильмариллов?

— Без всякого сомнения. — В один голос заявили Феаноринги.

— Превосходно. Любой правообладатель имеет право отдать то, что принадлежит ему, в дар кому-либо еще. Так почему бы вам не признать, что клятва исполнена и не отдать два Сильмарилла нам с Тинголом — в качестве подарка?

— Подарка? — Усмехнулся Маэдрос. — Ну что ж, верните нам камни, и мы подумаем, как быть с ними.

— Тингол? — Спросил я. — Вы принесли то, что я просил?

Король Дориафа кивнул. Слуга подал ему шкатулку и он извлек из нее драгоценный сверкающий камень. Комната осветилась. Одновременно я достал два таких же камня из правого кармана.

— Это — наше. — Сказал Маэдрос. — Отдайте.

— Вы согласны на мои условия?

— Отдайте камни, и мы подумаем.

— Бросьте! Вот они здесь, в одной комнате с вами. Да — или нет. Решайте.

— А что, если нет? — Холодно спросил Целегорм, положив руку на рукоять меча.

— Тогда вы не получите ничего. Я унесу два камня за пределы Арды, и вы никогда не сумеете добраться до них.

— Мы можем отнять их силой. Здесь и сейчас.

— Попробуйте. — Кивнул я. — Я немного надеюсь, что вы так и поступите. Это решит сразу все проблемы. У меня припасено семь заклинаний остановки сердца — по одному на каждого.

— Я не потерплю, чтобы в моих владениях... — Попытался развести нас Фингон. Но его никто не слушал.

— Мы не боимся твоей магии, чужеземец! — Выплюнул Карантир.

— Извините, — улыбнулся я. — Но я уже не чужеземец, а ваш добрый сосед.

— ...а что касается тебя... — Карантир повернулся к Тинголу.

— Перестань! — Маэдрос схватил брата за плечо. Посмотрел на меня. — Нам нужно обсудить ваши слова.

— Хорошо. — Я пожал плечами и убрал Сильмариллы в карман. Тингол спрятал свой камень обратно в шкатулку.

Пока Феаноринги спорили в соседней комнате, Владыка Дориафа подошел ко мне и негромко сказал:

— Они не согласятся. Уверен, сейчас они строят планы, как лучше напасть на нас.

— Нет. — Возразил я. — Они согласятся. Маэдрос убедит их. Похоже, он единственный среди них, кто умеет просчитывать ходы. Правда, это ничего не изменит. Каким бы хорошим игроком ты ни был, нельзя выиграть партию, имея на поле семь пешек против слона и ладьи.

— Не понимаю, о чем вы говорите. — Покачал головой Тингол.

— Объясняю. Силой взять камни здесь и сейчас они не могут. Прочие Феаноринги, может быть, и готовы рискнуть, но Маэдрос убедит братьев дать ложную клятву для того, чтобы со временем иметь возможность выполнить истинную. Согласившись на наши условия, они получают один камень и будут думать, что мы поверили в то, что они отказались от двух остальных. Через несколько лет, когда, по их мнению, мы не будем ожидать никакой подставы, они нанесут удар. Скорее всего, сначала они попробуют убрать меня — как самую сильную и неизвестную для них фигуру. Если им это удастся, они примутся за вас.

— В таком случае, зачем вы вообще предложили им этот договор? — Шепотом спросил Тингол.

— Потому что я не хочу прослыть монстром. Я хочу дать Феанорингам шанс. Пусть даже я почти уверен, что они им не воспользуются.

— Они убьют вас.

Я покачал головой.

— Вряд ли у них это получится. А вот вам бы не мешало усилить собственные меры безопасности.

Тингол тяжело вздохнул и сказал:

— Враг мира повержен, но зло и вражда остались. Только теперь они поселились среди нас. Не думал я, что так выйдет.

— Спокойно, — сказал я. — Мы идем к светлому будущему семимильными шагами. Я намерен навести в Белерианде стопроцентную гармонию и полный порядок.

— А какой гармонии вы можете говорить, зная, что отныне Маэдрос и его братья станут нашими смертельными врагами?

— Пусть они только высунутся. Я буду с нетерпением этого ждать. И если это произойдет... Я не Моргот и поэтому не стану воевать с ними. Я просто уничтожу их — одного за другим. Их — и всех, кто посмеет встать

на их сторону.

Тингол внимательно на меня посмотрел. Он понял, что в Белерианд пришел вовсе не такой положительный герой, как всем им казалось. Но я знал, что он будет молчать и окажет мне любую помощь, какую я только потребую. Мы были с ним в одной лодке.

Отворились двери, и в комнату совета вошли семеро сыновей Феанора. Карантир, по обыкновению, был мрачен, а Целегорм едва заметно улыбался. Лица остальных не выражали никаких эмоций.

— Мы согласны. — Озвучил общее решение Маэдрос.

Я широко улыбнулся и отдал им камень.

— Рад, что разум все-таки победил.

Целегорм презрительно усмехнулся, а Маэдрос долго вглядывался в мое лицо. На его устах так и не появилось улыбки.

#### 4

По прибытии в Тангородрим я первым делом выслушал отчеты Магистров Ордена. Ни одного живого барлога обнаружено не было. Драконов осталось всего несколько штук, однако Лервану удалось найти две кладки яиц, до которых еще не успели добраться эльфийские дракононенавистники.

Фиур и Миранда продолжали колдовать с погодой. Быстрых результатов они не обещали. Корониус поставил производство менгиров на поток. Когда по всему северу будут возведены стоячие камни, друиды начнут проводить здесь такие же обряды, как и в Пиктляндии. Раз за разом, каждое полнолуние, сила будет вливаться в опустошенную землю и когда-нибудь, возможно, равнины Анфауглифа вернуться к жизни.

Ида обошла все ближайшие Отражения и доложила, что больше нигде драконов нет. На одном Отражении ей почти улыбнулась удача — по слухам, там жил огромный толстобрюхий дракон с восемью зрачками в двух глазах. Он считал себя очень мудрым и ловил кайф от осознания того, что стоит над схваткой Света и Тьмы. Но в конце концов ум у него зашел за разум и Великий Орлик — так звали дракона — полез драться с божками того Отражения. Ида подроспела к финалу разборки, когда от Орлика осталась одна голова, бормочущая нечто невразумительное.

Доклад Иды меня не удивил. Я был почти уверен в том, что мы ничего не найдем. Отражения не однородны, среди них есть более сильные, и есть более слабые. Есть Отражения, которые сами отбрасывают отражения. Ясное дело, больше шансов найти что-нибудь полезное в центральном Отражении, чем в его тенях. Белерианд был таким центром, достаточном

мощным, чтобы здесь могли существовать драконы и боги. В отражениях, отбрасываемых Белериандом, драконов не было, а их божки были гораздо слабее воплощенных Стихий Арды.

Ангбанд потихоньку отстраивался. Как-то раз ко мне подбежал Робин Эрбеш — внук моего старого друга, Никоса Эрбеша, с которым мы некогда охраняли южные рубежи Аваллона. После того, как я стал герцогом Пиктляндии, я взял Никоса и всю его семью к себе. Никос был уже стар, и скончался в богатстве и почете. Его сын, Кай, стал сенешалем Камелота, а его внука, Робина, я назначил военным комендантом Тангородрима.

— Мой господин! — Переводя дух, проговорил Робин. — В цитадели происходит что-то странное!.. Рабочие очищали центральный зал, когда... — Он запнулся.

— Когда — что? — Мрачно пробурчал я. Ненавижу сюрпризы.

— Я... я не знаю... Там будто бы какая-то тьма, только живая... Трое рабочих сошли с ума и бросились в пропасть. Остальные принялись калечить себя. В цитадели прячется какое-то зло... Мы... не знаем, как быть. Пожалуйста, сделайте что-нибудь!..

Я отодвинул Робина в сторону и направился к цитадели.

Внешне все было в порядке. Ну, почти. На ступенях лестницы сидел один из рабочих и с монотонным мычанием выдавливал себе правый глаз. Левый он уже успел выдавить. На всякий случай я проткнул его мечом — не люблю оставлять за спиной сумасшедших.

Когда я вошел в тронный зал, то сразу понял, о какой тьме говорил Робин. Волна темной силы накатила на меня, но я вызвал образ Лабиринта, и она отхлынула прочь. Сквозь Лабиринт я увидел высокую зловещую фигуру, к которой стекались потоки хорошо знакомой мне силы. Присмотревшись к фигуре, я тоскливо застонал.

— Ну, сколько, сколько раз мне нужно убить тебя, чтоб ты сдох наконец?!

От Моргота — а точнее, от его полупризрачного подобия — ответа я не услышал. Возможно, тень еще не успела достаточно «образумиться», а возможно, Темный Вала, собиравший для себя новый облик, не хотел тратить сил на пустые разговоры. И он был прав. Разговаривать нам было не о чем. Я ударил по призраку Лабиринтом. Тень была еще слишком слаба, чтобы суметь оказать сколько-нибудь значимое сопротивление. Отдача, тем не менее, последовала будь здоров — от боли мои мозги едва не вылезли из ушей. Черная цитадель содрогнулась. Когда пыль осела, я увидел, что сила, собиравшаяся в зале, потеряла сколько-нибудь оформленный облик. Тем не менее, было ясно, что в скором времени тут

будет проведена еще одна попытка самореанимации, а затем еще одна, и еще, и еще — и так до тех пор, пока одному из нас все это не надоест. Я подозревал, что сдамся первым.

Я устало облокотился на одну из поваленных колон. Мы ведь с Галтраном убили его, не так ли? Я был уверен, что избавился от Моргота навсегда. В чем же была моя ошибка?

Согласно книге, валары существовали до возникновения Арды. Однако история и структура этого Отражения и история и структура мира, описанные в книге, были похожи, но не тождественны друг другу. Местные божества — валары и майары — являлись порождением Отражения, а не наоборот. Именно поэтому они не могли жить за его пределами. По большому счету, Моргот был лишь сгущением силы, олицетворением одной из Стихий. Я мог убивать его до бесконечности — как только уничтожался предыдущий облик, стихия начинала формировать новый. Возможно, приложив определенные усилия, я мог бы нанести Арде достаточно глубокую рану, чтобы Тьма никогда больше не сумела создать в этом мире свое воплощение, вырвать эту Стихию из ткани данного Отражения. Но я не хотел этого делать. Даже если бы мне и удалось повернуть нечто подобное, я бы обескровил Арду, а может быть даже — и вовсе уничтожил бы ее.

Вместе с тем, я, конечно, не желал возрождения Моргота. Северные земли я рассматривал уже как свою вотчину, и меня порядком раздражали упрямые претензии недобитого валаришки на МОЙ замок.

Я подумал, что мог бы занять его место — не в смысле адреса проживания, а в смысле места в структуре мира. Конечно, и саму структуру придется слегка подправить, и вставал непростой технический вопрос, как это сделать, но если мне все-таки удастся реализовать эту смелую идею, я разом сорву весь банк. Моргот перестанет воплощаться. Не будет никаких проблем с подчинением драконов и мне не придется опасаться того, что через несколько поколений они выроются, уменьшаться в росте, потеряют способность дышать огнем или вовсе исчезнут.

Надо было только придумать, как замкнуть беспорядочные потоки силы, проходившие через весь Тангородрим и соединявшиеся в тронном зале Ангбанда, на себя самого.

Я размышлял около часа. У меня была одна идея...

Собственно, сама идея формировалась в моем разуме уже довольно давно, и нужен был лишь повод, какой-то внешний толчок, который заставил бы меня додумать ее до конца и попытаться реализовать на

практике.

Некогда мой дядя Мерлин создал волшебную машину — Колесо-Призрак. Вскоре после смерти Мерлина от Призрака перестали поступать какие-либо известия, а его козыри отказывались работать. Фиона предполагала, что разумный компьютер, тасовавший Отражения как колоду карт, был уничтожен Логрусом сразу после разрушения Амберского Лабиринта, когда сила Хаоса неизмеримо возросла, и он смог отомстить всем своим недругам. У Колеса-Призрака были не очень хорошие отношения с Логрусом.

Во всей этой истории меня заинтересовали не столько обстоятельства гибели Колеса-Призрака, сколько способ, каким его вообще удалось создать. Нельзя сотворить машину — даже волшебную — которая будет обладать свойством проникать в другие Отражения. Даже если оставить в стороне проблему перемещения по мирам (на что были способны только посвященные Лабиринта или Логруса), необходимо учитывать то, что в каждом Отражении действуют свои физико-магические законы. То, что будет работать в одном мире, не будет работать в другом. Мы, бессмертные, до определенной степени умеем «настраиваться» на Отражения. Посвященные Сломанных Лабиринтов могут делать тоже самое, хотя и хуже. Но как создать устройство с вложенной функцией «автонастройки»? На этот вопрос не могла ответить даже Фиона.

Я наводил справки, разговаривал с разными членами Семьи, знававшими Мерлина, но они мало что могли мне сказать. Мерлин — обычно болтливый и дружелюбный паренек — становился на удивление скрытным, когда речь заходила о его любимом детище. Тем не менее, кое-что мне все-таки удалось накопать.

Мерлин утверждал, что его машина относится к тому же классу объектов, что и Грейсвандир. Элементы Лабиринта были включены в ее конструкцию, и они-то и обеспечивали Призраку работу всех волшебных свойств вроде слежки за выбранным объектом на Отражениях или перемещения по ним.

Но тут возникал следующий вопрос. А каким образом Мерлину вообще удалось включить те или иные элементы Лабиринта в конструкцию своей машины?

Оставим пока в стороне Грейсвандир и Вэрвиндл. Об истории происхождения этих легендарных клинков (очень, кстати, неясной), я тоже наводил справки. Официальная версия чрезмерно напоминала главу из книги какого-нибудь Мэлори или Ариосто: два юных воителя (Корвин и Бранд) отправились в рыцарское странствие, преодолели все испытания и в

конце концов получили награду — два меча. Может быть, так оно и было на самом деле, но если это и правда, то не вся. Один раз, когда Фиона допекла своими расспросами Корвина особенно сильно, он сказал ей, что Грейсвандир и Вэрвиндл — это трансформированные спикарты. Думаю, это была шутка. Спикарты нейтральны по своей природе, а Грейсвандир и Вэрвиндл четко принадлежат Порядку. Кстати, Мордред как-то обмолвился о том, что в Хаосе есть два аналогичных клинка с элементами Логруса. Как они появились? Есть ли между ними какая-нибудь связь?..

Это была неплохая тема для размышлений, но сейчас меня интересовало другое. Итак, каким образом Мерлину удалось создать Колесо-Призрак?

Если Мерлин не лгал и функционирование Призрака и в самом деле осуществлялось за счет элементов Лабиринта в его структуре, то каким же образом ему удалось включить эти элементы в свою машину? Ведь недостаточно просто изобразить Лабиринт где-либо для того, чтобы он начал работать. Если я возьму в руки лист бумаги и карандаш, и нарисую Лабиринт, волшебной от этого действия бумага не станет. То же самое касается и компьютерного обеспечения. Мерлин мог придумать собственный компьютерный язык, базовыми знаками которого были бы элементы Лабиринта, мог даже придать материнской плате Колеса-Призрака вид Образа Порядка — это ничем бы ему не помогло. Я знал это, потому что лично проверил все вышеуказанные возможности. Во время моих экспериментов ничего волшебного не происходило, да и не могло произойти.

Тем не менее, Колесо-Призрак когда-то существовал. И перелистывал Отражения, словно карты.

Можно сконфигурировать энергетическую схему на принципах магии Порядка (или Хаоса) и насытить ее энергией. Собственно говоря, именно так мы и формируем заклинания. Но Колесо-Призрак был чем-то большим, чем просто набором заклинаний. К тому же, со временем все заклинания истощаются.

Как создать мощную, независимую от колдуна структуру, которая не будет распадаться со временем? Как зафиксировать элементы Лабиринта таким образом, чтобы они стали работать сами по себе, не нуждаясь в постоянной подпитке со стороны?

Решение должно было лежать где-то на поверхности, должно было быть настолько простым, что любой, узнав ответ, хлопнет себя по лбу и воскликнет: «Ну как же я раньше не догадался!» Я был уверен в простоте решения еще и потому, что данной проблеме тетя Фиона посвятила не

один год своих исследований. Она была куда лучшим магом, чем Мерлин. Тем не менее, ответа ей так не удалось найти. Может быть, потому, что она копала чересчур глубоко.

Согласно законам Мэрфи, все великие открытия совершаются дураками и дилетантами.

Фиона была профессионалом.

Мерлин был дилетантом.

Я был дураком, и поэтому догадался быстрее всех.

Как можно зафиксировать структуру Порядка, или хотя бы некоторую часть составляющих ее элементов?

В моих жилах — как и в жилах любого другого члена Семьи — текла кровь богов Хаоса и Порядка. Взятая сама по себе, она могла стереть Лабиринт и дать жизнь его призракам. По сути, этим исчерпывались наши знания о ее свойствах. Но мне всегда казалось, что в крови богов должен был таиться куда больший потенциал...

Было немного странно смотреть на себя не только как на экспериментатора, но и как на объект эксперимента.

Я вытащил из ножен кинжал, надрезал себе предплечье и воспроизвел наш семейный Узор на пыльном полу тронного зала Ангбанда — собственной кровью.

...В ходе перестройки энергетической структуры Тангородрима меня плющило не по-детски. Стихийная сила, создавшая Моргота, перекраивалась и упорядочивалась. Я тоже — со своей стороны — был встроен в сей процесс и ощущал себя примерно так же, как Конан Мак-Лауд после отрубания очередной вражеской головы. Полагаю, и спецэффекты были соответствующими.

Когда я закончил воспроизводить Узор, его внешний вид — несколько красных линий на полу — перестал иметь какое-либо значение. Я создал не новый Лабиринт, а некую магическую структуру на его основе, своего рода тень, чем-то подобную Сломанному Лабиринту. Чтобы не повторяться, так и назовем эту штуковину — Тень Знака. Поначалу это была простая самодостаточная система, способная развиваться и служить базой для все более и более сложных энергетических структур, буде таковые создатель захочет на нее повесить. Способная даже, при определенных условиях — как показывал пример Колеса-Призрака — обрести собственный разум.

Но мне не нужен был второй Призрак. Пока не нужен. Не здесь и не сейчас.

Я использовал Тень Знака для перестройки средоточья Морготовой

силы. Когда я замкнул потоки Тьмы на себя, стихия тут же попыталась подмять меня. Меня колбасило до тех пор, пока упорядочивание всей системы (а вместе с ней — и всей стихии данного Отражения) не было завершено.

Тогда я открыл глаза.

Я увидел, что стою посреди зала, уже полностью очищенного от мусора. Поток силы окружал меня тошнотворной, пульсирующей аурой. На какой-то момент у меня возникло ощущение, что я снял с Моргота шкуру и нацепил на себя. Я знал, что теперь усилием воли могу управлять погодой в окрестностях Тангородрима, могу без помощи заклятий ломать чужую волю, могу управлять созданиями, служившими моему «предшественнику» — орками и драконами. Все это было замечательно, но я решил не увлекаться своими новыми способностями. К сожалению, они будут работать только в Белерианде, а за пределами данного Отражения — исчезать. Я настроился на силу этого места, но я не мог унести эту силу с собой.

Я вышел из цитадели. Внизу толпились воины и рабочие — ждали, какие будут последствия у фейерверка, наблюдаемого ими в течение последних часов. Я приветственно помахал рукой всем собравшимся. По их рядам прошел вздох облегчения. Некоторые эльфы смотрели на меня подозрительно, как на новую инкарнацию Темного Властелина, но когда я предложил им поиграть в снежки, расслабились. Игра в снежки — хрестоматийный способ вызвать у окружающих убеждение, что ты — не Темный Властелин. Не знаю почему, но это всегда срабатывает.

Попросив Робина Эрбеша возобновить строительные работы, я занялся приручением драконов. Моргот тратил на них огромное количество своей силы, и поэтому они росли как на дрожжах. Я мог тратить еще больше, поскольку мне вся эта темная тьма на фиг была не нужна. Разве что в самом начале, когда сила потребовалась мне для того, чтобы собрать разрозненные группы орков и заставить их строить конценаwwrtb в традиционные лагеря. В эти лагеря я их самих же потом и поселил. Пищу на орков тратить было не нужно: сильные орки жрали более слабых и тем жили. Орков, в порядке живой очереди, я скармливал своим драконам.

Орков было много, и через несколько месяцев я заметил, что мои драконы заметно набрали в весе. Некоторые уже с трудом поднимались в воздух. Конечно, можно было ограничить их в пище, но я хотел, чтобы они ели вдоволь и росли с максимальной скоростью. Поэтому я поступил иначе: когда наступало время драконьего обеда, выпускал из концлагеря полсотни орков в чистое поле. Теперь драконам приходилось

предпринимать определенные усилия для того, чтобы настигнуть добычу. Лишний жирок мои ящерки скинули быстро, но росли на дармовой пище по-прежнему с неплохой скоростью.

На самых сильных и умных орков мы с Робинот делали ставки: сумеют удрать или нет? Была идея организовать тотализатор для всех желающих, но от нее пришлось отказаться: эльфы, прослышав о моих развлечениях, могли меня неправильно понять. Они ведь все такие положительные, высокоморальные — даже еще хуже, чем генерал Ланселот.

Молодые дракончики отличались друг от друга силой и скоростью роста. Особенные надежды подавал один черный дракон, который уверенно занял роль лидера в своем выводке. Со временем я стал уделять ему все больше внимания. Когда подрастет, он станет моим личным ездовым драконом.

Я решил, что не ошибусь, если назову черного дракончика Анкалагоном.

Что касается эльфов, то отношения у нас постепенно налаживались. Драконы им по-прежнему не нравились, но я держал своих ящериц под контролем, и тут им не в чем было меня упрекнуть. Корониус им понравился, а его работа по озеленению Анфауглифа и окрестностей нашла в эльфийских сердцах самый горячий отклик. Прежде северные земли были слишком опасны, но теперь люди и эльфы безбоязненно приходили сюда — и большими группами, и по одиночке. Большую часть влекло любопытство, и они вскоре уходили, но некоторые оставались — кто-то хотел помочь Корониусу, Фиуру и Миранде, кто-то надеялся отыскать своих близких среди бывших рабов Моргота — или хотя бы найти их могилы.

Я неоднократно бывал в гостях у эльфийских владык, игнорируя разве что приглашения Феанорингов. Тингол подарил мне Англахель, Фингон — свой собственный лук, а Тургону я сам сделал подарок. Вернее, не самому Тургону, а его племяннику — Маэглину.

Я подарил ему женщину.

Эльфийку.

Как две капли воды похожую на Идриль Целебриндал.

Как я уже говорил, предательство Ульфанга не было осуществлено, поскольку сгинула злая воля, которая должна была подтолкнуть его к измене. Резни между эльфами и гномами не случилось, так как Наугламир по-прежнему хранился в Наргофронде, и у Тингола, таким образом, не могло возникнуть и мысли соединить камень Феанора и древнее ожерелье подгорного народа. Но был еще один подводный камень, миновать

который было не так-то легко.

Маэглин любил Идриль, дочь короля Тургона. Вообще, словом «любил» можно обозвать и легкую привязанность и сильнейшую страсть. В случае же Маэглина это была не просто страсть — чистой воды безумие. Согласно книге, Маэглин в конце концов должен был предать своих и перейти на сторону Моргота. Идриль к своему кузену особой симпатии не питала, и должна была стать женою человека Туора, а у Маэглина от таких дел крыша поехала бы окончательно. Далее по сценарию следовало пленение, согласие Маэглина провести врагов в Гондолин и эпическое разрушение оного орками и барлогами.

В моем Белерианде Туор пока еще ходил пешком под стол, барлогов уже не было, а орки грызли колючую проволоку в местах не столь отдаленных. Однако проблема оставалась. Мне совершенно не хотелось, чтобы через двадцать или тридцать лет в Гондолине произошла резня по принципу: партия Маэглина под флагом эльфийского шовинизма против партии Туора-Идриль под флагом международного интернационализма. Проще всего, конечно, было избавиться от Маэглина, но этот парнишка чем-то был мне симпатичен, и я решил пойти другим путем. Решил потратить немного своего драгоценного (на вес золота) времени на то, чтобы помочь ему обустроить свою личную жизнь. Я отыскал Отражение Отражения — блеклую тень Белерианда, где Моргот был просто сильным колдуном, а драконов и барлогов не было вовсе. Идриль из того Отражения была невестой Маэглина, а злой человек Туор (один из лейтенантов Моргота) напал на Гондолин, перебил всех тамошних эльфов, расчленил жениха и уже совсем было собрался обесчестить невесту, как наткнулся на клинок воина, возникшего прямо из воздуха на глазах ошеломленной Идриль и толпы орков. Могучего, благородного воина в сверкающих доспехах... Я мог бы потратить на описание этого величественного воина не один абзац, но для того, чтобы сэкономить время, скажу проще: это был я. Шуганув орков, я уволок Идриль в настоящий Гондолин. Эльфийская девица не сопротивлялась — была в шоке.

— Кто вы?.. — Побелевшими губами спросила она.

— Добрый фей. — Честно признался я.

Вот этот подарок я и вручил оригинальной версии Маэглина. Примите и распишитесь.

Он расписался. Через год состоялась свадьба.

На вторую Идриль в Гондолине поначалу смотрели с недоумением, но потом привыкли. Однако сами Идрили притереться друг к другу так и не смогли, и в конце концов Маэглин вместе с женой, приближенными и слугами переехал ко мне на север.

Я могу долго рассказывать о своей жизни в Белерианде. Там было много всяких событий, и годы, которые я провел на этом Отражении, возможно, одни из лучших в моей жизни. Однако не думаю, что нам стоит останавливаться на всех этих интересных, но несущественных деталях — мы и так слишком сильно отвлеклись от основной темы. Я бы вообще не стал упоминать про Белерианд, если не драконы и не Тень Узора. Драконам предстоит выйти на большую сцену еще не скоро, а вот что касается Тени, то одним упорядочиванием Тангородримского средоточья силы дело не ограничилось. Мое открытие Тени Узора повлекло за собой и иные последствия...

Я сидел в своих покоях в Камелоте и задумчиво вертел в руках карту Мордредра. Я порядком измял ее за последние полтора часа. Меня терзали сомнения. Жадность боролась с жадностью. Я хотел кое-что получить, и это «кое-что» имело даже большее значение, чем драконы. Однако для того, чтобы добиться искомого, мне был необходим Камень Правосудия, а я отчаянно не желал делиться с Мордредом той прухой, которую рассчитывал получить. Ведь даже идиоту было ясно, что просто так «поносить» Талисман Закона Мордред мне не даст.

Я думал о том, как спереть эту штуку. К сожалению, я не знал, где король хранит Талисман. Я сильно сомневался в том, что смогу безнаказанно проникнуть в его покои, найти там тайник и быстренько смыться до возвращения хозяина.

Может быть, все-таки вызвать его и договориться?.. Поскольку я не хотел разговаривать с Мордредом в Аваллоне — там было слишком много отвлекающих факторов — то заявился в Камелот специально для того, чтобы вызвать короля по карте к себе в гости. Я посмотрел на козырь. Отвел взгляд. Я не мог заставить себя сосредоточиться. У меня аж сводило скулы от нежелания делиться с Мордредом тем важнейшим открытием, которое я собирался совершить.

И в этот момент я почувствовал, как кто-то касается моей карты. Я вернул козырь короля в колоду и мысленно потянулся к тому, кто меня искал.

Это был Марк. Он находился в знакомом мне золотом дворце на Отражении Эллепа. Там моя мать провела последние годы своей жизни. К ее услугам было все, что она только не пожелает. Лишь одного отец так и не смог дать ей — бессмертия. Хильтруда умерла несколько лет тому назад. Я не был примерным сыном и в последние годы редко навещал ее. Я не мог смотреть, как она стареет, так же, как не мог заставить себя ходить

на могилу Гвиневры. Как будто я был в чем-то виноват перед ними. Неправильно, что я бессмертен, а они — нет. Неправильно. Но я старался не думать об этом.

— Привет. — Сказал Марк. Мои гнетущие воспоминания оборвались в тот же миг, когда отец приступил к изложению своих планов. Его, видите ли, обеспокоил энтузиазм Джинны. С другой стороны, относительная легкость, с которой она захватила дворец, вызвала у моего отца легкое недоумение, вскоре перешедшее в естественное желание самому попрактиковаться в организации дворцовых переворотов.

План Марка был прост: Мордред и Фиона, успокоенные новейшими мерами безопасности, не ожидают подставы. Следовательно, сейчас — самое время напасть на них. Быстрая акция, два удара мечом — и ситуация на игровом поле кардинально меняется.

— Как ты собираешься убить Фиону? — Спросил я, все еще не веря услышанному.

Марк пожал плечами.

— Пусть она хорошая колдунья, но разве она неуязвима?

— Что ты собираешься противопоставить ее заклинаниям?

— Тебя.

— Меня?! — Переспросил я. — Ты что, спятил?!

— Вовсе нет. Я знаю, ты ей не соперник. Но хоть какое-то время ты продержишься?

— Да, но...

— Большого и не требуется. Ты отвлекаешь Фиону, а мы с Крисом делаем из нее фарш. С Ублюдком будет меньше проблем. Надо только подгадать время, когда его не будет во дворце. Камень Правосудия он хранит где-то в своих комнатах. Мы убиваем Фиону, захватываем дворец, обыскиваем королевские покои, получаем Камень. Один из нас — лучше всего, если это будешь ты, потому что ты колдун — настраивается на Камень. Старшие говорят, что с его помощью можно не только влиять на погоду в реальном мире. Можно парализовывать людей, заставлять их страдать или даже убивать — при длительном воздействии. Так вот. Ты настраиваешься на Камень, мы связываемся с Мордредом и ты его подчиняешь...

— Но он тоже настроен...

— Это не важно. Тебе нужно удержать его всего секунду-другую. Крис тебе поможет. Затем я нанесу один удар. И Ублюдок отправится на кладбище.

Я ответил не сразу.

Любопытно, что Марк заговорил о Камне Правосудия именно тогда, когда я и сам думал, как бы его раздобыть.

План был тупым, как дубовая доска. И именно поэтому он мог сработать.

Я знал, что не смогу долго заигрывать со своими врагами. Я знал, что рано или поздно Марк потребует от меня, как от своего сына, каких-то конкретных действий, реальной помощи в борьбе со своим соперником. С нашим соперником.

Итак, время пришло?..

Все говорило за то, что я должен пойти за Марком. Все — начиная от сыновнего долга до страстного желания отомстить за смерть Гвиневры, от моего личного стремления завладеть Камнем и проверить ту идею, которая крутилась в моей голове, до полного нежелания становиться свидетелем смерти Марка или Криса в результате очередного «несчастливого случая».

Все — на одной чаше весов.

И ничего — на другой. Ну, почти ничего. Смутное предчувствие, что не стоит этого делать. Просто не стоит, и все. А почему — неясно.

Я вдруг понял, что сейчас мне придется сделать выбор. Может быть, важнейший выбор в своей жизни.

Тянулись секунды. Марк ждал моего ответа.

Я медленно покачал головой.

Марк прищурился. Теперь его взгляд стал холодным, как будто бы он смотрел на совершенно чужого человека.

— Это авантюра. — Сказал я, опуская глаза.

— Согласен, элемент риска присутствует. Но иначе такие дела не делаются.

— Может быть. — Я пожал плечами. — Однако лучше все-таки свести риск к минимуму. Я предлагаю подождать.

— Подождать? — Переспросил Марк. — Чего? Пока у Ублюдка заведутся собственные детишки? Я ждал несколько столетий. Сколько еще?

— Не знаю. — Негромко ответил я. — Несколько лет. Может быть, десятилетий.

— Почему не сейчас? Что изменится за десять лет?

— Не знаю. Не могу объяснить. Я плохо владею ситуацией. Я не знаю, на что — на самом деле — способны Мордред и Фиона. И ты не знаешь.

— Брось. — Усмехнулся Марк. — Они не живые козыри. Они такие же, как мы с тобой.

Я упрямо покачал головой.

— Я не пойду с тобой. Не сейчас. Дай мне еще немного времени.

Марк долго молчал. Кажется, он тоже принимал какое-то решение.

— Хорошо. — Тяжело сказал мой отец. — Подождем. Но не слишком долго. Несколько дней тому назад в меня стреляли.

— Что?!. Как?..

— Неважно. Поторопись со своим выбором, сынок. Мы не можем ждать вечно.

Отец прервал контакт, а я долго сидел в кресле, тупо уставившись перед собой. Его снова пытались убить. И, рано или поздно, убьют. Мордред начал действовать.

Я ощущал себя полной свиньей из-за того, что отказался помочь отцу. Особенно после всего того, что он сделал для меня на Отражении Белерианд. А кем я буду себя ощущать, если следующее покушение на жизнь Марка окажется более успешным, чем все предыдущие?.. Нет! Не думать об этом. Таким путем я никуда не приду. Убрать за скобки все эмоции. Глубоко вздохнуть. Сосредоточиться не на том, как все плохо, а над тем, что можно сделать для того, чтобы изменить ситуацию.

Попытаться убить Мордреда и Фиону? Я был уверен, что ничем хорошим эта попытка не кончится.

Да и они ли — наши настоящие враги? Я этого не знал. Авторство всей этой череды убийств и покушений могло принадлежать — по крайней мере, частично — кому-то еще. Кому-то, кому выгодно разжигать огонь вражды между нами. Смерть Гвиневры была абсолютно невыгодна Мордреду. Это выглядело как пощечина — ты убил ученика Джулии, а взамен мы убили твою жену. Мордред не стал бы принимать в этом участия. По крайней мере, мне так казалось. Он был слишком расчетливым, слишком рациональным человеком, чтобы опускаться до такого уровня. С другой стороны, он мог надеяться, что после смерти Гвиневры я совершу какую-нибудь глупость — нападку на него, например, или оскорблю при свидетелях. В этой ситуации он мог бы убить или пленить меня и шантажировать отца...

Я сжал руками голову и застонал. Тысячи «а если» и «может быть» разрывали мой разум.

Выгодно ли Мордреду убивать Гвиневру? Выгодно ли Мордреду покушаться на жизнь Марка и Криса? Можно было найти доводы и за и против, мастерски обосновать как одну, так и другую позицию. Но эта игра была не более плодотворной, чем мастурбация перед зеркалом или рассуждения на тему божественного бытия.

Слишком мало фактов. Слишком много предположений.

Что, если есть кто-то третий, кому выгодно нас стравливать? Но если так, то кто этот «третий»? Джинна? Вряд ли. Неизвестный претендент на трон Аваллона? Кто у нас там следующий на очереди после Марка? Саймон и Оттон. Саймона я знал не слишком хорошо, но у меня сложилось впечатление, что он — хороший вояка, не помышляющий о большем. Тоже самое могу сказать и об Оттоне, только с большей уверенностью. Я плавал под началом Оттона несколько лет и неплохо успел узнать своего командира. По складу характера он не был честолюбив и не стремился к власти.

Кто еще мог быть во всем этом замешан? Потомки Бранда? Но они жили в своей собственной вселенной, попасть в которую (равно как и выбраться из эмеральдской вселенной в нашу) было не так-то легко.

Совершенно неизвестный противник? Какие-то злобные силы где-то на Отражениях? В это верилось с трудом.

Еще был Хаос. В лице короля Аримана, лютой ненавистью ненавидящего нашу Семью.

Я перебрал все, и пришел к тому, что и так знал. Мордред обвинял хаоситов в наших несчастьях. Ему можно было не поверить, но большая часть Семьи придерживалась того же мнения — Джулиан, Жерар, Фиона, Льювилла, Раймонд, Анжелика... Пожалуй, Мордред знал о Хаосе больше всех нас — не зря же он несколько лет жил поблизости от Дворов! — но то, что ему выгодно было обвинять хаоситов в тех или иных преступлениях, еще не означало, что хаоситы на самом деле тут вовсе не при чем.

Я должен познакомиться Хаосом поближе. Может быть, то, что является общеизвестной информацией у них, во Дворах, даст аваллонской Семье ключи к загадкам, над которыми мы бьемся вот уже не одно десятилетие. Что, если кто-то во Дворах хвастался тем, как ловко ему удалось убить Бенедикта или подпалить молнией его сына, Эльганта? Что, если в узком кругу королевской семьи Хаоса на нас больше не держат обиды, полагая себя вполне отомщенными — поскольку, как известно в том же самом кругу, взамен жизни Мелфаста и Монтеस्कью Ариман взял жизни двух старших детей Корвина — Эарона и Роберта?.. Что, если Мордред действительно невиновен в их смерти?

Я не сомневался, что во Дворах жили люди, обладавшие информацией, которая, узнай я ее, полностью бы изменила мою картину мира. Даже короткий разговор с Джаретом, утверждавшим, что он не интересуется политикой, принес мне немало ценного. Может быть, стоит продолжить знакомство?..

Да, это хорошая идея. Джарет может стать моим трамплином к королевскому дому Хаоса. Почему бы — в перспективе — не познакомиться с Ариманом, изображая из себя потенциального предателя, такого «второго Бранда»? Это была игра с огнем, но овчинка стоила выделки. Возможно, там, в Хаосе, я получу информацию, необходимую, чтобы вытащить нашу Семью из того дерьма, в котором мы плавали уже долгие, долгие годы...

Но для начала мне необходимо установить приятельские отношения с Джаретом. Если Дворы — мой ключ к пониманию ситуации в Аваллоне, то Джарет — мой ключ ко Дворам.

Одна из моих комнат в Камелоте была оборудована под мастерскую. Туда я и направился. Я сел за мольберт, сделал предварительный набросок на чистой карте, развел краски и стал заполнять набросок цветом. Изящная, худощавая фигура. Черный камзол. Тонкие губы, изогнутые в приторной улыбке клоуна. Бесцветные, бело-желтые волосы. Узкий подбородок, мелкие зубы. Одна рука — на поясе, во второй — хрустальный бокал с красным вином. Длинные, тонкие пальцы. Темно-зеленые глаза.

Закончив карту, я отложил кисть и тщательно сосредоточился. Я пытался связаться с Джаретом минут пятнадцать, но так ничего не добился. Возможно, он был где-то во Дворах, а такое расстояние карты не перекрывают. Иногда, при совпадении каких-то особых условий, все-таки удастся связаться, но сейчас был явно не тот случай.

Через несколько дней я попробовал снова. На этот раз мне повезло больше. Контакт установился не сразу, и мне пришлось приложить немалые усилия, однако, спустя тридцать секунд медитации козырь Джарета начал оживать.

— Кто? — С любопытством спросил он.

Он выглядел слегка необычно — вдобавок к человеческой фигуре теперь прибавились большие стрекозиные крылья. Мелко-мелко вибрируя ими, Джарет лениво парил среди безумного переплетения арок и лестниц в знакомом мне Замке Короля Гоблинов.

Я назвал себя, и в этот же момент Джарет меня увидел. Мой звонок его удивил, но не слишком. Я пригласил Короля Гоблинов к себе в гости.

— С какой целью? — Поинтересовался он.

— Хочу поближе с вами познакомиться. — Честно ответил я. — Мне кажется, у нас с вами много общего. И вы, и я сравнительно молоды по меркам наших Семей. Пусть политики играют в свои игры... Вы любите охоту?

— Да, экзотическую. На жидкометаллических киборгов или на гуадари.

— Кто это? — Удивился я.

— Первое или второе?

— Второе.

— Помесь бабочки и жирафа. Три головы.

— Боюсь, ничего столь экзотического я вам предложить не смогу. — Я рассмеялся. — Но неужели вы совершенно не приемлите классической охоты? Мои леса в Пиктляндии полны великолепной дичью — олени, кабаны, медведи...

— О! — Улыбнулся Джарет. — Пожалуй, для меня ваша классика будет самой настоящей экзотикой. Ваше предложение очень заманчиво...

— А на кого традиционно устраивается охота во Дворах?..

— Не считая родственников — на демонов и мантикор.

— Ну так как? Вы принимаете мое приглашение?

— Я бы с радостью, — сказал Джарет. — Но я не хочу встречаться с вашим королем. Ни в какой обстановке... Я уже упоминал об отношении к нему в нашем Доме.

— Я приглашаю вас не в Аваллон, а в свои владения, в Камелот. Обещаю — никаких родственников не будет. Я не хочу, чтобы о нашем с вами знакомстве стало известно в кругу Семьи. Возможно, кто-то из моих родственников поддерживает с Ариманом неформальные, но очень тесные связи. Не хочу вас подставить и не хочу подставляться сам.

— Тогда, наверное, мне стоит принять другой облик. — Сказал Джарет, протягивая руку и делая шаг вперед.

Он переместился в Камелот уже изменившимся — заметно потолстевшим и убавившим в росте. Полностью поменялись черты лица, цвет волос стал черным, а глаза — ярко-голубыми.

— Впечатляет. — Сказал я, окидывая взглядом своего гостя. Хаоситская одежда потихоньку видоизменялась, приспосабливаясь под новые габариты Короля Гоблинов.

— Возможности Логруса. — Ответил Джарет. — А ваша Семья полностью утратила способность менять облик?

— Да, к сожалению. — Вдохнул я. — Пойдемте к столу. Я немедленно дам своим егерям соответствующие указания. Они найдут и поднимут зверя, но до этого времени мы можем успеть проголодаться.

Мы прошли в столовую. Слуги сбились с ног, подавая одно блюдо за другим. Здесь было все самое лучшее, что мог предоставить Камелот — десятки наименований напитков и блюд, большую часть которых мы только-только попробовали, поскольку абсолютно не собирались объедаться перед охотой. Деликатесами, тем не менее, был завален весь

стол — так уж требовали приличия.

Потом вернулся один из егерей и сообщил, что зверь поднят. Мы провели в лесу два дня — в первый день, вооружившись луками и стрелами, охотились на оленя, во второй, с копьями — на кабана. Попутно мне пришла мысль, что было бы неплохо завести в пиктские леса энтов из Белерианда — просто так, на всякий случай. Натаскать энтов охотиться за подозрительными людьми. Мало ли кому тут вздумается пошпионить... Особенно теперь, когда я показал Джарету свои владения.

Мы вернулись в замок, отведали мяса зверей, которых убили сами, и долго — застолье затянулось за полночь — беседовали о Дворах и Аваллоне. О секретах и военных тайнах речь не шла — мы, к обоюдному удовольствию, обменялись исключительно общеизвестной информацией. Я показал Джарету наше родовое дерево, продемонстрировал портреты своих родственников и вкратце обрисовал характер каждого. Так же поступил и мой гость. Он извлек из Отражений генеалогическое древо Дворов — как и следовало ожидать, гораздо более обширное и разветвленное, чем наше. Он рассказал мне то, что во Дворах известно каждому бессмертному с детства — миф, павно переходящий в историю, повесть о Лилит, дочери Змея, первой бессмертной, нарисовавшей Логрус посреди совершенного Ничто. Сын Змея и одновременно его внук, Белиал, сочетался с разными демоницами, рожденными первоначальным Хаосом и породил трех сыновей. Имя второго из них было мне знакомо — Суэйвилл. Скончавшийся вскоре после Войны Падения Лабиринта то ли от старости, то ли от яда, то ли от многочисленных проклятий, львиная доля которых принадлежала его собственным потомкам, Суэйвилл правил Хаосом необозримое число лет, и еще прежде чем возникло само время. Он отнял трон у своего отца, убил старшего брата и его сына. Лилит к тому моменту бесследно сгинула, но Джарет упомянул, что существует предание, согласно которому Лилит в конце концов вернется к своим потомкам — возможно, родившись среди них во второй раз.

Высоких Домов Хаоса в настоящий момент было девять, и семь из них вели свое происхождение от Суэйвилла. Дом Ловчих Тьмы возводил свою родословную к Кроузу, старшему брату Суэйвилла, Дом Иноходных Путей — к Галларэну, его младшему брату. Прочие Дома перечисляю по старшинству: Дом Скользящих Теней, Дом Диких Всадников, Дом Рассекающих Мысль, Дом Прерывающих Полет, Дом Всевидящих, Дом Птенцов Дракона, Дом Ныряющих-в-Бездну, Дом Удящих-на-Живца. Последний Дом был уничтожен несколько столетий тому назад.

Я долго смотрел на генеалогическое древо Хаоса. Тут было над чем

задуматься.

— Потомки Кроуза, наверное, были весьма обижены на Суэйвилла. Неужели они никогда не пытались вернуть себе свое?

Джарет покачал головой.

— Суэйвилл длительное время вообще не знал об их существовании. Несколько поколений их семьи так и не прошли Логрус. Их положение улучшилось благодаря браку: Эйнар выдал свою дочь, Белиссу, за Ларсуса из Дома Птенцов Дракона. — Джарет по очереди показал мне на этих трех персонажей. Судя по крестикам рядом с их именами, все трое давно были мертвы. — Это произошло уже после того, как Дворкин сотворил Лабиринт. Суэйвилл готовился к очередной войне с Амбером, и Дом Птенцов Дракона был у него в фаворе. Ларсус помирил потомков Кроуза с Суэйвиллом. Они дали присягу, отреклись от своих действительных или мнимых прав на престол и им было разрешено пройти Логрус.

— Минутку! Вы сказали... «к очередной войне»?

Джарет рассмеялся.

— Я вам этого не говорил.

— Очередной... — Я растерянно почесал подбородок. — Значит, Война Падения Лабиринта не была первой и единственной...

— Странно, что у вас об этом не знают. — Джарет перестал улыбаться.

Я кивнул.

— Странно... Впрочем, преемственность знаний могла и нарушиться. Ведь у нас многие мертвы — не только Дворкин и Оберон, но и все старшие дети Оберона: Бенедикт, Озрик, Финндо, Эрик, Корвин... хотя, возможно, мой дед и жив — не знаю. Каин, Дейдра и Блейз... С Брандом вы сами знаете, чем все закончилось... Наверное, что-то полезное могла бы рассказать Фиона, но она редко читает нам лекции по семейной истории.

— Редко?

— Ну-у... на моей памяти она не прочла еще ни одной. К сожалению.

— Да уж. — Усмехнулся Джарет. — Думаю, мне тоже было бы любопытно послушать. Я ведь, признаться, не слишком хорошо все это знаю. Так, большей частью непроверенные слухи, какие-то обрывки историй...

— А сколько всего было вторжений?

— Не могу вам ответить. Я знаю только, что в первое время после создания Лабиринта Суэйвилл весьма активно пытался его уничтожить. Потом наш дражайший монарх слегка приутих... А самое последнее вторжение организовали уже, фактически, без его участия. К тому моменту Суэйвилл был слишком стар и слаб.

Мне припомнилось кое-что из рассказов Марка. Корвин поведал моему отцу о страшной разрушительной войне, в которой он сам, в юности, принимал участие. Корвин сражался вместе с Бенедиктом, защищая Арденский лес от тварей, пришедших из Отражений. Услышав эту историю в первый раз, я удивился: как отраженцы смогли собрать достаточно сил, чтобы угрожать Амберу? Как они смогли провести их? Марк не мог порадовать меня подробностями, но теперь, в свете того, что рассказал Джарет, еще несколько деталей мозаики встали на место...

— Вторжение Лунных Всадников Генеша — ваша работа? — Спросил я у Короля Гоблинов.

Джарет кивнул.

— Это была одна из самых последних акций. Ее возглавлял принц Роловианс. Говорят, он был выдающейся личностью. Блестящий стратег и лучший фехтовальщик Хаоса в те далекие времена.

— Как он погиб?

— Точные обстоятельства неизвестны. С одной из армий он предпринял отвлекающую атаку, но столкнулся с сильным сопротивлением, когда его войска продвигались через один из ваших лесов...

— Арден?

— Возможно. — Джарет пожал плечами. — Я знаю только — из рассказов своего дяди, Бансеса — что бой происходил в каком-то лесу. Роловианс рассчитывал оттянуть на себя основные военные силы Амбера, в то время как его брат, Лисмейн, — Джарет показал на основателя Дома Всевидящих, — должен был провести основную часть войск через Отражения другой дорогой. Но Лисмейн не появился. На него самого было совершено нападение.

— Кем?

— Неизвестно. Кем-то из ваших. Возможно, самим Обероном. Лисмейн погиб, а его армия сгинула в Отражениях. Роловианс так и не дождался помощи.

Я медленно кивнул. Исходя из того, что в Арденском лесу Корвин бился плечом к плечу с Бенедиктом, можно было сделать очень хорошее предположение, кто же на самом деле пришел лучшего фехтовальщика Дворов.

— А после смерти Суэйвилла, — спросил я, снова показав на Дом Ловчих Тьмы. — Они не делали никаких попыток захватить власть?

— Нет, — сказал Джарет. — Не делали и не могли сделать. Даже если забыть об отречении, как бы выглядели их претензии на трон? Ведь им

пришлось бы объявить все правление Суэйвилла незаконным...

— Понимаю. Учитывая, что семь Домов из девяти являются потомками этого самого короля...

— Вот-вот. В те времена — кстати, их было даже не семь, а восемь.

Я посмотрел на Дом Удящих-на-Живца. Самый младший из Домов. Судя по обилию крестиков, к настоящему времени уцелели только двое его представителей: Дара и Курдалагон. Оба были приписаны к Дому Всевидящих. Дара вошла в него на правах жены Грэмбла, Курдалагон — в качестве мужа Иальны. Иальна была внучкой Сухэ.

— Как был уничтожен этот Дом? — Спросил я.

— Смута. — Ответил Джарет. — Гражданская война в Хаосе. Удящие и Всевидящие, которых возглавляли Дара и Мондор, устроили настоящую резню для того, чтобы расчистить Мерлину дорогу к трону. Длительное время многие не понимали, что происходит и кто за всем этим стоит...

— Эта части истории известна и у нас — преимущественно со слов того же Мерлина. Но почему уничтожили целый Дом?

— Потому что когда стало ясно, кто организовал все эти «несчастные случаи», последовал ответ. Смута продолжалась больше ста лет. За это время многие скончались. Дара и средняя ветвь Всевидящих поступили умнее всех — скрылись в Отражениях. Погибли Мондор, Юрт, Канвен и Вайлес из Дома Всевидящих, и были вырезаны все Удящие. Смута закончилась с воцарением Аримана. Тогда Дара вернулась из изгнания. Ариман полностью оправдал ее, заявил, что она не играла в заговоре никакой существенной роли, а те долги, которые у нее все-таки были, уже сполна уплачены уничтожением ее родного Дома. Мондора выставили как главного организатора заговора...

— На мертвых удобно все списывать, — согласился я. — Но неужели остальные Дома стерпели это вранье?

— Смута истошила Дворы. Все устали от раздоров. Все обиженные либо сполна напились крови, либо были уже мертвы... Кроме того, Дара была очень приближена к новому королю...

— Вижу, — хмыкнул я, рассматривая генеалогическое древо. — Двое общих детей — не шутка. Расскажите о них.

— О Танате и Изиде?

— Нет. О всех девяти. Что представляют из себя нынешние королевские отпрыски?

— В общем, ничего особенного... Старшим сыном Аримана был Эйрик. Как видите, он погиб...

— При каких обстоятельствах?

— Официальная версия гласит, что это — работа Фионы и Корвина. — Скупое улыбнулся Джарет.

Я вздохнул.

— Понятно. Можете не продолжать. А какова неофициальная версия?

— А вы посмотрите, кто идет за Эйриком. Эдуин, Рон и Таир. Их матерью была единственная законная жена Аримана — Инора из Дома Скользящих Теней. Это сильная партия, а в те времена ими заправлял Хирон и Скользящие были, пожалуй, сильнейшим Домом во Дворах Хаоса. Именно они организовали уничтожение Удящих. Аримана выдвинули Птенцы и Дикие Всадники. Скользящие согласились признать его права на трон только при условии брака с Инорой, дочерью Хирона.

— Получается, что «Фиона и Корвин», устранив Эйрика, тем самым гарантировали, что наследником Аримана в случае его смерти станет следующий по старшинству сын короля — Эдуин, внук Хирона?

— Вот именно.

— Ясно... — Я заметил, что рядом с именем Иноры тоже стоит крестик и спросил. — Как умерла королева?

— Покушение. Ловушка в Путих. Ариман и сам чудом остался жив.

— Опять Фиона и Корвин? — На всякий случай уточнил я.

— Вы схватываете на лету. — Похвалил меня Джарет. — Конечно, Фиона и Корвин. Кто же еще?

— Ну да, понятно... А затем последовал ответ... — Я перевел взгляд на Дом Скользящих. Рядом с Хироном тоже стоял крестик. Вот интересно, а что ощутил глава Дома Скользящих, когда созданная им западня убила его собственную дочь, а Ариман остался в живых? Раздражение от неудачи? Или у него все-таки были какие-то отцовские чувства?

Я не стал уточнять этот вопрос — вряд ли Джарет располагал такой информацией, да и по сути, не очень-то было важно, что там ощущал глава Скользящих. Тем более, что он уже давно в могиле.

— Очевидно, — спросил я. — Когда вездесущие Фиона и Корвин проникли во владения Хирона и подло убили его, они при этом коварно приняли облик короля Аримана?

— Нет. — Покачал головой Джарет. — Хирона никто не убивал.

— Да? Странно. Но вот тут стоит вполне определенный значок...

— Хирон погиб при прохождении Логруса.

— Не верю.

— Тому есть подтверждение нескольких свидетелей. — Джарет пожал плечами.

— И часто у вас не проходят Логрус? — Поллюбопытствовал я.

— При повторном прохождении до Хирона не умирал никто. Это единственный случай такого рода.

Я долго смотрел на имя главы Скользящих, очерченное траурной рамочкой и снабженное с боку жирным крестиком. Вероятно, после смерти своей дочери старикан задумал что-то очень веселое. Такое, от чего Ариман уже не смог бы уберечься. И Логрус, который не хотел новой волны анархии во Дворах, предпочел убрать одного из своих посвященных вместо того, чтобы сидеть и ждать, пока этот ушлый посвященный уберет короля.

— Станный, конечно, случай. — Сказал я. — Кто там дальше по списку?..

Дальше по списку были Танат и Изида — дети Аримана и Дары. Танат недавно стал жрецом Змея и потерял, даже в случае смерти Рона и Эдуина, какие-либо права на трон. Изида считалась неплохой колдуньей. Поскольку в Хаосе колдунами были все поголовно, характеристика «неплохая колдунья» могла означать, что доченька Дары на самом деле — магичка высшего пилотажа.

За Изидой следовал Таркиль, сын Аримана и Лаллэн из... опять из Дома Скользящих. Ариман явно был равнодушен к этому Дому. Королевскую корону ни Дара, ни Лаллэн на свою голову примерить так и не смогли — ни на одной из них Ариман не женился, хотя своих детей исправно признавал. О Таркиле Джарет сказал только, что он, похоже, пошел в свою маму — предпочитает плести интриги вместо того, чтобы упражняться с мечом или заклинаниями. Я взял это на заметку. За Таркилем следовали еще два Аримановых детеныша, чьи мамы в родословную не попали: Гор и Тейла. Я предположил, что их матерями были какие-то безызвестные отраженки. Джарет сказал, что я попал почти в точку. Последние двое детей появились у Аримана в результате развлечений с двумя мелкими демоницами Хаоса. На картах Гор и Тейла были изображены в виде чудовищ. Джарет сказал, что человекоподобного облика в их «домашнем», «рабочем» и «парадно-выходном» наборе форм попросту нет.

Я вздохнул. Снова наступила моя очередь рассказывать. Подумав, я вдруг сообразил, что у меня, фактически, нет никаких зловещих тайн, которые мне нужно было бы скрывать. Естественно, я не стал упоминать об Ордене Восьми Ветров, драконах Белерианда и Тени Знака. Я рассказал то, что Джарет мог бы узнать, если бы провел в нашем королевстве чуть больше времени — от тех же архивариусов и летописцев. Я рассказал своему гостю историю воскрешения Бранда (я помню, что обещал

рассказать ее и тебе тоже, но пока потерпи — еще не время), историю разрушения Амбера и бегства Семьи в Аваллон, поведал о веках правления Корвина — все в точности так, как я слышал от своих родственников — о бесконечных нашествиях из Отражений, об исчезновении деда и восхождении на престол Эарона, о его правлении и смерти, о гибели Роберта и появлении Мордредра...

— Правда ли, что мать Мордредра — Фиона, а отец — Корвин? — Спросил Джарет.

— Правда.

Король Гоблинов хмыкнул.

— Ну и обычаи у вас в Аваллоне!..

— Я полностью разделяю ваше негативное отношение к Ублюдку, — сказал я. — Но попрошу не катить бочку на наш Аваллон в целом! Иначе я напомню вам про Лилит, которая родила сына от собственного отца...

— Ну, это ведь миф, понимаете?.. Это другое...

— Ничего себе миф! — Сказал я. Меня повело в сторону. Мы с Джаретом порядочно набрались за ужином. Возможно, именно поэтому разговор получился таким непринужденным. — Сейчас я посчитаю...

Я долго считал поколения, отделяющие нас от прародительницы бессмертных. Выяснилось, что лично меня от Лилит отделяет всего-навсего восемь поколений. А Джарета — и вовсе шесть.

Близость к мифологическим временам настолько удивила нас обоих, что мы на некоторое время даже прекратили разговор о политике. В конце концов Джарет предложил выпить за упокой души нашей общей прародительницы. Я не стал отказываться.

## 5

Погостив в Камелоте еще денек, Джарет отправился восвояси. Напоследок он сказал, что теперь вроде как его очередь приглашать в гости. Он пообещал устроить специально для меня незабываемую охоту на гуадари — а если и повезет, то и на буджума. Я сказал, что ради такого удовольствия брошу все свои дела, даже самые неотложные.

В тот же день, вечером, позвонила Анжела. Она поинтересовалась, не знаю ли я, где Джинна. Я пригляделся — шрам, оставшийся после меча Черного Рыцаря, был уже почти невиден.

— Не знаю. — Сказал я. — А зачем она тебе нужна?

Анжела посмотрела на меня как на идиота. Я открыл рот, закатил глаза и сделал вид, будто я и есть идиот. Анжела мне не поверила.

— Ты точно не знаешь?

— Точно.

— Я тебе не верю, Артур. Я думаю, ты нагло врешь мне в лицо. Ты ее друг и наверняка знаешь, на каком Отражении она прячется.

Я покачал головой.

— Предположим, что так. Предположим. Но подумай сама — будь я близким другом Джинны, стал бы я раскрывать тебе ее убежище?

— Я не хочу ее крови. Я ее почти уже простила. Я просто хочу с ней... поговорить. Вправить ей мозги. Но она не отвечает на контакты.

— Ничего удивительного. Я бы на ее месте тоже не отвечал.

— Но мне нужно с ней пообщаться!

— Сочувствую. Но я действительно не могу помочь тебе. Я и вправду не знаю, где она.

Тетя Анжела осуждающе посмотрела на меня, покачала головой и закрыла карту рукой.

Я вздохнул. Еще и Анжела. Пусть она утверждает, что не хочет убивать Джинну. Пусть. Члену Семьи соврать — раз плюнуть. Даже еще проще.

Может, конечно, она и не хочет крови. Может, она собирается сдать Джинну Мордреду. Мордред превратит Джинну в вешалку и поставит в одном из своих замков. Все абсолютно стерильно. Никакой крови.

Даже знай я, где Джинна, я бы не стал говорить. А я не знал.

На всякий случай я попытался связаться с ней. Безуспешно. То ли она блокировала, то ли находилась в месте, недоступном для связи. Впрочем, я и не ожидал ничего другого.

Только я отложил карту Джинны, как снова ощутил контакт. Неужели кухня поняла, кто пытается до нее достучаться и сама достала мою карту? Я обрадовался. Если Джинна вышла со мной на связь, значит, она доверяет мне больше, чем остальным. Здорово! Надо будет попробовать выяснить, с какого Отражения она привела своих Черных Рыцарей...

Но это была не Джинна. Это снова была Анжелика.

— Ну что еще? — Недовольно пробурчал я.

— Я забыла сказать: если она свяжется с тобой или ты вдруг узнаешь, где она...

— Да, я понял. Обязательно передам, что ты хотела с ней пообщаться.

— Ну, тогда пока.

— Пока.

Анжелика исчезла. Не прошло и минуты, как меня снова настиг ментальный зов. А я, между прочим, направлялся в уборную, следуя другому, более настойчивому зову.

Я открылся.

Снова моя тетя.

— Джинна с тобой точно не связывалась? Может быть, ты что-то хочешь получить за эту информацию?..

Я зарычал.

Анжелика поспешно отключилась.

На досуге надо будет изобрести заклинание для блокировки контактов. Читаешь его на себя — и никто с тобой связать не может. Иногда такое заклинание становится попросту необходимым.

Следующий период времени я поочередно занимался делами Пиктляндии, Киммерии и Тангородрима. Особенное внимание я уделял, конечно, Белерианду. Исходя из общеизвестного факта, состоящего в том, что мы, бессмертные, можем до известной степени воздействовать на структуру Отражения, в котором находимся, я пытался «разогнать» время Белерианда. То есть — сделать так, чтобы время в этом мире текло быстрее по отношению к времени Аваллона. К сожалению, ничего не вышло. Может быть, потенциально бессмертные и способны изменять скорость течения времени в Отражениях, но я не знал, как к этому подступиться. Я навел справки, но из тех, кому я мог доверять — я говорю о Марке, Кресе, Оттоне и Жераре — никто не знал, как разгонять время. По их словам, они никогда даже не задумывались о подобном воздействии на Отражения. Моя идея их заинтересовала. Каждый заверил меня, что если в этой области в будущем совершит какое-нибудь открытие, то я буду первым, кто об этом узнает. Чем мне и пришлось удовлетвориться.

Я неоднократно хотел связаться с Мордредом. Я так измусолил его козырь, что мне пришлось выкинуть его и нарисовать новый. Тут-то все и случилось. Во время работы я так сосредоточился на образе короля, что к тому моменту, когда я подходил к завершению рисунка, контакт возник сам собой. Сказалось еще и слишком близкое расстояние от Аваллона.

Мордред сидел в одной из комнат дворца, разбирал бумаги и переговаривался с Фионой, находившей тут же. Ощувив мое присутствие, он поднял глаза и сказал:

— Привет.

— Эээ... Добрый день. Или вечер. Что там у вас?

— Вечер. Давненько от тебя не было вестей. Как дела в Отражениях?

— Могло быть и получше. — Вздыхнул я.

— Что-то случилось?

— Да нет, все хорошо.

— Откуда тогда такой унылый вид?

— Прухи никогда не бывает много. — Ответил я.

Мордред рассмеялся.

— Не хочешь зайти? — Предложил он.

Я снова вздохнул. Я не хотел делиться с ним своим открытием. Категорически. Но если я ничего не дам, то ничего и не получу.

А получить я рассчитывал много. Очень много.

Я вздохнул в третий раз — мысленно. Решился.

— Давай лучше ты ко мне.

— Извини, Артур. — Мордред развел руками. — К сожалению, король не может позволить себе отпуска.

— Я тебя не в отпуск зову. Есть дело. Думаю, тебе будет интересно.

Мордред оглянулся на свою мать, собираясь предупредить ее о своем исчезновении.

— И Фиону тоже захвати. — Попросил я.

Если уж я решился, дальше разводить секретность не имело смысла. Мордред наверняка поделится со своей матерью тем, что я ему сообщу. Так что Фиона все равно узнает, рано или поздно. С другой стороны, как наиболее опытная колдунья в Семье, она могла оценить мое открытие более полно, чем Мордред. И у нее могли возникнуть разные интересные идеи. Вряд ли, конечно, она ими со мной поделится, но по одним ее репликам или даже вопросам, которые она задаст, можно будет попробовать прикинуть, в какую сторону повернуться ее мысли.

Последовали короткие переговоры между Фионой и королем. Затем Фиона подошла к своему сыну и положила руку ему на плечо, так же вступив в контакт со мной. Я протянул им руки, и наше аваллонское правительство в полном составе перенеслось в Камелот.

Вообще, следовало поразмыслить над тем, как легко они приняли мое приглашение. А если бы я собирался заманить их в ловушку? Да, что если бы тут дежурили два отряда спецназа, возглавляемые Марком и Крисом? Ни Фиону, ни Мордреда нельзя было заподозрить в беспечности. Значит, они уверены, что справятся с угрозой. Джинна застала Мордреда врасплох, и это должно было его чему-то научить. Почему Фиона и Мордред так в себе уверены? Есть ли у них реальные основания для этого?

Думаю, да.

...А может, все гораздо проще? Они не ждали подставы, потому что, скажем, знали, что Марк и Крис в данный момент находятся в Аваллоне.

Я провел их в гостиную, предложил что-нибудь выпить. Я заметил, что Мордред перед тем, как попробовать вино, мимоходом глянул на перстень с изумрудом на своем указательном пальце. Я понимающе улыбнулся

своему любимому дядюшке. Наливал я из одной бутылки, но это, конечно, ничего не значило. Я мог заранее принять противоядие.

У Фионы, очевидно, имелись какие-то не столь заметные способы идентификации ядов, поскольку бокальчик из моих рук она приняла совершенно спокойно, с собственными побрякушками не сверяясь. По крайней мере, я не заметил.

Расположившись со всеми удобствами — Мордред и я в креслах, Фиона на диванчике — мы приступили к беседе.

Я изложил им ту цепочку рассуждений, которая в конце концов привела меня к открытию Тени Знака. Когда я подходил к финалу, то заметил, как блеснули глаза Мордреда. Мое открытие его заинтересовало. Значит, и вправду секрет Колеса-Призрака умер вместе с Мерлином.

Лицо Фионы, как всегда, ничего не отражало. Слушала она, впрочем, внимательно.

— Ты уже проверил эту идею на практике? — Спросила тетушка, когда я закончил.

— Ага. — Сказал я. — На одном Отражении. Но я, извините великодушно, вас туда не поведу.

— Почему?

— Потому что это слишком симпатичный мир. Достаточно и одного бессмертного, который его поглотит. Если там появятся еще двое, да еще таких талантливых, как вы, процесс испоганивания возрастет на порядок.

— Честно слово, мы не собираемся трогать твой мир. — Искренне сказал Мордред. — Просто интересно взглянуть, что получилось.

— Нет. Это не обсуждается. Я готов подробно описать результаты, но в свой мир я вас не поведу.

Я изложил, что произошло с энергией, сконцентрированной в Ангбанде и близ него, после того, как я нарисовал там Тень Знака. Фактически, я сформировал новый Источник Силы.

— А ты не боишься, что теперь твой замок оживет и начнет вести себя, как ему заблагорассудится? — Спросил Мордред. — Так однажды уже произошло.

— Не думаю. — Усомнился я.

— Мерлин тоже не думал.

— Ты о Колесе-Призраке? Но у меня, все-таки, другая история. Мы оба — и я, и Мерлин — использовали матрицу Лабиринта. Только вот Мерлин с самого начала планировал создать весьма сложное устройство, и он его создал. Он значительно усложнил Тень Знака, накрутил массу всяких дополнительных схем, без которых его система не могла ни собирать

информацию, ни анализировать ее. Призрак — это ведь такой параномальный компьютер, правильно? Но у меня-то были совсем другие цели. Тень Знака, при помощи которой я упорядочил стихийную мощь замка, имеет совершенно иное предназначение. По сути, это переходник энергии с достаточно простой конфигурацией — единственной рабочей схемой и десятком контуров.

— Любопытное открытие. — Сказал Фиона. — А что дальше?

— Дальше?

— Ты ведь позвал нас не просто так. Тебе что-то от нас нужно.

— Тетя, вы, как всегда, бесконечно проницательны. Но я еще не закончил. По сути, Тень Знака — это так, семечки. Использование матрицы Лабиринта привело меня к еще более интересной идее. Я все продумал, но без вашей помощи от теории к практике перейти не смогу. Точнее — без помощи Мордред.

— Ты меня интригуешь. — Заявил король. — С нетерпением жду продолжения.

Я сцепил кончики пальцев и выдержал паузу. Я думал, какие подобрать слова для того, чтобы правильно изложить свои мысли.

— Понимаю, что дал вам массу информации для размышлений, но давайте сделаем еще один шаг...

— Давайте. — Поддержал меня Мордред.

— Дядя, мне и без того трудно сосредоточиться... Так вот. Я использовал матрицу Лабиринта... Нет. Вернемся назад. Поговорим о мечах Корвина и Бранда.

— Ты думаешь, если наложить Тень Знака на клинок, то мы получим меч класса Грейсвандира или Вэрвиндла? — Предположил Мордред.

Я покачал головой.

— Я проверял. Ничего не получается. Я провел несколько экспериментов, и у меня возникло ощущение, что Тень Знака привязывается не к предмету, а к месту, где она сотворена...

— И неплохо, чтобы на этом месте с самого начала был хоть какой-нибудь природный источник энергии? — Произнесла Фиона не столько вопросительно, сколько утвердительно.

Я кивнул. Рыжая сволочь быстро соображала.

— Погодите, погодите... — Сказал Мордред. — Я не успеваю следить за полетом вашей творческой фантазии. В предыдущем абзаце, вроде бы, было сказано, что энергию Тень Знака черпает из Лабиринта, а стабилизировать энергетическую конструкцию позволяет наша голубая кровь. Для чего нужен природный источник силы?

— Возможно, — сказала Фиона. — Сама по себе изобретенная Артуром проекция слишком слаба, чтобы самостоятельно черпать мощь из Знака. Ее нужно либо длительное время напитывать энергией, либо с самого начала создавать в месте, где есть сила. — Фиона перевела взгляд на меня.

Я кивнул. Для того, чтобы придти к этому выводу, мне потребовалось потратить два месяца на безуспешные эксперименты в разных Отражениях. Фиона ухватила суть дела сразу, на слух. М-да... Вот что значит настоящий профессионализм!

— Хорошо. — Сказал Мордред. — Все это необходимо проверить. Но ты начал что-то говорить о Грейсвандире и Вэрвиндле, и я подумал, что ты заново открыл способ изготовления таких клинков...

— Я думаю, что открыл. — Сказал я. От взглядов, которыми наградили меня Фиона и Мордред, мне стало неудобно, но я все-таки продолжил. — По крайней мере, я надеюсь, что открыл. Давайте сложим мое открытие вместе с тем, что нам известно про эти клинки. Я никогда не видел ни Грейсвандира, ни Вэрвиндла, но в портретной галерее есть очень хороший портрет дедушки, где он стоит с обнаженным мечом. Я сравнивал узор на клинке Корвина и узор нашего аваллонского Лабиринта. Во-первых, Лабиринт воспроизведен не весь, а только какая-то его часть. Тем не менее, узор на клинке не кажется незаконченным или ущербным. Возможно, потому, что там есть фрагменты, которых нет в нашем Лабиринте...

— Ничего удивительного, — сказал Мордред. — Грейсвандир был создан в Амбере. Очевидно, он воспроизводит амберский Лабиринт...

— Нет. — Возразила Фиона. — Это не так. Узор на Грейсвандире похож на Амберский Лабиринт не больше, чем на Аваллонский. Тут, бесспорно, есть взаимосвязь, но она не прямая... Вообще, — она перевела взгляд на меня. — Ты затронул очень интересный вопрос...

Мордред щелкнул пальцами.

— Точно! Узоры на мечях Корвина и Бранда не могли быть воспроизведениями или Тенями Амберского Лабиринта. Иначе, в тот момент, когда был разрушен Амбер, Грейсвандир и Вэрвиндл также перестали бы существовать — так же, как перестали существовать Лабиринты Ремба и Тир-на-Ног-та, также, как сгнули Сломанные Лабиринты Амбера...

— Бранд и вовсе забрал свой меч в новую вселенную. — Подтвердила Фиона. — Но это Вэрвиндлу никак не повредило... Мне кажется, я решила твой ребус, Артур.

— Не могу похвалиться тем же. — Пробурчал Мордред.

— Камень. — Произнесла его мать. — Талисман, который ты носишь на шее. На клинках воспроизведена не Тень Лабиринта Амбера, Аваллона или Эмеральда. Там воспроизведена Тень трехмерного Знака, находящегося в Талисмане Закона.

Некоторое время мы молчали.

— Узор Камня, воспроизведенный кровью бессмертного?.. М-да... это хорошо объясняет, почему Дневным и Ночным Клинком могли пользоваться либо сами хозяева мечей, либо исключительно их потомки. — Наконец произнес Мордред.

— И почему Корвин мог забыть меч дома, а затем найти его на Отражениях. — Добавила Фиона. — Притом это был именно Грейсвандир, а не его подобие... Братец основательно заморочил мне голову. Трансформированный спикарт!.. Что за чушь! Нужно было просто тщательно проанализировать его рассказ о рыцарском странствии, отбросить всю мишуру и понять, что, кроме эпизода со сдачей крови какому-то подозрительному старику в каком-то подозрительном храме, в этом странствии не было больше ни смысла, ни цели!

— Как ты думаешь, — спросил я Фиону. — Они сами — ну, Корвин и Бранд — знали, как были созданы их мечи?

— Корвин — вряд ли. — Подумав, сказала она. — Бранд, думаю, тоже... Хотя никогда нельзя было быть уверенным, что ему известно, а что нет. В рыцарское странствие, начавшееся в Тир-на-Ног-те, их отправил Оберон. Он, наверное, и принял облик этого старикашки в храме...

— Или Дворкин. — Заметил Мордред.

— Или Дворкин. — Согласилась Фиона.

— Я исходил из того, что часть завитков на мече Корвина, не совпадающая с узором нашего Лабиринта, все-таки светится не просто так, а имеет такое же значение, как и другая часть завитков, которые с Лабиринтом совпадают. — Сказал я. — Я стал думать, откуда они могли

появиться. С помощью Камня, наверное, можно нарисовать очень много непохожих друг на друга Лабиринтов... поскольку Лабиринт в Камне трехмерен и при наложении на любую плоскую поверхность большая часть узора Камня должна оставаться неиспользованной. Ну, а остальное уже понятно...

— Это все? — Мордред повернулся ко мне. — Или ты порадуешь нас еще какими-нибудь гениальными открытиями?

— Пока все. — Произнес я со всей присущей мне скромностью. — Хватит с вас на сегодня. Теперь о том, что я хочу получить. Обидно было бы не проверить такую идею, не правда ли? Предлагаю себя на роль экспериментальной крысы. Я пройду Лабиринт, настроюсь на Камень и попробую создать третий клинок. Вы будете наблюдать за процессом. Если что-нибудь пройдет не так...

— Твоя готовность к самопожертвованию, бесспорно, не может не вызывать восхищения. — Усмехнулся Мордред. — Однако экспериментальной крысе совершенно необязательно руководить ходом эксперимента. Полагаю, будет лучше, если ты просто сдашь пол-литра этой красной жидкости. Можно прямо сейчас. А я создам третий клинок для тебя — так же, как Оберон создал два меча для моего отца и дяди.

Я долго молчал. Я ощущал себя так, как будто меня по уши искупали в дерьме.

— Значит, — тихо сказал я. — Я поделился с тобой своим открытием... пардон — двумя взаимосвязанными открытиями... а ты взамен не хочешь даже...

— Не хочу. — Жестко сказал Мордред. — Извини. Может быть, я параноик, но пока я ношу Талисман, ты на него настроен не будешь. Тема закрыта.

Я скрипнул зубами. После слов Мордреда я очень остро пожалел, что не принял предложения Марка. Пришить эту парочку — и дело в шляпе. И Камень забрать. И секрета больше никто не узнает.

Хорошая мысль. Осталось только придумать, как их убрать.

— Не злись, — заботливо посоветовала мне Фиона. — Ты ведь сам прекрасно понимаешь, какая сейчас обстановка... Твой отец регулярно покушается на жизнь короля...

— Это не Марк!

— Но мы-то этого не знаем. — Фиона печально вздохнула.

— Достаточно и того, что это *может быть* Марк. — Буркнул Мордред, поглаживая кулон.

— Камень Правосудия охраняет своего владельца, — продолжала

Фиона, — но если кто-то со стороны сможет нейтрализовать его действие... В общем, ты уже большой мальчик и сам все понимаешь.

— Понимаю. — Произнес я, наступая на горло собственной ярости. Посмотрел на них. Кроме заботы, лицо Фионы выражало еще и легкое раздражение от того, что ей приходится объяснять очевидные вещи. Мордред снисходительно улыбался. Я постарался придать своей собственной физиономии абсолютно безразличное выражение.

«Ладно, господа. — Подумал я. — Ладно. Но напрасно вы так со мной. Напрасно. Мы с вами обязательно вернемся к вопросу о Камне Правосудия... Сразу, как только подрастут мои драконы.»

— Ну что, приступим? — Мордред легко поднялся на ноги. — В твоём замке есть кузница?

Король и его мать провели в моих владениях почти неделю, время от времени отлучаясь в Аваллон — дела государственной важности не терпели отлагательства. Я притащил в Камелот команду гномов из Белерианда. Поворчав по привычке, гномы быстро увлеклись работой. Мордред руководил процессом.

Хрестоматийная истина гласит, что Камень Правосудия есть высшая октава Лабиринта. Затем идет двухмерный Лабиринт, в котором мы все проходили посвящение, следующий, еще более низкий, уровень представляют Сломанные Лабиринты. Изначально, в своих рассуждениях я шел похожим, хотя и немного другим путем, чем Мордред и Фиона. Тень Знака в Ангбанде, на мой взгляд, была похуже, чем Сломанные Лабиринты. Так сказать, ниже еще на пол-октавы. При создании Тени я использовал, конечно же, настоящий Лабиринт, а не его сломанное подобие. Таким образом, можно было вывести соотношение: Тень Знака, фиксируемая с помощью крови бессмертного, на полторы октавы ниже Лабиринта, проекцией которого является. Из того, что я слышал о Грейсвандире и Вэрвиндле, выходило, что они гораздо круче моей проекции и, вдобавок, независимы от двухмерного Лабиринта. А если они на порядок мощнее Тени Знака, то проекцией чего, в таком случае, они являются? Ясен пончик — Камня Правосудия. Других вариантов просто не было, нет и быть не могло. Так и выходило — Грейсвандир и Вэрвиндл не дотягивали до уровня Лабиринта, но явно были ближе к Порядку, чем любой из Сломанных Лабиринтов и гораздо «сильнее» их. То есть ровно на полторы октавы ниже, чем трехмерный Лабиринт в Камне.

Лучший металл, лучшая команда кузнецов, прекрасно оборудованная кузня... Теперь я думаю, что все это было не так уж важно. Если бы этот

меч отковал пьяный кузнец, использовав для его создания переплавленный металл от прохудившихся чайников — полагаю, ничего бы не изменилось. В данном случае форма полностью отражала содержание. Мордред долго колдовал с Камнем. На раскаленном клинке моей кровью он рисовал одну линию за другой... Кровь сгорала и испарялась, наполняя помещение дымом, а на мече, преобразуя его суть и форму, проявлялась серебристо-белая вязь... Я ощущал необыкновенный эмоциональный подъем, и в то же время я чувствовал как нечто истекает из моей сущности, давая жизнь этому клинку. Между нами возникла связь, столь же тесная, как связь между близнецами или связь матерью и новорожденным. Откуда-то я знал, что, лишившись этого меча, сотворить новый — во всяком случае, для себя самого — я уже не смогу. Он забрал часть моей души, и эта часть навеки останется в нем — или ее не будет вовсе. Меч продолжал меняться. Сырая форма приобретала вид произведения искусства. Оставшиеся не у дел гномы отступили в благоговенье, созерцая явившееся их очам Чудо. Заострилось лезвие, сам по себе появился кровосток, перекрестие — полоса металла — стала изящным полумесяцем, рукоять приобрела объем, даже появилось что-то, похожее на кожаную обмотку, навершие набухло и раскрылось, сделавшись похожим на когтистую лапу. Мордред уже заканчивал играть с Камнем, и я вдруг понял, что должен сделать еще кое-что. Меч ждал меня, притягивал к себе. Я шагнул к наковальне, одновременно опуская руку на кошель у пояса и испытывая дежавю — четкое ощущение, что сейчас лишь повторяется нечто, виденное мною ранее. Когда виденное? Где?.. Возможно, в забытом сне.

Я извлек из кошелька сверкающий бело-голубой камень. Я прикоснулся к лезвию меча, которое еще минуту назад было красным от жара, но не обжегся. Я почувствовал, что меч, еще незавершенный, ощутил мое прикосновение. Левой рукой я поднес Сильмарилл к рукояти. Железные когти сомкнулись, принимая камень. Клинок вспыхнул. Мордред сделал последний завиток и отступил на шаг, любуясь своей работой. Молча стояла Фиона. Но я не смотрел на них. Меч лежал на моих ладонях, сверкая серебристыми линиями узора. Сильмарилл в рукояти сиял, как крохотная звезда. Я чувствовал — меч рад тому, что существует. Он не был разумен, но каким-то образом воспринимал окружающий мир и как-то оценивал его — по своему.

— Таким мечам всегда давали имена. — Подал голос Мордред. — Как ты его назовешь?

Я ответил, не задумываясь:

— Экскалибур.

— ...Значит, ты видел это во сне. — Подвела Фиона итоги нашей короткой беседы.

Мы находились в ее покоях в Аваллоне. В отличие от моих горничных, служанки Фионы были вышколены на совесть. На темной мебели, выполненной в скандинавском стиле, не было ни пылинки, все вещи на своих местах, на письменном столе — стопка книг, лист бумаги и несколько карт.

Я кивнул.

— Я предполагала нечто подобное. — Известила меня Фиона.

Она произнесла это с таким многозначительным видом, что я подумал: «А не врет ли моя тетя?.. Просто так, на всякий случай? Чтобы поддержать свой имидж?»

— Предполагала? — Переспросил я. — Но почему?

— Потому что подобные открытия не совершаются вот так вот, запросто.

— Другими словами, ты хочешь сказать, что такой кретин, как я, не мог придумать ничего путного? А мне кажется, что дело как раз в этом. Открытие лежало на поверхности. Профессионал не мог догадаться.

— Неважно, что тебе кажется, Артур.

— Ладно. — Я скептически посмотрел на тетю. — Может быть, тогда объяснишь, что это было?

Фиона помолчала.

— Ты часто видишь яркие, запоминающиеся сны? — Спросила она.

Я покачал головой.

— С тех пор, как я стал бессмертным, я не вижу снов.

— Любопытно. — Фиона задумалась. — Обычно бывает наоборот. Сны есть у каждого из нас. Некоторые обладают пророческим характером. Это зависит от природной чувствительности. Но если ты не помнил сна с Экскалибуром до того, как он начал осуществляться, возможно, были и другие сны, которых сейчас ты не помнишь.

Я хотел возразить, а потом задумался. В том, что она говорила, что-то было... Одни люди чувствуют себя хорошо утром, другие — вечером. Я всегда был жаворонком, но не раз за последние десять-двадцать лет я просыпался уставшим, словно не отдыхал, а совершал марафонский забег. Впрочем, это случалось нечасто. Были и другие состояния. Светлая радость, содержащая в себе зерно чего-то очень важного — по крайней мере, мне так казалось несколько первых минут после подъема — но затем

ощущение тайны и радости таяло в суете будней. Несколько раз — ни на чем не основанное чувство, будто бы что-то изменилось то ли в мире, то ли во мне за то время, пока я спал. Один раз — ужас, ощущение омерзительного кошмара, который я, как ни старался, так и не смог вспомнить.

Да, Фиона была права. Я видел сны, но не помнил их.

— Возможно. — Тихо сказал я. — Возможно...

— Ты совсем ничего не помнишь?

Я покачал головой.

— Я же говорил... Хотя нет! Вру! Был один случай. Несколько лет назад. Я хотел с кем-нибудь об этом поговорить, да все откладывал на потом... Дело было так. Я спал, но при этом я знал, что сплю. И при этом знал, что это все-таки не совсем сон. Вокруг было темно. Я смотрел в какое-то мутноватое окошко. За окошком был коридор, освещенный свечами и масляными лампами. Я заметил, что в коридоре есть несколько зеркал. Они находились на разной высоте, имели прямоугольную или округлую форму и были заключены в рамы различных видов. По коридору шел какой-то человек. Я заметил его не сразу — мне надоело находиться в темноте, и я высунулся в окошко. Первое, что я увидел — это то, что мое окошко также находится в раме...

— Как она выглядела? — Перебила меня Фиона.

— Она была такой тяжелой, дубовой. Очень красивый узор — листья, звезды и фигуры грифонов с длинными хвостами. Ты ведь знаешь, я давно выбрал себе в покровители этого благородного геральдического зверя. Поначалу на моих знаменах был медведь, но Медведь — предок одного из киммерийских кланов, и я решил: не политкорректно, если у герцога Пиктляндии и конунга Киммерии будет такое же знамя. Остальные могут обидеться, решить, что их притесняют. Поэтому я выбрал грифона...

— Это важно? — Спросила Фиона. — В рамках рассказа о твоём сне?

— Гм... Наверное, нет. Мне просто показалось приятным, что кто-то вырезал на раме в моем окошке именно грифонов. Так вот, я выглянул в коридор. Там был этот тип. Он, вроде бы, с кем-то говорил... С кем именно, я не видел, но у меня создалось впечатление, что он обращается к одному из зеркал. К сожалению, в этом я тоже не уверен, потому что коридор изгибался под немыслимыми углами...

— Я знаю. — Сухо заметила Фиона.

— Знаешь? Ты что, знаешь про мой сон?.. Или видела где-то похожий коридор?.. Что это?

— Продолжай. Что произошло дальше?

— Ну, я ему крикнул: «Эй, ты!» Он повернулся. Лица я не разглядел — он стоял на порядочном расстоянии, и вдобавок оно было закрыто капюшоном. «Кто ты?» — Спросил я. Он молчал. Я чувствовал, как он на меня смотрит.

— Как выглядел этот человек? — С интересом спросила Фиона. — Ты не видел лица, но уж фигуру ты должен был запомнить! Низкий, высокий, толстый, худой, старый, молодой, комплекция воина или...

— Скорее, комплекция твоего сына Мордред. Эдакий худощавый некромант за работой. Не старый и не слишком молодой. Без определенного возраста.

— Ясно. Это точно был мужчина?

— Точно. По крайней мере, у меня возникло четкое ощущение, что это «он», а не «она».

— Дальше.

— Дальше... — Я вздохнул. — Ну, в общем, он молча меня рассматривал, и я понял, что так мы взаимопонимания не достигнем. Я ему сказал: «Ладно. Щас вылезу, погутаим.» Мое окошко было большим, но когда я начал вылезать, произошло что-то странное. Окошко как будто не хотело меня отпускать. Я словно давил на каучуковую стену. Чем дальше, тем все шло хуже и хуже... Но я думаю, что в конце концов справился бы и прорвался в коридор, если бы этот тип все не испортил. Он явно был враждебно ко мне настроен. Он сделал какой-то жест, меня пихнуло назад, в темноту, и все исчезло. А затем я проснулся в своей кровати. И это — единственный сон за последние двадцать лет, который я могу вспомнить.

— Любопытно... — Пробормотала Фиона. — Попытка вылезти из зеркала... Такого еще не случалось...

— Чего-чего? Тетя, хватит темнить. Что это за место?

— Вот так, навскидку — Коридор Зеркал.

— А можно с подробностями? А то тут, знаешь, не все такие умные...

— Нельзя. Я и сама слишком мало знаю о нем. Если вкратце, то это волшебный коридор, который существует вне Отражений. Но при этом, на каком-то уровне, он очень тесно с Отражениями связан. Раньше он появлялся в Амбере, потом «переехал» в Аваллон. Кстати, в Эмеральде он тоже есть. И во Дворах Хаоса. Он существует в другой системе координат.

— «Переехал»? Коридор находится где-то во дворце? И из него можно попасть в Хаос или в Эмеральд? Правильно?

— Неправильно. Коридор находится... где-то. Иногда вход в него появляется у нас. Иногда — в каком-нибудь другом месте, в том числе и во вселенной Бранда. А попасть из Коридора Зеркал, если уж ты вошел в него,

можно куда угодно.

— А как в него входить?

— Никак. Коридор Зеркал сам выбирает, где и когда ему появиться.

— Неужели никто до сих пор не освоился, как им управлять?

— Увы! — Вздохнула Фиона. У меня возникло ощущение, что она лжет.

— Брось, тетя. Это же супер-телепорт!.. Даже круче Лабиринта. Лабиринту слабо напрямую перекинуть в Эмеральд или в Хаос своего посвященного...

— Когда я сказала «попасть из Коридора Зеркал можно куда угодно», я имела в виду — куда угодно Коридору, а не тебе.

— Ну, это только лишь потому, что никто еще не научился им управлять...

— Пойди и научись. — Посоветовала Фиона.

— Обязательно. Так я не понял: я спал или нет? Как я очутился в этом Коридоре, а потом обратно в своей кровати?

— Иногда мы попадаем в Коридор Зеркал в своих снах.

— То есть я был там таким бесплотным призраком? Вот, наверное, почему мне так и не удалось встретиться с тем типом...

— И да, и нет. Наши сны могут быть вполне реальными, Артур. — Предупредила Фиона. — Такими реальными, что ты и отличить не сможешь, убивают тебя здесь или там.

— Но ведь если меня убьют во сне, я просто проснусь, не так ли?

— Я бы на твоём месте на это не рассчитывала. — Произнесла Фиона зловещим голосом.

— Почему? Чем могут быть опасны обычные сны?

— Тем что наши сны, как и наши мечты — необычны. Что такое Отражения, как не грезы? И тем не менее, они вполне реальны. Мы сильны, но любая сила таит в себе угрозу, даже для того, кому она принадлежит. Отраженцам сны не приносят таких хлопот, как нам. Однако для нас между реальным и нереальным нет столь четкой грани, как для смертных — иначе мы бы не смогли создавать Отражения. И по этой же причине я бы настоятельно не советовала тебе умирать в своих сновидениях.

— А что будет, если это случится? Я впаду в летаргию? Или у моего спящего тела внезапно остановится сердце?

— Нет. Пойми, для нас сны — не виртуальная реальность. Иногда мы можем заснуть... и перенести в сон свое тело.

— И что тогда будет? — Я попытался представить, как можно

переместиться вглубь собственного сознания вместе с собственным же телом. У меня не получилось. — Где мы окажемся?

— Где? — Рассмеялась Фиона. — Конечно, в Отражениях.

...Я протер глаза и сел на кровати. На секунду меня охватил приступ страха: представилось, что этот разговор происходил во сне. Во сне мы беседовали с Фионой о снах. Может, именно так сходят с ума?.. Приступ страха прошел, когда я вспомнил, что разговор состоялся полгода тому назад. Пообщавшись с Фионой, я пообедал в теплом семейном кругу, после чего картопортировался — катапультировался, по выражению Майры — в Камелот, где выдал своим чиновникам и военным все необходимые стратегические указания на следующую пятилетку. Затем я ненадолго заскочил в свою квартиру в технологическом мире, познакомился с новой горничной, позвонил нескольким своим агентам (один из них, как выяснилось, уже дослужился до министра обороны), попросил привести ко мне в гости своих детей и внуков мужеского пола, а так же иных предполагаемых приемников, промыл мозги на безусловное подчинение им тоже, послушал новости, не нашел ничего интересного, прокантовался на Отражении почти неделю, занимаясь мелкими организационными вопросами вроде налогов, которые кто-то посмел потребовать у сотрудников моей личной био-лаборатории, проверил, как продвигается спровоцированная мною война за нефтяные месторождения (она уже закончилась), купил в магазине полдюжину книг, посмотрел пару интересных фильмов, сделал еще несколько звонков и ушел в Белерианд. По прибытии на место немедленно был атакован разнообразными дипломатическими миссиями, большую часть которых, помня об обидчивости эльфов, все-таки пришлось принять, проверил, как растет моя огнечихательная авиация (она подрастала), заключил с гномами договор о разработке полезных ископаемых в горах Тангородрима, выслушал отчеты Магистров, сыграл с Идой в шахматы, покатался на Анкалагоне — просто, чтобы тот не отвыкал от хозяйской руки, приволок-таки в Белерианд стадо мамонтов (хотя погода в Северных Землях улучшалась, стратегический запас орков, при все возрастающем аппетите драконов, заканчивался гораздо быстрее), заскочил в гости к Тинголу... И так далее, и так далее, и так далее. Обычные будни бессмертного, о них даже и рассказывать неинтересно.

...Итак, я протер глаза и сел на кровати. Грудастая смуглокожая наложница что-то пробормотала во сне и перевернулась на другой бок. В моей просторной спальне было темно, как в гробу. Середина ночи. Какого

черта я проснулся?..

Ответ пришел двумя мгновениями позже. Кто-то коснулся моей карты. Очевидно, неизвестный пытался связаться со мной и раньше, но не сумел войти в сон, а вместо этого — только выбил мое сознание в «повседневную» фазу.

Я ответил.

— Артур?..

Перед моим мысленным взором поплыл образ Джинны. Я разом проснулся.

— Привет. — Хрипло сказал я. — Как дела?

Я узнал комнату за ее спиной. Джинна находилась в своем официальном замке, расположенном в обширном графстве неподалеку от Аваллона.

— Ничего. — Ответила она. — Хочу пригласить тебя на свой день рождения. Празднование состоится 17 апреля сего года во дворце.

День рождения? У меня чуть не отвалилась челюсть.

— Эээ... А Мордред об этом знает?

— Какая разница? — Мгновенно оцетинилась Джинна. — Дворец — не его собственность!

— Да? А я вот думал, что как раз его.

— Ты ошибался. Дворец — собственность Семьи.

— Как и Корона?

Джинна поморщилась.

— Обязательно было говорить гадость?

Я улыбнулся.

— Просто хотел уточнить.

— Ты придешь или нет?

— Я отвечу на твой вопрос, когда ты ответишь на мой.

— Какой еще вопрос?

— Мордред знает об этом мероприятии или нет?

— Мордред уведомлен, — поджав губки, ответила Джинна.

— А кого еще ты пригласила? — Продолжал допытываться я.

— Будут все. Я надеюсь. — Она подчеркнула последние слова.

Я жил среди бессмертных уже несколько десятилетий, и за это время никто, ни разу не отмечал день своего рождения. Тем более — во дворце. Полагаю, многие мои родственники уже забыли точные даты (вплоть до десятилетий или даже столетий) своего появления на свет. Я, хотя и был молод, мог это понять. Пожив на свете несколько столетий, пребывая в уверенности, что у тебя впереди — вечность, перестанешь следить за

временем...

Мой мозг заработал в привычном режиме. Если Джинна собирает народ, значит, она что-то хочет. Что же она хочет? Снова вывалить на нас своих Черных Рыцарей и потребовать у Семьи, собравшейся в полном составе, присяги? Моя безбашенная кузина вполне могла выкинуть что-нибудь в этом роде.

— У тебя что, круглая дата? — Осторожно спросил я.

Джинна пожала плечами.

— Да нет... 328 лет. — Затем она все-таки решила объяснить причину своей затеи. — Понимаешь, — начала она мягким, слегка виноватым и совершенно несвойственным ей голосом, — я и в самом деле была не права, когда атаковала дворец... Я хочу со всеми помириться... Вот и придумала повод...

Я не поверил ей ни на грош. Она явно что-то затевала. И хотела втянуть меня в это дерьмо наравне с остальными.

— Не знаю, — неуверенно сказал я, — ты ведь знаешь, у меня такой загруженный график... я, конечно, постараюсь выбраться, но...

— Постарайся. — Джинна мило улыбнулась на прощанье. — Я буду ждать.

— погоди, не исчезай! С тобой хотела пообщаться Анжелика...

— Уже пообщалась. — Уведомила меня кузина.

— И... что?

— Что «что»?

— Ты о чем?

— А ты?

— Что ты имеешь в виду?

— А почему ты спрашиваешь?

— А почему бы мне и не спрашивать?

— А почему тебя это интересует?

— Разве что-то не так?

— Что может быть «не так»?

— Джинна!

— Артур?

— Ладно. — Я вздохнул. — Не хочешь говорить, так и скажи. Ты, как я вижу, жива... Анжелика тоже... надеюсь.

— Никаких смертоубийств не было. — Решительно отвергла Джинна мои грязные инсинуации. — Мы спокойно, по-домашнему, уладили все наши разногласия.

— Рад слышать. Хотя «по-домашнему» слегкастораживает...

— Артур, у тебя все? — Перебила меня Джинна. — Мне надо обзвонить еще пол-семьи.

— Все.

— Ну, тогда до встречи.

— Пока.

Джинна пропала. Я посмотрел на кровать, на наложницу и с сожалением отметил, что заснуть уже не смогу. Приглашение Джинны подействовало на меня как ведро холодной воды. Я зажег свет, достал колоду и связался с Марком. Кузина уже успела его проинформировать. Приблизительно час мы играли с отцом в нашу любимую семейную игру: пытались вычислить, что все это значит, к чему это может привести и кто за всем этим стоит. Закончив игру традиционным результатом — а именно, никаким, поскольку предположений, как всегда, было слишком много, а фактов слишком мало — мы немного успокоились и распрощались. До семнадцатого апреля оставалось еще девять дней (а по времени Отражения Белерианд — почти месяц), и можно было, не торопясь, обдумать, что подарить кузине. Собрание сочинений Макиавелли? Одно из многочисленных Умертвий, обнаруженных Галтраном? Паучиху в банке? Арбалет с отравленными стрелами? Серию комиксов? Дрессированного хоббита?.. Нет, нет и нет. Все это было старо и неактуально. Ничего умного мне в голову так и не пришло, зато (спустя два дня) появилась хорошая идея относительно того, что мог бы подарить Джинне Мордред. Еще день ушел на посиделки в аваллонской библиотеке — надо было свериться с источниками. Когда эта работа была проделана, я отправил слугу с запиской к нашему дорогому королю. Дело было не срочным, и я не хотел отвлекать Мордреда от управления государством.

Тем же вечером он связался со мной.

— О чем ты хотел поговорить?

— Можно, я перейду? Как-то уютнее себя чувствуешь, когда беседуешь лицом к лицу, а не по ментальному каналу...

— Ладно.

Он протянул руку. Я материализовался в королевских покоях. Не дожидаясь приглашения, сел в кресло.

— Итак? — Приободрил меня Мордред. — Что у нас плохого?

— Я по поводу праздника, который собирается устроить Джинна. Мне кажется, она все это не просто так затевает.

Король вздохнул.

— Одиннадцатый. — Сказал он.

— Не понял?

— Ты — одиннадцатый по счету, кто мне это говорит. — Мордред покачал головой. — Не имею малейшего желания обсуждать данную тему. У тебя есть что-нибудь конкретное? Бестолковые, ни на чем не основанные рассуждения, меня уже порядком достали.

— Понимаю. Но я не просто хочу потрепаться. Полагаю, на празднике ты примешь все надлежащие меры безопасности. Я не об этом. Я хочу предложить тебе сделать Джинне один подарок. Очень хороший подарок, который подведет черту под всеми ее притязаниями на трон.

Мордред заинтересовался.

— Какой подарок? — Полюбопытствовал он.

— Я продолжу разговор об этом только в том случае, если ты дашь слово, что об этом разговоре никому не станет известно. Ты не будешь упоминать о том, кто является настоящим автором этой идеи.

— Хорошо. Я слушаю.

— Даешь слово?

— Даю. — Мордред устало на меня посмотрел. — Надеюсь, ты понимаешь, что при определенных обстоятельствах я даже не подумаю его сдерживать?

— Это при каких же?

— Например, если мое молчание будет представлять угрозу безопасности королевства...

— Ну, это вряд ли. — Я беззаботно пожал плечами. — Скорее уж, наоборот...

— Давай-ка ближе к делу. — Поторопил меня Мордред.

— Да пожалуйста. — Я выдержал короткую паузу, после чего продолжил. — В нашем королевстве действуют два различных законодательства. Есть довольно обширный свод законов, которым подчиняются наши подданные. Есть — сравнительно небольшой по объему — свод Законов Королевского Дома. По идее, последний должен как-то регулировать отношения между членами Семьи, однако вспоминают о нем редко, поскольку все в конечном итоге упирается в волю короля. Единственный, кто может менять Закон Королевского Дома — это сам король, и он же следит за его исполнением. По сути, внутрисемейный закон строится по принципу сочетания авторитаризма и прецедентов...

— Опустим преамбулу, — посоветовал Мордред. — Я знаю все это не хуже тебя.

— Я уже подхожу к сути. Один из разделов Закона Королевского Дома — Уложение о Наследовании. Его также может менять только король. То есть все в конечном счете упирается в желание того или иного монарха

поступить так, а не иначе, и его желание имеет силу закона. Понятное дело, на самом деле в нашей Семье все решает не закон, а сила, которая за ним стоит — либо может им пренебречь — но я сейчас говорю о формальной стороне дела. И только в том случае, если король умер, отрекся или исчез, Закон Королевского Дома выходит на первый план. Семья собирается и выбирает короля согласно Уложению о Наследовании. По крайней мере, так должно быть. В идеале.

— Ну и что?

— А то, что ты можешь лишить Джинну всех прав на наследство! Ты не можешь убедить ее отказаться от желания сесть на престол, но зато ты можешь сделать так, чтобы Джинна, даже в случае твоей смерти, на трон все равно сесть бы не смогла!

Мордред посмотрел на меня с сомнением.

— И каким, позволь узнать, образом? Она законная дочь Эарона, этого у нее не отнимешь...

— Да, но в Уложении о Наследовании не прописано, может ли женщина претендовать на корону. Такой статьи просто нет, я смотрел — в Уложении не делается различия между наследниками по половому признаку. Ты можешь этот момент уточнить — добавить статью, в которой будет указано, что женщины не могут наследовать королевский титул до тех пор, пока есть наследники мужского пола. И ты будешь абсолютно прав, поскольку прецедентов, когда наследование происходило по женской линии, у нас до сих пор просто не было! Оберон-Рэндом-Корвин-Эарон-Мордред... все пятеро — мужчины! Джинна будет плевать и скрежетать зубами, но она ничего не сможет поделать. Ни сейчас — поскольку ты король, ни потом — потому что Семья, имея Уложение о Наследовании, в случае твоей внезапной смерти отвергнет ее кандидатуру. Только следующий король сможет отменить эту статью, но он будет мужчиной, и, естественно, делать этого не станет. Вот так!

— В последнее время ты переполнен идеями. — Сказал Мордред. — Я слышал, ты прожил несколько лет на Отражении Земля. На кого ты там учился? На юриста?

— На фээсбэшника. Но мне, помимо всего прочего, пришлось пройти и курс юридической подготовки.

Я не стал уточнять, что учился не на самой Земле, а на одном из ее Отражений, называемом Совок-2010. Оригинальная Земля погибла вместе с Амбером, потом Корвин ее восстановил (также, как Джулиан восстановил Арденский Лес, а Льювилла — подводное царство Ремба), но к данному моменту центральное Отражение этого региона уже давно

вступило в счастливое пятое тысячелетие. Мир, где победил гуманизм, был мне не интересен (такие миры только расслабляют, по сути не давая посетителю ничего полезного) и я разыскал одну из предыдущих версий этого мира.

— В целом, мысль недурна. — Задумчиво сказал Мордред. — Мне надо посоветоваться со своими юристами...

— На твоём месте я бы это дело не затягивал.

— Артур, у меня предложение. Давай я останусь на своём месте, а ты — на своём? Хорошо?

— Согласен. Прошу прощения у Вашего Величества, но я вовсе не пытался указывать Вашему Величеству, что Вашему Величеству следует делать. Я просто хочу напомнить, что до праздника осталось четыре дня. По-моему, это был бы очень хороший подарок...

— А по-моему, плохой, — холодно сказал Мордред.

Когда я чего-то не понимаю, я не стесняюсь спрашивать. Вот и сейчас...

— Почему? — Удивился я.

Ответ Мордреда поразил меня.

— Потому что я не хочу ссориться с Джинной. — Ответил он.

— Но... эээ... она ведь... — Я даже не знал, что сказать. Джинна чуть его не пришила, убила королеву, а он «не хочет ссориться»!

— Ничего не понимаю. — Признался я.

— Любопытно ты мыслишь, — усмехнулся Мордред. — То полоса гениальности, то гениальная же тупость. Объясняю. Я хотел убить Джинну. Ты мне не дал. Но раз она жива, ссориться с ней я не буду. Чтобы не произошло дальше, сейчас я изо всех сил постараюсь с ней помириться. И я очень рад, что Джинна первой пошла мне на встречу. Это даёт мне надежду, что она не совсем безнадежна.

— Я не верю, что нас ожидает просто приятный праздник. — Упрямо сказал я.

— Кто знает?.. — Мордред пожал плечами. — Хочется верить, что племянница взялась за ум. Но как бы там ни было, со своей стороны я не буду делать ей такого «подарка» на день рождения. Не хочу давать ей пощечину, да ещё и публично. При её взрывной эмоциональности последствия могут быть непредсказуемыми...

— Не обязательно объявлять этот закон прямо на празднике. — Сделал я последнюю попытку переубедить Мордреда. — Можно подарить Джинне весь кодекс законов, вместе с новой статьёй в Уложениях... Не будет же она прямо на празднике эту книгу читать! Придет домой, посмотрит.

Оценит и проникнется...

— Нет. — Сказал Мордред таким тоном, что я понял — спорить бесполезно. — Может быть, потом, но не сейчас. А если тебе хочется поглумиться — обращай к детишкам Льювиллы.

Мы долго молчали. Потом я вздохнул и сказал:

— Я знаю, почему ты не хочешь принимать мою идею. Ты думаешь: я говорю все это для того, чтобы в случае твоей смерти у Джинны не было никаких прав и королем стал бы мой отец, Марк...

— Это и дураку очевидно. — Усмехнулся Мордред.

Я покачал головой.

— Это не так.

— Да неужели? — С непередаваемым сарказмом откликнулся Мордред.

— Я знаю, как это выглядит, но это не так. Дело в том, что я не хочу, чтобы Марк становился королем.

Мордред наклонил голову и принялся с интересом меня изучать.

— Это уже что-то новенькое. — Сказал он.

Я посмотрел королю в глаза. На его устах играла улыбка.

— Я не хочу, чтобы мой отец становился королем. — Твердо повторил я. — У меня было много времени обдумать всю эту ситуацию. Корона ничего не дает, кроме большого геморроя. Я хочу, чтобы мой отец жил... а не правил. Понимаешь? Кто бы не надел корону, он автоматически становится мишенью для прочих претендентов. Я не хочу, чтобы на отца покушались с такой регулярностью, с какой покушаются на тебя. Я отговаривал и буду отговаривать его от этой затеи. Надеюсь, со временем мне удастся убедить Марка дать тебе присягу... Но если он погибнет, — я сделал паузу. — Вдруг, ни с того ни с сего. Я... Я обижусь.

— Это понятно, — кивнул Мордред. — В том, что ты обидишься на меня — даже в том случае, если твоего отца убьет кто-то другой — я никогда не сомневался. Что касается остального... Забавно, что ты об этом заговорил. Я давно хотел тебе кое-что сказать. Если я вдруг умру. Вдруг, ни с того ни с сего. — Он улыбался, копируя мой тон, а затем огорошил меня:

— В этом случае я бы хотел, чтобы королем стал Марк.

Я удивился и молчал, наверное, секунд пятнадцать.

— Почему?

— Потому что личные отношения — это одно, а интересы королевства — совсем другое. — Сказал Мордред. — Кто еще, кроме Марка, мог бы править? Ну не Джинна же!.. В принципе, конечно, могла бы и она — когда повзрослеет...

— А остальные?

— Остальные либо думают исключительно о себе, либо по своим способностям не годятся для правления. Пожалуй, мог бы еще Саймон... но он никогда не рвался на трон. А остальные либо не захотят, либо не смогут.

— Странно. — Сказал я. — Немного странно от тебя все это слышать, но... если подумать, наверное, ты прав.

— Я знаю, что прав. А вот твоё признание действительно меня удивило. Я улыбнулся.

— Тут все просто. На короля падают все шишки. Пусть лучше они падают на тебя, а не на Марка.

— Да, это веский мотив! — Смеясь, вынужден был признать Мордред.

— Ну ладно, мне пора. — Я встал. Дядюшка поднялся следом, собираясь проводить меня до двери.

— Кстати, — сказал я. — Ты уже сделал себе меч с элементами Лабиринта?

— Нет.

— А почему?

— Зачем он мне? — Мордред слегка улыбнулся. — К чему? Я колдун, а не воин.

Я покачал головой. Ясно, дядюшка не намерен обсуждать эту тему. У него были какие-то свои мотивы, и раскрывать их он не собирался.

— Всюду секреты, секреты... — пробормотал я. — Спокойной ночи, дядюшка.

— Спокойной ночи, Артур.

Я вышел, и Мордред закрыл за мной дверь.

...Во время этого разговора каждый из нас солгал, как минимум, два раза. Поскольку в будущем тебе предстоит жить в Семье, ради тренировки прокрути-ка разговор назад и попробуй угадать, где именно мы друг другу солгали.

В назначенный день явились все, и никто не забыл про подарки. Дамы приоделись по высшему разряду, одеяния мужской половины выглядели строже и скромнее — все как положено. Все были в своих цветах, и я — не исключение: белая рубашка с кружевами, серебристо-синий камзол, серебристо-серые штаны, темный пояс, росшитый серебром и ножны аналогичного цвета. В ножнах, кстати, покоился не Экскалибур, который я

не хотел светить перед родственниками, а всего лишь непритязательный Англахель. Ты можешь спросить, какого черта я приперся на день рождения с оружием, но я отвечу тебе, что мечи были у всех моих родственников мужского пола. Это просто часть нашего парадно-выходного костюма.

Джинна явилась последней. По кивку Мордредра ударили фанфары и запели трубы. Праздник начался. Джинне вручили целую гору подарков. К своему стыду, я так и не смог придумать ничего оригинального, и поэтому преподнес сестренке всего-навсего набор эльфийских украшений. Джинне, впрочем, мой подарок пришелся по вкусу и я, вслед за остальными, чмокнул именинницу в щечку.

Мы перекусили, произнесли несколько тостов в честь малышки Джинны (первый тост — за ее здоровье — поднял Мордред) и пошли танцевать. Я хотел пригласить виновницу торжества, но Эрнил меня опередил. Оглядываясь в поисках пары, я наткнулся на взгляд Фионы. Тетя игриво подмигнула мне. Я подумал, что если рискну проигнорировать намек, наверняка проведу остаток своих дней на болоте в облике жабы. Мысленно выругавшись, я подошел к рыжей ведьме.

— Па-а-азвольте вас пригласить, — сказал я, галантно кланяясь. Джулиан скептически на меня посмотрел, но промолчал.

При нашей с Фионой разнице в росте не так-то легко было с ней танцевать. Когда мы бодренько закружились в вальсе, я был вынужден кружиться согнувшись.

— У тебя больше не было снов? — Вполголоса спросила Фиона. Я покачал головой.

— Если и были, то...

— Понятно. Почему ты не носишь Экскалибур?

— А что, надо?

— Ты не хочешь, чтобы Семья о нем знала?

— Неудивительно, правда? Я хотел попросить вас с Мордредом никому не говорить о моем новом мече... И о проекции Лабиринта — тоже.

— У нас была к тебе аналогичная просьба. — Сообщила Фиона. — Таких мечей не должно быть много.

— Согласен.

— Я знаю, что ты согласен. Но ты еще не понял, почему.

Следующие несколько тактов я молчал. Я не хотел делиться секретом Тени Знака и уж тем более — секретом изготовления мечей с элементами Лабиринта — по вполне прозаической причине. В нашей Семье не принято раздавать секреты такого уровня за здорово живешь. Только в обмен на

что-нибудь не менее ценное. Однако Фиона намекала на то, что были и другие причины не распространять технологию. Интересно, какие? Не из-за этих ли причин Мордред не изготовил аналогичный меч для себя самого? И наконец, если допустить, что Грейсвандир и Вэрвиндл для Корвина и Бранда на самом деле создал Оберон, возникает естественный вопрос: почему он не сотворил меч для себя самого? И клинки для остальных принцев?

— Не понимаю, — признался я. — Объясни.

— Сейчас...

Спустя несколько минут музыканты прекратили игру, и первый танец закончился. Мы с Фионой, прихватив по бокальчику с вином, вышли на балкон.

— Все это, конечно, неопределенно, — задумчиво сказала моя тетя, — и абсолютных доказательств у меня нет, однако мне кажется... нет, я почти уверена в том, что если мы поставим производство Истинных Мечей на поток, ни к чему хорошему мы не придем. Чем больше будет становиться мечей, тем слабее будет каждый из них в отдельности.

— Каждый следующий будет слабее, чем предыдущий?

— Нет. Будут равномерно слабеть все уже существующие.

— С чего ты взяла?

— У меня есть основания так думать.

Мне понадобилось две секунды для того, чтобы сделать очевидный вывод из ее заявления.

— Ты видела Грейсвандир и Вэрвиндл со времени нашей последней встречи?.. Нет, Вэрвиндл ты видеть не могла — он в другой вселенной, да и вообще, после того как вы с Корвином окончательно устранили Бранда, его потомки с цветами и объятьями тебя вряд ли бы встретили... Остается Грейсвандир. Корвин давно пропал, но, выходит, ты по-прежнему держишь с ним связь... Или, по крайней мере, знаешь где он находится... или содержится?

Фиона внимательно на меня посмотрела. Маленький рост не мешал ей смотреть на высоких людей так, что им начинало казаться: если рыжая ведьма захочет, она их быстро раздавит. Не обошло это удовольствие стороной и меня. Я еле удержался, чтобы не вцепиться в рукоять меча.

— Выстраиваемые тобой гипотетические взаимосвязи между никак не зависящими друг от друга предметами, безусловно, весьма интересны, — ядовито заметила тетушка, — однако я предлагаю тебе вернуться непосредственно к предмету нашего обсуждения. Ты представляешь себе, как работает Лабиринт?

— Ну... не совсем понимаю, что ты имеешь в виду...

— Лабиринт дает силу нашим заклинаниям. Что дает силу Лабиринту?

— По-моему, это вещь в себе.

— На каком-то уровне — да. Но не совсем.

— Единорог?

— Неверно.

— Тогда не знаю.

— Сам Порядок, явленный на нашем уровне существования в виде Талисмана Закона.

— Минуточку, — сказал я. — А Единорог — это разве не Порядок? Я думал, наша прабабушка и есть высшая ипостась этого самого Порядка.

— Единорог владеет Порядком, но так было не всегда. — Ответила Фиона. — Некогда Талисман Закона был глазом Змея, и, таким образом, Змей владел и Порядком, и Хаосом. Какой отсюда вывод, Артур?

— Какой? — Послушно повторил я.

— Единорог и Змей *не тождественны* Порядку и Хаосу. Порядок и Хаос — безличностные принципы. В настоящее время Единорог и Змей являются их божественными ипостасями, однако боги не «прикреплены» к Силам, которыми владеют. Если найдется новое божество, оно вполне может попытаться сместить одного из своих предшественников. Собственно, мы это наблюдали и продолжаем наблюдать до сих пор. Феникс при помощи своего агента значительно потеснил Единорога на троне Порядка.

— Никогда не рассматривал ситуацию с такой точки зрения. — Признался я.

— Наш разговор не об этом. Вернемся к Лабиринтам. Они черпают свою силу, «порядковость», как сказать, из Камня Правосудия. При нормальном положении вещей трехмерному Лабиринту в Камне соответствует один истинный Лабиринт и ряд Сломанных, являющихся его отражениями. Но у нас положение вещей НЕ нормальное. Есть два истинных Лабиринта — наш и Эмеральдский. Хотя влияние Порядка и высоко из-за того, что Лабиринтов — два, этот порядок противоречив, расщеплен на две враждующие части. Сила, содержащаяся в Камне, вместо того, чтобы с помощью одного бога перетекать к одному Лабиринту, распределяется двумя богами между двумя Лабиринтами. Результат: каждый из этих Лабиринтов слабее, чем тот, который был у нас в Амбере.

— И ты хочешь сказать, что подобный же принцип действует по отношению к Истинным Мечам?

— Совершенно верно. Сила, образующая нашу вселенную, велика, но

не безгранична. Во всяком случае, ее проявление — отнюдь не безгранично. Мечи, подобные Грейсвандиру, забирают частичку силы Порядка, проецируемую из Камня. Чем больше мечей, тем они слабее. И тем слабее наш Лабиринт, который питается из того же источника.

— И Лабиринт Бранда?

— И Лабиринт Бранда. — Согласилась Фиона. — Можно наштамповать два десятка Лабиринтов и еще полсотни таких клинков. Но в результате мы их совершенно обесценим. Хотя сила Порядка в конечной сумме возрастет, консолидированному Хаосу не составит труда перебить по очереди многочисленных проводников противоположной стороны.

— Черт, — сказал я. — Ты не могла сказать об этом раньше? Я бы десять раз подумал, стоит ли делать третий меч. Рано или поздно Семья все равно узнает. Я секрета не выдам... буду молчать, как партизан... даже под пытками, но...

— Я и сама не сразу сообразила. — Вздохнула Фиона. — Ты меня обманул.

— Как? — Удивился я. — Когда?

— Когда усилил клинок каким-то природным источником. Если бы не это, Экскалибур с самого начала был бы гораздо слабее...

— Ты говоришь о Сильм... о том камушке, который я в него вставил?

— Именно.

— Ну и ну. — Я покачал головой. — Так вот почему... Да, теперь понимаю. Вот вам и сновидение... А как ты думаешь, Грейсвандир и Вэрвиндл из-за третьего клинка сильно испортились?

— Думаю, нет. Есть еще один момент, про который я не упомянула. И мечи, и Лабиринты со временем набирают силу, приобретают свойства живых существ — вплоть до собственной воли и даже самосознания. Так сказать, повышают свой удельный магический вес. Появление Экскалибура ослабило Вэрвиндл и Грейсвандир, но даже сейчас, как мне кажется, каждый из них сильнее твоего меча. У Экскалибура, из-за того камня, лучшие стартовые условия, чем были у них — вот и все.

— Ты меня успокоила. — Сказал я. — Предварительно напугав.

Фиона улыбнулась.

— Да. Это — мой стиль.

— Угу. Секрет Истинных Мечей не раскрою никому и никогда.

— Меня это радует. А вообще, — Фиона отвернулась и посмотрела на город, в котором дневная жара готовилась уступить место вечерней прохладе. — Все это не случайно.

— Что не случайно?

— Кто-то очень хотел, чтобы ты создал этот меч.

— «Кто-то»? — Я фыркнул. — О чем ты?

— Думаю, — негромко сказала Фиона. — Сегодня мы уже достаточно поговорили...

— Брось, тетя! Если ты хотела заинтриговать меня, ты своего добила. Кто может повлиять на сны бессмертного? Кому было нужно, чтобы я создал этот меч? Для чего? И вообще! Это была моя, и только моя идея!..

— Артур, — Фиона взяла меня под руку и подтолкнула к входу в зал. — Заканчивается пятый танец. Сейчас нас позовут садиться за стол. Нам все равно не дадут поговорить.

— Но ты должна мне сказать!

— Может быть, но не сейчас. К тому же, я ни в чем не уверена. Думаю, если моя догадка верна, тебе все сообщат... и без моей помощи. Подробно объяснят, кто ты и какова твоя роль в спектакле. Возможно, еще раньше ты догадаешься и сам...

— Но...

— Ни одного танца, сестренка, — подошедший Джулиан галантно предложил Фионе локоть — с противоположной стороны от меня. — Мое сердце разбито.

— Я ощущаю себя почти виноватой. — Тихонько рассмеялась Фиона, опираясь на руку Джулиана. — Вознагражу тебя в следующей части.

— Твое обещание воскрешает меня из мертвых.

Я перестал слушать их воркование и в одиночестве вернулся на свое место. Подошли и остальные — улыбающиеся, покрасневшие после танцев.

— Что этой рыжей гадюке было от тебя нужно? — Шепотом спросил Марк.

Я покачал головой.

— Маленькая дискуссия на тему магии. Не обращай внимания. Надо было решить один чисто технический вопрос.

Марк подозрительно посмотрел на меня, затем — видимо, вспомнив, что я все-таки его сын — смягчился и предложил:

— Положить тебе пирога?

— Да, если не трудно.

Марк, сидевший рядом с пирогом, организовал две порции — себе и мне. Потом ему пришлось поухаживать за Дианой, а затем — за Жераром, желавшим получить сразу две куска. Я спросил у Жерара, не намерен ли он заняться борьбой сумо. Дядюшка показал мне кулак. Аргумент был весомый, и я проглотил вопрос, когда именно он собирается порадовать нас выступлением в этом виде спорта. Если бы он захотел появиться на чемпионате мира, я бы пришел поболеть.

Когда все попробовали пирога и переключились на чай и пирожные, Джинна подняла руку. Она что-то собиралась сказать. Я насторожился. Глаза у моей сестренки задорно поблескивали, из чего можно было сделать вывод, что за то время, пока мы с Фионой вели на балконе свою маленькую дискуссию, Джинна успела не только потанцевать, но и осушить пару бокальчиков.

Весело галдевшие родственники замолкли, хотя и не сразу. Джинна отодвинула стул и встала.

— Дорогие мои, — начала она. — Дяди и тети, братья и сестры...

— Покажи мне тут хоть одну свою сестру! — Фыркнул Эрнил.

Это была святая правда. Двоюродных братьев у Джинны имелось аж двое — я и Оттон — зато сестричек не было ни одной. Ни родных, ни двоюродных, ни троюродных — вообще никаких.

— Это неважно, — твердо заявила Джинна. Я пришел к выводу, что осушила она не пару бокальчиков, а, как минимум, три-четыре. — Это совершенно неважно по сравнению с тем, что я собираюсь сказать. Дорогие мои родственники! Раз уж вы все тут собрались, давайте обсудим один вопрос, который назрел уже давным-давно.

— Какой еще вопрос? — Безразличным тоном осведомился Мордред.

— Как — какой? — Джинна ослепительно улыбнулась. — Вопрос моих прав на престол, конечно.

Могильная тишина провисела над столом не больше нескольких секунд. Затем тишина взорвалась. Заговорили разом все — или почти все.

«Да! — Весело кричала Майра. — Да! Yes! Джинну — в президенты!» Эрнил был с ней солидарен: «Джинна — рулез! Диктатура — отстой!» Было еще несколько безответственных людей, выразивших, правда, свои симпатии не так громко. Сомневающиеся вели оживленные переговоры со своими соседями по столу. Самые здравомыслящие члены нашей Семьи пытались урезонить Джинну и усадить ее на место. Фиона и Джулиан молчали, однако их молчание было не менее красноречивым, чем выступление Каина, несколько раз обозвавшего Джинну полной дурой. Джинна стала осматривать стол в поисках предмета, которым можно было бы зашвырнуть в джулиановского сынка.

С чувством глубочайшего удовлетворения я посмотрел на Мордред. Что, съел, гаденыш? А я ведь предупреждал! Советовал!.. Ну вот теперь сам и кушай эту кашу!

На третьей минуте галдеж начал утомлять. Мордред поднял руку. Собравшиеся притихли.

— О чем ты, племяша? — Спросил король, ласково разглядывая претендентку. — Какие права? Очнись. Сядь на место и скушай что-нибудь.

— Какие права?! — Процедила Джинна. — Мои права — ты, узурпатор! Мой отец был королем!

— Мой тоже. — Резонно заметил Мордред.

— Ты знаешь, о чем я говорю! — Джинна направила обвиняющий перст на дядю. — После Мерлина, Эарон — старший сын Корвина! А я — дочь Эарона! И престол — мой!

— Джинна, мы не на базаре, — попыталась урезонить ее Фиона. — Мордред — король, хочешь тебе этого или нет. Мы пошли тебе навстречу, простили нападение на дворец, убийство Джулии... разрешили устроить этот праздник...

— Зато я вам не прощаю смерть Эарона! — Выплюнула моя сестричка. — Разрешили устроить праздник! Надо же! Плевать я хотела на ваше разрешение! Это мой дворец!

— И корона моя. — Подсказал Джулиан.

— И корона! — Джинна перевела на него гневный взгляд.

— И Камень Правосудия мой.

— И Камень!

— Все мое.

— Да! — Крикнула Джинна. — Все! Мое! Потому что я! Королева! По закону! И праву!

Я хотел заплодировать этой пламенной речи, но не стал. Меня могли

неверно понять. Как с той, так и с другой стороны.

— Джинна, ты слишком много выпила, — терпеливо сказал Мордред. — Сядь и успокойся...

— Ну уж нет! — Джинна оглядела собравшихся. — Я вообще не понимаю, почему говорят только эти трое? Почему молчит Семья? Я хочу узнать у вас, дорогие и любимые родственники, почему игнорируются мои права на трон? Объясните мне, прошу!

— Джинна, пожалуйста, ну не надо!.. — Затараторила Флора. — Мы так хорошо сидели, общались!.. Ну зачем все было портить!.. Так все было замечательно!..

— Вообще, конечно... — Замялся Жерар, поглядывая то на Мордреда, то на Джинну. — Стоило, да, все это обсудить... Давно уже... Да... Надо было... Чтобы не было вопросов... Но сейчас... Не знаю... Может, потом?..

— Когда потом? — Спросила Джинна. — Никаких «потом» не будет! Почему нельзя решить все здесь и сейчас?! Вся Семья в сборе.

— А ведь и правда, — сказала Анжелика. — Давайте проголосуем? Кто за Джинну, кто за Мордреда. Все сразу станет ясно. И кое-кто, — она недовольно посмотрела на свою племянницу, — наконец, уймется...

— Поддерживаю! — Сказал Раймонд.

— И мы! И мы! — Обрадовано закричали Эрнил с Майрой. — Голосуем! Гласность! Демократия! Скажем наше решительное «нет» всякому волюнтаризму!

Мордред с отвращением посмотрел на детишек Льювиллы.

— Ну уймись же, — устало попросил он. — Сколько можно...

— А что, — сказал Марк. — Можно и проголосовать. Это даже забавно.

Мордред посмотрел на моего отца. Теперь выражение его лица было другим. Жестким. Он никогда не видел в Джинне настоящего противника — даже не смотря на то, что она недавно учинила. Его врагом всегда был Марк.

— Хорошо. — Прищурившись, сказал Мордред. — Голосуем. Кто за...

— Подожди! — Крикнул я. — Давай определимся с правилами!

— Ты-то чем недоволен? — Мордред с раздражением посмотрел на меня.

— Если уж мы вообще устраиваем весь этот балаган с голосованием...

— Вот! — Саймон щелкнул пальцами. — Точно! Именно «балаган»! Хорошее слово! Балаган — и ничто иное!

— А почему это «балаган»? — Возмутилась Джинна. — По-вашему,

мои права можно просто так проигнорировать?!

— Такие вопросы надо решать в другой обстановке...

— В какой?

— В другой.

— Сидеть и ждать, пока Мордред меня или под стражу возьмет, или отравит? Ну уж нет!

— А ведь и в самом деле, — поддержала Джинну Диана. — Почему бы и не проголосовать? Или вы считаете, что можете все решить в вашей теплой компании — Мордред-Фиона-Саймон-Джулиан-Каин — а нас только поставить в известность?

— Права Мордреда уже обсуждались на семейном совете, — напомнил Джулиан. — Тогда он и был выбран королем. За него проголосовали почти все.

— А я, например, не голосовала. — Улыбнулась Диана.

Джулиан кивнул.

— И Артур не голосовал. И Оттон. Но не устраивать же нам перевыборы по случаю каждого прибавления к семейству!

— Протестую! — Сказал Марк. — На том совете меня, например, тоже почему-то не было! Тоже скажешь, что и я тогда еще «не родился»?!

— Хорошо, — Джулиан поднял ладони вверх. — Давайте проголосуем еще раз. Кто за...

— Дядя, дядя! — Я поспешно поднялся. — Правила все еще не оговорены! Я предлагаю голосовать не открыто.

— Почему? — Спросил Мордред.

— Потому что кто-то, увидев, как его близкий родственник поднимает руку «за» тоже может к нему присоединиться — не потому что действительно стоит на стороне этого кандидата, а потому, что стоит на стороне своего друга или ближайшего родственника...

— Но закрытое голосование — это тоже не дело. — Возразила Анжелика. — Потом обязательно начнутся разговоры про жульничество...

Я вынужден был с ней согласиться.

— Да, наверное. Тогда... тогда давайте сделаем так: каждый напишет на бумажке, за кого он — за Мордреда, за Джинну или воздерживается... Мы отдадим бумажки с именами Мартину — мне кажется, только Верховному Жрецу можно доверить право быть рефери в таком деле — и он их публично зачитает.

— По-моему, разумно. — Сказал Раймонд.

— А Мордред и Джинна? — Спросил Оттон. — Они тоже будут голосовать?

— Кон0435чно! — Воскликнула Майра. — Они что, не люди?

Оттон улыбнулся.

— Итак. Если возражений нет... — Раймонд обозрел публику.

Возражений не было. Мордред сидел со скучающим видом, Джинна казалась чем-то удивленной, члены всех «партий», а также «нейтралы» молчали.

— Бетанкур! — Раймонд щелкнул пальцами, подзывая к себе одного из лакеев. — Принеси-ка нам бумагу из библиотеки... И поживее!

Указанный лакей поклонился.

— Какую именно изволите, ваше высочество?

— Ну не А4, конечно! Мы тут не «Войну и Мир» писать собираемся. Что-нибудь небольшое, в формате блокнота или визитки!..

— Слушаюсссь...

Бетанкур галопом умчался в библиотеку. Мы молча сидели, подозрительно поглядывая друг на друга. Некоторые, особо хладнокровные, вернулись к поглощению пирожных. Я решил, что в такой нервной обстановке не помешают лишние калории, и тоже сожрал пару штук.

Прискакал Бетанкур. Правда, его пришлось посылать в библиотеку еще раз — за письменными принадлежностями, захватить которые он, конечно, не догадался.

Дождались. Заскрипели авторучками, перьями, карандашами кохинор и живыми палочками из Отражения Тазар. Сии палочки, кстати сказать, представляли собой всего-навсего извлеченных из болота червячков, которые, высыхая, выпрямлялись и покрывались внешней твердой оболочкой, сохраняя при этом внутри жидковатую начинку. Отломав кончик, таким червячком писать можно было не хуже, чем фломастером. В зависимости от пищи, которой кормили червяка при жизни, менялся и цвет, выделяемый им после смерти. Наладить производство фломастеров в Аваллоне было невозможно (техника отказывалась работать), а вот тазарских червячков с успехом выращивали уже давно.

Написали. Сдали, как послушные ученики, свои каракули Мартину. Затем наш Верховный Шаман разложил полученные бумажки на три пачки и стал их по очереди зачитывать.

Начал он с меньшей — с тех, кто воздержался.

Таковых было пятеро. Во-первых, сам Мартин — жрецу в политику соваться не положено. Во-вторых, Льювилла, нейтралитет для которой, похоже, был образом жизни. В-третьих, я сам, Марк и Крис — было бы очень странно, если бы кто-нибудь из нас троих проголосовал за Джинну

или за Мордред.

За сохранение нынешнего положения вещей высказались семеро: Мордред, Фиона, Джулиан, Каин, Анжелика, Флора и Саймон.

За Джинну — все остальные.

После того, как Мартин объявил результаты, над столом повисла тишина.

Такого результата не ожидал никто.

Даже Джинна. Если судить по ошеломленному выражению ее лица, она — меньше всех.

— Можно повторить? — Тихо попросила Анжелика.

Она все еще надеялась, что голоса были подсчитаны неверно или произошла какая-то ошибка.

Я думал примерно так же. Я не верил своим ушам. Равно как и большая часть присутствующих.

Мартин повторил, снова поименно перечислив каждого из голосовавших.

За Джинну проголосовало восемь бессмертных. Восемь!

Я все еще ничего не понимал. Почему?!

Можно было предположить, что на стороне Джинны будет Раймонд — они находились в очень теплых отношениях. Возможно — Диана, хотя я склонен был предполагать, что она окажется в нейтралитете: подруга Джинны, Диана, все-таки была здравомыслящим человеком и не могла не понимать, что Джинна абсолютно непригодна для управления королевством.

Я был уверен, что за мою сестренку — просто по приколу — проголосуют Эрнил и Майра. Так и случилось.

Итого — максимум пять голосов, включая саму Джинну! Пять!

Она набрала восемь.

Я пожалел, что не проголосовал за Мордред. Судя по ошарашенной физиономии Льювиллы, она, возможно, впервые в жизни усомнилась в разумности своего нейтралитета.

Я не мог понять мотивов Жерара. Я знал, что он добряк и приверженец закона, но я не думал, что эти качества за прошедшие века переросли в маразм.

Я не понимал мотивов Анабели и Оттона. Им-то чем досадил Мордред? А если нынешний король им до такой степени не нравился, почему они не перешли в партию моего отца? Марк — харизматичный лидер с не меньшими правами на трон, чем Джинна. И, в отличие от нее, не кретин. Почему?

Просто из дружеской симпатии к малышке Джинне все эти люди были готовы ввергнуть королевство в пучину гражданской войны? Нет, я не мог в это поверить...

А война была неизбежной, поскольку Мордред, естественно, от короны отказываться не станет.

Нет, я решительно ничего не понимал в происходящем. Единственное объяснение, приходившее мне в голову, состояло в простой констатации факта: Силы Порядка одержали очередную победу над Силами Разума.

Судя по лицам, дебилom в эту минуту ощущал себя не только я. Никто такого не ожидал. Никто.

Мордред отодвинул кресло и встал.

— Кажется, шутка зашла слишком далеко, — произнес он.

— Шутка? — Переспросила Джинна. — А мне кажется, дядюшка, все было очень даже серьезно.

Рука Мордреда легла на грудь. Я думаю, это было инстинктивное движение, поскольку Камня Правосудия на нем сегодня не было. Он вообще не слишком часто надевал Талисман.

— Вот как? — Усмехнулся Мордред, делая вид, будто расправляет складки камзола. — В таком случае я своим волеизъявлением лишаю тебя каких-либо прав на наследство. Никогда еще наследование в нашей Семье не осуществлялось по женской линии... И НЕ БУДЕТ. Таков отныне — Закон.

«Поздно, дядюшка. — Сочувственно подумал я. — Поздно ты проснулся...»

— Прости, дядя, — улыбнулась Джинна. — Но ты был королем пять минут тому назад. А сейчас ты — ноль без палочки. И никаких указов издавать не можешь.

Фиона поднялась и встала рядом с Мордредом.

— Ты понимаешь последствия своего поступка? — Спросил король у претендентки.

Джинна заколебалась было, но затем решительно кивнула.

Джулиан присоединился к Мордреду. И Каин. Анжелика и Саймон.

Начали подниматься из-за стола и сторонники Джинны. Не все, правда. Некоторые доброхоты — вроде Жерара — только сейчас начинали понимать чем их доброхотство закончится.

Гражданская война готовилась разразиться прямо здесь и сейчас.

Нашей партии пора было сваливать.

Нащупывая в рукаве карту Камелота, я переглянулся с Марком. Нам нечего было искать в предстоящей драке. Не защищать же эту

революционерку от Мордред! И уж тем более мы не собирались воевать на стороне действующей власти...

Нет, мы лучше уйдем.

А потом вернемся и добьем победителя.

— Подождите! — Крикнул Мартин, вклиниваясь между враждебными группировками. — Что вы делаете?! Остановитесь!

Мордред несколько секунд смотрел на жреца.

— И в самом деле, — сказал король, — не будем устраивать бойню здесь и сейчас. Это некультурно. К тому же, некоторые из голосовавших не очень хорошо подумали перед тем, как принимать решение. Возможно, впоследствии они изменят свое мнение...

Джинна это тоже прекрасно понимала. Когда она взяла дворец штурмом, на ее стороне открыто выступил только Раймонд. Сейчас за нее высказалась половина Семьи. Второго такого шанса у нее могло и не быть.

Поэтому она воскликнула:

— Ничего подобного! Семья выразила свое мнение! И ты с этим не поспоришь!

— Джинна, — ответил Мордред. — Я не хочу тебя убивать. Даже сейчас. Ты взбалмошная девчонка, которая с упорством камикадзе раз за разом бросается под танк. В твоей настойчивости и наивности, бесспорно, есть свое очарование. Прошу тебя, не заставляй меня делать то, чего я не хочу. Уймись.

Джинна упрямо покачала головой.

— Отдай мне корону, и уйди. — Ответила она. — Если ты это сделаешь, может быть, я и поверю, что ты не убивал Эарона.

— Я не убивал твоего отца. — Откликнулся Мордред. — Но трон — мой. По праву. И я не уступлю.

— По праву мы сейчас устроим большую резню, — процедила Льювилла. — Я отдаю свой голос Мордреду. Восемь на восемь, и никаких преимуществ у Джинны нет.

— Оставь свой голос себе, — парировала Джинна. — Мы не собираемся проводить повторное голосование. Одного вполне достаточно.

— Если мне позволено будет дать вам совет, — сказал Мартин и Мордреду, и Джинне, — я бы посоветовал вам поступить так, как однажды поступил Оберон. Пусть избранника укажет нам Единорог. Его решению мы и подчинимся.

— Я согласен. — Немедленно откликнулся Мордред. Он был уверен, что Единорог подтвердит его права. Его моральные качества были сомнительны, однако для правителя они совсем необязательны, скорее

наоборот. Его способности к управлению, пожалуй, были лучшими чем у кого-либо из нас. Он вытащил Аваллон из той задницы, в которой очутилось королевство в конце правления Корвина и в последовавшие за своей коронацией века отдал немало сил процветанию государства.

— Единорог? — Удивленно переспросил Эрнил. — И чего? Он, в натуре, прискачет по твоему свистку и начнет всех тыкать своим рогом? И тот, кто после этого останется в живых, и станет королем?

Мне понравилось выражение лица Мартина: как Верховный жрец, он был обязан упрекнуть Эрнила в кощунстве. Как человек, он едва сдержался, чтобы не улыбнуться.

— Нет, — сказал он. — Я попрошу нашего покровителя выбрать того, кто более всего достоин носить корону. Но, конечно, он может и не захотеть приходить.

— Ты вызовешь его прямо сюда? — Спросил я.

— Нет. Думаю, будет лучше, если мы отправимся в одну из Рощ. И я не могу его «вызывать». Я могу только умолить его придти и помочь нам.

— «Умолить»? — Недовольно пробурчал Раймонд. — Нечего вмешивать Единорога в наши дела. Да кто он вообще такой? Почему мы должны слепо подчиняться его решениям? Пусть он сидит на своем божественном плане существования, а мы останемся на своем.

— Я давно знаю, что ты атеист, — сухо заметил Верховный жрец. — Но, надеюсь, остальные думают иначе.

— Давайте снова проголосуем! — Жизнеутверждающим голосом предложил я. — Кто за призывание Единорога, и кто — против?

Мордред холодно на меня посмотрел.

— На этот раз — обойдемся без фарса с бумажками. — Процедил он. — Кто за то, чтобы предоставить Единорогу право определить избранника? Поднимите руки.

Семья повиновалась.

— Ясно. Можете опустить. Кто против? Тоже ясно. Оставшиеся, видимо, воздерживаются. Идем в Рощу.

Воздержались на этот раз только двое — Марк и Саймон.

Я голосовал «за» Единорога. Мне до чертиков хотелось посмотреть на легендарного предка и покровителя нашей Семьи. Я полагал, что такое же любопытство должны были испытывать и остальные... и был очень удивлен, когда обнаружилось, что противников у этой идеи немало. Кроме Джинны и Раймонда — еще Анабель, Оттон, Крис, Эрнил и Майра. Последние двое меня удивили. Я думал, они будут возглавлять ряды желающих поглядеть на рогатую лошадь.

Но они не рвались. Странно.

Интересно, почему?

Мартин достал свою колоду карт и выбрал одну из них...

— Подождите, — сказала Джинна. — Если уж мы все-таки решились положиться на божий суд, полагаю, самое время вам кое-кого представить.

— Кого? — Спросил Марк.

Джинна не ответила. Она достала собственную колоду и вгляделась в одну из карт. Мы напряженно следили за ней. Нас порадует своим визитом кто-то из давно пропавших без вести? Новичок? Замаскированный хаосит? Потомок Бранда? Отраженец, которого Джинна попытается выдать за своего сына или внука?

Молодой человек, появившийся рядом с Джинной, был одет в коричневую куртку без рукавов, белую рубашку и черные штаны, заправленные в сапоги. У него были темные волосы — не такие черные, как у Джинны, но гораздо темнее, чем, например, у меня. Зеленые глаза — не менее традиционно для Семьи, чем меч на поясе (который, кстати, у новоприбывшего также имелся). Худощавая, подтянутая фигура. Острый подбородок, слегка вытянутое лицо, резко выделенные скулы. Чувствуется внутренняя сила... хотя, впрочем, у кого из нас ее нет? Даже у Флоры немного найдется.

Еще мне — как, думаю, и всем остальным — с первого же взгляда стало ясно, что этот молодой человек и в самом деле еще весьма молод. Конечно, мы — существа без возраста, и Саймон, например, выглядит гораздо старше Флоры, которая родилась на полторы тысячи лет раньше, чем он — однако «необстрелянность» новоприбывшего слишком бросалась в глаза, чтобы ее не заметить. И я таким же был — напряженным, немного испуганным, преувеличенно-осторожным...

— Это мой сын, Хельвер, — сказала Джинна. — Прошу любить и жаловать.

— Начинать любить можно прямо сейчас? — Вполголоса пробормотала Льювилла.

— И, конечно, Лабиринт пройти он не успел? — С иронией спросил Джулиан. — Скажи уж сразу, скольких еще детишек и внучат ты намерена нам продемонстрировать?..

— Ты не прав, — возразил Жерар, внимательно изучая лицо Хельвера. — Сходство есть...

— Да я сейчас десяток своих клонов из Отражений приведу...

— Хельвер, конечно, проходил Лабиринт. — Сказала Джинна с нажимом. — Иначе бы он тут не появился.

— Пусть вызовет Знак. — Потребовал Мордред.

Юноша вызвал. Все недовольные заткнулись.

— Ты прошел Лабиринт недавно? — Спросил Крис у Хельвера.

Молодой человек не ответил — взглянул на мать, предоставляя ей право говорить за него. Каин презрительно усмехнулся — приняли, мол, в Семью маменькиного сынка. Я оценил поступок Хельвера иначе. У парня хватало мозгов, чтобы не лезть в игру, правила которой он представлял еще весьма смутно.

— Да. — Сказала Джинна. — Недавно.

Последовало несколько кивков — Джинна подтвердила очевидное.

«Интересно, — подумал я. — Недавно — это когда? Не тогда ли, когда она захватила дворец?»

Если так, то картина вырисовывалась чуть более сложная, чем казалось мне тогда, когда я был готов едва ли не задушить Джинну за ее глупость. Я знал, что когда мои родственники решаются на что-либо, мотивов у них всегда N+1. Я сам в игре был не так давно и успел изучить только поверхностные мотивы и цели. Секретами своими родственнички меня не баловали и душу раскрывать не спешили. Картина, тем не менее, потихоньку прояснялась, и появление Хельвера — как раз тот случай, когда одна из частей картины приобрела некоторый объем и глубину. Джинна не достигла основной цели при захвате дворца — зато осуществила второстепенную.

Я дал себе зарок впредь не судить поспешно даже о самых идиотских (на первый взгляд) поступках моих родичей.

Было еще кое-что. Джинна не представила Хельвера нам в самом начале праздника — хотя в первом голосовании победила всего лишь с перевесом в один голос. Получается, что на самом деле, она не рассчитывала на то, что ее кандидатуру поддержат. Зачем тогда она вообще устроила этот бардак? Выпила лишнего? Или... или Мордред был прав, предполагая, что Джинна хочет пойти на мировую — по крайней мере, внешне? И вот, на празднике она ставит вопрос ребром, будучи уверенной, что ее не поддержат и она сможет спокойно сказать: «Раз вся Семья против, я капитулирую.» Она сходит с гонки, сохраняя лицо, Марк и Мордред грызут друг друга в ближайшие годы, а она копит силы и добивает победителя. Но вышло то, чего никто не предвидел, и Джинна, сообразив, что перед ней замаячил реальный шанс перетянуть на свою сторону большую часть Семьи, стала играть всерьез.

Прав я или нет — неизвестно, но такое вполне могло быть. Отсюда вопрос: почему Джинна привела Хельвера, когда мы собрались к

Единорогу? Надеюсь, что его присутствие что-то ей даст? Хотела показать своего сына божеству Порядка? Или были еще какие-то, неизвестные мне причины?..

Мартин ушел по карте, попросив, чтобы мы связались с ним через полчаса. Религиозного почтения к Единорогу от большей части Семьи ждать не приходилось, мы бы только помешали жрецу, и поэтому мы остались дожидаться его в столовой. Мордред гостеприимно предложил вернуться за стол. Некоторые выпили еще по кружечке чаю, другие решили, что чая на сегодня с них уже достаточно, и поспешили, пока не позвонил Мартин, сбегать в уборную. Третья группа, к которой принадлежал и я, выразила желание поближе познакомиться с Хельвером. Джинна с грозным видом маячила рядом, бдительно оберегая свое неоперившееся чадо от злых родственников. Что касается самого Мордреда, то он покинул нас на несколько минут, а когда вернулся, на его шее висел Талисман.

Через полчаса Верховный Жрец связался с Мордредом и сообщил нам, что уже все готово. Мы перешли к Мартину по его карте.

В нашем королевстве немало храмов, посвященных Единорогу. Обычно их создают в местах, где, по преданиям, Единорог некогда появлялся. Но чаще всего наше божество можно встретить в лесу. В этом случае лес предпочитают не вырубать и никаких построек, даже религиозного толка, не возводить — кто знает, как отнесется наш покровитель к подобной инициативе? Вместо этого обычно весь лес — или какую-то его часть — объявляют священным местом. Это срабатывает, поскольку в нетронутой роще Единорога можно увидеть повторно, но никто и никогда еще не встречал Единорога в его собственном храме.

Священная Роща — само воплощение гармонии и покоя. Листву регулярно убирают, о деревьях заботятся, паразитов уничтожают. В Роще никто не мусорит — нашим подданным за осквернение священного места закон обещает массу неприятностей, вплоть до смертной казни. Наверное, стоило бы придумать и какое-нибудь наказание для членов Семьи, поскольку первое, что сделал Эрнил, появившись в Роще — вытащил изо рта жвачку и прищипал ее к стволу ближайшего дерева.

— Ты еще распылитель из Отражений вытащи и напиши: «Здесь был Эрнил». — Посоветовал я сыночку Льювиллы.

— Меня заключают. — Ответил Эрнил, озираясь и делая вид, будто до смерти испуган.

— Давно пора. — Заметил Марк.

Мартин убедительно попросил нас вести себя прилично. Мы

постарались. Мы сделали серьезные лица и даже выразили готовность заткнуться на пару минут. Сообразив, что это максимум, на который мы способны, Мартин безнадежно махнул рукой, забрал у Мордред Талисман Порядка, отвернулся и подошел к ручью, струившемуся среди валунов. На камне опустилась птица и, посмотрев на нас одним глазом, упорхнула прочь. Мартин наклонил голову. Верховный Жрец молился. Молча.

Долгое время ничего не происходило. Пели птицы, журчала водичка, бессмертные аваллонцы покашливали и переступали с ноги на ногу.

— Лошадке наши проблемы до лампочки. — Прошептал Эрнил мне на ухо.

Я хотел сказать что-нибудь в том же духе, но подавился собственной репликой. Глумливое настроение вылетело из меня как пробка из бутылки с шампанским. Потому что появился Он.

Она. Оно.

Пол не имел значения, как и его облик. Это была сама эссенция Совершенства — сияющее, бесконечно прекрасное существо. Оно казалось хрупким и сильным одновременно. Я никогда не был особенно религиозен, но при его появлении я проникся. Оно как-то воздействовало на меня, на нас всех — коснулось потаенных струн в наших душах и сорвало циничные маски, которые мы на себя нацепили. Я почувствовал, что готов умереть ради него. Он был беззащитен и чист, бесконечно мудр и бесконечно юн. Его взгляд, полный любви и понимания высветил мое сердце насквозь. Он знал меня лучше, чем я когда-либо узнаю себя сам. Все зло и добро, которые я носил в себе, вся моя ненависть и любовь, боль и радость — вся моя сущность предстала под его взглядом.

Он не осуждал и не хвалил меня за то, что я делал. Он видел меня целиком, таким, какой я есть.

Он подошел к Мартину и подцепил своим рогом цепочку с Камнем. Он прошел мимо нас, и мы не смели смотреть на него, и в то же время — не могли не смотреть. Он ступал тихо, и замирал после каждого шага, словно пугливое животное, вот-вот готовое сорваться и убежать.

Полагаю, каждый из нас подумал в эти мгновения: «А что, если...?» Единорог мог выбрать кого угодно. Некогда он выбрал весельчака Рэндома на роль короля Амбера, и, по словам моих старших родственников, правление Рэндома было золотой эпохой любви и внутрисемейного мира — и это при том, что никто и никогда не рассматривал его всерьез как возможного кандидата на трон! Теперь повторялась та же история. По никому не известным причинам он мог остановить свой выбор на человеке, которого, как и Рэндома когда-то, никто в качестве претендента не

рассматривал.

Признаюсь, я был почти уверен, что Единорог выберет меня.

Потому что я узнал его, как только увидел.

Я встречался с ним и раньше.

Не в жизни, нет — в своих снах.

Это были те сновидения, после которых я просыпался и не мог понять, почему я плачу. Тогда мне казалось, я потерял или забыл что-то очень важное, но что — я никак не мог вспомнить. Было ощущение невыразимой гармонии, счастья, света... и даже в будничной суете, ждавшей меня каждым утром за порогом спальни, это светлое ощущение пропадало не сразу.

Я не хотел быть королем — честно, не хотел — но я ожидал, что буду выбран на эту роль. По крайней мере, мне казалось, что ощущение узнаваемости, неоднократное появление Единорога что-то да значит, к чему-то ведет. К чему, если не к трону?.. И я был удивлен — не разочарован, именно удивлен — когда Единорог прошел мимо.

Но удивлен был не только я. Я слышал как они судорожно вздохнули — я и сам едва не задохнулся, когда увидел, кого он выбрал. В тот день произошло много непонятных для меня событий, но выбор Единорога поразил меня больше всего.

Когда Единорог опустился на одно колено, я посмотрел на Мордреда — впрочем, не только я. Мои родственники, один за другим поворачивали головы, желая увидеть реакцию короля, который вот уже более двухсот лет верой и правдой служил своему богу. Экс-короля, если быть точным.

Мордред застыл. На его лице не было ни обиды, ни злости — только такое же удивление, как у всех остальных. Но его оцепенение продолжалось недолго. Он вытащил меч из ножен, сделал несколько шагов и опустился на колено перед избранницей.

Это послужило сигналом для остальных. Мы вышли из столбняка и последовали примеру Мордреда.

— Спасибо... — Одними губами прошептала белая, как полотно, Джинна, принимая в свои руки алый Талисман Закона.

## 8

Я постучался. Мне никто не ответил.

Я постучался еще раз. Подождал.

Никто так и не появился.

Я находился на третьем этаже аваллонского дворца, в конце южного коридора, из которого можно было попасть в покои Фионы, Джулиана,

Мордред, Флоры и Жерара. В самом конце находились покои Мартина. Перед закрытой дверью в которые я и топтался.

Я постучал еще раз. Все та же реакция.

А именно: никакой.

Может, он ушел? Странно. Мзареул — лакей, обслуживающий эту часть дворца — утверждал, что Мартин у себя.

Я прислушался.

К двери по-прежнему никто не подходил, но мне показалось, что с той стороны звучит какая-то музыка.

Я повернул ручку. Не заперто. Стоило приоткрыть дверь, как громкость музыки существенно возросла. Если вообще это можно назвать музыкой. Дикий рев, сочетающийся с барабанным громом и низким, на границе инфразвука, звучанием бас-гитары.

В этот момент кто-то попытался со мной связаться. Я заблокировал контакт. У меня на повестке дня стоял важный разговор, и я не хотел отвлекаться.

Первая комната представляла собой обычную, прилично обставленную гостиную, из которой можно было попасть еще в два помещения, расположенные справа и слева, соответственно. Звуки доносились из правой комнаты. Туда я и пошел.

Когда я открыл вторую дверь, то чуть не оглох. Звуковая волна была настолько мощной, что я почти ощутил, как сплющивается под ее давлением мой многострадальный киммерийский мозг.

Полузакрыв глаза, заложив руки за голову, Мартин валялся на кровати. Картина маслом: священник расслабляется после тяжелого трудового дня в храме.

Комната была под стать музыке — все стены оклеены плакатами весьма сомнительного содержания. Окна зашторены, а лучи красно-желто-синего света посылала серебристая сфера, вращавшаяся под потолком. Мое внимание привлек один из плакатов, на котором Мартин в обнимку с неизвестным мне панком прыгал по сцене. Лица обоих были изукрашены до неузнаваемости — черные пятна вокруг глаз и губ, все остальные части лица покрыты белилами. Соответствующие прически — поднятые лаком («дикобраз» и «мохаук») волосы ярко-оранжевого и зеленого цвета.

Музыка доносилась из колонок, развешанных по всем четырем углам комнаты. Колонки были подсоединены к большому устройству, представлявшему, по всей видимости, разновидность музыкального центра с неизвестного мне Отражения.

Интересно, как он заставил эту техногенную хреновину работать в

Аваллоне? Долго, наверное, подбирал подходящие заклинания...

Мое появление Мартин заметил не сразу. Услышать что-либо в этом звуковом аду было невозможно, поэтому я переместился так, чтобы он смог меня увидеть. Мартин скептически посмотрел на меня, но с места не двинулся. Я закрыл уши руками и показал на музыкальный центр. Мартин вздохнул, поднялся и убавил звук. Когда это произошло, у меня возникло чувство, как будто я попал в рай.

— Ну и музыку ты слушаешь... — Мрачно сказал я, присаживаясь на краешек кровати. — Меломан прямо.

Мартин кивнул.

— Вы это уже переросли. — Снисходительно заметил он, глядя на меня сверху вниз. — Вам бы только рэп подавай...

— Не надо. — Заявил я. — Не надо всех по себе судить!

— Да? — Мартин приподнял левую бровь. — И чему же внимает наше молодое поколение? Земному техно? Оркестровому тазарскому кваканью? Симфоническим визгам молодых евнухов из Отражения Блик?

— Слушал я эти визги. — Признался я. — Не понимаю, что Майра в них находит.

— Я тоже. — Согласил Мартин, возвращаясь на свое место. — Так что же тебе нравится?

— Ну-у... У нас, похоже, половина Семьи — извращенцы, но я-то человек приличный... Предпочитаю этно. Знаешь, что-нибудь такое... кельтско-ирландское... Встречался когда-нибудь на Отражениях с эльфами? Вот их музыка — то, что надо. В самую точку. Самое что ни на есть этническое этно.

— Ах, эльфы... — Мартин усмехнулся. — Знаю. Так вот чье растлевающее влияние испортило твой музыкальный вкус... Знаешь, что гласит народная мудрость?.. *Эльфы на лапках разносят заразу. Эльфа увидел — убей его сразу...????*

— Но-но! — Возмутился я. — Не трогай моих эльфов!

— Не обижайся. Шютка. Знаком я с этим народом, знаком. Правильные ребята. Всегда четко стоят за Порядок. — Он помолчал, а затем спросил:

— Ты зачем пришел? О музыке поговорить? Или об эльфах?

— Нет. — Ответил я. — О Джинне.

— Слушаю.

Я вздохнул. Коронация состоялась два дня назад. Мартин собственными руками возложил корону на голову моей кузине, после чего Семья в полном составе присягнула новой королеве.

— Я до сих пор не могу понять, почему ее выбрали.

— А ты бы хотел, чтобы выбрали Марка? — Улыбнулся Мартин.

Я покачал головой.

— Не знаю. Нет, наверное. Не уверен, что хотел бы видеть отца на троне... Но не в этом дело. Я не столько разочарован, сколько удивлен. Не могу понять, почему именно она. Джинна ведь совершенно неподходящий человек для правления.

— Мой отец тоже казался неподходящим своим братьям и сестрам.

— Я знаю, но... Это ничего не объясняет. Пусть трон меняет человека. Большая ответственность и все такое прочее. Допускаю. Но зачем Силе сажать на трон... ммм... персонажа вроде Рэндома или Джинны, а затем подтягивать его — или ее — до нужного уровня? Не проще ли сразу выбрать умного, харизматичного лидера?.. Не подумай, я ничего плохого не хочу сказать про Рэндома, но...

— Так ты про какое время спрашиваешь? — Перебил меня Мартин. — Про сейчас или про тогда?

— Про сейчас... Нет, давай про тогда. Почему выбрали Рэндома?

— Сначала, — сказал Мартин. — Хотели выбрать Корвина...

— Да, знаю. Рассказывали. Дедуля отпинавался от короны, как мог. Но в конце концов он все-таки стал королем — здесь, в Аваллоне. Но почему тогда, на поле битвы, Единорог остановил выбор на твоём отце?

— А кого он еще мог выбрать? Жерара? Он слишком недалёковиден. Джулиана? Слишком честлюбив. Блейза? Была причина, из-за которой Блейз не мог быть выбран.

— Из-за того, что он участвовал в заговоре Бранда и до некоторой степени нес ответственность за повреждение Лабиринта?

Мартин покачал головой.

— Это тоже, но главная причина в другом...

— В чем?

— Это слишком большая тема, а разговор у нас с тобой не о Блейзе... Кто там еще оставался? Каин? Если бы королем стал он, нам предстояла бы весьма мрачная эпоха.

— Бенедикт. — Сказал я.

— Он тоже не хотел править.

— Да, но он не стал бы оказываться, если бы Единорог остановил свой выбор на нем. Если все то, что я слышал о старшем сыне Оберона, правда — то не стал бы! Он всегда ставил интересы Семьи выше личных.

— Да. — Согласился Мартин. — Все верно. Но, видишь ли, была одна загвоздка. Король — это не просто один из членов Семьи, главенство которого остальные согласились признать. Король — это избраннык Силы,

мистический посредник между нашим и более высоким уровнем бытия, в какой-то степени — проводник божественной воли.

— Стоп. Божественная воля — это уже что-то ваше, жреческое.

— У жреца — свое место в раскладе. — Сказал Мартин. — Жрец также связан с Силой, но по-другому, и у него совершенно другие функции. Однако давай не будем прямо сейчас углубляться в дебри метафизики.

— Ладно. Мы говорили о Бенедикте. Почему он не мог стать избранником Порядка? Уж он-то, в отличие от остальных...

— Я не знаю подробностей, — сказал Мартин, — только голые факты. Бенедикт не мог стать проводником. Часть его души... духовный «орган», если угодно, посредством которого осуществляется связь с Силой, был безнадежно искалечен. Кстати, у него тоже не было пророческих снов. Почти как у тебя. Точнее, у тебя они есть, но ты еще не умеешь их запоминать. А у Бенедикта их просто не было. Совсем.

Я судорожно сглотнул.

— К черту Бенедикта! — Процедил я. — Вот рыжая дрянь... Что еще Фиона тебе рассказала?!

— Ты о чем?

— Ты знаешь о чем!

— О снах? Ты разговаривал об этом с Фионой? — Мартин посмотрел на меня, как на дебила. — Зря. О наших снах с кем попало лучше не трепаться.

— Ты хочешь сказать, что узнал про мои сны не от Фионы?!

— Именно.

— Если тебе сказала не она, то кто?! Кому еще эта ведьма успела растрепать?..

— Успокойся. — Сказал Мартин. — Ты сделал глупость, поговорив об этом с тетей, но, в отличие от тебя, мозги у Фионы на месте. Не думаю, что она передавала ваш с ней разговор кому бы то ни было.

— Но тогда откуда ты..

— У жреца есть свои источники информации, — широко улыбнулся Мартин. — Специфические, конечно. Весьма и весьма специфические.

— И какие же?

— Пусть это будет твоим домашним заданием. Будет над чем поразмыслить на досуге.

Я чертыхнулся.

— У меня такое чувство, как будто все, решительно все, с кем я разговариваю в последнее время, испытывают неизъяснимый кайф от намеков на какие-то неизвестные мне тайны...

Мартин засмеялся.

— Да, — сказал он. — Удовольствие от наблюдения за чужой растерянной физиономией, конечно, присутствует.

— Потешился? Теперь, пожалуйста, по сути.

— Увы. — Вздыхнул Верховный жрец. — Еще не время. Ты не готов.

— Не готов к чему? К полету в космос? К принятию в пионеры? Всегда готов!

— Мне отрадно наблюдать твой юношеский энтузиазм. — Рассмеялся Мартин. — Но сейчас действительно не время для разговора о тебе. Закроем эту тему. Кстати, почему ты не носишь свой новый меч?

— Какой еще меч?! — Тихо спросил я, внутренне холодея.

— Тот, который ты недавно создал. Меч с элементами Лабиринта. Кстати, как ты его назвал? Клинок Сумерек, я полагаю?

— <...>!!! — С чувством сказал я. — Кто тебе сказал?! Мордред?!

Мартин покачал головой.

— Снова не угадал.

— Опять сошлешься на свои специфические источники?

— Именно. А кто еще, кроме Мордреда, знает методику изготовления клинков с элементами Узора?

— Фиона. Ну, видимо, еще и ты.

— Я не знаю, как делать такие мечи, — известил меня Мартин. — Я знаю только, что для этого необходим Камень Правосудия... Значит, Мордред и Фиона. — Он на несколько секунд задумался. — Два разумных человека. Вряд ли они станут болтать, но на всякий случай надо бы мне с ними поговорить...

— Я в ауте. — Сообщил я. — Черт!.. Что ты еще обо мне знаешь?

— О! — Мартин, изо всех сил сдерживая улыбку, сделал многозначительное лицо.

Я со свистом выпустил воздух из легких.

— Хватит играть в эти идиотские игры...

— Никто с тобой не играет. — Оборвал меня жрец. — Ты еще не понял? Я готов поделиться с тобой информацией. Не всей, конечно. Для кое-каких откровений еще не подошло время. То, что я не хочу говорить, я все равно не скажу, сколько бы ты не ныл. Так что перестань валять дурака и перескакивать с одной темы на другую. Задавай правильные вопросы — и, может быть, ты узнаешь что-нибудь полезное.

Я скрипнул зубами.

— Ладно. Вернемся к Бенедикту. Ты говорил, что он был духовно искалечен. Почему?

— Видишь ли, Артур... Я не случайно заговорил об Истинных Мечах. Твой клинок завершает цикл. Бенедикт некогда был владельцем самого первого меча — Клинка Рассвета. Но... так уж получилось, что его меч был уничтожен. Давным-давно, задолго до моего рождения... кажется, еще до рождения Фионы и Бранда... Так вот. Клинки такого класса сами по себе обладают волей и мистической связью с Силой. При этом они также теснейшим образом связаны с бессмертным, из крови и души которого были сотворены.

— Получается, если бессмертный носит клинок, его связь с Силой значительно возрастает? — Спросил я.

Мартин кивнул.

— Совершенно верно. Но если клинок уничтожить, погибнет и та часть души, которая была заключена в нем. Бессмертный становится духовно искалеченным. Представь себе музыканта с абсолютным слухом, которому шилом проткнули уши. Здесь примерно тоже самое. Хозяин погибшего меча не сможет полноценно воспринимать веления Силы.

В этот момент со мной опять попытались связаться. Я заблокировал контакт, но мысль были сбита, и я спросил первое, что пришло в голову:

— А если погиб человек, а меч остался, что тогда?

— Не знаю, как воспринимает мир живое оружие, но, склонен предположить, что ничего хорошего меч не почувствует. Скорее всего, клинок будет находиться в состоянии стагнации до тех пор, пока его не возьмет в руки потомок человека, который его сотворил.

— Как был уничтожен меч Бенедикта?

— Я уже сказал, что не знаю подробностей. Только факты. Это очень старая история. Одна из старших дочерей Оберона, Саломея, предала Семью. Она похитила клинок Бенедикта и отнесла его во Дворы. Там он и был уничтожен. Вскоре после этого Саломея погибла. Как — мне неизвестно. Упреждая твой следующий вопрос, как именно был уничтожен Клинок Рассвета, я тоже не знаю. Я вообще не представляю, как можно разрушить Истинный Меч. И тем не менее, это было сделано. Во всяком случае, — Мартин усмехнулся, — в отличие от Лабиринта, нашей кровью их можно поливать сколько угодно... Возможно, потребовалось прямое вмешательство божества. Не знаю.

— Кстати, о прямом вмешательстве. Почему боги так редко приходят к нам?

— А ты хотел, чтобы они появлялись чаще? Указывали, как тебе жить?

— Нет, конечно, нет... Просто... Это как-то нерационально. Мы бегаем по своей воле, ссоримся друг с другом, воюем... Если бы, скажем,

Единорог жил среди нас, все было бы иначе. Ведь он может, если захочет, появиться и человеческом облике, правильно? Я был впечатлен тем, что произошло в Роще. И остальные прониклись. Но это ведь ненадолго. Скоро все покатится по старой дорожке. Меня, в общем, устраивает нынешнее положение дел, но странно, что такие вот божественные явления происходят исключительно редко.

— У богов свой план существования, у нас — свой. — Ответил Мартин. — Поверь, они знают что делают. Любое действие, любое вмешательство на нашем уровне, дают аналогичные права и оппоненту.

— Права? — Хмыкнул я. — Мы что, в зале суда? Или ты хочешь сказать, что честные боги всегда играют по правилам?

— Дело не в этом. Они сцеплены друг с другом, и все их силы сосредоточены на борьбе. Как только один из них выделяет часть силы на то, чтобы сделать что-то еще, даже самое маленькое чудо, другой автоматически также получает некоторую возможность для действий. Впрочем, столь жесткое противостояние прежде всего относится не к уровню богов, а к Лабиринту и Логрусу, но боги, в определенной степени, зависимы от своих Узоров. В некотором роде, Узор — ты ведь знаешь, что они обладают собственным самосознанием, не так ли? — есть дитя того, кто его нарисовал и бога, которому Узор был посвящен.

— Посвящен? Это как? Проводятся какие-то торжественные церемонии?

— Никаких церемоний не нужно. Создатель Узора даже не обязан знать о своей связи с божеством. Корвин не знал, но он всегда выступал как агент Единорога. В начале своего пути Бранд тоже им был, но он был завербован, предал нашего покровителя и переметнулся к Фениксу. Поэтому и Лабиринт, начертанный в Эмеральде, стал тенью Феникса, а не Единорога.

— Кстати, давно хотел спросить. Возьмем, например, Единорога и Лабиринт. Как они между собой соотносятся?

— То есть?

— Кто принимает решения? Насколько Лабиринт самостоятелен?

— Вполне самостоятелен. — Уверил меня Мартин. — Чтобы тебе было понятнее, Лабиринт можно сравнить... ну, скажем, с устройством, имеющим искусственный интеллект. Устройство запрограммировали и пустили в самостоятельное плавание. В ходе работы оно постепенно развивается, учится... Естественно, это не тупая машина. В некотором роде, Лабиринт — это тоже бог. Искусственный бог. Инструмент Единорога, созданный для выполнения определенных функций на нашем

уровне существования.

— Если Лабиринт — компьютер, Единорог — программист, то кто же тогда Корвин? Так, мимо проходил?

— Нет, что ты! — Мартин улыбнулся и покачал головой, — Во-первых, он купил компьютер — нарисовал Лабиринт. Во-вторых, Корвин выполнил очень важную работу — настроил все эти окошечки, подобрал подходящую заставку...

— Наш Аваллон — заставка на рабочем столе?!

— Ну а что же еще? — Вопросом на вопрос ответил Мартин.

— М-да. Это очень интересная теория, но давай, все-таки, давай вернемся к тому, с чего мы начали. Почему был выбран Рэндом, ты объяснил. Но почему теперь была выбрана Джинна?

— Пути Единорога ведомы только самому Единорогу. — Глубокомысленно заметил Верховный жрец.

— Эту лапшу ты будешь вешать на уши своим прихожанам.

— Но я действительно не знаю его планов! Или ты думаешь, бог регулярно докладывается мне о своих действиях?!

— Не надо лукавить. Что-то ты должен знать... или хотя бы догадываться! У тебя же есть эта самая «мистическая связь с Силой», про которую ты говорил! Должна быть! Ты ведь жрец!

— Мистика — она и есть мистика. — Продолжал издеваться надо мной Мартин. — Нечто, плохо поддающееся словесному описанию.

— Я сейчас кого-то придушу...

— Испуган. — Жрец засмеялся. — Хорошо. Признаюсь, кое-какие догадки у меня есть...

— Ну слава Единорогу...

— ...но мне снова придется тебя разочаровать.

— Я что, ОПЯТЬ не готов?! Мартин, это уже не смешно.

— Нет, на этот раз не готов как раз я. Так что придется потерпеть.

— Дай хотя бы намек. — Попросил я.

Мартин вздохнул.

— Подумай вот над чем. — Произнес он. — У богов могут быть свои долговременные планы. И не всегда их поступки исчерпываются теми целями, которые мы им приписываем... Кстати, что ты думаешь о Хельвере?

— Хороший паренек, — сказал я. — Быстро осваивает фехтование. Но магия ему лучше дается. Я предложил подогнать его по этой части. Не Мордреду же этим заниматься... Экс-короля Джинна на пушечный выстрел к своему сыну не подпустит. А почему ты заговорил о Хельвере? Ты думаешь, он как-то повлиял на решение Единорога? Но как?!

— У тебя ведь уже есть одно домашнее задание, правильно? Теперь, когда я дал тебе намек, у тебя есть второе...

— Ладно. — Со злостью сказал я. — Я подумаю. Но некоторые мои мысли кое-кому могут и не понравиться...

— Наложить на тебя епитимью? — Оживился Мартин. Я хотел сказать что-нибудь едкое, но в этот момент взгляд панкующего жреца стал рассеянным, и он вытянул руку в моем направлении, предлагая мне помолчать. Кто-то связался с ним по карте.

— Да. — Сказал Мартин через несколько секунд. — Да, он здесь. Сейчас. — Посмотрел на меня. — Тебя хотят видеть.

— Кто? — Удивился я.

— Джинна.

— Откуда она узнала, что я у тебя?

— Не имею понятия. Спроси у нее сам.

— Ты зря торопишься меня выпроводить. — Сказал я, поднимаясь. — Наш разговор еще не закончен.

— Да, я знаю. Но сейчас тебе пора идти. Королева ждет.

Я прикоснулся к плечу Мартина и увидел то же, что и он — призрачный образ Джинны, сидевшей в не менее призрачной малахитовой гостиной. С каждым ударом сердца видение становилось четче. Я протянул руку и королева коснулась моих пальцев. Я сделал шаг. Комната Мартина растаяла за спиной. Я стоял в небольшой комнате, стены которой были выложены зеленым камнем.

— Салют, сестричка! — Сказал я, устраиваясь за малахитовым

столиком напротив Джинны. — Зачем я тебе понадобился? И как ты узнала, что я у Мартина?

— Я несколько раз пыталась тебя вызвать. — Объяснила новоиспеченная королева. — Ты не отвечал. Я связалась с твоим отцом, и он сказал, что ты о чем-то хотел побеседовать с нашим домашним римским папой... Кстати, о чем вы говорили?

— В основном, о метафизике. — Я наморщил лоб. — Кант, Гегель, Хайдеггер... Свобода и предопределение. Бытие и время. Бог и человек. В общем, ничего интересного.

Джинна подозрительно посмотрела на меня.

— С каких пор ты увлекаешься метафизикой?

— Да это меня Мартин начал грузить! — Сказал я возмущенно. — Я-то зашел для того, чтобы всего-то взять пару музыкальных дисков...

— И где же они? — Джинна посмотрела на мои пустые руки. Я тоже на них посмотрел и воскликнул:

— Вот черт! Забыл!

— Понятно. — Кивнула Джинна. — Но музыку тебе придется послушать как-нибудь в другой раз. Нам с тобой нужно о многом поговорить. Во-первых, спасибо за то, что стал обучать Хельвера...

— Да не за что... Нельзя допустить, чтобы Семья была слаба. — Я почти дословно повторил то, что некогда сказал мне Мордред. — Кто-то должен обучить новичка.

— Понимаю, но я рада, что именно ты захотел этим заняться. Вообще-то я планировала, чтобы Хельвера обучал Эрнил, но сейчас Эрнил занят...

— А разве Эрнил — хороший колдун? — С сомнением спросил я. Я этому приколисту и ночной горшок выносить не доверил бы.

— Эрнил *очень* хороший колдун. — Известила меня Джинна.

— М-да. — Я покачал головой. — Вот так и узнаешь своих родственников... А чем он так занят?

— При Мордредке магическую безопасность дворца обеспечивала Фиона. Но теперь, как ты понимаешь...

— Понимаю. Я заходил к Мордреду на днях. Он пакует вещи.

Джинна улыбнулась.

— Вот-вот. Мордред и Фиона захотели немного пожить на Отражениях. Это так мило с их стороны.

— Ясно. — Я вздохнул. — Какие еще у нас кадровые перестановки?

— Об этом я и хотела с тобой поговорить. Мне показалось, что ваша с Марком... ммм... — Она запнулась, подыскивая эвфемизм слову «партия». — ...ваша ветвь при Мордредке была совершенно несправедливо

отстранена от участия в государственных делах. Я уже говорила с Марком. Он согласился взять контроль над северной цепью укреплений...

— Между Киммеро-Пиктляндией и Аваллоном?

— Ага. Там начинаются границы реального мира. Мы сами — хотя и с трудом — можем уйти в Отражения, отдалившись от города на несколько миль, но подвести войска вплотную невозможно. Эта цепь укреплений представляет собой очень важный рубеж, охраняющий нас не столько от твоих дикарей — тем более что сейчас, под твоим командованием, они ведут себя тихо — сколько от вторжений из других миров...

— Но ими же командует Каин!.. — Я прикусил язык, вспомнив нелесные высказывания Джулиановского сынка в адрес моей сестрички.

— Каину нужно отдохнуть. — Глядя мне в глаза, твердо произнесла Джинна. — За последние годы он явно переутомился.

— Ты тоже выписала ему путевку на курорт в Отражениях?

Джинна покачала головой.

— Я никому ничего не выписываю. — Заявила она. — Я бы с удовольствием оставила их во дворце. Как говорила одна умная женщина: держи друзей близко, а врагов еще ближе...

— Так что с Каином?

— Ничего. Он просто отстранен от этой работы. Каин немного расстроен, и поэтому у меня есть предчувствие, что во дворце мы его в ближайшее время не увидим. Скорее всего, он переедет к своему папочке, в Арден.

— Очень полезное для здоровья место. — Кивнул я. — Деревья вокруг. Белочки, зайчики. Благодать.

— Вот-вот. — Поддержала меня Джинна. — Пусть психику подлечит.

— Заботливая ты... — Я прищелкнул языком.

— Стараюсь.

— Это все? Или ты собираешься провести еще какие-то перестановки?

— Боишься, что у тебя тоже что-нибудь отберут? — Джинна рассмеялась. — Нет. Ты пойдешь на повышение. Не хочешь взять под свой контроль Сломанные Лабиринты?

— Как, сразу все?

— Все.

До меня не сразу дошел смысл ее слов. А когда все-таки дошел, я не смог сдержать улыбки.

Мы с Джинной были похожи куда больше, чем мне казалось. Я ведь тоже, продумывая, какие шаги следует совершить после коронации Марка, считал необходимым подарить Джинне один-два-три Сломанных

Лабиринта — в качестве утешительного приза.

Сестренка, став королевой, собиралась отдать мне все Сломанные Лабиринты.

Щедрая...

— Что смешного? — Спросила Джинна.

— Не обращай внимания... — Я махнул рукой. — Вспомнил один анекдот. Кстати, что ты подразумеваешь под словами «под свой контроль»?

— Ну-у... Конечно, это собственность короны. Но заправлять Лабиринтами будешь ты.

— Есть идея получше. — Сказал я. — Давай их распределим между членами Семьи. Часть останется у короны, часть наши родственники получат в личное владение.

— С целью? — Удивилась Джинна.

— Это существенно повысит твой рейтинг.

— Знаешь, мне не хочется отдавать такую силу кому бы то ни было.

— Сколько столетий они стояли вообще без дела? — Возразил я. — Ими владели какие-то подозрительные маги с Отражений — и ничего.

— Но теперь-то о Сломанных Лабиринтах известно! — Сказала Джинна. — Я ведь рассказывала тебе! Не знаю, кто подбросил Флоре эту информацию, но... Можно провести через Сломанный Лабиринт своих вассалов и создать команду людей, которые тоже будут уметь перемещаться через Отражения. Я не хочу, чтобы мои... эээ... недоброжелатели обладали такой возможностью. Тебе я доверяю, но зачем Лабиринты распределять?

— Я занимался проблемой Сломанных Лабиринтов. — Сообщил я Джинне. — Создать команду магов не так-то просто — во время посвящения выживает примерно один из десяти. Не буду спорить — если ты подаришь все Сломанные Лабиринты одному человеку, это даст ему определенные возможности, которых нет у других. Но если их получит Семья, ничего страшного не произойдет. Возможности Семьи увеличатся в целом, только и всего.

— Ммм... Я подумаю. — Сказала Джинна с сильным сомнением.

— Подумай. Я не отказываюсь от этой работы. В любом случае, как минимум один Сломанный Лабиринт всегда должен оставаться в распоряжении короны — кто бы ни сидел на троне. Я готов заняться вербовкой и обучением колдунов из Отражений. Кстати. У Джулии был какой-то Орден. Не знаешь, что с ним? И кто занимался Сломанными Лабиринтами после ее смерти?

— Анжелика. Мордред ее назначил. И учениками Джулии занималась, соответственно, тоже она.

— Ясно. А почему ты не захотела оставить на этом посту Анжелику?

— Потому что тебе я доверяю больше. Кроме того, Анжелике я собираюсь дать другое задание.

— Очень секретное, наверное. Я даже боюсь и спрашивать.

— Ты боишься или спрашиваешь?

— Спрашиваю.

— Я хочу послать ее с дипломатической миссией в Эмеральд. — Ответила Джинна. — Понятно, почему именно ее?

— Да, я слышал эту историю, — кивнул я. — Анжелика вышла замуж за одного из Брандовских сынков. Потом сынка убили, а Джой — дочь Анжелики и Огастеса — отреклась от всех прав на трон. В общем, в данный момент из всех нас у Анжелики с той Семьей самые хорошие отношения. Ты хочешь установить контакт на государственном уровне?

— Да. — Просто сказала Джинна. — И не только с Эмеральдом. Через несколько лет, когда все утрясется, я планирую отправить кого-нибудь с дипмиссией в Хаос. Кому, как думаешь, стоит это поручить?

У меня пересохло горло.

— Мне. — Хрипло сказал я.

Джинна удивилась.

— Вообще-то это гораздо опаснее, чем поездка в Эмеральд. — Предупредила она. — В последние столетия у нас со Дворами были не очень дружественные отношения. Я планировала поручить это Мордреду...

Я поперхнулся.

— Нет!!! Ты с ума сошла!.. Его там убьют!

— Невелика потеря.

— Подожди, давай определимся: ты хочешь избавиться от Мордреда или ты хочешь наладить отношения со Дворами?

— Меня устроят оба варианта.

— Так почему бы не осуществить оба? Убирать Мордреда руками хаоситов — это плохая идея. Если они убьют нашего дипломата — кто бы он ни был, мы будем просто обязаны объявить Хаосу войну. Иначе мы потеряем лицо.

— Хмм... — Джинна задумалась. — Пожалуй, ты прав. Надо будет придумать другой метод устранения.

— А зачем вообще его устранять? — Спросил я. — Ты уверена, что он убил Эарона? А если все-таки не он? Он ведь отдал тебе Талисман. И

присягу принес.

— Если я вдруг поскользнусь на банановой кожуре, он снова сядет на трон.

— Сделай так, чтобы этого не произошло.

— Я и делаю! — Раздраженно сказала Джинна. — Отсюда все эти перестановки. Я забочусь о своей безопасности. И о безопасности Хельвера. Но этого может оказаться недостаточно...

— Я не об этом. Сделай так, чтобы даже в случае твоей смерти Мордред не смог вернуть себе корону — и тогда тебе не нужно будет его опасаться. Он слишком расчетливый человек. Он не станет мстить тебе за то, что Единорог выбрал не его, а тебя.

— Как можно перекрыть ему дорогу к трону?

— Законными, цивилизованными методами. — Я улыбнулся. — По какому праву он вообще сел на трон?

— Он сын Корвина.

— Минутку. Он сын Фионы. В Законе Королевского Дома есть статья, согласно которой родные братья и сестры не могут вступать в брак. Статей в кодексе не так уж много, но этот момент прописан четко. Следовательно, Мордред — сын Фионы — юридически не может быть сыном Корвина.

— Но он его сын! Этого не изменить! Корвин признал Ублюдка!

— Это проблемы Корвина. Ты просто добавь к кодексу статью, в которой будет указываться, что дети, чье происхождение явно противоречит статье о братьях-сестрах наследуют все права только от одного родителя — от матери. Да и откуда мы, в самом деле, знаем, что произошло между Корвином и Фионой? Может быть, ничего у них не было? Может, отцом Мордреда был кто-то другой?

— Но почему тогда Корвин его признал?

— Был пьян. Ошибся. Находился под давлением. Можно придумать тысячу причин.

— Но Мордред правил несколько столетий...

— Объявить недействительным.

Джинна задумалась.

— Пожалуй, я так и сделаю. — Сказала она наконец. — Правил-то он все равно незаконно. Он не имел права садиться на трон. Я должна была наследовать отцу, а не Ублюдок.

Я искренне порадовался тому, что Джинна, в отличие от Мордреда, приняла мой совет и согласилась поиграть с законодательством. Правда, меня слегка мучили угрызения совести. Выходило, что сестренка и в самом деле мне доверяет.

— Я убедил тебя, что ко Дворам надо посылать не Мордред, а меня?

— Еще нет. Почему ты так туда рвешься?

— Невозможно решить ребус, когда у тебя на руках только одна часть головоломки. — Ответил я. — Говорят, раньше, до Войны Падения Лабиринта, не так-то легко было добраться из Амбера в Хаос и наоборот. Но теперь это вполне осуществимо. И если мы не знаем, что творится в Хаосе, это не значит, что они не знают о нас. Они могут очень пристально наблюдать за здешней ситуацией. И вмешиваться в нее время от времени. С другой стороны, у тех хаоситов, которые играют против нас, могут быть свои враги. Соответственно, эти враги — на какой-то период — могли бы стать нашими союзниками. Но чтобы это стало возможным, сначала необходимо установить хоть какое-то пространство для общения. Добиться, чтобы король Ариман отменил указ о запрете контактов с нами...

— А что, есть такой указ? — Спросила Джинна. — Откуда тебе об этом известно?

Отчего-то у меня возникло неясное, не на чем ни обоснованное ощущение, что об указе она знала и раньше. Интересно, откуда?..

Я решил положиться на свое предчувствие и сыграть вслепую.

— Давай не будем раскрывать свои источники. — Улыбнувшись, предложил я. — Мне кажется, мои слова не стали для тебя открытием.

— Может быть. — Джинна дернула плечиком. — И все-таки? Откуда ты узнал?

— А ты?

— Я все-таки королева...

— А я герцог. Очень приятно. — Я наклонил голову.

— Артур!

— Джинна?

Несколько секунд мы мерялись силой взгляда. В глазах Джинны стоял молчаливый упрек: я тебе доверяю, а ты...

— Сестренка, — предложил я миролюбиво. — Давай не будем называть имена своих информаторов. У тебя есть во Дворах свои знакомые, у меня — свои. Давай пока на этом остановимся. Может быть, когда я вернусь, мы обсудим эту тему еще раз. Но в данный момент я не хочу знать имя твоего информатора. А что, если я попаду в плен?.. И само собой, имя своего знакомого я тебе говорить не стану.

— Хорошо. Ты можешь хотя бы сказать, как ты с ним познакомился?

— Совершенно случайно, на Отражениях. Как я понимаю, он не играет в политические игры Дворов. Во всяком случае, нынешней к верхушке

власти он никакого отношения не имеет.

— Если ты попадешь в неприятности во время своей дипмиссии, он сможет тебе помочь?

— Вряд ли. Но я постараюсь не попадать в неприятности.

— Ну что ж, — Джинна вздохнула. — Будем считать, что ты меня убедил. Займись пока Сломанными Лабиринтами. Через два-три года поедешь во Дворы. Мне тоже кажется, что часть наших проблем связана с тем, что происходит в Хаосе. По крайней мере, быть в курсе того, что у них там творится, нам совсем не помешает.

— Полностью согласен.

— Тогда... — Джинна сделала паузу. — У меня все. Хочешь еще что-нибудь сказать?

— Пожалуй, нет. — Я поднялся.

Мои три комнаты находились в северном крыле дворца, на четвертом этаже, соседствуя с покоем Оттона и Майры. До недавнего времени четвертый этаж занимали только мы трое, остальные комнаты либо стояли пустыми, либо служили временным пристанищем для королевских гостей. Теперь на четвертом этаже жил еще и Хельвер, но благородный дофин селиться рядом с нами не пожелал, выбрав три комнаты в торце восточного коридора.

Заглянув к себе, я убедился, что Марк уже ушел. Искать отца в огромном дворце можно было долго, и поэтому я сдал его карту. Контакт установился почти сразу. Марк находился на втором этаже, в спортивно-игровой секции — играл в бильярд с Дианой.

— Надо поговорить. — Сказал я.

— Я должен закончить партию, иначе дама обидится... — Марк обошел вокруг стола, оценивая подходящую траекторию для удара. — Ты у себя? Я подойду минут через десять.

— Нет. Не здесь. Я буду в Камелоте. Свяжись со мной.

Когда контакт растаял, я вытащил карту Камелота, но переходить не стал. Засомневался. Среди слуг, работавших в моем официальном замке, мог быть кто-то, кто исправно стучал аваллонским спецслужбам. В свою очередь, разведка периодически докладывалась королю обо всем, что ей удалось накопать на членов Семьи. Все правильно, ничего не имею против. Будь я королем Аваллона, сам поступал бы точно также. Признаться, я сильно удивился, когда, после смерти Гвиневры, с помощью психозаклинаний просматривая память слуг и солдат, я такого шпиона не обнаружил. Но даже если в тот период его и не было, в последующие годы он мог появиться. Я никогда специально не заморачивался с поисками

шпионов. Не люблю устраивать себе лишнюю головную боль. Шпион, которого никто не трогает, создает у власти иллюзию того, что ты — добропорядочный гражданин и скрывать тебе нечего. Кроме того, бесполезно убирать аваллонских шпионов — на месте одного тут же появится следующий. Если Мордред узнал о визите Джарета — ничего страшного. Но если Джинна пронюхает о том разговоре, который должен состояться у нас с Марком, нам с папой придется или уйти в подполье, или заказывать себе похоронные венки. Маловероятно, что она узнает, но такой шанс был, и я не мог рисковать. Поэтому вместо карты Камелота я вытащил карту своих покоев в Ангбанде. Была небольшая надежда на то, что про этот мир мои любящие родственнички пронюхать еще не успели.

Картопротировавшись в Ангбанд, я запер дверь и стал ждать звонка папы. Марк позвонил минут через пятнадцать. Я переправил его к себе.

— Да или нет? — Спросил я.

— Что «да или нет»?

— Я думаю, ты знаешь, о чем я.

— Давай предположим, что все-таки не знаю. — Хмыкнул Марк.

— Ты хочешь, чтобы я это сказал? Ладно. — Я вздохнул. — У меня все готово. Я занимаюсь обучением Хельвера. Мы с ним несколько раз были на Отражениях — в рамках экскурсии с познавательными целями. Толком защитить себя он еще не способен. Я могу убить его в любой момент. Что касается Джинны, то она мне доверяет, и выманить ее из дворца также не составит проблемы. Убиваем обоих, выжидаем некоторое время, организуем активные поиски, в частных разговорах намекаем на причастность Мордреда, объявляем Джинну и Хельвера без вести пропавшими и коронуем тебя. Через несколько дней Джинна внесет поправки в Закон Королевского Дома, которые перекроют Ублюдку дорогу к трону, и реставрации его власти можно будет не опасаться. С этого момента начинается отсчет. Сейчас Эрнил отлаживает магическую защиту дворца, но когда он закончит этим заниматься, Джинна поручит обучение Хельвера ему. Поэтому проверить все нам необходимо не позже, чем через месяц. Вот я и спрашиваю: да или нет? Потом Хельвер станет умнее, освоится с магией и холодным оружием, и устранить его будет гораздо сложнее. Сейчас самый удобный момент для нанесения удара.

Пока я говорил, Марк внимательно следил за моим лицом. Я старался не демонстрировать лишних эмоций. Я твердил себе, что к предстоящей грязной работе следует отнестись философски. Все мы когда-нибудь умрем.

— План, конечно, хороший, — признал отец. — Ты умеешь выбирать

время и место. Умеешь выжидать. Молодец. Но я хотел бы узнать, что ты сам думаешь об этом. Да или нет?

— Я ничего не думаю. — Сказал я. — На трон хочешь сесть ты, а не я.

— Ты будешь моим наследником.

Я пожал плечами.

— Честно говоря, меня это мало волнует.

— Тебя вообще не интересует власть?

— Нет, отчего же. Я честолюбив. — Я улыбнулся. — Но у моего честолюбия другой вектор.

— Какой?

Я покачал головой.

— Разговор не обо мне. Да или нет?

— Подожди-подожди. — Отец погрозил мне пальцем. — Прежде, чем я приму решение, я хочу узнать твое мнение.

— У меня его нет.

— Вранье. — Уверенно определил отец.

— А если даже и так? Какая разница? Я поддержу любое твое решение.

— Даже если оно тебе не понравится?

— Ты значишь для меня гораздо больше, чем Джинна и ее сын. Если ты все еще хочешь занять трон, выбор невелик: либо ты, либо они. Я не могу повлиять на твое решение. Я не могу уйти в сторону: если ты будешь действовать один, шансы, что операция сорвется, существенно возрастут. Значит, с неизбежностью я прихожу к единственному приемлемому варианту: я должен помочь тебе захватить власть. Я готов к этому. Да или нет?

Марк задумался. Мы сидели молча, наверное, минуты три.

— Нет. — Наконец, произнес мой отец. — Эарон был моим другом, и я буду полным подонком, если теперь вот так, запросто, отправлю его дочь и внука на смерть. Нет. Я на это не пойду. Не могу. Трон того не стоит.

Я выдохнул и сказал:

— Я рад. Я действительно рад это слышать.

— Да ладно. — Отец махнул рукой. — Посмотрим еще, как она будет справляться. Если она погубит себя, я, возможно, изменю свое решение.

— Если она погубит себя, то только вместе с королевством. — Возразил я. — Мне кажется, тут нет середины. Либо мы убиваем ее, либо работаем в ее команде. Занимать выжидательную позицию, молча ждать, пока Джинна наделает достаточно глупостей, чтобы Семья разочаровалась в ней... Нет, это не правильно. Это может выйти боком всему Аваллону.

— Значит, работаем в команде. — Марк пожал плечами. — Не

загадывай вперед. Неизвестно, чем все закончится... Кстати, что сказал Мартин? Почему рогатая лошадь выбрала именно ее? Чем моя племяшка такая особенная?

— Мартин дал больше загадок, чем ответов. — Я вздохнул. — Из его слов у меня сложилось ощущение, что на выбор Единорога каким-то образом повлияло появление Хельвера. Но как? Я не понимаю, а Мартин не стал объяснять.

— Любопытно... — Отец снова задумался. — Хельвер... Интересная вырисовывается картинка...

— Какая?

— А тебе не приходило в голову, Единорог мог выбрать вовсе не Джинну?

— Что ты имеешь в виду...

— Хельвер — ее наследник. По каким-то своим причинам Единорог решил, что этот парень может стать самым подходящим королем из всех нас. Не сейчас. Лет через сто, когда подрастет и пройдет соответствующее обучение. А пока пусть командует Джинна. Остается только надеяться, что она не успеет разрушить королевство за это время.

Я улыбнулся и сказал:

— Кто ей позволит?.. Спасибо. Ты выполнил за меня половину моего домашнего задания.

— А вторая половина? — Оживился Марк. — Она такая же интересная как первая? О чем еще вы с Мартином говорили? Давай, колись.

— Ну уж нет! — Запротестовал я. — Со второй частью я намерен справиться собственными силами. Лучше я тебе какой-нибудь другой секрет открою... Кстати, ты в курсе, что кроме Грейсвандира и Вэрвиндла, существует еще один меч с элементами Лабиринта?

— Нет. — Удивился Марк.

— Пойдем, покажу. Я недавно нашел Эскалибур в Отражениях. Кому он мог раньше принадлежать — ума не приложу...

## 9

Золотая вода в ручье, неспешно плывущие по небу горы, разноцветные потоки ветра, белое солнце, окруженное сияющим кольцом...

Из-за холмов появляются деревья, небо меняет свой цвет, двухголовая птица кричит, как койот...

Лес становится выше, я поднимаю голову — и вижу, как горы, превратившись в бесформенные обломки камней, неподвижно висят в прозрачном темном небе, окруженные россыпью звезд...

Тени становятся гуще, черный лес, лишенный листьев, враждебно смотрит мне в спину. По стволам скользят гибкие, похожие на ящериц существа с множеством ног...

Справа — полоса серебряного рассвета, под верхними ветками в беловатых коконах развешаны люди: мужчины, женщины, дети... Не здесь...

Деревья сочатся слизью, воздух дышит разложением, мошкара вьется повсюду, под сапогами хлюпает грязь... Еще дальше...

Лес расступается. Светло-зеленое небо, усеянное двумя десятками солнц, исторгающих бирюзовые протуберанцы. Глаза не слепнут, хотя каждое из этих солнц — в несколько раз больше того, что светит в Аваллоне. Земля, похожая на высохшую краску. Пустынно и тихо. Никого нет. Можно приступить. Я достаю карты.

Я прошел большую часть пути к Хаосу пешком потому, что тот, с кем я собирался связаться, вряд ли, в отличие от Джарета, много времени проводит на Отражениях. У королей весьма напряженный график работы.

Я достал нужную карту и стал внимательно изучать портрет человека, которого никогда не знал лично. Он был высок, безупречно сложен, темноволос и не носил ни усов, ни бороды. Холодные темные глаза. По дороге к трону он прошел через кровь, клевету и предательство. Его единственную любовь звали Власть, и он никогда не изменял ей... На поясе — меч в темных ножнах... Этим клинком некогда владел Роловианс, и после его гибели меч надолго был утерян. Меч назывался Грэйсмор, и принадлежал к тому же классу артефактов, что и Грейсвандир, Вэрвиндл и мой Экскалибур, хотя, в отличие от них, нес в себе силу Хаоса, а не Порядка. Предположение, что Грэйсмор длительное время хранился в Амбере в качестве военного трофея, представлялось наиболее вероятным, поскольку меч вновь вернулся в Хаос в тот же период времени, когда там впервые появился Бранд. Скорее всего, именно Бранд выкрал меч и вернул хаоситам. Меч получил старший сын Роловианса — Таббл, но глава Рассекающих носил Грэйсмор недолго, поскольку вскоре скончался сам. Далее, если верить словам Джарета, Грэйсмор снова надолго исчез — до тех пор, пока Ариман, внук Таббла, не предъявил свои претензии на трон. Каким путем клинок Роловианса оказался в его руках, не знал никто, но само наличие Истинного Меча у молодого претендента определенно указывало на то, что он — далеко не случайная фигура на поле.

Я продолжал рассматривать портрет короля... Темный камзол без украшений. Сильные руки. На левой — кольцо с красным камнем, на правой — кольцо с колесиком, к центру которого сходились тысячи

тончайших струн: спикарт королей Хаоса.

Я отдавал себе отчет в том, что если этот мрачноватый господин решит, что дипломатические переговоры нам не нужны, живым в Аваллон я уже не вернусь. Возможно, из-за волнения длительное время мне не удавалось установить контакт. А возможно, Ариман был чем-то занят.

Наконец, изображение дрогнуло, шевельнулось, обрело глубину...

— Кто ты? — Спросил король Хаоса. На свой портрет он, мягко говоря, в данный момент был совершенно не похож. У него было четыре руки, кожистые крылья и сноп пламени вместо лица. Каким образом он умудрялся разговаривать, понять было сложно. Во всяком случае, отсутствие рта ему не мешало. Его голос был холодным, уверенным, спокойным.

Место, в котором он находился, описать не так-то просто. Несомненно, это было помещение, но такое, каких я никогда не видел — асимметричное, перекрученное, как мокрое полотно, из которого только что отжали воду. Часть мебели громоздилась на стене за спиной Аримана под углом в 90 градусов — какие-то клетки, стулья, непонятные приспособления...

— Артур из Аваллона. — Представился я. — Добрый день. Наша королева направила меня во Дворы с дипломатической миссией. Я рассудил, что будет лучше, если я сразу свяжусь с вами. Нам сложно управлять Отражениями поблизости от Дворов... Вдобавок, отыскать путь в Отражениях на вашем конце вселенной постороннему вряд ли по силам... У вас так все чудовищно перепутано... Я не хотел заблудиться.

— Вы поступили совершенно верно. — Одобрил мое решение Ариман. — Дорогу вам, может быть, и удалось бы найти, но справиться со стражами вряд ли оказалось бы по силам. Далеко не все создания, стерегущие пути ко Дворам, стали бы с вами разговаривать, почуяв, что вы — порождение Порядка. Проходите. — Он протянул руку. Когда контакт стал настолько четким, что для его поддержания козырь уже не требовался, я смял карту в руке, и, делая шаг вперед, незаметно бросил ее за спину.

В следующий миг я оказался в зале с выкрученным пространством. Почти сразу закружилась голова. Мы стоим на стене?.. Или на стене все-таки стоит мебель?.. А что там на потолке?.. Бассейн?.. Справа и слева предметы растягивались и уплывали в глубину комнаты, как будто бы кто-то решил поиграть с настройками видеоизображения. Я сделал шаг. Комната поплыла, перспектива сместилась. Меня начало поташнивать. Как они тут живут?.. Я закрыл глаза и постарался не думать о том, что, возможно, стою не на полу, а на стене. Стало немного лучше.

Ариман прикоснулся к моему плечу.

— Пойдемте, — сказал он, подталкивая меня вправо. — Рядом есть помещение, пространство которого почти не отличается от привычного вам.

Два шага... Нас закрутило по часовой стрелке — в то время, как то, что секунду назад было для нас полом, начало двигаться в обратном направлении. Мы повернулись и вошли в пол, ставший стеной. Все снова исказилось, а когда пришло в норму, оказалось, что мы только что вошли в обыкновенную комнату через обыкновенную белую дверь. Два мягких дивана, кресла, шкаф с книгами... зеленый ковер на полу... Вместо потолка, правда, крутилась огненная воронка, но по-своему это было даже красиво.

Ариман жестом предложил мне выбрать сидение себе по вкусу. Я остановился на кресле. Когда я опустился в него, оно как-то странно покачнулось, как будто бы у кресла была сломана ножка, но я решил не обращать внимания на такие мелочи. Диванчик, на который уселся Ариман, закачался значительно сильнее. Я не успел и глазом моргнуть, как этот диванчик чуть приподнялся, сорвался с места и, сделав полукруг, остановился напротив меня. Диванчик, как и мое кресло, тоже был на ножках... На десятках маленьких детских ножках. Я заметил, что, пока диван двигался, одна из ножек вдруг поднялась и почесалась о другую. Потом предмет хаоситской мебели окончательно утвердился на новом месте и плавно опустился на пол.

— Итак, — сказал король Хаоса. — Я вас внимательно слушаю.

Я изложил официальную цель своего визита. Сейчас уже и не вспомнить дословно то, что я ему тогда сказал — да, в общем-то, и вспоминать не стоит. Это была стандартная пятнадцатиминутная тирада, состоявшая из совершенно бессодержательных фраз, сводившихся, в конечном итоге, к «миру-мир!» и «дружба-жувачка!».

Пока я нес весь этот бред, Ариман тактично молчал. К существу дела мы перешли чуть позже, когда вводный монолог был закончен и беседа плавно перетекла в свободное русло. Ариман поинтересовался нашей политической обстановкой, внимательно выслушал мой рассказ о смене власти, вежливо осведомился, все ли мои родственники живы и здоровы.

— В последние пятьдесят лет никто не умирал, — сказал я. — А скажите, ваш указ о запрете контактов... он ведь на самого короля не распространяется, не так ли?

— Конечно, нет. Короля трудно заподозрить в измене себе самому. — Мой собеседник усмехнулся.

— Значит, все контакты между аваллонцами и хаоситами рассматриваются вами как измена?.. — Я покачал головой. — Вы воспринимаете нас только как врагов? Такова официальная позиция Дворов?

— Нет. — Ариман покачал головой. — Полагаю, для вас не секрет, что я нахожусь не в самых лучших отношениях с Корвином и Фионой, но при решении вопросов государственного значения я оставляю в стороне свои личные симпатии и антипатии. Но, к сожалению, обиды — действительные или мнимые — есть не только у меня одного. Смысл указа о запрете контактов между Дворами и Аваллоном изначально заключался в том, чтобы не допустить эскалации конфликта. Запрет контактов — это прежде всего запрет на вендетту. Не будь его, Дом Иноходных Путей мог бы, с полным на то основанием, убить Мордред. Но Мордред до недавнего времени был вашим королем, и его смерть спровоцировала бы ответный удар по Дворам. Началась бы война...

Кивая в знак согласия, я подумал: «Вранье. Это последняя причина. Тут есть еще что-то...»

— ...Но теперь, конечно, этот указ будет отменен. — Продолжал Ариман. — Трон заняла королева, у которой, насколько мне известно, нет никаких личных счетов ни с кем из Дворов. Не скрою — мы очень рады, что Мордред ушел. Это откроет дорогу для развития подлинных добрососедских отношений между нашими королевствами.

— Наши с вами позиции по данному вопросу полностью совпадают, ваше величество.

— Мне тоже так кажется. — Ариман выдержал короткую паузу. — Вам, разумеется, будет оказан соответствующий прием. Я свяжусь с главами Домов и через четыре цикла мы встретимся с вами в официальной обстановке.

— Четыре цикла?.. А сколько длится каждый цикл?..

— По-разному, в зависимости от того, в каком порядке они следуют... Последовательность, естественно, также меняется раз от раза... Сейчас белое небо, затем будет синее, черное и желтое. Приблизительно шестнадцать часов биологического времени. Занимайте пока эти апартаменты. Чуть позже мы подберем для вас что-нибудь более подходящее.

— Благодарю. Я хотел бы сказать кое-что еще. Не для протокола.

Ариман чуть наклонил голову, изображая вежливый интерес.

Я мысленно вздохнул. Я никогда не был трусом. Но я должен был сыграть роль труса также хорошо, как Ариман играл роль незлобивого,

добросердечного короля.

— Хотя я целиком и полностью поддерживаю новый политический курс, принятый королевой Джинной, — сказал я. — Тем не менее, я являюсь реалистом и понимаю, что, возможно, в будущем может сложиться такая ситуация, когда одно из королевств перестанет существовать...

— Вы предвидите войну? — Ариман удивленно приподнял бровь.

— Нет, конечно, нет! — Запротестовал я. — Во всяком случае не с Хаосом. Что нам делить?!

Ариман благожелательно кивнул. И в самом деле, что нам делить? Ничего, кроме власти над мирозданием...

— Может сложиться, например, ситуация, при которой кто-то из Эмеральда разрушит наш Лабиринт, а вы, например, уничтожите Лабиринт Бранда...

— Уверяю вас, мы не собираемся этого делать.

— Я в этом уверен. — Сказал я. — Но в Хаосе, как и у нас, могут найтись свои фанатики... экстремисты... Конечно, маловероятно, что они добьются своих целей, но полностью такую возможность исключать все-таки нельзя.

— Да, вы правы. Нельзя. — Сочувственно кивнул Ариман.

— Я просто хочу сказать — уже не как представитель Аваллона, а как частное лицо — что при существующем положении дел, насколько я могу судить, рядом стратегических преимуществ обладают Дворы, а не королевства Порядка. И, если Аваллон погибнет... я этого совершенно не хочу, но если Аваллон — по тем или иным причинам — все-таки погибнет, я бы не хотел погибать вместе с ним. И я не хотел бы перебегать на сторону Эмеральда. Кто для меня Феникс?.. Никто и ничто. Я знаю, что во мне течет кровь Единорога, и знаю, что Дворкин происходил из Дворов, а значит — во мне, как в его потомке, есть толика крови Змея. Но с Фениксом меня ничто не связывает и под крыло этой рыжей курицы я становиться не хочу. Если вдруг Аваллон рухнет, я бы хотел быть принятым на той половине мира, которая, по совести, нам гораздо ближе, чем Эмеральд.

Ариман кивнул.

— Я запомню ваши слова.

— Это не просто слова. — Сказал я. — Чтобы подтвердить их весомость, я хотел просить вас позволить мне пройти Логрус.

Ариман на несколько секунд задумался.

— Кем была ваша мать? — Спросил он.

— Отраженной. Она уже умерла.

— В вас нет крови Хаоса...

— Я полагал, что она есть во всех потомках Дворкина.

— Только до известной степени. — Возразил Ариман. — Генотип изменен, кровь Змея вытравлена кровью Единорога. Риск при прохождении знака всегда есть, но в вашем случае риск возрастет неимоверно. Зачем вам это?

— Потому что я не хочу, чтобы вы смотрели на меня только как на агента Порядка. Я знаю — мое поведение, как и поведение адепта любой Силы, определяется не только моей собственной волей, но и, в какой-то степени, влиянием Силы. Пока это влияние происходит на бессознательном уровне, я не могу ему противостоять. Моя приверженность определенной стороне всегда будет четко задана. Но если я стану посвященным не только Лабиринта, но и Логруса, эта предопределенность будет разрушена. Одна Сила нейтрализует влияние другой, и я смогу сознательно выбирать между ними.

— Хорошо. — Сказал Ариман. — Лично у меня нет возражений, но, как мне кажется, с решением вопроса — допускать вас к Логрусу или нет — не следует торопиться. У вашей королевы может сложиться неверное представление о вашей судьбе, если вы вдруг погибните при прохождении.

— Конечно, я понимаю. В любом случае, сначала я собирался вернуться с докладом в Аваллон. И лишь потом... в частном порядке...

— Полагаю, вы не хотите, чтобы об этом стало известно широкой общественности?

— Вы совершенно правы, сир. — Я наклонил голову. — В Аваллоне мой поступок могут не понять... а если станет известно у вас, боюсь, в скором времени об этом узнают и мои родственники. Вы ведь, наверное, понимаете, что ваш указ о запрете контактов выполняли... ммм... далеко не все хаоситы.

— Догадываюсь. — Пламя, заменявшее Ариману лицо, вспыхнуло чуть ярче. В голосе короля мне снова послышалась усмешка. — Позвольте спросить, откуда у вас моя карта?

— Мне ее дала Джинна. — Соврал я. На самом деле, карту мне дал Джарет, но я не собирался его подставлять.

— Позвольте взглянуть?

— Нет.

— Нет?

— Я уничтожил карту перед тем, как перейти к вам. Таков был приказ королевы.

Я снова соврал. Джинна, которая, естественно, ничего о козыре не знала, не могла и приказать мне его выкинуть. Я избавился от карты потому, что Ариман мог вычислить Джарета по стилю, в котором она была выполнена. Он правил Хаосом вот уже десять веков — срок, более чем достаточный для того, чтобы изучить стиль всех рисовальщиков.

— Жаль. — Вздохнул Ариман. — Поймите меня правильно: я не собирался устраивать репрессий. Просто... мне было любопытно.

— Скорее всего, карту нарисовала Фиона. Говорят, когда-то вы были знакомы...

— Да. — Ариман вздохнул. — К сожалению... Ну что ж, я вас оставляю. Устраивайтесь. Через четыре цикла я за вами зайду.

— Благодарю.

— Не за что.

Ариман поднялся, шагнул к стене и вошел в нее, вызвав на поверхности колебания, как будто бы стена состояла из жидкости. Как только волны утихли, я поднялся и занялся осмотром комнаты. В трех местах — там, где ушел Ариман, перед белой дверью и в правом углу — у меня возникло впечатление, что если я сделаю еще один шаг, то куда-то перемещусь. Отражения в этом чертовом Хаосе были такими же безумными, как и все остальное.

Больше ничего интересного в комнате не было. Когда мне надоело слоняться по помещению, я сел на пол. Не доверял я этим диванчикам.

Чуть позже я нарисовал козырь мира с двумя десятками бирюзовых солнц, переместился туда и минут десять ползал по земле, похожей на засохшую краску, выискивая смятый козырь. Я уже почти пришел к мысли о том, что Ариман опередил меня, и удовлетворил свое здоровое любопытство, когда козырь, к моему удивлению, все-таки нашелся. Я уничтожил его, нарисовал карту комнаты в Путиях Аримана, картопортировался и сделал вид, как будто бы никуда не уходил. Не знаю, поверили мне или нет — наверняка в Путиях короля Хаоса имелась какая-нибудь магическая система, идентифицирующая посетителей. Впрочем, я вовсе не уверен в том, что моя комната находилась именно в Путиях Аримана, а не представляла собой, скажем, гостиничный номер для всяких подозрительных субъектов. Ну да ладно. Я не гордый.

Поскольку времени было навалом, я добавил к своей коллекции козырь Аримана собственного изготовления. Моя колода давно уже с трудом влезала в нагрудный карман, и поэтому я разделил ее надвое. В первую пачку вошли портреты: все мои аваллонские родственники в количестве

двадцать одной штуки, мой собственный козырь, козырь Аримана, восемь козырей Магистров Ордена, портрет Иды и двадцать восемь портретов рядовых членов Ордена Восьми Ветров. До недавнего времени их было несколько меньше, но потом к ним добавилась часть учеников Джулии. Мордред, если бы захотел, мог бы взять всех учеников Джулии под свое крыло, но он отчего-то не пожелал с ними возиться, оставил при себе лишь нескольких, наиболее способных, а остальных спихнул Анжелике. Когда власть поменялась и Анжелику отстранили от контроля за Сломанными Лабиринтами, мы поделили с ней учеников Джулии поровну. Поскольку у Анжелики было время узнать, кто есть кто, и расставаться с настоящими талантами она вряд ли бы стала, мне, как я подозреваю, достались самые отъявленные двоечники, бездельники и тунеядцы. Вдобавок, некоторые из них могли стучать Мордреду или той же Анжелике. Тем не менее, я не стал отказываться от возможности расширить свой Орден — даже за счет столь сомнительного контингента. Со временем я собирался сделать из них приличных людей... а категорически неспособных проникнуться идеей бескорыстного служения Порядку — потихоньку устранить. Я искренне надеялся, что проникнутся все.

Во вторую пачку вошло более ста козырей различных мест. Я в который раз подумал о том, что не мешало бы почистить колоду — выкинуть карты, которыми я редко пользовался. Иначе в скором будущем мне придется таскать за собой целый чемодан козырей. Но, как только я хотел выкинуть ту или иную карту, возникало сомнение — а вдруг мне срочно понадобится именно она? Конечно, я всегда мог нарисовать новую, но когда я пытался подсчитать, сколько времени было убито на постоянную возню с красками и кисточками, у меня возникало желание выкинуть все принадлежности для рисования в мусорное ведро. Не спорю, художественный процесс доставляет некоторое эстетическое удовлетворение, но, черт возьми, за это же время я мог бы захватить еще одно королевство! Или даже целое Отражение! Ничего не имею против художников, но я-то не художник, а стратег.

Ариман заявился раньше обещанного времени. Провел меня в более удобные и обширные покои и предупредил, что встреча с главами Домов, возможно, будет отложена еще на один или два цикла — связаться пока удалось далеко не со всеми. Я заверил короля Хаоса, что никуда не тороплюсь и готов ждать сколько угодно. Через полчаса после переезда в моих новых апартаментах появился служебный демон, который низким утробным голосом осведомился, что я желаю на ужин. Ужинал я в компании двух Аримановских детишек — Эдуина и Таир. Что я могу

сказать о них? По складу характера Эдуин показался мне точной копией своего папаши. Умный, целеустремленный, благожелательный внешне и безжалостный внутри. Конечно, трудно было судить о внутреннем мире человека, с которым только что познакомился, но у меня, во всяком случае, сложилось именно такое впечатление — и, как показали дальнейшие события, оно было более чем верным. Была одна деталь, которая привлекла мое внимание сразу же, как только я познакомился с принцем. Я понял, почему Ариман не носил меч Роловианса, когда увидел Грэйсмор на поясе его старшего сына. «Любопытно, — подумал я. — Почему король отдал меч Эдуину?.. Чтобы защитить? Или хотел четко обозначить своего наследника? Или Грэйсмор стал самому Ариману не слишком-то и нужен после того, как он освоился со спикартом Суэйвилла?.. Все вместе?.. Еще что-то?..»

Этого вопроса вслух я так и не задал, но соответствующую пометку в уме сделал. Истинный Меч увеличивал значимость любой фигуры на поле, и если когда-нибудь дело дойдет до отстрела лишних хаоситов, имя Эдуина будет стоять в самом верху моего списка, сразу после самого Аримана.

Что касается Таир, то принцесса показалась мне персоной, политикой не слишком интересующейся, и этим немедленно завоевала мою симпатию. Относительно Таир я также сделал в уме пометку, хотя и несколько иного характера, чем в отношении ее братца: поухаживать при случае и посмотреть, что из этого выйдет.

Мы очень мило пообщались — дети Аримана интересовались Аваллоном не меньше, чем я — Дворами. Потом они ушли, и я снова остался один. Я вытащил книгу из Отражений, почитал и лег спать. За пробуждением последовал легкий завтрак, а еще спустя пол-цикла я, наконец, был препровожден в тронный зал, где собрались все высокие лорды Хаоса. Мне пришлось повторить свою вчерашнюю малосодержательную речь о заверении, налаживании и укреплении, после чего король Хаоса прогнал в ответ аналогичную туфту, и с этого момента указ о запрете контактов можно было считать отмененным. Мне были представлены все высокие лорды, а также — по второму разу — Эдуин и Таир. К сожалению, прочих принцев и принцесс в зале не было, если не считать нового жреца Змея — Таната. Этот персонаж вызывал у меня стойкие негативные эмоции еще до того, как я с ним познакомился, а когда я пожал ему руку, мое отношение только окрепло. От сына Дары и Аримана, принявшего сан жреца, за версту несло Логрусом и Змеем. Я, конечно, дружелюбно ему улыбнулся, а он, в свою очередь, дружелюбно

улыбнулся мне.

Прочие детишки Аримана нас своим присутствием не порадовали — шлялись где-то в Отражениях и на папочкины вызовы не отвечали. По крайней мере, так утверждал сам Ариман.

Относительно высоких лордов — не стану утомлять тебя подробным описанием каждого, скажу лишь, что наибольшее мое внимание привлек глава Дома Ловчих Тьмы, некто Ментискон, брат покойной Белиссы Меноби. Один из старейших обитателей Дворов, он вовсе не казался старым. И клинком, и заклинаниями, по словам Джарета, он оперировал одинаково превосходно. За обедом он не демонстрировал никакой агрессии, напротив, вел себя очень даже культурно, но мое чувство опасности, когда я пожимал Ментискону руку, взлетело до высшей отметки. Схожее чувства из присутствующих у меня вызвал только Танат и, пожалуй, сам Ариман, а из тех, с кем я был знаком раньше — только Фиона. Про Ментискона, предпочитавшего, как и Ариман, однотонно-черные одеяния, скажу еще лишь то, что Хэлвинд — второй Истинный Меч Хаоса — болтался именно на его поясе.

Во время обеда разговор носил подчеркнуто-нейтральный характер — рассуждения о погоде, искусстве и философии. Мне предстояло пройти через еще девять аналогичных обедов — по одному на каждый из Домов Хаоса, соответственно.

Ничего интересного в последующие дни не произошло, меня, как ни странно, не отравили, а когда обеды подходили к финалу, определилась кандидатура хаосита, который должен был стать официальным представителем Дворов в Аваллоне. Это был последний сын Грэмбла, еще остававшийся в живых — Деспил. От титула главы Всевидающих он давно отказался, в политическом раскладе никакой значимой роли не играл, но зато приходился моему дяде Мерлину родным братом и поэтому мог рассматриваться как наиболее «близкий» к Аваллону хаосит. Его родство с Мерлином значило меньше, чем ничего, учитывая, что сам Мерлин был давным-давно мертв, а Деспил к нашей семье никогда не проявлял ни интереса, ни симпатий. Но, так или иначе, представителем Дворов был назначен именно он — и, если подумать, кандидатура Деспила была не самой худшей из возможных. Лучше уж Деспил, чем Дара.

Итак, спустя три недели, посетив поочередно все девять Домов, попробовав все мыслимые и немыслимые блюда, отпустив годовой запас шуток, улыбок, комплиментов и приветствий, я отправился в обратный путь. Представил своим родственникам Деспила, отчитался перед Джинной, заглянул поочередно в Камелот, Совок-2010 и Белерианд — и опять во Дворы. На Лазурных Островах назревала крупная война, но я во время своего краткого пребывания в Аваллоне даже не стал интересоваться подробностями. Наверняка, снова вылезли какие-нибудь пираты. Я был уверен, что с этой проблемой родственнички прекрасно разберутся и без моего участия. Меня ждали гораздо более важные дела. После того, как я пройду Логрус, искренней любовью ко мне обитатели Хаоса вряд ли проникнутся, но, по крайней мере, перестанут рассматривать меня ТОЛЬКО как врага. Будут рассматривать как врага, которого можно использовать. Возможно, даже попытаются завербовать.

Вторая беседа с Ариманом состоялась в той же самой комнатке с подозрительными диванчиками, и, кроме короля, присутствовали также Эдуин, Танат и Бансес.

— Мы посоветовались и я решил, — сказал Ариман, — что нет никаких причин, в силу которых вас к Логрусу пустить было бы нельзя. Тем более, что вы будете не первым не-хаоситом, прошедшим это посвящение.

В последней фразе Аримана содержалось явное указание на вопрос, который я должен был задать — и я этот вопрос, естественно, задал.

— А кто был до меня?

— Саломея, затем Бранд, и, наконец, Мордред.

Я был готов услышать первые два имени — но никак не третье.

— Мордред?! — Переспросил я, думая, что ослышался.

Ариман кивнул.

— Это произошло за несколько лет до того, как он убил Харгланта и Корал.

— Простите, — сказал я. — Но вы уверены, что убийцей был... именно он? У вас есть какие-нибудь доказательства? Ведь внешность Мордред мог принять кто угодно...

— Вы его защищаете?

— Нет, что вы! Мне просто кажется, что при отсутствии неопровержимых улик нельзя однозначно утверждать, что убийцей был именно он, а не кто-то еще.

— Доказательства есть. — Сказал Ариман. — Камень Правосудия, который он вырвал из глазницы королевы — доказательство, как мне кажется, более чем веское.

Это был гол в мои ворота, и я согласно покачал головой, признавая весомость аргумента. Тем не менее, признавать вину Мордреда нельзя было ни в коем случае. Я не слишком-то любил нашего экс-короля (хотя и уважал его) — но, если хаоситы хотят его крови, значит — Мордред не предатель. Более того, он им чем-то мешает. Если я, как представитель Аваллона, дам предварительное согласие на проведение общего расследования этого убийства, хаоситы поднимут этот вопрос еще раз — уже в разговоре с нашей королевой — и если Джинна, ненавидящая Мордреда чистой, незамутненной детской ненавистью, не дай боже, даст Ариману добро, Аваллон захлебнется в крови. Мордред-Фиона-Джулиан-Каин — неизбежная цепочка трупов, которая приведет, в конечном итоге, к войне между королевствами, поскольку уже на стадии Джулиан-Каин такие персонажи, как Жерар или Саймон, в стороне не останутся. Диана, Оттон... и пошло-поехало.

Поэтому я отступил на последний рубеж обороны и сказал:

— Возможно, вы и правы, но даже Камень Правосудия, который Мордред вернул в Семью, не является неопровержимым доказательством его причастности к убийству Харгланта и Корал. Уверен — если мы вдруг захотим допросить его, он скажет, что отнял Камень у настоящего убийцы. И его слова невозможно будет опровергнуть.

Эдуин фыркнул, Бансес, происходивший, как и покойный Харгланта, из Дома Иноходных Путей, холодно посмотрел на меня, Танат остался невозмутим, а Ариман доброжелательно кивнул.

— Конечно, — сказал король Хаоса. — Вы совершенно правы. Нельзя не принимать в расчет и такую версию событий.

Мне стало ясно — он не будет давить дальше не потому, что не жаждет

крови Мордред, а потому что стремится к открытой войне между Хаосом и Порядком еще меньше, чем я.

— Скажите, — спросил я, посмотрев сначала на Аримана, затем на Бансеса, — вы знали о том, что Корал... и Камень Правосудия... находятся у Харгланта?

Бансес поморщился, Ариман чуть качнул головой. В общем, я так и думал. Харглант прятал Корал ото всех, и от своих и от чужих. Как о местонахождении Камня пронюхал Мордред — тайна, покрытая мраком, но нам всем здорово повезло, что Ублюдок получил эту информацию раньше, чем король Хаоса или Верховный Жрец Змея. Возврат Камня его первоначальному владельцу — божеству Хаоса — означал бы также и возвращение вселенной в ее первоначальное состояние. Никаких Отражений, никакого порядка и света, никакого Единорога и его потомков.

— Меня удивили ваши слова о том, что Мордред проходил Логрус. — Сказал я. — Почему вы позволили ему это сделать? Или он... ммм... обманул ваше доверие?

— Нет. — Сказал Ариман. — Мы бы никогда не стали ему доверять. Он прошел Логрус без нашего позволения.

— Разве Логрус не охраняется? — Изумился я. Непуганные они тут, в Хаосе... А все потому, что не заливали еще их Знак невинной кровушкой...

— Охраняется. — Уведомил меня Бансес. — До Смуты Хранителем Логруса был Сухэ, но после того как Дом Всевидящих оказался причастен к целой череде взаимосвязанных смертей, доверие ко всем представителям этого Дома несколько пошатнулось. Собственно, если бы не авторитет Сухэ, Дом Всевидящих, скорее всего, был бы полностью уничтожен. До этого, к счастью, не дошло, но далее исполнять обязанности Хранителя Сухэ уже не мог — да он и сам, впрочем, этого не желал.

— И кто стал хранителем?

— Жрецы Змея.

«Сиречь — дорогой товарищ Бансес.» — Подумал я.

— Могу вас уверить, — продолжал дорогой товарищ, — охрана Логруса обеспечена на самом высоком уровне. Однако этого оказалось недостаточно.

— Но почему? — Спросил я. — Магия Порядка, здесь, во Дворах, должна быть более чем заметна...

— Мордред не пользовался Лабиринтом для того, чтобы миновать охрану.

— Как же тогда ему удалось пройти через все ловушки, разобраться в запутанном клубке ваших Путей, отыскать дорогу именно туда, куда

нужно...

— Нетрудно сказать. — Ответил Ариман. — Ему помогли.

— Кто?

— Мы бы и сами хотели это знать.

— Неужели нет никаких... догадок, предположений?

Ариман покачал головой. Внимание Бансеса привлек заусенец на его указательном пальце. Эдуин посмотрел на отца, а Танат, без всякого выражения — на меня.

У меня возникло ощущение, что мне опять вешают лапшу на уши. Все они прекрасно знали. Но сообщать эту информацию аваллонцу считали совершенно излишним. По крайней мере, в данный момент.

— Попробую выяснить на родине, — вздохнул я. — Может, кто-нибудь из моих родственников что-то об этом и знает.

— Да, — одобрительно кивнул Ариман. — Спросите, конечно. И, если вас не затруднит...

— Конечно. Сразу с вами свяжусь. Как только что-то прояснится.

А был ли у Мордредра вообще какой бы то ни было союзник? Может быть, у нашего экс-короля всего-навсего есть такое ма-аленькое колечко с колесиком, и он перешел все ловушки на пути к Знаку Хаоса, как семечки?.. Но главное — для чего ему вообще понадобилось проходить Логрус? У меня есть цель. Какая цель была у Мордредра?..

Может, мне следует составить список загадок? Чем дальше, тем их больше... В моем крохотном киммерийском мозгу все эти загадки и странности уже не умещались, но я опасался, что если начну составлять список на бумаге, моя попытка классифицировать загадки и разложить по полочкам все непонятные мне события со временем перерастет в многотомное сочинение.

— Откровенно говоря, — обратился ко мне Бансес, — при обсуждении вашей просьбы о посвящении, я был против. Может быть, я несколько старомоден, поскольку считаю, что служить двум господам нельзя, и прежде чем переходить на сторону Хаоса, следует отречься от Единорога — бога неистинного, призрачного и лживого...

Ариман прочистил горло.

— Таково было мое частное мнение, — продолжал Верховный Жрец Змея. — Безусловно, я могу ошибаться, тем более, что в ходе обсуждения вашей просьбы королем Ариманом был приведен ряд веских соображений, согласно которым вашу просьбу следует удовлетворить. Перед королевской волей я склоняюсь и оставляю в стороне все свои личные сомнения. Вместе с тем, я хочу предупредить вас: если вы желаете пройти

Логрус лишь для того, чтобы постигнуть секреты магии Хаоса и в будущем использовать полученное знание против нас — лучше откажитесь сразу. Говорю это не потому, что вижу в вас возможную угрозу Дворам — вовсе нет. И Лабиринт, и Логрус обладают собственной волей и они могут затруднить или облегчить процесс посвящения.

— Почему же тогда Логрус не убил Мордреда?

— Не знаю. — Сказал Бансес. — Возможно, ему повезло. Возможно, были и другие причины... Но я бы на вашем месте на это не рассчитывал.

— Уверяю вас, я ничего не имею против Хаоса как такового.

— Даже если это действительно так, риск, которому вы себя подвергните, чрезвычайно велик. Вы не представляете, с чем столкнетесь.

— Я проходил Лабиринт. — Напомнил я. — Знаю — будет трудно. Но, думаю, я справлюсь.

— Насколько мне известно, — вмешался Ариман. — Лабиринт представляет собой неизменный геометрический узор, по линии которого необходимо двигаться до тех пор, пока не придешь к центру?

— Да, это так. — Подтвердил я.

— Во время прохождения у вас возникают какие-нибудь... иллюзии?... видения?... Или вы боретесь с чистым сопротивлением Знака?

— Чем дальше, тем выше сопротивление. — Сказал я. — Иллюзии... нет, этого нет. Лабиринт возвращает воспоминания, даже самые глубокие, давно забытые...

— В Логрусе все по-другому. — Сказал Ариман. — Он не возвращает воспоминания, а отнимает их. С каждым шагом вы будете терять часть себя. В конце не останется ничего. Только ваша воля.

— В Лабиринте испытываешь похожие ощущения. С каждым шагом инерция прожитых дней возрастает — до тех пор, пока все воспоминания не всплывут на поверхность, не станут силой, работающей против тебя. Лабиринт раскладывает личность как уравнение, и лишь воля остается той неопределенной величиной, которая может нарушить баланс.

— Уравнение?... — Усмехнулся Ариман. — Баланс?... При прохождении Логруса, вы будете думать, что оказались в кошмарном сне. Бесконечный бег сквозь темный лес, без памяти о том, кто вы, не имея возможности проснуться... Реальность будет постоянно меняться. Не будет никаких линий, по которым нужно идти. Вместе с тем, если вы оступитесь, то погибните.

— Я не понимаю, — сказал я. — Если линии нет, как можно с нее сойти?

— Путь будет, хотя вы его и не увидите. Логрус — парадоксален,

абсолютно противоположен любой упорядоченной структуре, и может быть описан только взаимоисключающими утверждениями. Когда вы вступите на него, вы выпадете из привычной вам реальности. Если сущность Лабиринта — стабильность, то сущность Логруса — изменчивость. Чтобы почувствовать путь, вам придется полагаться только на интуицию. Правила будут постоянно меняться. Если в какой-то момент перед вами появится четкое указание, куда следовать — не спешите принимать это указание за конечную истину. В некоторых ситуациях вам придется повернуть, в других — идти в указанном направлении, в третьих — двигаться в противоположную сторону. Предсказать, с чем вы столкнетесь, я не могу. Для каждого посвященного Логрус создает индивидуальный маршрут. Могу лишь предупредить: большинство ловушек, которые появятся на вашем пути, будут построены на принципах упорядоченного мира, за который вы изо всех сил станете цепляться. Логрус обратит против вас все правила, которые вы попытаетесь ему навязать. Не ищите системы там, где ее нет. Откажитесь от разума. Не задумывайтесь. И не останавливайтесь.

— Спасибо. — Сказал я.

— Вы все еще хотите попробовать? — Спросил Ариман.

— Да.

— Никаких сомнений?

— Никаких.

— Ну что ж, пойдете.

Мы встали.

На самом деле, сомнения у меня были, и очень большие. Как можно пройти узор, если узора, строго говоря, и вовсе нет? Как выбирать путь?.. Интуиция — слишком неопределенная штука, чтобы всерьез на нее полагаться. Она может сработать раз, другой, третий, но в ситуации, когда любой неверный шаг станет последним, а сам путь невидим, шанс допустить ошибку будет постоянно возрастать.

...Сквозь тени Хаоса, сквозь безумные комнаты и перекрученные залы, обрывки открытого пространства в запыленных коридорах, сквозь огонь, похожий на туман и текучий лед... Отражения, сплетенные в запутанный клубок, появлялись и исчезали быстрее, чем я успевал их запомнить. Ариман и Бансес двигались впереди — иногда скользили, иногда летели, иногда шли — Эдуин поддерживал меня за руку, не давая затеряться в дебрях Путей, Танат, как молчаливая аллегория смерти, замыкал наше шествие.

Во времена Мерлина дорога к Логрусу начиналась в Путих Сухэ, но с

тех пор, как Хранителем стал Бансес, маршрут к Логрусу включал в себя обязательную остановку в притворе Храма Змея. В этом мрачном строении мы, впрочем, задержались недолго — прошли через складку в Отражениях дальше и вниз, по исчезающей лестнице мимо призрачных огней... по коридору, охраняемому двумя Огненными Ангелами... за железные ворота, что с глухим лязгом сомкнулись за нашими спинами...

Мы оказались в огромном помещении... нет, не так... Мы оказались в помещении, казавшимся огромным. Я не мог определить его истинные размеры — потому что, стоило мне сделать шаг, как перспектива менялась, комната, похожая на многогранный шар, переворачивалась на двадцать-тридцать градусов, и вестибулярный аппарат начинал бунтовать, не имея возможности определиться — сошел ли я со стены на пол, или с пола шагнул на стену. Я все еще не мог привыкнуть к тому, что в Хаосе низ — там, где ноги.

Но истинные размеры комнаты, а также вопрос, где же находится верх, а где низ, волновали меня лишь во вторую очередь. В середине зала находилось нечто, мгновенно приковавшее к себе все мое внимание. Оно не было начертано на полу, оно висело в воздухе, занимая почти все пространство от пола до потолка. По своей форме оно больше всего напоминало извивающуюся голодную звезду. Лабиринт был смертельно опасен, но при первом взгляде на него вызвал чувство благоговения и восхищения. Взглянув на Логрус, я впервые узнал, что такое страх. Нет, не страх — дикий, животный ужас. Я никогда не испытывал ничего подобного.

— Вы все еще хотите пройти его? — Осведомился Бансес.

Я судорожно кивнул, и тогда король Хаоса и жрец Змея отступили в сторону, открывая мне путь к пульсирующей черной звезде. Я двинулся вперед, и почувствовал, как Логрус рассматривает меня — бесформенная голодная тварь с необъятной утробой. Он ждал меня. Он собирался убить меня и радовался тому, что через несколько минут я, по собственной глупости, позволю ему сделать это. Реальность начала подтаивать. Я стоял на краю бездны. Призрачные образы, кошмары и чудовищные видения толпились вокруг, готовясь разорвать меня в тот же миг, когда я пересеку черту и окажусь в их власти.

— Еще не поздно. — Услышал я голос Верховного Жреца за своей спиной. — Остановитесь!..

Я покачал головой и шагнул в бездну.

# Примечания

## 1

Тем, кому интересна эта тема, рекомендую обратиться к блестящим трудам знаменитого лингвиста проф. Речкина. См., например, его словарь «Ба урук гым я», а так же «Ля гыр пыц ня» и другие работы.

## 2

Это не шутка. Такое блюдо действительно существует.

## 3

У тебя крупные неприятности, орк! (оркск.)

## 4

Великий дракон Глаурунг! (оркск.)

## 5

Хороший орк — мертвый орк! (гномовск.)